

Кэрол Террис,  
Элвиот Аронсон

# Ошибки, которые были допущены

(НО НЕ МНОЙ)

Почему мы оправдываем  
глупые убеждения, плохие решения  
и пагубные действия

«Эта книга ярким лучом прожектора высвечивает то, как и почему государства, организации и люди попадают в опасные и запутанные ситуации. Тсврис и Аронсон не дают никому из нас соскочить с крючка, но учат нас тому, чтобы не попадаться на этот крючок снова и снова. Одна из самых нужных и важных книг в наше время»

– Уоррен Беннис, автор книги «Как стать лидером»  
(*"On Becoming a Leader"*)

«Эта книга обязательна для всех психотерапевтов. Она объясняет не только то, почему многие клиенты не могут выбраться из порочного круга самооправданий, в которых они увязли, но также и то, как можно находить и корректировать ошибки в нашей клинической практике»

– Хэрриет Лернер, автор книги «Танец с гневом» (*"The Dance of Anger"*)

«Человку свойственно ошибаться. В еще большей степени ему свойственно оправдывать свои проступки. Теперь, благодаря этой блестящей книге, мы, наконец, понимаем, как и почему люди даже с самыми лучшими намерениями могут оправдывать ужасное поведение, не достойное человека. Разумеется, книга не превратит нас в ангелов, но трудно себе представить руководство лучше и доступнее этого, которое бы помогло разобраться в самых дьявольских трюках человеческого ума»

– Дэвид Кэллахан, автор книги «Культура обмана»  
(*"The Cheating Culture"*)

«Пожалуйста, кто-нибудь, немедленно передайте экземпляр этой книги президенту и его кабинету министров! Если эта книга не изменит нашего отношения к собственным ошибкам, то все мы обречены»

– Майкл Шермер, редактор и обозреватель журнала *Scientific America*,  
автор книги «Почему люди верят в странные вещи»  
(*"Why People Believe Weird Things"*)

«Эта книга – очаровательная и восхитительная, но, прежде всего, она чертовски умная. Вооруженные морем научных данных и множеством историй из реальной жизни, Тсврис и Аронсон объясняют, как политики, ученые, врачи, юристы и психотерапевты и, да, конечно, все мы, начинаем верить в то, что мы правы

и благоразумны – и почему мы продолжаем придерживаться этого опасного самообмана, несмотря на очевидные доказательства противного. Каждая страница сверкает яркими идеями и острыми наблюдениями. Ошибки были допущены – но не в этой книге!»

– Даниел Илберт, автор книги «Спотыкаясь о счастье»  
(*“Stumbling on Happiness”*)

«Теврис и Аронсон – это „команда мечты“ из двух лучших специалистов по общению с читателями в психологии, которые исследуют наши объяснения „в свою пользу“ и наши пластичные воспоминания, показывая, как люди, действующие из лучших побуждений, становятся на сомнительный путь, а потом снимают с себя ответственность, когда случается провал. Это увлекательное исследование поразительной силы наших самооправданий»

– Дэвид Майерс, автор книги «Интуиция: ее сила и опасности»  
(*“Intuition: Its Powers and Perils”*)

«Эту шокирующую и открывающую глаза книгу очень важно прочитать, но не потому, что все мы делаем ошибки – конечно же, нет! – но потому, что все мы были жертвами ошибок, совершенных другими. Почему эти люди ведут себя так плохо? Авторы предлагают ясное, интересное, основанное на солидных научных данных объяснение, очень уместное в нашей публичной и частной жизни»

– Джудит Рич Харрис, автор книг «Гипотеза о воспитании»  
(*“The Nurture Assumption”*) и «Нет даже пары похожих» (*“No Two Alike”*)

«Авторы объединили свои недюжинные способности, чтобы создать блестящий образец социальной интуиции и научного исследования. Не допускайте ошибки: вам необходимо прочесть эту книгу»

– Роберт Б. Чалдини, автор книги «Влияние: наука и практика»  
(*“Influence: Science and Practice”*)

«Карол Теврис и Эллиот Аронсон сделали по-настоящему блестящий, полный ума и проникательности вклад в исследование человеческой природы. Их нужно поздравить за эту очень интересную и умную книгу, за то, что они пролили свет на темную сторону человеческого поведения, когда оно начинает отклоняться в неверном направлении, а потом и вовсе становится ужасным»

– Психологический интернет-обозреватель

«Сочетая дальновидные научные идеи с яркой и остроумной прозой, Теврис и Аронсон освещают многие тайны человеческого поведения: почему лицемеры никогда не замечают собственного лицемерия, почему семейные пары так часто неверно помнят свою собственную историю, почему многие люди придерживаются курса действий, который заводит их прямо в зыбучие пески. Вы получаете восторг от чтения и находите удивительные открытия в каждой главе»

– *Элизабет Лофтус, автор книги «Показания свидетелей»*  
(*“Eyewitness Testimony”*)

«Новаторская книга, которая навсегда может изменить мышление руководителей относительно решений, которые они принимают. Она наполнена новыми идеями и представлениями. Ее обязательно нужно прочитать!»

– *Берт Неймус, соавтор книги «Лидеры: стратегии для изменений»*  
(*“Leaders: The Strategies for Taking Charge”*)

«В своей новой книге психологи Кэрол Теврис и Эллиот Аронсон утверждают, что самооправдания и отрицание появляются из-за противоречия между верой в то, что вы компетентны, и допущенной ошибкой, которая ставит под сомнение этот позитивный я образ. Решите: отрицать ошибку.»

– *журнал Newsweek*

«Книга то развлекает, то просвещает, но, когда вы узнаете себя в рассказанных историях – ужасает»

– *column The Wall Street Journal*

«В книге повествуется о силах, которые постоянно заставляют нас допускать ошибки, и в повседневных личных вопросах, и в решениях проблем, затрагивающих всю организацию»

– *BusinessWeek.com*

«Проза [Кэрол Теврис и Эллиот Аронсон] – живая, их исследования – замечательное и их примеры наших высокомерных ошибок – интересные и поучительные»

– *Arkansas Democrat-Gazette*

Carol Tavris,  
Elliot Aronson

# Mistakes Were Made (but not by me)

Why We Justify  
Foolish Beliefs, Bad Decisions,  
and Hurtful Acts

A HARVEST BOOK • HARCOURT, INC  
Orlando • Austin • New York • San Diego • London

Кэрол Теврис,  
Элиот Аронсон

# Ошибки, которые были допущены (НО НЕ МНОЙ)

Почему мы оправдываем  
глупые убеждения, плохие решения  
и пагубные действия

Перевод с английского А.В.Лисовского



Москва • Берлин  
Инфотропик Медиа 2012

УДК 316 64

ББК 88 52

T29

Перевод с англ. ийского кандидата психологических наук («Социальная психология»), доцента кафедры социологии Санкт-Петербургского филиала НИУ-ВШЭ **А В Лисовского**

### **Теврис, Кэрол.**

**T29** Ошибки, которые были допущены (но не мной) почему мы оправдываем глупые убеждения, плохие решения и пагубные действия / Кэрол Теврис, Эллиот Аронсон ; пер. с англ. [А В Лисовского] – М. : Инфотропик Медиа, 6 и., 2012. – 336 с. – ISBN 978-5-9998-0097-8

1 Аронсон, Эллиот

Агентство СЛР РИБ

После совершения ошибки мы обычно сочиняем «легенду», освобождающую нас от ответственности, восстанавливая вкру то, что мы являемся справедливыми и компетентными, чтобы оправдать себя и защитить свою самооценку от удара.

Социальные психологи Кэрол Теврис и Эллиот Аронсон на основе длительных исследований увлекательно объясняют, в чем причина самооправданий – как они работают, ущерб, который они могут нанести как нам, так и нашему окружению, и, самое главное, как мы можем распознать и остановить их, пока они не привели нас к беззастенчивым поступкам.

Рекомендуется всем, кто хочет понять тайны человеческой природы и разобраться в причинах собственных поступков и поступков других людей. Книга будет профессионально полезна широкому кругу специалистов различных специализаций в области психологии, медицины, социологии, журналистики, конфликтологии, политологии, медиации, права, судопроизводства, криминалистики и др.

**УДК 316.64**

**ББК 88.52**

© Carol Tavris & Elliot Aronson, "Mistakes were made (but not by me): why we justify foolish beliefs, bad decisions, and hurtful acts", 2007

© Лисовский А В, перевод на русский язык, 2012

© ООО «Инфотропик Медиа», 2012

ISBN 978-5-9998-0097-8

« Мы все способны верить в то, что, как мы знаем, не является правдой, а потом, когда, наконец, выясняется, что мы ошибались, мы бесстыдно искажаем факты, чтобы показать, что мы все-таки были правы. В уме можно продолжать этот процесс бесконечно, и единственное ограничение – ложные убеждения рано или поздно сталкиваются с реальностью, обычно на поле боя»

– Джордж Орвелл (1946)

« Великая страна подобна великому человеку  
Когда он делает ошибку, то понимает это  
Поняв, что сделал ошибку, он признает это  
Признав ошибку – он исправляет ее  
Он считает тех, кто указывает на его ошибки, своими самыми добродетельными учителями»

– Лао Цзы



# Оглавление

<b>Введение</b>	
Жулики, дураки, негодяи и лицемеры как они уживаются сами с собой?	11
<b>Глава 1</b>	
Когнитивный диссонанс — механизм самооправдания	20
<b>Глава 2</b>	
Гордость и предубеждение — и другие «слепые зоны»	52
<b>Глава 3</b>	
Память — историк, поставляющий самооправдания	84
<b>Глава 4</b>	
Хорошие намерения, плохая наука замкнутый круг клинических оценок	116
<b>Глава 5</b>	
Закон и беспорядок	152
<b>Глава 6</b>	
«Убийца» любви — самооправдания в браке	186
<b>Глава 7</b>	
Раны, разрывы и войны	215
<b>Глава 8</b>	
Освобождение и откровенное признание	246
<b>Примечания</b>	273
<b>Предметный указатель</b>	318



«Вполне возможно, что ошибки были допущены администрацией, в которой я работал»

*– Генри Киссинджер, в ответ на обвинения, что он совершил военные преступления, руководя действиями США во Вьетнаме, Камбодже и в Южной Америке в 1970-х гг*

«Если, оглядываясь назад, мы обнаружим, что были сделаны ошибки – Я очень сожалею»

*– Кардинал Нью-Йорка Эдвард Иган о епископах, которые закрывали глаза на католических священников – растлителей детей*

«Были допущены ошибки в коммуникациях с публикой и покупателями относительно ингредиентов нашего картофеля фри и картофельных оладий»

*– Извинения McDonald's перед индуистами и другими вегетарианцами за то, что они не были информированы о том, что в натуральных ароматизаторах картофеля содержались производные продукты переработки говядины*

Вопрос этой недели: В каком случае вы назовете скандал с президентом серьезным?

- A. Снижается популярность президента по данным опросов
- B. На него набросилась пресса
- C. Оппозиция призывает провести его импичмент
- D. Против него выступают члены его собственной партии
- E. Белый дом заявляет, что «были допущены ошибки»

*– Билл Шнайдер в программе CNN «Политика изнутри»*

## Жулики, дураки, негодяи и лицемеры: как они уживаются сами с собой?

**К**ак подверженные ошибкам человеческие существа, все мы ощущаем побуждение оправдываться и избегать ответственности за любые действия, которые оказались вредными, аморальными или глупыми. Большинство из нас никогда не окажется в таком положении, что нам придется принимать решения, влияющие на жизни и смерти миллионов людей, но независимо от того, каковы последствия наших действий – тривиальные или трагические, происходит ли это у нас дома, или на общенациональной арене, большинству из нас трудно или невозможно сказать «Я был неправ, я совершил страшную ошибку». Чем выше ставки эмоциональные, финансовые, моральные, тем труднее это сделать.

Более того большинство людей, столкнувшись с прямыми доказательствами своих ошибок, не меняет свою точку зрения или образ действий, но оправдывает их еще более настойчиво. Даже неопровержимых доказательств редко оказывается достаточно для того, чтобы пробить психологическую броню самооправданий.

Когда мы начали работать над этой книгой, хрестоматийным примером человека, «упорно цепляющегося за дискредитированные представления» был Джордж Буш. Буш ошибался, утверждая, будто у Саддама Хуссейна было оружие массового уничтожения, он ошибался, утверждая, будто Саддам был связан с Аль-Каидой, он ошибался, предсказывая, будто иракцы будут радостно танцевать на улицах, приветствуя американских солдат, он ошибался, заявляя, что конфликт будет быстро закончен, он заблуждался, серьезно недооценивая финансовые затраты на войну, и он чудовищно заблуждался на своей пресс-конференции через шесть недель после того, как вторжение началось, когда он заявил (на фоне транспаранта с надписью «МИССИЯ УСПЕШНО ЗАВЕРШЕНА»), что «крупные военные операции в Ираке закончились».

В то время мы оба следили с большим интересом, как комментаторы и правых, и левых взглядов начали в печати фантазировать

о том, что было бы, если у нас появился президент, признающий свои ошибки Консервативный обозреватель Джордж Уилл и либеральный обозреватель Пол Кругман призывали Буша признать свои ошибки, но президент оставался непреклонен В 2006 г, когда Ирак скатывался в пучину гражданской войны, 16 американских разведывательных служб выпустили доклад, в котором утверждалось, что оккупация Ирака усилила исламский радикализм и риск терроризма, но Буш заявил делегации консервативных журналистов «Я никогда не был убежден более чем сейчас, что решения, принятые мною, были верными решениями»<sup>1</sup>

Конечно, Бушу нужно было оправдать войну, которую вела его администрация в Ираке, он слишком много вложил в этот курс, чтобы отказаться от него тысячи смертей и по самым консервативным оценкам Американского института предпринимательства, сделанным в 2006 г, не менее триллиона долларов Соответственно, когда он просчитался с первоначально названными им причинами войны, он нашел новые необходимость избавиться от «очень плохого парня», борьба с террористами, установление мира на Ближнем Востоке и демократии в Ираке, укрепление безопасности США и завершение «задачи, для решения которой [наши солдаты] отдали свои жизни» Иными словами, мы должны продолжать войну, потому что мы начали войну

Политики – это самый заметный тип любителей самооправданий, вот почему они дают такие яркие примеры. Они добились совершенства в искусстве говорить, используя страдательный залог, даже прижатые к стенке они очень неохотно могут признать ошибку, но не свою ответственность за нее О, ну ладно, были сделаны ошибки, но не мною – это кто-то другой, кто останется безымянным<sup>2</sup> Когда Генри Киссинджер сказал, что «администрация» могла допустить ошибки, он обошел стороной тот факт, что как национальный советник по безопасности и государственный секретарь (причем, одновременно) именно он на самом деле и был администрацией Такие самооправдания позволили ему принять Нобелевскую премию мира спокойно и с чистой совестью

Мы следим за поведением политиков с изумлением или ужасом, или тревогой, но психологически то, что они делают, не отличается по характеру, хотя, определенно, отличается по своим последствиям от того, что большинство из нас делало в какие-то моменты в нашей личной жизни. Мы сохраняем несчастливые отношения с другим

человеком, или просто такие отношения, которые ни к чему не приведут, потому что, в конце концов, мы потратили столько времени на то, чтобы они заработали. Мы остаемся на нелюбимой и скучной работе слишком долго, потому что ищем причины, чтобы оправдать свою нерешительность, и неспособны ясно понять, какую пользу нам принес бы уход. Мы покупаем неудачный автомобиль, потому что он роскошно выглядел, тратим тысячи долларов, чтобы эта проклятая штука ездил, а потом тратим еще больше, чтобы оправдать эти инвестиции. Мы лицемерно браним друга или родственника за какой-то реальный или воображаемый проступок, а себя воспринимаем как миротворцев, если только другая сторона извиняется или старается искупить вину.

Самооправдание – это не то же самое, что лгать или извиняться. Очевидно, люди будут лгать или изобретать неправдоподобные истории, чтобы избежать гнева любимого, родителя или работодателя, чтобы не стать объектом судебного иска или не попасть в тюрьму, чтобы не «потерять лицо», не лишиться работы, сохранить власть. Но есть большая разница между тем, что говорит публике виновный человек, чтобы убедить ее в том, что, как он знает, неправда («У меня не было секса с этой женщиной», «Я не мошенник»), и процессом самоубеждения, когда он пытается уверить себя в том, будто то, что он сделал – это хорошо. В первой ситуации он лжет и знает, что лжет, чтобы сохранить собственную шкуру. Во второй – он лжет самому себе. Вот почему самооправдание сильнее и опаснее, чем явная ложь. Оно позволяет людям убеждать себя в том, будто их поступок был лучшим из возможных. Мол, действительно, если подумать – это было правильно. «Ничего другого я сделать не мог». «В реальности это блестящее решение проблемы». «Я действовал в лучших интересах страны». «Эти убытки заслужили, что получили». «Я имею право».

Самооправдание не только преуменьшает наши ошибки и плохие решения, это причина того, что все вокруг видит лицемерие, кроме самого лицемера. Это позволяет нам изобретать различия между нашими аморальными проступками и сходными проступками кого-то другого и закрывать глаза на противоречия наших действий и наших моральных принципов. Олдос Хаксли был прав, утверждая: «Вероятно, не существует такой вещи как осознанное лицемерие». Кажется невероятным, чтобы Ньют Гингрич сказал самому себе: «Какой же я ханжа. Это ведь я негодовал по поводу сексуальных похождений

Билла Клинтона, и в то же самое время у меня у самого была внебрачная связь, прямо здесь, в этом городе». Сходным образом, известный проповедник-евангелист Тед Хаггард не осознавал своего лицемерия, когда произносил публично гневные тирады против гомосексуализма, параллельно получая удовольствие от своих сексуальных отношений с женщиной-проституткой

Сходным образом, каждый из нас выстраивает наши собственные границы морали и оправдывает их. Например, приходилось ли вам хоть один раз слегка плутовать со своими расходами, когда рассчитываются подоходные налоги? Это, вероятно, компенсировало вполне легитимные расходы, которые вы забыли указать, кроме того, вы были бы дураком, если бы не делали то, что делают все остальные. Не забыли ли вы указать какие-то дополнительные доходы, полученные наличными? Вы имеете право на это, учитывая все деньги, бездарно потраченные правительством на разные проекты-«кормушки» и программы-«кормушки», которые вызывают у вас отвращение. Вы писали личные электронные письма или путешествовали в Интернете на работе, когда вам полагалось заниматься бизнесом? Это некоторые льготы, связанные с работой, и, кроме того, это ваш личный протест против тупых правил компании, и еще ваш босс не ценит всю ту дополнительную работу, которую вы делаете

Гордон Марино, профессор философии и этики, остановился в отеле, ручка выскользнула из кармана его пиджака и оставила чернильное пятно на шелковом постельном покрывале. Он решил, что скажет об этом менеджеру, но он устал и не хотел платить за ущерб. В тот вечер он встречался с друзьями и попросил у них совета. «Один из них посоветовал мне покончить с моральным фанатизмом, – сказал Марино, – он утверждал: „Менеджмент прогнозирует такие случаи и включает затраты на них в стоимость номеров“». Ему не понадобилось много времени, чтобы убедить меня, что не стоит беспокоить менеджера. Я рассуждал, что, если бы я пролил эти чернила в семейном пансионе, я бы немедленно сообщил об инциденте, но это был сетевой отель, и тра-та-та, тра-та-та, тра-та-та – процесс самооправдания продолжался. Я оставил записку с упоминанием о пятне у портье, когда уезжал из отеля»<sup>3</sup>

Но, вы скажете, что все эти оправдания соответствует истине! Стоимость номеров в отеле включает расходы на устранение ущерба, причиненного неуклюжими постояльцами! Правительство, действительно, пускает деньги на ветер! Моя компания, наверное, не будет

возражать, если я потрачу немного времени на личные электронные письма, но при этом выполняю свою работу (в конечном итоге)! Верны или ложны эти утверждения – не имеет значения. Когда мы переходим эту черту, мы оправдываем свое неправильное поведение именно для того, чтобы мы могли продолжать воспринимать себя как честных людей, а не как преступников и воров. Идет ли речь о какой-то мелочи, например, о пролитых на покрытие чернилах, или о серьезных вещах, таких как хищение или растрата, механизм самооправдания одинаков.

Итак, между сознательной ложью, направленной на то, чтобы обмануть других, и неосознанными самооправданиями, чтобы обмануть самих себя, расположена сумеречная зона, патрулируемая ненадежным и своекорыстным историком – памятью. Воспоминания часто редактируются и изменяются благодаря нашей склонности к завышенной самооценке и склонности ошибаться в выгодном для нас направлении (*self-serving bias*), поэтому прошлые события представляются неясными и размытыми, наша вина смягчается, а реальные события – искажаются. Когда исследователи спрашивают мужей и жен, какую долю бытовой работы они берут на себя, жены говорят «Вы что, шутите? Почти все делаю я, не менее 90 %». А мужья говорят «Многое делаю я, на самом деле, около 40 %». Хотя конкретные цифры варьируют в разных семейных парах, сумма всегда оказывается намного больше, чем 100 %.<sup>4</sup> Возникает искушение сделать вывод, что один из супругов лжет, но более вероятно, что каждый из них запоминает события таким образом, что это завышает его (или ее вклад).

Со временем эти благоприятные для нашей самооценки скорректированные воспоминания накапливаются, мы забываем или искажаем прошлые события и мы можем мало-помалу начать верить собственной лжи. Мы знаем, что поступили неправильно, но постепенно начинаем думать, будто это была не наша вина, и, в конце концов, это ведь была сложная ситуация. Мы начинаем недооценивать нашу собственную ответственность, отрицаем ее, пока от нее не останется только тень. Скоро нам уже удастся переубедить самих себя, и мы начинаем сами верить, даже наедине с самим собой в то, что мы утверждаем публично. Джон Дин, советник Ричарда Никсона в Белом доме, человек, который забил тревогу и предупредил о заговоре с целью скрыть незаконные действия во время Уотергейтского скандала, объяснил, как этот процесс работает.



**Интервьюер** Вы имеете в виду, что те, кто выдумывал эти истории, сами верили в собственную ложь?

**Дин** Да, верно. Если вы это повторяете достаточно часто, это становится правдой. Например, когда пресса узнала о подслушивании телефонных разговоров журналистов и сотрудников Белого дома, и просто отрицать это уже было нельзя, было объявлено, что причиной, якобы, были соображения, связанные с национальной безопасностью. Я уверен, что многие люди поверили, будто прослушивание было связано с национальной безопасностью, но это не так. Это было придумано как оправдание уже потом. Но, когда они об этом говорили, вы понимали, что они, действительно, верят в это.<sup>5</sup>

Как и Никсон, Линдон Джонсон был мастером самооправданий. Его биограф Роберт Кейро сообщает, что, когда Джонсон верил во что-то, он верил в это «полностью, с абсолютной убежденностью, независимо от того, что он думал раньше, и от фактов». Джордж Риди, один из помощников Джонсона, сказал, что у Джонсона «была удивительная способность убеждать себя в том, что он придерживается именно тех принципов, которых следует придерживаться всегда, и было что-то чарующее в том выражении оскорбленной невинности, с которым он относился к каждому, кто доказывал, что в прошлом у него были другие взгляды. Это не было игрой. У него была фантастическая способность убеждать себя в том, что „правда“, которая была ему удобна сегодня, была безусловной истиной, а все, что ей противоречило, – это происки врагов. Он буквально заставлял то, что было в его голове, становится реальностью».<sup>6</sup> Хотя сторонники Джонсона считали эту особенность милой чертой его характера, именно она могла быть основной из причин, из-за которой Джонсон не мог избавить страну от кошмара войны во Вьетнаме. На президента, который оправдывает свои действия только публично, можно повлиять, чтобы он их изменил. Президент, который оправдывает свои действия перед самим собой, веря, что ему известна истина, не сможет скорректировать свои действия.

У суданских племен Динка и Нуэр есть любопытная традиция. Они удаляют у своих детей постоянные (не молочные) передние зубы: шесть нижних и два верхних, последствия этого – деформированный, провалившийся подбородок, отвисшая верхняя губа и трудности речи. Эта практика, очевидно, возникла в тот период, когда был широко распространен столбняк (симптом этой болезни – спазм жевательных мышц, из-за которого больной не может разжать челюсти). По этой

причине люди из этих племен начали удалять передние зубы у себя и своих детей, чтобы можно было поить больных через дыру между зубами. Эпидемия столбняка давно закончилась, однако племена Динка и Нуэр продолжают удалять передние зубы у своих детей. Почему?

В 1847 г. Игнац Земмельвейс стал знаменит, заставив своих коллег-акушеров мыть руки, перед тем как принимать роды. Он понял, что у них на руках мог оказаться какой-то «трупный яд», так как они делали вскрытия женщин, умерших от родовой горячки, и из-за этого могли заразиться другие роженицы. (Ему был неизвестен реальный механизм, но его идея была верной). Земмельвейс приказал своим студентам-медикам мыть руки раствором хлора, и после этого количество смертей во время родов существенно снизилось. Тем не менее, его коллеги отказались принять основное конкретное доказательство правоты Земмельвейса — более низкий уровень смертности его пациентов.<sup>8</sup> Почему они не приняли немедленно открытие Земмельвейса и не бросились его с энтузиазмом благодарить за то, что он нашел причину стольких необязательных смертей?

После Второй мировой войны Фердинанд Лундберг и Мариния Фарнем опубликовали бестселлер «Современная женщина: потерянный секс» (“Modern Woman: The Lost Sex”), в котором утверждали, что женщина, преуспевающая в «мужских сферах действий», может показаться успешной «в целом», но она платит за это большую цену — «жертвует ее наиболее фундаментальными инстинктивными стремлениями. Ей, если мыслить здраво и реалистично, как женщине по темпераменту, не подходит этот сорт грубой конкуренции без правил, и это наносит ей ущерб, особенно ее собственным чувствам». Она становится фригидной, кроме того — «Бросая мужчинам вызов во всем, отказываясь играть даже относительно подчиненную роль, многие женщины обнаружили, что их способность получать сексуально удовлетворение уменьшилась».<sup>9</sup> В следующие десять лет доктор Фарнем, получившая степень медика в Миннесотском университете и учившаяся в аспирантуре факультета медицины Гарвардского университета, сделала карьеру, рекомендуя женщинам отказаться от профессиональной карьеры. Почему же она не боялась стать фригидной и отказаться от своих инстинктивных стремлений?

Управление шерифа округа Керн в Калифорнии арестовало бывшего директора школы Патрика Данна по подозрению в убийстве его жены. Полицейские допросили двух людей, дававших абсолютно

разные показания. Одной из допрошенных была женщина, у которой не было уголовного прошлого и не было причин лгать о подозреваемом, ее слова подтверждались записями в ежедневнике и показаниями ее босса. Другим опрошенным был профессиональный преступник, которому грозило провести шесть лет в тюрьме, его предложение обвинить Данна было одним из условий сделки с обвинением, чтобы ему сократили срок, и его версия событий не подтверждалась ничем, кроме его собственных слов. Детективы должны были выбрать, чему им верить: показаниям женщины (и невиновности Данна) или словам преступника (и виновности Данна). Они сделали выбор в пользу преступника.<sup>10</sup> Почему?

Поняв внутренние механизмы самооправдания, мы можем ответить на эти вопросы и понять десятки других вещей, представляющихся непонятными и даже сумасшедшими, которые делают люди. Можем ответить на вопрос, которые задают многие люди, когда они слышат о жестоких диктаторах, жадных корпоративных топ-менеджерах, религиозных фанатиках, убивающих во имя Господа, священниках, подвергающих детей сексуальным домогательствам, или людях, которые обманным путем лишают наследства своих братьев и сестер: да как же такие люди могут уживаться с самими собой? Ответ таков: точно так же, как мы все.

У самооправдания есть как позитивные, так и негативные аспекты. Само по себе самооправдание – необязательно плохая вещь. Оно помогает нам спать по ночам. Без него мы бы долго переживали, попав в неловкую ситуацию. Мы бы изводили себя сожалениями о том, что выбрали не ту дорогу, или переживали о том, как плохо мы движемся по той дороге, которую мы выбрали. Мы бы мучились после каждого решения: правильно ли мы поступили, с подходящим ли человеком мы вступили в брак, правильно ли мы выбрали дом, который купили, или автомобиль, или карьеру? Однако бездумные самооправдания, как зыбучие пески, могут привести к катастрофе. Они лишают нас способности видеть наши собственные ошибки, не говоря уже о том, чтобы их исправлять. Они искажают наше восприятие реальности, мешают собирать всю нужную информацию и четко оценивать проблемы. Они продлевают и усугубляют противоречия между любимыми людьми, друзьями и странами. Они мешают нам избавляться от нездоровых привычек. Они позволяют виновным избегать ответственности за свои поступки. И они мешают многим

специалистам отказываться от устаревших подходов и процедур, что наносит вред всему обществу

Никто из нас не может жить, не совершая промахов, но у нас есть способность говорить «Это в данном случае не работает. Это не имеет смысла». Людям свойственно ошибаться, но у них есть выбор: пытаться скрыть свои ошибки или признать их. Наш выбор влияет на последующие действия. Нам всегда говорят, что мы должны учиться на своих ошибках, но возможно ли это, если не признавать, что ошибки были допущены? Чтобы исправлять ошибки, нам нужно сначала научиться избегать подобной заманчивой песни сирен ловушки самооправданий.

В первой главе мы обсудим когнитивный диссонанс – устойчивый психологический механизм, который создает самооправдания, защищает то, в чем мы уверены, нашу самооценку и принадлежность к группам. В других главах мы подробно обсудим наиболее вредные последствия самооправданий: то, как они усугубляют предвзятость и коррупцию, искажают память, превращают профессиональную уверенность в высокомерие, приводят к несправедливости и закрепляют ее, калечат любовь, провоцируют вражду и размолвки.

Хорошая новость: поняв, как работает этот механизм, мы можем победить его.

В заключительной главе мы вернемся к тому, какие решения этой проблемы доступны для нас, индивидов, для наших взаимоотношений с другими людьми, для общества.

Понимание – это первый шаг для поиска решений, которые могут привести к изменениям и искуплению.

Вот почему мы написали эту книгу.

## **Пресс-релиз, опубликованный 1 ноября 1993 г.**

**МЫ НЕ ДОПУСТИЛИ ОШИБКИ**, когда писали в наших предыдущих пресс-релизах, что Нью-Йорк будет разрушен 4 сентября и 4 октября 1993 г. Мы не ошиблись, не ошиблись ни на йоту!

## **Пресс-релиз, опубликованный 4 апреля 1994 г.**

Все даты, сообщенные в наших предыдущих пресс-релизах, это верные даты, данные Господом, которые приводятся в Священном Писании. Ни одна из дат не была неверной. Иезекииль отводит всего 430 дней на осаду города – что дает нам именно 2 мая 1994 г. К этому моменту все люди предупреждены. Мы сделали нашу работу.

Мы – единственные в мире, кто направляет людей к безопасности, благополучию и спасению!

У нас стопроцентные результаты!<sup>11</sup>

# Глава 1



## Когнитивный диссонанс: механизм самооправдания

**Э**то изумительно и иногда забавно – читать предсказания Судного дня, но еще интереснее следить за тем, что происходит с рассуждениями истинно верующих, когда предсказание не сбывается, а грешный мир продолжает существовать. Обратите внимание, что почти никто никогда не скажет «Как же я опростоволосился! Уму непостижимо, насколько же я был глуп, чтобы верить во всю эту чушь!» Напротив, в большинстве случаев их убежденность в силе своих предсказаний еще больше растет. Люди, верящие, что в «Откровениях» Библии или в трактатах жившего в XVI веке самопровозглашенного провидца Нострадамуса предсказаны все несчастья человечества, начиная с эпидемий чумы и заканчивая 11-м сентября, цепляются за свои взгляды, и их не смущают такие мелкие проблемы, как мутный и неопределенный характер предсказаний, которые можно понять, только после того, как «предсказанное» событие уже произошло.

Полстолетия назад молодой психолог, которого звали Леон Фестингер, и два его помощника проникли в группу людей, веривших, что миру придет конец 21 декабря<sup>1</sup>. Они хотели знать, что произойдет с группой, если пророчество (как они надеялись<sup>1</sup>) не сбудется. Лидер группы, которую исследователи назвали Мэриан Кич, обещала, что только преданных людей подберет летающее блюдце, и они вознесутся на нем и обретут спасение в полночь 20 декабря. Многие из ее последователей оставили работу, продали свои дома и потратили свои сбережения, ожидая конца света. Кому нужны деньги в космосе? Другие последователи ожидали конца в страхе и смирении у себя дома (Так и не уверовавший муж самой миссис Кич рано отправился спать и крепко спал всю ночь, пока его жена и ее последователи молились в гостиной). Фестингер сделал такой прогноз: верующие, не очень сильно верившие в предсказание и поэтому ожидавшие конца света у себя дома, надеясь, что не погибнут в полночь, спокойно утратят доверие к миссис Кич. Но те, кто расстался со своим имуществом



и вместе с единомышленниками ожидали приземления космического корабля, еще сильнее поверят в ее мистические способности. В самом деле они теперь постараются сделать все, чтобы другие присоединились к ним.

В полночь, когда все еще не было никаких следов космического корабля во дворе, группа начала немного нервничать. В два часа ночи они были уже серьезно обеспокоены. В 4:45 утра у миссис Кич было новое видение: мир был спасен, сказала она, благодаря непоколебимой вере ее маленькой группы. «И такова сила слова Господа, – сказала она своим последователям, – что были вы спасены на пороге смерти в одно мгновение, вот какая мощь снизошла на Землю. И не случилось с первого дня творения, чтобы была на Земле такая сила Добра и Света, которая заполняет сейчас эту комнату».

Настроение группы изменилось: вместо отчаяния пришло воодушевление. Многие участники группы, которые до 21 декабря не ощущали потребности проповедовать, начали звонить журналистам и рассказывать им о чуде, и вскоре они уже проповедовали на улицах, останавливая прохожих и пытаясь обратить их в свою веру. Не сбылось предсказание миссис Кич, но подтвердилось предсказание Леона Фестингера.

\*\*\*

**М**еханизм, подталкивающий к самооправданиям, энергия, которая порождает потребность оправдывать наши действия и решения, особенно, неверные – это неприятное ощущение, названное Фестингером «когнитивным диссонансом». Когнитивный диссонанс – состояние напряженности, появляющееся всякий раз, когда у человека возникают два психологически несовместимых когнитивных представления (это могут быть идеи, attitudes, убеждения, мнения). Например: «Курение – это глупость, которая может убить меня» и «Я выкуриваю две пачки в день». Диссонанс вызывает умственный дискомфорт, варьирующий от умеренных негативных эмоций до страданий, люди не могут успокоиться, пока не найдут способ уменьшить диссонанс. В нашем примере наиболее простой способ для курящей женщины уменьшить диссонанс – бросить курить. Но, если она уже пыталась бросить курить, но не смогла, то будет убеждать себя в том, что курение на самом деле не приносит такого уж большого вреда, или что курение оправдывает риск, потому что

помогает расслабиться, или не набирать лишнего веса (в конце концов, тучность – это тоже риск для здоровья) и т. д. Большинство курильщиков изобретательно уменьшают диссонанс многими подобными способами, хотя это и самообман.

Диссонанс вызывает беспокойство, потому что верить одновременно в две противоречащие друг другу идеи означает заигрывать с абсурдом, а, как заметил Альбер Камю, мы, люди – такие создания, которые проводят всю свою жизнь, пытаясь убедить себя в том, что наше существование не является абсурдом.

По своей сути, теория Фестингера посвящена тому, как люди стараются осмысливать противоречащие друг другу идеи и вести жизнь, которая, по крайней мере, им самим представляется последовательной и осмысленной. Эта теория послужила источником вдохновения для более 3000 экспериментов, которые изменили представление о том, как работает человеческий ум. Теория когнитивного диссонанса даже вышла за пределы академической среды и стала элементом популярной культуры. Этот термин теперь можно встретить везде. Мы, двое, слышали или видели его в теленовостях, в политических обзорах, журнальных статьях, на бамперах автомобилей, даже в мыльных операх. Алекс Требек использовал его в телевикторине Jeopardy (на российском телевидении она выходит под названием «Своя игра»), Джон Стюарт – в комедийном телешоу The Daily Show, а в телевизионном сериале о Белом доме The West Wing его упоминает президент Бартлет. Хотя этот термин широко употребляется, немногие люди полностью понимают его смысл и связанную с ним огромную силу мотивации.

В 1956 г. один из нас (Эллиот) приехал в Стэнфордский университет, чтобы учиться в аспирантуре факультета психологии. В том же году туда приехал и молодой профессор Фестингер, и они немедленно стали работать вместе, придумывая эксперименты, чтобы тестировать и развивать теорию диссонанса.<sup>1</sup>

Их размышления бросали вызов многим представлениям, которые были «евангелием» для психологов и для обычных людей. Например, убеждению бихевиористов в том, что люди действуют в первую очередь для того, чтобы получать награды, воззрениям экономистов, предполагавших, что люди в целом принимают рациональные решения, или взглядам психоаналитиков, полагавшим, будто агрессивное поведение позволяет избавиться от агрессивных побуждений.

Задумайтесь о том, как теория когнитивного диссонанса изменила бихевиоризм. Было время, когда большинство ученых-психологов были убеждены, что действия людей управляются поощрениями и наказаниями. Это, конечно, верно, что, если вы будете давать крысе корм на выходе из лабиринта, она быстрее научится находить из него выход, чем в том случае, если вы ее кормить не будете; или что, если вы будете давать вашей собаке печенье, после того как она подает вам лапу, она выучит этот трюк быстрее, чем в том случае, если просто сидеть и ждать, пока она научится давать лапу сама. И напротив, если вы будете наказывать щенка, когда он сделал лужу на ковре – он скоро научится не пачкать ковер. Бихевиористы далее утверждали, что все, что ассоциируется с наградой, становится привлекательнее: ваш щенок полюбит вас, потому что вы дадите ему печенье, а все, что ассоциируется с болью, становится неприятным и нежелательным.

Бихевиористские закономерности, конечно, относятся и к людям тоже: никто не останется на скучной работе, если за нее не будут платить, а если вы дадите вашему маленькому ребенку конфету, чтобы он перестал капризничать, вы его научите устраивать капризы всякий раз, когда ему/ей захочется получить конфету. Однако, хорошо ли это, или плохо, ведь человеческий мозг сложнее, чем мозг крысы или щенка. Собака не может чувствовать раскаяние, если вы ее поймаете, когда она сделала лужу на вашем ковре, она не станет придумывать оправдания для своего проступка. А люди – думают, и поскольку мы думаем, теория диссонанса демонстрирует, что наше поведение может выходить за рамки эффектов, связанных с поощрениями и наказаниями, и часто им противоречит.

Например, Эллиот предсказал, что, если люди перенесут серьезную боль, дискомфорт, сделают существенные усилия или окажутся в неловком положении для того, чтобы что-то получить, они будут более счастливы, получив «это» в сравнении с теми, кому «это» досталось легко. Для бихевиористов такой прогноз выглядел нелепо. Почему вдруг людям понравится что-то, ассоциирующееся с болью? Но для Эллиота ответ был очевидным: самооправдание. Убежденность в том, что я – благоразумный и компетентный человек, диссонирует со знанием о том, что я прошел болезненную процедуру, чтобы достигнуть чего-то, допустим, вступить в дискуссионную группу, оказавшуюся скучной и бесполезной. По этой причине я неосознанно стану искажать мое восприятие этой группы в позитивном направлении, пытаясь найти в ней какие-то хорошие аспекты и игнорируя плохие.

Может показаться, что самый легкий способ проверить эту гипотезу будет таким — определить рейтинг нескольких студенческих братств по степени неприятия и тяжести испытаний, которые должны перенести новички, чтобы вступить в них, а потом проинтервьюировать их членов и спросить у них, насколько им нравится данное братство. Если члены группы с суровым обрядом инициации будут больше любить своих «братьев», чем члены тех братств, где испытания умеренные, это докажет, что суровость испытаний влияет на привлекательность группы? Нет. Направление причинной связи может быть обратным. Если члены братства считают его очень привлекательной элитной группой, они могут требовать суровых испытаний для новичков, чтобы воспрепятствовать вступлению в братство «всякого сброда». Только те, кого, действительно, очень привлекает группа с суровым обрядом инициации, попытаются в нее вступить. Те же, кто не очень заинтересован в данном конкретном братстве, но просто хотят вступить в какое-то братство, выберут братство с умеренными испытаниями для новичков.

Вот почему так важно провести контролируемый эксперимент «Красота» такого эксперимента в том, что можно случайным образом распределять людей в группы, подвергающиеся воздействию разных условий. Независимо от изначального уровня интереса к группе, до того, как участники эксперимента вступают в нее, каждый из них будет случайным образом назначен в группу или с суровыми условиями инициации, или с умеренными условиями. Если люди, прошедшие для вступления в группу сложные испытания, находят ее потом более привлекательной, чем те, кому не понадобилось прикладывать усилия, мы будем знать, что это объясняется именно затраченными усилиями, а не уровнем первоначального интереса.

Эллиот и его коллега Джадсон Миллс провели именно такой эксперимент<sup>4</sup>. Студентов Стэнфордского университета пригласили участвовать в дискуссионной группе, темой которой была психология секса, но перед тем, как стать ее членами, им требовалось пройти вступительные испытания. Некоторые студенты были случайным образом назначены в группу, в которой процедура вступления требовала от них делать то, что вызывает неловкость — они должны были громко читать вслух экспериментатору отрывки с описанием откровенных эротических сцен из романа «Любовник леди Чаттерлей» (“Lady Chatterley’s Lover”) Дэвида Лоуренса и других «колоритных» романов (Консервативных и добропорядочных студентов 1950-х гг. это очень

смущало). Другие, тоже отобранные случайным образом, проходили «мягкий» отбор, который их смущал лишь слегка: они должны были вслух читать сексуальные термины из словаря.

После процедуры «отбора» каждый из студентов слушал одну и ту же магнитофонную запись дискуссии, которая, как ему сообщалось, проходила в группе, к которой он только что присоединился. На самом деле эта запись была приготовлена заранее, и «дискуссия» намеренно делалась как можно более скучной и бессмысленной. Ее участники говорили сбивчиво и с долгими паузами о вторичных половых признаках птиц, в частности об изменениях оперения самцов в период ухаживания и т. п. На записи участники дискуссии хмыкали, говорили невнятно, часто прерывали друг друга, останавливались посередине фразы и так и не заканчивали ее.

Наконец, студенты оценивали дискуссию по ряду критериев. Те, кто прошел легкую процедуру «отбора», реалистично оценили дискуссию как бессмысленную и скучную, а ее участников также сочли неинтересными и скучными. Один из юношей в записи дискуссии, запинаясь и бормоча, признавал, что он не подготовился к обсуждению и не прочитал статью о ритуале ухаживания какого-то редкого вида птиц, и у слушателей, прошедших легкую процедуру отбора, он вызвал раздражение. Что за безответственный идиот! Он даже не прочитал обязательную статью! Он подвел группу! Кто захочет быть в группе вместе с таким человеком? Но те, кто прошел трудную процедуру отбора, оценили дискуссию как интересную и захватывающую, а участников группы посчитали привлекательными и умными. Они простили «безответственного идиота». Его искренность им понравилась! Разве это не замечательно — оказаться в группе вместе с таким честным парнем? Трудно поверить, что все слушали одну и ту же запись. Вот какова сила когнитивного диссонанса.

Этот эксперимент был несколько раз повторен другими учеными, использовавшими разные приемы воздействия и «отбора», начиная с электрошока, заканчивая тяжелыми физическими упражнениями.<sup>5</sup> Результаты были всегда одинаковы: трудная процедура вступительных испытаний приводила к тому, что группа нравилась больше. Эти результаты вовсе не означают, что людям нравятся неприятные ситуации, такие как заполнение налоговой декларации, или какие-то ситуации, связанные с болью. Они показывают, что если человек добровольно проходит сложные или болезненные и неприятные испытания, чтобы достигнуть какой-то цели или получить что-то,

то цель или объект его усилий становятся более привлекательными. Если по пути на семинар дискуссионной группы вам на голову из открытого окна упадет цветочный горшок, после этого дискуссионная группа не станет больше нравиться. Но, если вы сами согласитесь на то, чтобы вас стукнули по голове цветочным горшком, чтобы стать участником группы – определенно, группа окажется после этого для вас более привлекательной.

## Верить, чтобы увидеть \*

«Я буду искать все новые доказательства, чтобы подтвердить то мнение, которое у меня уже есть»

*– лорд Молсон, британский политик (1903-1991 гг.)*

Теория когнитивного диссонанса также подорвала льстящую нашему самолюбию идею, будто мы, Homo sapiens, логично анализируем информацию. Если новая информация не согласуется с нашими взглядами, мы думаем, что она обоснованная и полезная. «Именно то, что я всегда говорил!» Но если новая информация не согласуется с ними – мы считаем ее предвзятой или глупой. «Что за глупый довод!» Наша потребность в согласованности наших представлений настолько сильна, что, когда людей заставляют рассматривать противоречащие их взглядам доказательства, они находят способ критиковать, исказить или отбросить их, чтобы иметь возможность поддерживать и укреплять свои уже существующие представления. Это интеллектуальное смещение называется «ошибкой подтверждения»<sup>6</sup>. Ленни Брюс, легендарный американский юморист и социальный обозреватель, ярко описал эту тенденцию, когда смотрел в 1960 г. знаменитую дискуссию между Ричардом Никсоном и Джоном Кеннеди – первые в истории США теледебаты кандидатов в президенты.

«Если я смотрел теледебаты вместе со сторонниками Кеннеди, они комментировали их так: „Ну, он просто уничтожил Никсона.“ Потом мы шли в какую-то другую квартиру,

---

\* Это парафраз цитаты из Библии: «Нужно увидеть, чтобы поверить». – *Примеч. пер.*

где собирались сторонники Никсона, и они говорили нам. „Как вам нравится выволочка, которую Никсон устроил Кеннеди?“ А потом я понял, что каждая из групп настолько любила своего кандидата, что парень должен был совершить нечто из ряда вон выходящее, чтобы отношение к нему изменилось, например, глядя прямо в камеру сказать „Я – вор, я – мошенник, вы слышите меня? Я – худший кандидат в президенты, которого вы можете выбрать!“ И даже в этом случае его сторонники скажут „Вот ведь честный человек. Нужно обладать мужеством, чтобы признать такое. Именно такой парень нам нужен в президенты.“»<sup>7</sup>

В 2003 г, когда стало абсолютно ясно, что в Ираке не было оружия массового поражения, американцы, поддерживающие войну и обоснование ее необходимости президентом Бушем, начали испытывать диссонанс. Мы верили президенту, но мы (и он) заблуждались. Как разрешить диссонанс? Для демократов, которые поверили, будто у Саддама Хусейна было оружие массового уничтожения, решение было относительно простым: республиканцы снова были неправы, президент лгал или, по меньшей мере, с готовностью верил ложной информации, как глупо было с моей стороны верить ему. Для республиканцев, однако, диссонанс был острее. Более половины из них разрешили его, отказавшись принять очевидное, и отвечали в опросе, проведенном организацией Knowledge Networks, что верят, будто оружие массового поражения в Ираке было найдено. Руководитель этого опроса сказал: «Желание некоторых американцев поддержать войну может заставить их не воспринимать информацию о том, что оружие массового уничтожения не было найдено. Учитывая огромное количество информации на эту тему и массовый интерес к ней, подобная степень неинформированности предполагает, что некоторые американцы могут избегать таким способом когнитивной диссонанса». Кто бы сомневался?<sup>8</sup>

Нейробиологи недавно показали, что эта тенденция нашего мышления встроена в сам способ переработки информации мозгом, и это не зависит от политических взглядов людей. Например, в исследовании, проведенном Дрю Вестен с коллегами, в котором использовалась магнитно-резонансная томография (МРТ), респонденты анализировали информацию о республиканце Джордже Буше или демократе Джоне Керри, которая согласовывалась (консонансная информация)

или расходилась (диссонансная информация) с их политическими взглядами Дрю Вестен с коллегами обнаружили, что мыслительные зоны мозга буквально отключались, когда участники эксперимента сталкивались с диссонансной информацией, а эмоциональные зоны начинали «радостно светиться», когда консонанс восстанавливался<sup>9</sup> Эти механизмы предоставляют нейрофизиологическое обоснование для известного наблюдения: если мы приняли какое-то решение или придерживаемся каких-то взглядов, нашу позицию трудно изменить.

В самом деле, даже чтение информации, противоречащей вашей точке зрения, может еще больше убедить вас в том, что вы правы. В одном эксперименте исследователи выбирали людей, некоторые из которых были за смертную казнь, а некоторые – против, и просили их прочитать две научные, хорошо аргументированные статьи на эмоциональную тему: предотвращает ли смертная казнь насильственные преступления. В одной статье делался вывод, что предотвращает, а в другой – что нет. Если бы читатели анализировали информацию рационально, они бы, по меньшей мере, поняли, что проблема сложнее, чем они ранее представляли, их позиции по поводу возможного сдерживающего эффекта смертной казни стали бы более умеренными и сблизились. Но теория диссонанса предсказывает, что читатели отыщут способ исказить содержание и аргументацию двух статей. Они найдут причины восхищаться статьей, подтверждающей их точку зрения, расхваливая ее как очень компетентную. Однако читатели будут жестоко критиковать статью, опровергающую их точку зрения, найдут в ней мелкие недочеты и преувеличат их, объявив вескими причинами, по которым на них эта статья повлиять не может. Именно так и произошло. Каждая сторона не только отнеслась с недоверием к аргументам оппонентов, но также еще больше укрепилась в своем мнении<sup>10</sup>.

«Ошибка подтверждения» также приводит к тому, что отсутствие доказательств воспринимается нами как доказательство того, во что мы верим. Когда ФБР и другие органы расследования не сумели найти никаких доказательств того, что в страну, якобы, проникли представители сатанистских культов, практикующие ритуальные убийства младенцев, тех, кто верил «информации» о злодейских действиях подобных культов, это не убедило. Отсутствие доказательств, сказали они, было подтверждением того, как умны и коварны лидеры сатанистских культов: они съедали бедных младенцев, не оставляя даже костей. Такая логика рассуждений свойственна не только для приверженцев культов и любителей популярной психологии. Когда



Франклин Делано Рузвельт принял во время Второй мировой войны ужасное решение отправить тысячи американцев японского происхождения в концентрационные лагеря, то сделал это исключительно на основании слухов, будто американцы японского происхождения планируют саботаж, который помешает США вести войну. Ни тогда, ни позже не было никаких доказательств, подтверждающих этот слух. В самом деле, командующий армией США на Западном побережье, генерал Джон Девитт, признал, что у них не было ни одного доказательства акта саботажа или измены, совершенных американцами японского происхождения. «Тот факт, что саботажа не было, – сказал он, – вызывает беспокойство и подтверждает, что такие действия *будут* предприняты»<sup>11</sup>.

## Выбор Ингрид, мерседес Ника и каноэ Эллиота

Теория когнитивного диссонанса объясняет гораздо больше, чем логичное предположение, что люди не всегда разумно анализируют информацию. Она также показывает, почему люди продолжают оставаться предвзятыми, после того как они приняли важные решения.<sup>12</sup> Социальный психолог Дэн Гилберт в своей интересной книге «Споткнувшись о счастье» (“Stumbling on Happiness”) просит нас задуматься о том, что бы произошло, если бы в конце знаменитого фильма «Касабланка» (“Casablanca”) героиня Ингрид Бергман вместо того, чтобы патриотично воссоединиться со сражающимся с нацистами мужем, осталась бы вместе с героем, которого играл Хамфри Богарт, в Марокко<sup>13</sup>. Стала бы она жалеть об этом, как Богарт предсказывал ей в своем горьком монологе: «Может быть, не сегодня, может быть не завтра, но скоро и до конца твоей жизни?» Или она, напротив, будет всю жизнь жалеть о том, что оставила Богарта? Гилберт приводит многочисленные данные, чтобы показать ответ на оба вопроса будет отрицательным, и любое решение в долгосрочной перспективе сделало бы героиню Ингрид счастливой. Герой Богарта был красноречив, но неправ, и теория диссонанса объясняет нам почему героиня Ингрид нашла бы доводы, оправдывающие любой из двух возможных выборов, как и доводы против того выбора, который она отвергла.

Как только мы приняли решение, в нашем распоряжении оказывается масса инструментов, помогающих нам его оправдать и обосновать. Когда наш бережливый и скучноватый друг Ник продал свой старый Honda Civic, на котором ездил восемь лет и, поддавшись внезапному порыву, купил новый дорогой Mercedes, он поступил странно (для прежнего Ника, которого мы знали) Он принялся критиковать автомобили своих друзей и говорил примерно так «Не пора ли тебе продать эту рухлядь? Разве ты не заслуживаешь удовольствия ездить на хорошо сконструированном автомобиле?» или «Ты знаешь, ездить на маленьких машинах небезопасно. Если ты попадешь в аварию, то можешь погибнуть. Разве твоя жизнь не стоит нескольких лишних тысяч долларов? Ты не понимаешь, насколько спокойнее я себя чувствую, зная, что моя семья в безопасности, потому что я еду на солидном автомобиле»

Возможно, Ник вдруг неожиданно осознал значение безопасности и решил, спокойно и рационально, что было бы замечательно, если бы все ездили на таком замечательном автомобиле как Mercedes. Мы, однако, не думаем, что это так. Его поведение и то, что он потратил такие деньги на роскошную машину, и то, что он подбивал своих друзей поступить так же, было настолько нехарактерно для него, что мы подозреваем его в стремлении ослабить диссонанс, который он испытывал, совершив импульсивную покупку и потратив большую часть своих сбережений на то, что он раньше называл «просто машиной». Кроме того, он это сделал как раз тогда, когда его дети собирались поступать в университет, что должно было существенно уменьшить его банковский счет. Итак, Ник начал искать аргументы в пользу своего решения «Mercedes – замечательный автомобиль, я усердно работал всю свою жизнь и заслужил его, кроме того, он такой безопасный». И, если бы ему удалось убедить своих прижимистых друзей также купить дорогой автомобиль, – он бы стал считать свое решение вдвойне оправданным. И вот, как и последователи миссис Кич, он начал «проповедовать»

Потребность Ника уменьшить диссонанс (как и у Ингрид) была усилена необратимостью его решения – он не мог от него отказаться, не теряя деньги. Научные доказательства значения необратимости решений были получены в остроумном исследовании интеллектуальных маневров игроков на скачках. Ипподром – это идеальное место для исследования фактора необратимости, поскольку после того, как вы сделали ставку, вы уже не можете вернуться и сказать милому человеку

в окошке, где принимают ставки, что вы передумали. Исследователи просто подходили к людям, стоявшим в очереди, чтобы поставить свои два доллара, а также к тем, кто только что сделал ставку. Они всех их спрашивали, насколько уверены эти люди в том, что лошади, на которых они поставили, выиграют. Те, кто уже сделал ставку, были более уверены в выигрыше лошади, на которую они поставили, чем люди, еще стоявшие в очереди<sup>14</sup>. Но, конечно, единственным отличием в данной ситуации было то, что одни игроки уже успели сделать ставку, а другие – нет. Люди обретали большую уверенность в своем решении, если его уже нельзя было изменить.

Вы уже можете оценить одно из полезных следствий знания механизма диссонанса – не слушайте Ника. Чем выше цена решения, связанная с потраченным временем, деньгами, усилиями или перенесенными неудобствами, чем необратимее его последствия, тем выше потребность ослабить диссонанс, подчеркивая позитивные аспекты сделанного выбора. Таким образом, когда вы собираетесь сделать большую покупку или принять важное решение – какой автомобиль или компьютер купить или воспользоваться ли услугами пластической хирургии, или участвовать в платной программе психологического самоусовершенствования – не спрашивайте совет у тех, кто сам только что принял подобное решение. У такого человека будет сильная мотивация убеждать вас в том, что ваше решение будет правильным. Спросите людей, потративших двенадцать лет и 50 000 долларов на услуги психоаналитика или психотерапевта, о том, помогло ли им это, и большинство из них ответит: «Доктор Велшмерц – просто замечательный! Я бы никогда не встретила свою настоящую любовь [нашла новую работу/сбросила вес], если бы не он!» Учитывая все потраченное время и деньги, вряд ли они скажут вам: «Я ходил на сеансы доктора Велшмерца двенадцать лет, но все это было напрасно». Если вам нужен совет о том, какой продукт купить, спросите человека, который все еще собирает информацию и поэтому может высказать непредвзятое мнение. А, если вы хотите узнать, поможет ли вам какая-либо терапевтическая программа – не следует полагаться на свидетельства тех, кто ее прошел. Найдите надежные экспериментальные данные.

Самооправдания – достаточно сложный феномен, если они следуют за нашими сознательными выборами, но в этих случаях мы, по крайней мере, знаем, что можем их ожидать. Однако они возможны и после наших поступков, совершенных по каким-то неосознанным

причинам, когда мы сами не понимаем, почему придерживаемся какого-то мнения или обычая, но слишком горды, чтобы признать это. Например, во введении мы описали обычай суданских племен Динка и Нуэр, удалявших несколько постоянных передних зубов у своих детей – это очень болезненная процедура, для которой используется не скальпель и щипцы, а простой крюк. Антропологи предположили, что эта традиция появилась во время эпидемии столбняка, когда возникает спазм жевательных мышц, не позволяющий разомкнуть челюсти. Удаление зубов позволяло кормить больных. Но, если именно это было причиной, почему же люди из этих племен продолжали придерживаться этой традиции, когда опасность уже миновала?

Эта практика, представляющаяся бессмысленной, оказывается понятной, если рассмотреть ее с точки зрения теории диссонанса. Во время эпидемии взрослые удаляли передние зубы у всех своих детей, чтобы, если дети заболеют столбняком, их можно было бы кормить. Но это очень болезненная операция для детей, тем более что болели не все дети. Чтобы оправдать свои действия и в своих собственных глазах, и в глазах детей, суданцы пытались обосновать свое решение, придумывая дополнительные положительные следствия болезненной процедуры. Например, они могли убедить себя, будто удаление зубов обладает эстетической ценностью, например, что деформированный подбородок выглядит очень привлекательно, они могли даже превратить это хирургическое испытание в ритуал перехода к взрослости (обряд инициации). Это и произошло на самом деле. «Без зубов люди выглядят красиво, – говорят эти суданцы, – те, у кого есть все зубы, выглядят уродливо. Они похожи на каннибалов, которые едят людей. С полным набором зубов мужчина становится похож на осла». У беззубости есть и другие эстетические преимущества. «Нам нравится шипящий призвук, который получается, когда мы говорим». А взрослые успокаивают пугающихся детей, объясняя им, что «Этот ритуал – признак зрелости»<sup>15</sup>. О первоначальной медицинской причине этой традиции все уже давно забыли, но остались психологические самооправдания.

Люди хотят верить в то, что они как умные и рациональные индивиды, знают, почему они делают выбор, поэтому их не всегда радует, когда вы объясняете им истинную причину их действий. Эллиот убедился в этом сам после эксперимента по «отбору» в дискуссионную группу. «После того, как все участники эксперимента его закончили, – вспоминает он, – я подробно объяснил им и сам

эксперимент, и лежащую в его основе теорию. Хотя все, кто прошел трудную процедуру „отбора“, сказали, что считают гипотезу интересной и понимают, почему на большинство людей трудная процедура повлияет так, как я предсказывал, они очень старались мне доказать, что на их личное позитивное мнение о дискуссионной группе трудность испытаний никак не повлияла. Все они утверждали, что группа им понравилась по-настоящему. В реальности почти всем из них группа нравилась больше, чем тем, кто проходил умеренные по трудности испытания».

Никто не обладает иммунитетом – все испытывают потребность уменьшить диссонанс, даже те, кто отлично знает его теорию. Эллиот рассказывает свою историю: «Когда я был молодым профессором в Миннесотском университете, мы с женой устали от съемных квартир. Итак, в декабре мы решили купить наш первый дом. Мы смогли найти только два подходящих дома по приемлемой для нас цене. Один был старым, очаровательным и находился на пешеходном расстоянии от университета. Он мне очень нравился, потому что я мог в него приглашать студентов, чтобы заниматься вместе с ними исследованиями, угощать их пивом и играть роль классного профессора. Но этот дом находился в промышленном районе, где трудно было найти место для прогулок с нашими детьми. Другим вариантом был типовой дом – новый, но абсолютно без индивидуальности. Он находился в пригороде в тридцати минутах езды от университетского кампуса, зато всего в одной миле от озера. Продумав несколько недель, мы решили покупать дом в пригороде».

«Вскоре после переезда, я заметил в газете объявление о том, что продается подержанный каноэ, и немедленно купил его, чтобы сделать сюрприз моей жене и детям. Когда я приехал домой в холодный и хмурый январский день с каноэ, прикрученным на крыше моей машины, моя жена взглянула на каноэ и разразилась смехом: «Что тебя так рассмешило?» – спросил я. Она ответила: «Спроси Леона Фестингера!» Конечно! Я испытывал такой сильный диссонанс после покупки дома в пригороде, что мне немедленно потребовалось что-то сделать, чтобы оправдать мою покупку. Я каким-то образом умудрился забыть, что была середина зимы, и в Миннесоте пройдет несколько месяцев, пока на озере растает лед, и можно будет плавать на каноэ. Но, в определенном смысле, не понимая этого, я все же использовал каноэ. Всю зиму, несмотря на то, что каноэ хранилось в гараже, его присутствие помогало мне лучше относиться к нашему решению».

## Спираль насилия – и добродетель

Вы испытываете стресс? Один источник в Интернете может научить вас, как изготовить собственную маленькую «Чертову куколку» (Damn It Doll), которую «можно бросать, бить, топтать и даже душиТЬ, и тогда вы избавитесь от раздражения». Вот небольшая инструкция к ней

Когда вы хотите пнуть стол или бросить на пол телефон и заорать – вот маленькая «Чертова куколка», без которой вам не обойтись. Схватите ее покрепче за ноги и найдите подходящее место, чтобы шмякнуть ее. И когда вы будете вышибать из нее дух, кричите «К черту! К черту! К черту!».

Идея «Чертовой куколки» отражает одно из наиболее укоренившихся в нашей культуре убеждений, основанное на представлениях психоанализа о пользе катарсиса, о том, что, если дать волю злости или вести себя агрессивно, то это поможет избавиться от раздражения и буквально «очиститься». Бросайте «Чертову куколку», бейте по боксерской груше, кричите на вашего супруга – и вы почувствуете облегчение. В реальности десятилетия экспериментальных исследований обнаружили прямо противоположное: если люди дают волю своим агрессивным эмоциям, им часто становится еще хуже, у них повышается кровяное давление, и они злятся еще сильнее<sup>11</sup>.

Вероятность обратного эффекта, когда люди дают волю гневу, особенно высока, если агрессия прямо направлена на другого человека, и именно это предсказывает теория когнитивного диссонанса. Когда вы делаете что-то, наносящее вред кому-то другому – ставите его/ее в затруднительное положение, словесно оскорбляете или бьете, начинает действовать мощный новый фактор – потребность оправдать то, что вы сделали. Возьмем мальчика, дразнящего и обижающего вместе со своими товарищами-семиклассниками более слабого ровесника, который не сделал им ничего плохого. Мальчику нравится эта компания, но не хочется обижать слабого одноклассника. Он начинает испытывать определенный диссонанс по отношению к своим поступкам: «Как может такой нормальный парень, как я, – удивляется он, – поступать так жестоко с этим хорошим и ни в чем не виноватым пареньком?» Чтобы уменьшить диссонанс, он попытается убедить себя в том, что жертва издевательств – вовсе не

такой уж хороший и безвинный «Он такой зануда и плакса. Кроме того, он поступил бы так же со мной, если бы у него был шанс». Как только мальчик делает первый шаг на пути обвинений жертвы, растет вероятность, что он обойдется с жертвой еще более жестоко, когда ему представится шанс. Оправдание первого жестокого поступка создает базу для еще большей агрессии. Вот почему гипотеза катарсиса ошибочна.

Первый эксперимент, продемонстрировавший это, оказался абсолютным сюрпризом для исследователя. Майкл Кан, тогда еще аспирант, писавший диссертацию по медицинской психологии в Гарварде, придумал остроумный эксперимент, который, как он был уверен, продемонстрирует позитивный эффект катарсиса. Играв роль медицинского лаборанта, Кан получал данные о студентах на полиграфе (детекторе лжи) и измерял их кровяное давление, при этом студентам сообщалось, что это был медицинский эксперимент. Во время этой процедуры Кан приговарялся, будто он раздражен, и делал оскорбительные по отношению к студентам-участникам замечания (с упоминанием их матерей). Студенты злились, и у них резко повышалось кровяное давление. В экспериментальном варианте студентам давали возможность разрядить свой гнев, проинформировав начальника Кана о его оскорбительном поведении: они верили в то, что у Кана после этого будут большие проблемы. В контрольном варианте у студентов не было возможности разрядить свой гнев, пожаловавшись.

Кан, как благоверный фрейдист, был удивлен полученным результатом: никакого эффекта катарсиса не наблюдалось. Люди, которым удавалось выразить свою злость по отношению к Кану, были настроены более враждебно, чем те, у кого такой возможности не было. Кроме того, у тех, кто «выпустил пар», еще больше повышалось и без того уже высокое кровяное давление, а у студентов, которым не удавалось разрядить свою злость, давление быстро нормализовалось<sup>17</sup>. Пытаясь найти объяснение для этих неожиданных результатов, Кан обратил внимание на теорию диссонанса, которая в то время еще только начинала привлекать к себе внимание, и понял, что она может быть отличным объяснением результатов. Поскольку студенты думали, что они причинили «грубому лаборанту» серьезные неприятности, им нужно было оправдать свой поступок, убедив себя в том, что он этого заслуживал, поэтому у них усиливалась злость, направленная на него, и кровяное давление.

Дети очень рано учатся оправдывать свое агрессивное поведение они бьют младшего братишку, а когда тот начинает плакать – немедленно заявляют. «Но он же первый начал! Он заслужил трепку!» Большинство родителей считают, что на эти детские самооправдания не стоит обращать внимания, и обычно так и есть. Но стоит задуматься о том, что такой же механизм лежит в основе поведения школьных шаек, члены которых издеваются над слабым одноклассником, работодателей, дурно обращающихся со своими работниками, любовников, оскорбляющих в ссоре друг друга, полицейских, продолжающих избивать подозреваемого в преступлении и после того, как он уже сдался, тиранов, которые бросают в тюрьму и пытаются представителей этнических меньшинств, военных, совершающих жестокости по отношению к мирному населению. Во всех этих случаях возникает порочный круг: агрессия вызывает самооправдания, приводящие к еще большей агрессии. Федор Достоевский отлично понимал, как работает этот процесс. Вот, что он пишет в романе «Братья Карамазовы» о законченном негодяе, отце братьев, Федоре Павловиче: «вспомнил он вдруг теперь кстати, как когда-то, еще прежде, спросили его раз: „За что вы такого-то так ненавидите?“ И он ответил тогда, в припадке своего шутовского бесстыдства: „А вот за что – он, правда, мне ничего не сделал, но зато я сделал ему одну бессовестнейшую пакость, и только что сделал, тотчас же за то и возненавидел его“».

К счастью, теория диссонанса также показывает нам, что добрый поступок может создавать «спираль добродетели и сочувствия» или «добродетельный цикл». Когда люди совершают добрый поступок, особенно, если он спонтанный или случайный, они начинают теплее относиться к тому, кому сделали добро. Их знание о том, что они сделали усилие, чтобы помочь данному человеку, будет диссонировать с негативными чувствами, которые у них могут быть по отношению к нему. В результате, оказав кому-то добрую услугу, они спрашивают себя: «Разве я бы стал делать что-то хорошее для подонка? Следовательно, он не такой уж законченный подонок, каким я его себе представлял, на самом деле, это хороший человек, заслуживающий снисхождения».

Несколько экспериментов подтвердили это предсказание. В одном из них студенты участвовали в конкурсе и выигрывали существенную сумму денег. Потом экспериментатор подходил к каждому третьему из них и объяснял, что использовал в эксперименте свои собственные



деньги, они у него закончились, и это означает, что он, возможно, будет вынужден досрочно прервать эксперимент. Он просил: «Не могли бы вы мне оказать личную услугу и вернуть деньги, которые вы выиграли?» (Все согласились.) Вторую группу также просили вернуть деньги, но в этом случае с просьбой обращался секретарь факультета, объяснявший, что исследовательский бюджет факультета психологии почти закончился. (И в этом случае все согласились вернуть деньги.) Оставшуюся треть участников эксперимента не просили возвращать деньги. Наконец, каждый участник отвечал на анкету, в которой он мог оценить экспериментатора. Наиболее позитивно экспериментатора оценили те участники, которых он упросил оказать ему личную услугу, они убедили себя в том, что он – отличный и достойный человек. Остальные участники также считали его приятным, но далеко не таким замечательным, как те, кто оказал ему личную услугу, вернув деньги по его просьбе.<sup>18</sup>

Хотя научных исследований добродетельного цикла пока немного, его основная идея была открыта еще в XVIII веке Бенджамин Фрэнклином, вдумчивым исследователем человеческой природы, а также ученым и политиком. Работая в законодательном собрании штата Пенсильвания, Фрэнклин был обеспокоен враждебным и оппозиционным настроением по отношению к нему одного своего коллеги. Итак, он решил перетянуть этого человека на свою сторону. Фрэнклин не стал, как он писал, «демонстрировать к коллеге подобострастное уважение» – т.е., пытаться оказать коллеге какую-то услугу – напротив, он попросил коллегу оказать услугу ему, а именно – одолжить Фрэнклину редкую книгу из своей библиотеки.

«Он ее немедленно мне прислал, а я вернул книгу примерно через неделю, с запиской, в которой высказал ему глубокую благодарность. Когда мы в следующий раз встретились в Законодательном собрании, он сам заговорил со мной (чего никогда не делал раньше), причем, весьма учтиво, и с тех пор он всегда выказывал готовность оказывать мне услуги, так что мы стали большими друзьями, и наша дружба продолжалась до его кончины. Вот еще один пример старого афоризма, который гласит: „Человек, который однажды уже сделал вам добро, с большей готовностью еще раз поможет вам, чем тот, кому вы сами когда-то услужили.“»<sup>19</sup>

Диссонанс неприятен в любых обстоятельствах, но он переживается особенно болезненно, когда под угрозой оказывается важный элемент я-концепции людей – обычно так бывает, когда они делают что-то несовместимое с их представлениями о самих себе<sup>20</sup> Если спортсмена или какую-то другую знаменитость, которые вам очень нравятся, обвиняют в изнасиловании, покушении на растление малолетних или в убийстве, – у вас возникнут болезненные диссонансные эмоции. Чем сильнее вы идентифицировались с этим человеком, тем больше будет диссонанс, потому что сильнее будет ощущение вашей сопричастности. Но диссонанс будет еще более разрушительным, если вы вами, считая себя честным человеком, совершили какой-то преступный поступок. В конце концов, вы всегда можете разочароваться в той или иной знаменитости и найти себе другого героя. Но, если вы сами сделали что-то, противоречащее вашим ценностям, диссонанс будет очень сильным – ведь, как бы то ни было, вы всегда будете сосуществовать с самим собой.

Поскольку у большинства людей достаточно высокая позитивная самооценка и они считают себя компетентными, высокоморальными и умными, их усилия по снижению диссонанса направлены на сохранение позитивного я-образа<sup>21</sup>. Например, когда предсказание конца света миссис Кич провалилось, легко представить, какой мучительный диссонанс переживали ее последователи. «Я умный человек», но «Я только что совершил невероятно глупый поступок – я отказался от своего дома, имущества и работы, поверив сумасшедшей женщине». Чтобы уменьшить диссонанс, последователи миссис Кич могли или изменить мнение о собственном интеллекте, или как-то оправдать совершенную ими «неимоверную глупость». В этом неравном соревновании самооправдание побеждает с крупным счетом. Верные последователи миссис Кич сохранили свою самооценку, решив, что они не сделали ничего глупого – напротив, поступили очень умно, присоединившись к этой группе, потому что их вера спасла мир от гибели. В самом деле, если бы другие люди были бы умны, как они, то тоже бы в нее вступили. Так, где же этот бойкий угол, где я буду им проповедовать?<sup>2</sup>

Никто из нас не сорвется с такого крючка. Нас могут забавлять они, эти глупые люди, которые истово верят в предсказания конца света, но как показал в своей книге «Политические суждения экспер-

тов Насколько они хороши? Как мы можем их оценить?» («Expert Political Judgment How Good Is It? How Can We Know?») политический психолог Филипп Тетлок, даже профессиональные «эксперты», занимающиеся экономическим и политическим прогнозированием обычно дают прогнозы, ничем не отличающиеся по точности от прогнозов обычных, не обучавшихся этому людей – или прогнозов миссис Кич, кстати говоря<sup>22</sup> Сотни исследований показали, что предсказания, основанные на «личном опыте» и «многих годах подготовки» экспертов, редко оказываются точнее, чем случайные догадки, в отличие от прогнозов, основывающихся на статистических данных Но, когда эксперты ошибаются, это угроза для ключевых компонентов их профессиональной я-концепции Следовательно, теория диссонанса предсказывает, что чем они увереннее в себе и чем более знамениты, тем ниже вероятность, что они признают свои ошибки Именно это и обнаружил Тетлок Эксперты снижали диссонанс, вызванный их неверными прогнозами, объясняя, что они были бы правы «если бы только» – если бы только не вмещалась эта абсолютно невероятная катастрофа, если бы только какие-то события произошли чуть раньше или чуть позже, если бы только, тра-та-та, тра-та-та

Механизм снижения диссонанса работает как термостат, позволяя нашей самооценке всегда находиться на высоком уровне Вот почему мы обычно не замечаем своих самооправданий – этой маленькой лжи самим себе, позволяющей нам не признавать, что мы допустили ошибки или приняли глупые решения Но теория диссонанса также применима и к людям с низкой самооценкой, к тем, кто считает себя болваном, мошенником или некомпетентным человеком Они как раз не удивляются, когда их поведение подтверждает их негативный я-образ Когда они дают неверный прогноз или проходят сложные испытания, чтобы стать участником скучной дискуссионной группы, они просто говорят «Ну, да Я снова обмешулился, это так на меня похоже» Продавец подержанных автомобилей, знающий о том, что он обманывает покупателей, не испытывает диссонанса, скрывая информацию о неисправностях машины, которую пытается сбыть, женщина, полагающая, что она непривлекательна, не ощущает диссонанса, когда мужчины отвергают ее; мошенник не переживает диссонанс, выманивая у старика его сбережения

Наши представления о себе поддерживают нас в повседневной жизни, и мы постоянно интерпретируем то, что с нами происходит, через фильтр этих ключевых представлений Если они нарушаются

даже благодаря какому-то позитивному опыту, это вызывает у нас дискомфорт. Понимание мощи самооправданий, таким образом, помогает нам понять, почему люди, у которых низкая самооценка, или которые просто считают, что они некомпетентны в каких-то сферах, не испытывают буйной радости, когда у них что-то хорошо получилось – напротив, они ощущают себя обманщиками. Если женщина, уверенная, что в нее невозможно влюбиться, встречает какого-то потрясающего мужчину, начинающего всерьез за ней ухаживать, сначала это ее обрадует, но эта радость будет быстро испорчена ощущениями диссонанса: «Что он во мне нашел?» Вряд ли она сделает такой вывод: «Как приятно – я, оказывается, привлекательнее, чем я думала». Скорее, она подумает: «Как только он поймет, какая я на самом деле – он бросит меня». Она заплатит высокую психологическую цену за восстановление консонанса.

Ряд экспериментов показал, что большинство людей, у которых низкое самоуважение или невысокое мнение о своих способностях, испытывает дискомфорт по поводу своих «диссонансных» (в сравнении с самооценкой) успехов и считает их случайными или аномальными.<sup>23</sup> Вот почему они так упрямо не соглашаются с друзьями или близкими, пытающимися их ободрить: «Смотри, ты только что получил Пулитцеровскую премию по литературе! Разве это не означает, что ты хороший писатель?» – «Да, это приятно, но это просто случайность. Знаешь ли, я уже больше не смогу написать ни слова». Самооправдания, следовательно, это не всегда защита высокой самооценки – это может быть и защита низкой самооценки, если данный человек именно так себя воспринимает.

## Пирамида выбора

Представьте себе двух молодых людей, у которых сходные убеждения, способности и степень психологического здоровья. Они достаточно честны, и у них компромиссное мнение относительно обмана: они считают, что это плохо, но в мире существуют и гораздо худшие преступления. И вот, они сдают экзамен, определяющий, примут ли их в аспирантуру. Они оба не знают ответа на ключевой вопрос. Им грозит провал – но тут появляется возможность сжульничать, прочитав ответ другого студента. Два молодых человека борются

с этим искушением После долгих колебаний один из них поддается искушению, а второй – нет Разница между их решениями минимальна они легко могли бы поменяться местами Каждый получает нечто важное, но платит за эту цену – один получает хорошую оценку, но жертвует своей честностью, а другой – жертвует хорошей оценкой, но остается честным

А теперь такой вопрос – что они думают о жульничестве через неделю? У каждого из них есть много времени для того, чтобы оправдать свой образ действий Тот, кто поддался искушению, решит, что жульничество – это не такой уж серьезный проступок. Он скажет себе: «Эй, да все списывают, это пустяки. И мне очень нужно было сдать этот экзамен для моей будущей карьеры». Однако студент, не поддавшийся искушению, решит, что списывание еще более аморально, чем он первоначально думал. «В действительности, люди, которые списывают – бесчестны. Их нужно выгонять из университета. Нам нужно их наказать в назидание другим».

К тому времени, когда студенты пройдут этот путь все более активных самооправданий, произойдут две вещи: во-первых, они будут уже далеко друг от друга, а, во-вторых, они уже настолько глубоко усвоят свои представления о списывании, что окажутся убежденными, будто всегда думали именно так.<sup>24</sup> Можно это представить так: они начинали рядом на вершине пирамиды, в миллиметре друг от друга, но, закончив цикл самооправданий, они соскользнули к ее подножию и теперь находятся в противоположных углах ее основания. Студент, который не стал жульничать, считает другого абсолютно аморальным человеком, а тот, кто жульничал, – считает своего оппонента безнадежным пуританином. Этот процесс иллюстрирует то, как люди, подвергшиеся сильному искушению, которые боролись с ним, и чуть не поддавшиеся ему, но устоявшие – начинают не любить или даже презирать тех, кто поддался искушению. Именно те люди, которые почти согласились жить в стеклянном доме, первыми начинают кидать камни.

Метафора пирамиды применима к наиболее важным решениям, включая моральный выбор или жизненно важные решения. Вместо списывания на экзамене, например, задумайтесь о других решениях: вступать ли в случайную сексуальную связь (или нет), пробовать ли наркотики (или нет), принимать ли стероиды, чтобы повысить свои атлетические способности (или нет), сохранять ли неудачный брак (или нет), сообщать ли имена коллег в Комитет по антиамериканской

деятельности (или нет), лгать ли, чтобы защитить своего работодателя и работу (или нет), заводить ли детей (или нет), выбрать ли трудную карьеру (или осгаваться дома с детьми) Когда люди, находящиеся на вершине пирамиды, не уверены в том, каковы преимущества и недостатки каждого из вариантов, у них возникает особенно сильное желание оправдывать сделанный выбор Но к тому времени, когда человек оказывается у подножия пирамиды, неопределенность превращается в уверенность, и он или она находятся очень далеко от тех, кто выбрал иной путь

Этот процесс размывает различия, которые люди любят проводить между «нами, хорошими парнями» и «ими, плохими парнями» Часто, стоя на вершине пирамиды, мы сталкиваемся не с очевидным выбором между черным или белым, действием или бездействием, а с выборами «серыми», последствия когорых неясны Первые шаги по этому пути амбивалентны с точки зрения морали, и не всегда ясно, какое решение будет верным Мы принимаем ранние решения, кажущиеся не такими уж важными, а потом оправдываем их, чтобы уменьшить неопределенность выбора Так мы попадаем в ловушку поступок, оправдание, следующий поступок – этот цикл повышает нашу активность и приверженность выбранному курсу и может далеко нас увести от наших первоначальных намерений или принципов

Именно так и произошло с Джебом Стюартом Магрудером – специальным помощником Ричарда Никсона, игравшим ключевую роль в попытке проникновения со взломом в штаб-квартиру Национального комитета Демократической партии в отеле Уотергейт \*, а затем пытавшемуся скрыть причастность к этому Белого дома и лгавшему под присягой, чтобы защитить себя и других, причастных к этим противозаконным действиям Когда Магрудера приняли на работу, советник Никсона Боб Холдеман не говорил ему, что лжесви-

---

Интересно, что тот же самый инцидент под названием «Гвинт Уотергейт» описан психологом Робертом Чалдини в его знаменитой книге «Психология влияния» и имеет несколько иную психологическую подоплеку По мнению Чалдини, здесь и работ роль взаимные уступки и контраст восприятия, т е , к примеру, если вам нужно займы 50 рублей, сначала лучше запросить 100 рублей, и таким образом вы задействуете психологический механизм взаимной уступки, благодаря которому вам не откажут, когда вы сбавите сумму займа вдвое Таким образом, «нереальный» план Лидди, стоимостью в 250 000 \$, был принят, потому что его предыдущие предложения стоили на порядок дороже – *Примеч ред*

детельство, мошенничество и нарушение закона входят в его рабочие обязанности. Если бы он сделал это – Магрудер почти наверняка бы отказался от такой работы. Как же он стал центральной фигурой Уотергейтского скандала? Легко, оглядываясь назад, сказать: «Он должен был заранее догадаться», или «Ему следовало немедленно отказаться, когда они в первый раз попросили его сделать нечто противозаконное».

В своей автобиографии Магрудер описывает свою первую встречу с Бобом Холдеманом в Сан-Клементе, в Калифорнии. Холдеман льстил ему и очаровал его: «Вы делаете нечто большее, чем просто зарабатываете деньги для вашей страны, – сказал ему Холдеман – Вы работаете, чтобы решать проблемы своей страны и мира в целом. Джеб, я сидел с президентом в ту ночь, когда первые астронавты ступили на Луну. Я участник того, как делалась история». В конце этого дня Холдеман и Магрудер отправились в дом президента. Холдеман пришел в ярость от того, что ему пришлось ждать гольф-мобиль (электромобиль для игроков в гольф на два места), и устроил «суровую выволочку» своему помощнику, пригрозив его уволить, если парень не может нормально выполнять свою работу. Магрудера это очень удивило, тем более что вечер был чудесный, и идти было всего ничего. Сначала Магрудер думал, что тирада Холдемана была неоправданно грубой, но вскоре, поскольку Магрудер очень хотел получить эту работу, он начал оправдывать поведение Холдемана: «Проведя всего несколько часов в Сан-Клементе, я был поражен безукоризненным совершенством жизни там. Если вы испорчены подобным уровнем комфорта, вам может показаться нетерпимым сбоем даже такая мелочь, как отсутствие гольфмобиля»<sup>25</sup>.

Итак, еще до ужина, на котором ему официально предложили работу, Магрудер оказался на крючке. Это было первым маленьким шагом на пути к Уотергейту. Оказавшись в Белом доме, он соглашался на мелкие этические компромиссы, которые почти все политики оправдывают необходимостью служения своей партии. Потом, когда Магрудер и другие сотрудники работали для переизбрания Никсона на второй срок, среди них появился Гордон Лидди, которого нанял министр юстиции США Джон Митчелл на роль юридического советника Магрудера. Лидди был авантюристом, «несостоявшимся Джеймсом Бондом». Его первым планом, который должен был гарантировать переизбрание Никсона, было нанять «банды громил», которые будут разгонять демонстрации протеста, похитить активистов, которые

могут помешать предвыборному съезду республиканцев; использовать саботаж, чтобы помешать предвыборному съезду демократов, использовать «элитных» проституток, чтобы соблазнить, а потом шантажировать лидеров демократов; незаконно проникать со взломом в офисы демократов; а также подслушивать и записывать разговоры тех, кого республиканцы считали своими врагами.

Митчелл не одобрил наиболее экстремистские аспекты этого плана, кроме того, он счел план слишком дорогим. Поэтому Лидди вернулся с предложением просто проникнуть в штаб-квартиру демократов в отеле Уотергейт и установить там подслушивающие и записывающие устройства. На этот раз Митчелл план одобрил, и все принялись его реализовывать. Как они оправдывали нарушение закона? «Если бы Лидди в самом начале пришел к нам и сказал „У меня есть план проникнуть со взломом в офис Ларри О’Брайена и установить там прослушку“, – мы могли сразу отвергнуть подобную идею, – писал Магрудер – Вместо этого он пришел к нам со своим изощренным планом, включавшим девушек по вызову/похищения/избиения/саботаж/подслушивание, и мы начали этот план урезать, все время испытывая ощущение, что должны хотя бы что-то оставить Лидди. Мы думали, что он нам нужен, и нам не хотелось отсылать его ни с чем». Наконец, сообщает Магрудер, план Лидди был одобрен из-за параноидального климата, царившего в Белом доме. «Решения, которые сегодня кажутся безумными, тогда представлялись разумными. Мы уже прошли ту черту, когда нас могли удовлетворить полумеры или джентльменские тактики»<sup>26</sup>

Когда Магрудер впервые вошел в Белый дом, он был порядочным человеком. Но он начал, шаг за шагом, соглашаться совершать бесчестные поступки, оправдывая каждый такой поступок. Он оказался в ловушке примерно так же, как почти 3000 людей, принявших участие в знаменитом эксперименте социального психолога Стэнли Милгрэма (в некоторых источниках – Милграм – *примеч ред*)<sup>27</sup>. В первоначальной версии этого эксперимента две трети его участников, как им тогда казалось, наказывали электрошоком опасной для жизни интенсивности другого человека, просто потому что руководитель эксперимента продолжал им говорить: «По условиям эксперимента требуется, чтобы вы продолжали». Этот эксперимент почти всегда описывается как исследование подчинения авторитету. Конечно, это так, но этим он не исчерпывается. Это также демонстрация долгосрочных эффектов самооправдания<sup>28</sup>.



Представьте, что представительный мужчина в белом лабораторном халате подходит к вам и предлагает 20 \$ за участие в научном эксперименте. Он говорит: «Я хочу, чтобы вы нанесли очень болезненный удар электрошоком в 500 вольт другому человеку. Это поможет нам понять роль наказаний в обучении». Вероятно, вы откажетесь: деньги не могут оправдать причинения вреда другому человеку, даже в научных целях. Конечно, найдется несколько человек, которые это сделают за двадцатку, но многие не станут делать это и за 20 000 \$, а большинство объяснит ученому, куда ему следует засунуть себе эти деньги.

Предположим теперь, что ученый постепенно заманивает вас в ловушку. Допустим, он предлагает вам 20 \$ за то, что вы примените очень слабый электрошок (10 вольт) к парню в другой комнате, чтобы узнать, поможет ли это ему лучше обучаться. Экспериментатор даже испробует 10 вольт на вас, и вы почти ничего не почувствуете. Итак, вы согласитесь. Это безвредно, а эксперимент представляется довольно интересным (Кроме того, вы всегда хотели узнать, пойдет ли вашим детям на пользу, если вы их отшлепаете). Вы работаете какое-то время, и теперь экспериментатор вам говорит, что, если ученик даст неверный ответ, вы должны перейти на следующую ступень – 20 вольт. Это также нечувствительный и безвредный разряд. Поскольку вы только что применяли к ученику 10 вольт, вы не видите причин, почему бы ни попробовать на нем 20 вольт. А потом, используя 20 вольт, вы говорите себе – 30 вольт мало отличаются от 20, давайте попробуем 30. Он снова допускает ошибку, и ученый говорит вам: «Пожалуйста, переходите на следующий уровень – 40 вольт».

Где вы проведете черту? Когда вы решите: стоп, довольно? Будете ли вы продолжать эксперимент до 450 вольт или даже выше, до напряжения с отметкой ОПАСНО? Когда этот вопрос задают людям, не участвовавшим в эксперименте, почти никто не предсказывает, что доберется до 450 вольт. Но, когда люди в реальности оказываются в этой ситуации, две трети из них доходят до максимального и, как они полагают, опасного уровня. Они делают это, оправдывая каждый свой следующий шаг: это слабый электрошок, ему совсем не больно, 20 вольт мало чем отличается от 10; если я дал 20, почему не дать 30? По мере того, как они шаг за шагом оправдывают свои поступки, они оказываются все более привязанными к ситуации. К тому времени, когда «ученики» получают то, что «учителя» считают сильным электрошоком, большинству «учителей» трудно оправдать

решение прекратить эксперимент. Те из них, кто еще в начале эксперимента высказывал сомнение в допустимости его процедуры, реже оказывались в ловушке принятых на себя обязательств и чаще прекращали эксперимент.

Эксперимент Милгрэма показывает нам, как обычные люди могут совершать аморальные и вредные поступки, если возникает «цепная реакция» поступков и последующих самооправданий. Когда мы в роли наблюдателей, смотрим на них и испытываем недоумение или беспокойство, мы не понимаем, что наблюдаем лишь конечную стадию длительного и медленного спуска с пирамиды. Выслушав приговор, Магрудер сказал судье Джону Сирика: «Я знаю, что я совершил, и вы, Ваша честь, знаете, что я совершил. Где-то среди своих амбиций и идеалов я потерял мой этический компас». Как честный человек может потерять свой этический компас? Вы заставляете его каждый раз делать один маленький шаг, а самооправдания довершат все остальное.



**З**нание о том, как работает диссонанс, не поможет нам автоматически приобрести иммунитет против искушения использовать самооправдания, как узнал Эллиот, купивший каноэ в январе. Вы не можете просто взять и сказать людям после эксперимента с «трудными испытаниями» для вступления в группу: «Видите, как вы уменьшаете диссонанс? Правда, это интересно?» – и ожидать, что они ответят: «О, спасибо вам за то, что вы мне объяснили настоящую причину, по которой мне нравится эта группа. Это, конечно, поможет мне поступать умнее!» Все мы, чтобы сохранить веру в то, что мы умны, иногда делаем глупые вещи. Тут ничем не поможешь. Мы созданы такими.

Но это не значит, что мы обречены на то, чтобы всегда пытаться оправдывать свои действия задним числом, и что мы подобно Сизифу,

---

\* Существует документальный фильм под названием «Повиновение» («Obedience»), куда включены съемки скрытой камерой реальных экспериментов С. Милгрэма. Подробнее об экспериментальных методиках, исследованиях проблемы власти, подчинения и ответственности можно также прочитать в книге Милгрэм С. Эксперимент в социальной психологии / Стэнли Милгрэм; пер. с англ. Н. Вахтинг [и др.] – 3-е междунар. изд. – СПб: Питер, 2002 – *Примеч. ред.*

не в состоянии добраться до вершины «горы» и принять себя. Более глубокое понимание того, как и почему работает наш мозг – это первый шаг к преодолению привычки самооправдания. И это, в свою очередь, требует от нас внимательнее анализировать свое поведение и причины наших решений. Это требует времени, саморефлексии и желания.

Консервативный обозреватель Уильям Сафайр однажды описал «политико-психологическую проблему», с которой сталкиваются избиратели, а именно «как справиться с когнитивным диссонансом»<sup>29</sup>. Он начинает с истории о своей собственной проблеме. Во время правления Клинтона, рассказывает Сафайр, он критиковал Хиллари Клинтон за то, что она скрывала имена участников своей группы консультантов, с которыми она занималась проблемами здравоохранения. Он написал статью, осуждавшую ее попытки сохранить секретность, которые, как он утверждал, вредны для демократии. Никакого диссонанса в этом случае нет, поскольку эти плохие демократы делают плохие вещи. Через шесть лет, однако, он обнаружил, что его «поразил» когнитивный диссонанс, когда вице-президент Дик Чейни, консервативный республиканец, которым Сафайр восхищался, настаивал на том, чтобы сохранить в секрете имена участников своей рабочей группы, с которыми он разрабатывал энергетическую политику. Как поступил Сафайр? Поскольку он знал о диссонансе и о том, как он работает, он сделал глубокий вдох, подтянул брюки и совершил трудный, но добродетельный поступок – написал статью, в которой публично раскритиковал действия Чейни. Ирония заключалась в том, что благодаря его критике Чейни, Сафайр получил несколько писем с похвалами от либералов, что, как он признался, снова вызвало у него сильный диссонанс. Боже мой, как же он ухитрился сделать нечто такое, что одобрили эти люди?

Способность Сафайра обнаружить собственный диссонанс и устранить его, совершив справедливый поступок, – это редкость. Как мы увидим, такая готовность признать, что его собственная сторона допустила ошибку, редкое качество. Вместо этого люди склонны искажать восприятие событий прошлого в выгодную для себя и своей команды сторону. Конкретные способы варьируют, но наши усилия оправдывать себя всегда нацелены на то, чтобы удовлетворить нашу потребность в позитивном отношении к тому, что мы сделали, к тому, во что мы верим, и к тому, какие мы есть.



# Глава 2

«Что ты смотришь на соринку в глазу брата твоего,  
а бревна в своем глазу не замечаешь?»

*- 1 евангель*



## Гордость и предубеждение ... и другие «слепые зоны»

**К**огда публика узнала о том, что судья Верховного суда США Антонин Скалиа летал в Луизиану на правительственном самолете для охоты на уток с вице-президентом Диком Чейни, несмотря на то, что Чейни должен был вскоре предстать перед Верховным судом, поднялась буря протестов против очевидного конфликта интересов у Скалиа. Сам Скалиа негодовал по поводу сомнений в его способности оценить степень соответствия конституции требования Чейни признать законным его нежелание разглашать имена участников созданной им рабочей группы по проблемам энергетики из-за его совместной с Чейни «утиной охоты». В своем письме в газету Los Angeles Times, объясняющим, почему он не хочет взять самоотвод, Скалиа писал: «Я не думаю, что есть основания сомневаться в моей беспристрастности».

Нейропсихолог Стэнли Берент и невролог Джеймс Олберс были наняты железнодорожной компанией CSX Transportation Inc и химической компанией Dow Chemical, чтобы расследовать судебные иски железнодорожников, утверждавших, что вредное воздействие на них химикатов приводит к необратимым патологическим изменениям мозга и другим заболеваниям. У более 600 железнодорожников в 15 штатах были диагностированы заболевания мозга, вызванные органическими растворителями, содержащими хлор, которые они перевозили. CSX заплатила более 170 000 \$ консалтинговой фирме Берента и Альберса за исследование, ставившее под сомнение влияние работы с промышленными растворителями на заболевания мозга. Проведя свое исследование, в котором использовались данные из медицинских карт работников, причем, согласие работников на это не было получено, два ученых выступали экспертами-свидетелями во время суда на стороне юристов, представлявших CSX. Берент не видел никаких этических проблем в своем исследовании, которое, как он утверждал, «дало важную информацию о влиянии растворителей на здоровье». Впоследствии Берент и Олберс получили выговор



от Федерального отдела защиты людей-участников экспериментов из-за очевидного конфликта интересов в этом исследовании <sup>1</sup>

\* \* \*

Когда вы входите в Музей толерантности в Лос-Анджелесе, то оказываетесь в комнате, где находятся интерактивные экспонаты, позволяющие определить, к каким категориям людей вы проявляете нетерпимость. Среди них есть как привычные «мишени» (темнокожие, женщины, евреи, гомосексуалисты), так и низкорослые люди, толстые люди, блондинки, инвалиды. Вы смотрите видео о различных предубеждениях, свидетельствующее о том, что у каждого человека, включая вас самих, они есть, а потом вас приглашают, собственно, войти в музей через одну из двух дверей – на одной написано ДЛЯ ПРЕДУБЕЖДЕННЫХ, а на другой – ДЛЯ НЕПРЕДУБЕЖДЕННЫХ. Вторая дверь заперта на тот случай, если кто-то не поймет видео, но иногда некоторые люди все же пытаются в нее войти. Когда мы однажды пришли в музей, то увидели четверку ортодоксальных евреев-хасидов, которые сердились и стучали в дверь ДЛЯ НЕПРЕДУБЕЖДЕННЫХ, требуя, чтобы ее для них открыли.

\* \* \*

Мозг сконструирован так, что у него есть «слепые зоны», как оптические, так и психологические, и один из хитрых трюков – создать у нас иллюзию, будто лично у нас таких «слепых зон» нет. В каком-то смысле теория диссонанса – это теория «слепых зон», объясняющая, как и почему люди непреднамеренно ослепляют сами себя, так что перестают замечать важные события и информацию, которые могли бы поставить под сомнение их поведение или убеждения. Наряду с «ошибкой подтверждения», в мозгу формируются и другие механизмы, позволяющие нам оправдывать наши впечатления и представления, считая их более точными, реалистичными и непредвзятыми. Социальный психолог Ли Росс называет этот феномен «наивным реализмом» – это непоколебимое убеждение в том, что мы ясно воспринимаем объекты и явления «такими, какие они есть» <sup>2</sup>

Мы предполагаем, что другие разумные люди воспринимают мир так же, как и мы. Если они не соглашаются с нами, то, очевидно, что их восприятие – неверное. Наивный реализм создает логический лаби-

ринг, потому что он предполагает две вещи – во-первых, люди, которые объективны и честны, должны соглашаться с разумным мнением, и, во-вторых, любое мое мнение – разумное, ведь в противном случае я бы не стал его придерживаться. Таким образом, если мне просто удастся убедить моих оппонентов выслушать меня, чтобы я мог им объяснить, как дело обстоит в реальности, они согласятся со мной. А, если они со мной не согласятся – это свидетельство их предвзятости.

Росс знает, о чем говорит, опираясь на опыт своих лабораторных экспериментов и попыток разрешить острый конфликт между израильтянами и палестинцами. Даже когда каждая из сторон признает, что другая воспринимает проблемы по-иному, она просто думает, что другая сторона предвзята, а они сами – объективны, и что именно их восприятие ситуации должно послужить основой для соглашения. В одном из экспериментов Росс взял предложение о мирном договоре, подготовленное израильскими участниками переговоров, представил его как проект, подготовленный палестинцами, и попросил граждан Израиля его оценить, и наоборот. «Израильтянам проект палестинцев, когда его приписали Израилю, понравился больше, чем настоящий израильский проект, приписанный палестинцам, – говорит он – Если ваш собственный проект перестает быть для вас привлекательным, когда его поддерживает другая сторона, каковы же шансы на то, что вам понравится проект, действительно разработанный другой стороной?»<sup>1</sup>

В США социальный психолог Джеффри Коэн обнаружил, что демократы поддержат серьезные сокращения ассигнований на социальное обеспечение, которые обычно ассоциируются с республиканцами, если думают, что их предлагает Демократическая партия, а республиканцы – поддержат щедрое финансирование социальных программ, если будут думать, будто их предложила Республиканская партия.<sup>4</sup> Но сообщите, что то же самое предложение якобы пришло от другой стороны, и эффект будет такой же, как если бы вы им предложили поддержать политику Усамы бен Ладена. Никто из участников исследования Коэна не знал о своей «слепой зоне» – о том, что на их мнение влияет их собственная партийная принадлежность. Все они, напротив, утверждали, будто их убеждения логично вытекают из тщательного изучения предложенного проекта и их базовых философских воззрений на управление обществом.

Росс с коллегами обнаружили, что мы верим в то, что наши собственные взгляды более беспристрастны и независимы, чем у других,

отчасти потому, что мы полагаемся на интроспекцию – собственное осмысление того, как мы думаем и чувствуем, но у нас нет возможности узнать, что в действительности думают другие люди<sup>5</sup>. И, когда мы занимаемся интроспекцией, заглядывая в наши души и сердца, наша потребность избежать диссонанса заверяет нас в том, что у нас только самые лучшие и честные мотивы. Мы принимаем собственную заинтересованность какой-то проблемой как основание для того, чтобы считать, что наше мнение – верное и обоснованное. «Меня годами интересовала проблема контроля над огнестрельным оружием, следовательно, я знаю, о чем я говорю», – но точно такую же заинтересованность в проблеме других людей, взгляды которых отличаются от наших, мы считаем источником их предвзятости. «Она не может беспристрастно рассуждать о контроле над огнестрельным оружием, потому что долгие годы была вовлечена в эту проблему».

Все мы не осознаем свои «слепые зоны» подобно тому, как рыбы не знают, что плавают в воде, но те из нас, кто пользуется какими-либо привилегиями, испытывают особенно сильную мотивацию оставаться в неведении. Когда Мариния Фарнем стала знаменитой и богатой в конце 1940-х – начале 1950-х гг., советуя женщинам оставаться дома и растить детей, чтобы не подвергаться рискам фригидности, развития неврозов и утраты женственности, она не замечала противоречия (или иронии) в том факте, что она сама пользовалась привилегией работать врачом, а не сидеть дома и растить детей, включая и двоих собственных. Когда богатые люди говорят о бедных, они редко благодарят свою судьбу за то, что им повезло оказаться богатыми, и не задумываются о том, что, возможно, это везение незаслуженно. Привилегии – это их «слепые зоны»<sup>6</sup>. Привилегии остаются для них невидимыми, они их не анализируют, они оправдывают свой высокий социальный статус как нечто, принадлежащее им по праву. Тем или иным способом все мы не замечаем тех привилегий, которые подарила нам жизнь, даже если это временные привилегии. Большинство людей, которые обычно летают экономическим классом, для которого придуман вызывающий иронические ассоциации эвфемизм «главный салон», считают привилегированных пассажиров бизнес-класса и первого класса расточительными снобами, хотя и завидуют им. Представьте, сколько денег они выбрасывают, переплачивая за короткий шестичасовой полет<sup>7</sup>. Но, если они решают купить билет в бизнес-класс или их в него пересаживает стюардесса – их взгляды меняются, и теперь у них наготове самооправдания, представляю-

щие собой комбинацию жалости и презрения по отношению к их бывшим соседям-пассажирам, уныло проходящим мимо них на свои дешевые места

Водители не могут устранить «слепые зоны» в своем поле зрения, но хорошие водители осведомлены о них – они знают, что нужно быть осторожным, когда дасшь задний ход или меняешь ряд, если не хочешь врезаться в пожарный гидрант или другие машины. Наши внутренние предубеждения, как о них сказали два ученых-правоведа «подобны в двух важных отношениях зрительным иллюзиям – они приводят нас к неверным выводам из имеющихся данных, а их мнимая правота продолжает вводить нас в заблуждение, даже если нам объяснили, в чем мы заблуждаемся»<sup>7</sup>. Нам не избежать своих психологических «слепых зон», но, если мы не знаем о них, мы можем стать неоправданно безрассудными, пренебречь этическими нормами и принять глупые решения. Интроспекция нам не поможет, потому что она только подтвердит наши самооправдания и ложную уверенность в том, что лично мы – не можем совершать дурные поступки или поддаться коррупции, и что наша нелюбовь или ненависть по отношению к другим группам не иррациональны, а, напротив, оправданы и легитимны. «Слепые зоны» усиливают наши тщеславие и предубежденность.

## Дорога на Сент-Эндрюс

«Самый большой недостаток, должен сказать – это не осознавать никаких недостатков»

*– историк и эссеист Томас Карлайл*

Автор редакционных статей в газете New York Times Дороти Сэмюэлс обобщила мысли большинства из нас, после того как мы узнали, что конгрессмен Том Делей, в прошлом лидер республиканцев в Палате представителей, принял предложение Джека Абрамоффа – коррумпированного лоббиста и, как оказалось, полицейского информатора, бесплатно слезать в Шотландию, чтобы поиграть в гольф на легендарном поле для игры в гольф Сент-Эндрюс, по какой причине разразился скандал по поводу коррупции в Конгрессе.

«Я писала о сомнительных поступках публичных должностных лиц много лет, – говорит она, – и все еще не понимаю почему кто-то рискует своей репутацией и карьерой, получая что-то бесплатно от лоббиста, например, поездку на дорогой курорт?»<sup>1</sup>

Теория диссонанса дает нам ответ – это происходит постепенно, шаг за шагом. Хотя есть много бесстыдных коррумпированных политиков, которые продают свои голоса тем, кто делает крупные финансовые пожертвования, большинство политиков под влиянием своих «слепых зон» верят, что не подвержены коррупции. Когда они еще только начинают политическую карьеру, они принимают приглашение пообедать с лоббистом, потому что, в конце концов, именно так работает политика, и разве это не объективный способ получить информацию о готовящемся законопроекте, не правда ли? «Кроме того, – говорит политик, – лоббисты, как и другие граждане, используют свое право на свободу слова. Мне просто нужно их выслушать, но я решаю, как мне голосовать, с учетом того, поддерживает моя партия и мои избиратели данный законопроект, и соответствует ли он интересам американского народа».

Однако после того как вы приняли эту первую безобидную приманку и оправдали свой поступок, вы начинаете соскальзывать вниз по грани пирамиды. Если вы пообедали с лоббистом, чтобы обсудить готовящийся законопроект, почему бы не поговорить с ним, например, на поле для гольфа? В чем разница? Это ведь более приятное место для беседы. А, если вы беседовали с ним на местном поле для игры в гольф, почему бы не принять дружеское предложение отправиться играть с ним в гольф на гораздо лучшем поле, например, таком как Сент-Эндрюс в Шотландии? Что в этом плохого? К тому времени, когда политик оказывается у подножия пирамиды, принимая и оправдывая все более дорогие «подарки», публика начинает возмущаться. «Он говорит, что в этом плохого? Он, что, шутит?» Политик не шутит. Дороги Сэмюэла права – кто поставит под удар карьеру и репутацию из-за поездки в Шотландию? Ответ никто, если бы это было первым принятым предложением, но многие из нас примут такое предложение, если мы ранее приняли много мелких подарков. Тщеславие с последующими самооправданиями – вот что прокладывает путь в Шотландию.

Конфликт интересов и полигика – это синонимы, и все понимают, какие удобные для себя компромиссы используют политики, чтобы сохранить собственную власть за счет общего блага. Труднее заметить

и понять, что точно такой же процесс влияет на судей, ученых и врачей – специалистов, которые гордятся своей способностью сохранять интеллектуальную независимость ради правосудия, научного прогресса или заботы о здоровье людей. Это специалисты, профессиональная подготовка и профессиональная культура которых утверждают ценность беспристрастности. Большинство из них негодует, если кто-то только намекает, что их профессиональные или личные интересы могут повлиять на их работу. Их профессиональная гордость проявляется в том, что они считают себя выше подобных проблем. Нет сомнений, что для некоторых из них это справедливо, но на другом конце спектра – бесчестные судьи и ученые, поддавшиеся собственному тщеславию или корысти. (К ним относится южно-корейский ученый Хван-У-Сук, признавший, что фальсифицировал данные о клонировании, и его поступок вполне сопоставим с поведением бывшего американского конгрессмена Рэнди «Дьюка» Каннингема, отбывающего тюремный срок за получение миллионных взяток и уклонение от налогов). Между двумя крайними полюсами безукоризненной честности и вопиющей бесчестности находится большинство специалистов-профессионалов, таких же людей, как и все мы, и у них, как и у нас, есть свои «слепые зоны». Но, к несчастью, они даже в большей степени, чем «обычные люди» склонны считать себя безукоризненными, и поэтому им легче попасться на крючок.

Было время, и это было не так давно, когда большинство ученых не поддавались соблазну заняться коммерцией. Когда Джонаса Салка, автора вакцины против полиомиелита в 1954 г. спросили, будет ли он ее патентовать, он ответил: «Разве можно запатентовать солнце?» Каким милым и наивным это кажется сегодня – представьте, вы отдаете ваше открытие людям, не пытаясь получить за него несколько миллионов долларов. Научная культура ценила разделение исследований и коммерции, и университеты поддерживали брандмауэры, разделяющие эти две сферы. Ученые получали финансирование от правительства или независимых организаций, что давало им определенную свободу, чтобы проводить годы, исследуя проблему, которая могла, как принести, так и не принести интеллектуальный и практический результаты. К ученому, который становился известен широкой публике, получая прибыль от своих открытий, относились с подозрением или даже презрением. «Считалось неподобающим для биолога думать о каких-то коммерческих проектах, одновременно занимаясь фундаментальными исследованиями, – говорит специалист

по этике биологических исследований и ученый Шелдон Кримски – Эти две вещи не смешивались. Но, когда ведущие фигуры в области биологии начали активный поиск коммерческих приложений и схем для быстрого обогащения, они помогли изменить этические нормы этой сферы. Теперь ученые, преуспевающие в коммерции, обрели высокий престиж»<sup>9</sup>

Важнейшее событие произошло в 1980 г., когда Верховный суд постановил, что допустимо выдавать патенты на генетически модифицированные бактерии, независимо от процесса их создания. Это означает, что вы можете получить патент на открытый вирус, измененное растение, выделенный ген или модификацию любого живого организма как на «продукты производства». Началась золотая лихорадка, или дорога ученых в Сент-Эндрюс. Вскоре многие профессора молекулярной биологии начали работать в экспертных комиссиях биотехнологических корпораций и стали владельцами акций компаний, продававших продукты, основанные на результатах их исследований. Университеты, искавшие новые источники доходов, начали организовывать отделы по защите интеллектуальной собственности и создавать стимулы для преподавателей, чтобы они патентовали свои открытия. В 1980-е гг. идеологический климат изменился: если раньше наука ценилась за ее собственные достоинства, или как средство удовлетворения общественных потребностей, то теперь она ценится за прибыли, которые может приносить частным лицам. Были приняты существенные изменения налогового и патентного законодательства, федеральное финансирование исследований резко сократилось, а налоговые льготы резко повысили финансирование, предоставляемое промышленностью. Правительственное регулирование фармацевтической отрасли было отменено, и она стала одним из самых прибыльных бизнесов в Соединенных Штатах<sup>10</sup>.

А потом разразились скандалы, связанные с конфликтами интересов исследователей и врачей. Крупные фармацевтические корпорации производили новые, сохраняющие жизни лекарства, но также и такие препараты, которые в лучшем случае были ненужными, а в худшем – рискованными: более трех четвертей лекарств, одобренных в период с 1989 по 2000 гг., были только незначительными улучшениями уже существующих лекарств, стоили почти в два раза дороже, чем предшественники, а риски при их использовании были выше<sup>11</sup>. К 1999 г. несколько широко распространенных лекарств, включая Резулин и Лотронекс, были изъяты с рынка по соображениям безопасности.

Ни одно из этих лекарств не было необходимым для спасения жизни (это были средство против изжоги, диетические пилюли, болеутоляющее и антибиотик), и ни одно не было лучше, чем прежние, более безопасные лекарства. Однако эти семь медицинских препаратов были ответственны за 1002 смерти и тысячи осложнений.<sup>12</sup>

Реакцией публики был не только гнев, который она обычно испытывает по отношению к бесчестным политикам, но также беспокойство и удивление – как могли ученые и врачи продвигать лекарства, которые, как им было известно, причиняли вред? Разве они не видели, что продают? Как они могли оправдывать свои действия? Определенно, некоторые ученые, как и коррумпированные политики, отлично знали, что делали. Они занимались тем, для чего их наняли – получали результаты, которых хотели их работодатели, и утаивали информацию о тех результатах, о которых работодатели не хотели слышать, как поступали десятилетиями исследователи в табачных компаниях. Но, по крайней мере, защитники интересов граждан, контролирурующие органы и независимые ученые, в конце концов, смогли забить тревогу и привлечь внимание к сомнительным исследованиям и результатам. Еще большую опасность для публики представляют самооправдания благонамеренных ученых и врачей, которые из-за своей потребности ослабить диссонанс, сами искренне верят в то, что они не подвержены влиянию финансирующих их исследования корпораций. Однако, подобно растениям, поворачивающимся к солнцу, они действуют в интересах своих спонсоров, не осознавая последствий.

Каким образом мы узнаем об этом? Один из способов – сравнить результаты исследований, которые финансируют независимые источники, с теми, которые финансируют корпорации из данной отрасли.

- Два ученых проанализировали 161 исследование возможного риска для здоровья от четырех химических соединений, результаты которых были опубликованы за шестилетний период. Среди исследований, финансируемых корпорациями, только в 14 % обнаружили вредные для здоровья эффекты, среди тех, которые финансировались из независимых источников, в 60 % обнаружили вредные эффекты.<sup>13</sup>
- Один ученый проанализировал более 100 контролируемых клинических испытаний, направленных на сравнение эффективности нового лекарства и уже использующихся лекарств. Среди ис-



следований, в которых делался вывод, что лучше продолжать использовать традиционные лекарства, 13 % финансировались фармацевтическими компаниями, а 87 % – некоммерческими организациями<sup>14</sup>

- Два датских исследователя проанализировали результаты 159 клинических испытаний, опубликованные с 1997 по 2001 гг в журнале *British Medical Journal*. Этот журнал требует, чтобы авторы сообщали о потенциальном конфликте интересов. Таким образом, можно сравнить те исследования, авторы которых объявили о конфликте интересов, с теми, в которых конфликта интересов не было. Анализ показал, что «выводы были значимо более позитивными в пользу экспериментального препарата» (т. е., нового лекарства в сравнении со старыми) в тех случаях, когда исследования финансировались коммерческими организациями<sup>15</sup>

Если большинство ученых, которых финансируют коммерческие корпорации, не обманывают сознательно, что же вызывает такое расхождение результатов? Клинические испытания новых лекарств усложняются многими факторами, включая продолжительность лечения, серьезность заболевания пациентов, побочные эффекты, дозировку нового лекарства и разнообразие пациентов, подвергающихся лечению. Интерпретация результатов редко оказывается ясной и однозначной, вот почему все научные исследования нуждаются в воспроизведении и уточнении, а большинство результатов допускают различные интерпретации. Если вы – беспристрастный ученый, и исследования вашего нового лекарства дали неоднозначные и вызывающие беспокойство результаты, например, оно, возможно, повышает риск инфаркта или инсульта, вы можете сказать: «Это тревожно, давайте продолжим исследования. Повышенный риск осложнений – это случайность? Он вызван новым лекарством, или просто пациенты, испытывавшие препарат, оказались слишком уязвимыми?»

Однако если вы заинтересованы показать, что ваше новое лекарство – эффективно, что оно лучше, чем прежние лекарства, вам захочется отбросить свои опасения и трактовать сомнительную ситуацию в пользу компании: «Это ничего. Нет нужды продолжать исследования». «У этих пациентов болезнь зашла слишком далеко». «Давайте предполагать, что это безопасное лекарство, пока нет доказательств обратного». Именно так рассуждали ученые, исследования которых финансировала фармацевтическая компания Merck, тестировавшие

многомиллиардный болеутоляющий препарат Виокс (Vioxx), пока его негативные эффекты не были доказаны независимыми учеными<sup>16</sup>

Вы также будете мотивированы искать только подтверждающие доказательства для вашей гипотезы и пожеланий ваших спонсоров. В 1998 г команда ученых сообщила в уважаемом медицинском журнале *Lancet*, что они обнаружили позитивную корреляцию аутизма и детской вакцинации. Естественно, это исследование вызвало большую тревогу у родителей, многие из которых отказались делать прививки своим детям. Через шесть лет 10 из 13 ученых, участвовавших в этом исследовании, отозвали свои результаты и сообщили, что у ведущего автора этой публикации Эндрю Уэйкфилда был конфликт интересов, о котором он не сообщил журналу. Он проводил исследование для юристов, представлявших интересы родителей больных аутизмом детей. Уэйкфилду заплатили более 800 000 \$, чтобы он определил, были ли основания для судебного иска, и он ответил «да» юристам еще до публикации результатов. «Мы считаем, что вся эта информация была бы значимой для нас, когда мы принимали решение о том, обоснованы ли результаты статьи, и подходит ли она для публикации», – писал Ричард Хоргон, редактор журнала *Lancet*<sup>17</sup>

Уэйкфилд, однако, не отозвал публикацию и не увидел в ней проблемы. «Конфликт интересов, – писал он в свое оправдание, – возникает, когда участие в одном проекте потенциально может повлиять или действительно влияет на объективную и беспристрастную оценку процесса выполнения или результата другого проекта. Мы не можем согласиться, что знание о том, что родители пострадавших детей после клинических исследований собирались подавать судебные иски, повлияло на содержание или тон нашей [ранее опубликованной] статьи. Мы подчеркиваем, что это была не научная статья, а клинический отчет»<sup>18</sup>. Ах, так это в итоге была не научная статья!

Конечно, нам неизвестны подлинные мотивы и мысли Эндрю Уэйкфилда об этом исследовании, но мы подозреваем, что он, как и Стэнли Берент, о котором рассказывалось в начале главы, убедил себя, что действовал честно, что выполнил работу хорошо и что на него не повлияли 800 000 \$, выплаченных ему адвокатами. Однако в отличие от истинно независимых ученых, у него не было стимула для того, чтобы искать и замечать данные, которые не подтверждают корреляцию между прививками и развитием аутизма, но, напротив, была заинтересованность в том, чтобы игнорировать такие данные. В реальности пять масштабных исследований не обнаружили при-

чинной зависимости между аутизмом и консервантом в вакцинах (этот консервант перестали использовать в 2001 г, однако вероятность развития аутизма после этого не снизилась) Эта корреляция случайная, и она объясняется тем, что аутизм обычно диагностируют у детей в том же возрасте, когда им делают прививки<sup>19</sup>

## Дар, приносящий ответные дары

Врачи, как и ученые, хотят верить в то, что их честность не может подвергаться сомнению. Но каждый раз, когда врач принимает гонорар или другое вознаграждение за выполнение каких-то тестов и процедур, за то, что направил своих пациентов на клинические исследования или прописал им новое дорогое лекарство, которое и не лучше, и не безопаснее, чем прежнее, он выбирает между здоровьем пациента и собственным финансовым благополучием. Их «слепая зона» помогает им делать выбор в пользу собственных финансовых интересов, а потом оправдать его: «Если фармацевтическая компания дарит нам ручки, блокноты, календари, сувениры, угощает обедом или платит небольшую сумму за консультации, почему бы и нет? Нас не купит за побрякушки и пиццы». По данным опросов, врачи считают небольшие подарки более приемлемыми с этической точки зрения, чем крупные подарки. Американская медицинская ассоциация согласна с этим и одобряет подарки от представителей фармацевтических компаний, если стоимость одного подарка не превышает 100 \$. Но, однако, есть данные, что на большинство врачей маленькие подарки влияют даже сильнее, чем крупные.<sup>20</sup> Фармацевтические компании знают об этом, и, возможно, это одна из причин роста их расходов на маркетинг, нацеленный на врачей, с 12,1 млрд долларов в 1999 г до 22 млрд долларов в 2003 г. На такие деньги можно купить очень много безделушек.

Причина, по которой крупные фармацевтические компании так много тратят на мелкие подарки, хорошо известна маркетологам, лоббистам и социальным психологам: получение подарка вызывает неосознанное желание ответить взаимностью. Компания Fuller Brush, производитель средств личной гигиены и чистящих принадлежностей для дома, поняла этот принцип десятки лет тому назад, когда стала пионером использования приема «нога в дверь»: подарите домохо-

зайке щеточку – и она не захлопнет перед вами дверь. Если она не захлопнет перед вами дверь, то будет более склонна пригласить вас войти в свой дом, и, в конечном итоге, купит ваши дорогие щетки. Психолог Роберт Чалдини, много лет изучавший приемы влияния и убеждения, систематически наблюдал, как члены секты Хари Кришна собирают деньги в аэропортах<sup>1</sup>. Пока они прямо просили усталых пассажиров давать им деньги – это не работало, а, напротив, вызывало раздражение. Так что кришнаиты придумали более плодотворную идею – они подходили к намеченным пассажирам и давали им цветы или прикалывали цветы к их курткам и пиджакам. Если пассажиры отказывались от цветка и пытались его вернуть, кришнаиты его не брали и говорили: «Это наш подарок вам». Только после этого кришнаиты просили денежные пожертвования. На этот раз их просьба обычно принималась, потому что подаренный цветок вызывал у пассажиров ощущение, что они в долгу перед кришнаитами и чем-то им обязаны. Как же отблагодарить их за подарок? Пожертвовав им небольшую сумму – и, возможно, купив у них чудесно оформленное, но продаваемое по чересчур высокой цене издание «Бхагавад-гиты».

Осознавали ли пассажиры то, как погребность во взаимности влияет на их поведение? Абсолютно нет. Когда механизм взаимности начинает работать, за ним следуют самооправдания: «Я всегда хотел купить „Бхагавад-гиту“ и узнать, что она собой представляет». Влияние подаренного цветка не осознается: «Это просто цветок», – говорит пассажир. «Это всего лишь пицца», – говорит врач-стажер. «Это всего лишь небольшое финансовое пожертвование, которое нам необходимо, чтобы провести этот образовательный симпозиум», – говорит врач. Но влияние цветка-подарка и его аналогов – это одна из причин, по которой количество контактов врачей с представителями фармацевтических компаний положительно коррелирует со стоимостью лекарств, прописанных впоследствии этими врачами. «Этот представитель компании очень убедительно говорил о новом лекарстве, я должен его попробовать, моим пациентам оно поможет», – как только вы приняли подарок, каким бы незначительным он ни был, процесс запускается. У вас возникнет побуждение дать что-то взамен, даже если поначалу это будет только ваше внимание, готовность выслушать, симпатия по отношению к тому, от кого вы получили подарок. В итоге вы будете более склонны прописать это лекарство, принять судебное решение в пользу дарителя, отдать ему на выборах ваш голос. Ваше поведение изменяется, но благодаря «сле-

пым зонам» и самооправданиям ваши представления о собственной интеллектуальной и профессиональной честности не меняются.

Карл Эллиот, специалист по биологической этике и философ, который раньше был врачом, много писал о том, как небольшие подарки заманивают в ловушку их получателей. Его брат Хэл, психиатр, рассказал ему, как вошел в круг лекторов, представляющих крупную фармацевтическую компанию. Сначала они попросили его прочитать в одной соседской общине лекцию о депрессии. Почему бы и нет, подумал он, это будет полезно для общества. Потом они попросили его выступить на ту же тему в госпитале. Затем они стали давать ему рекомендации по поводу содержания его выступления, побуждая его говорить не о депрессии, а об антидепрессантах. Потом они сказали, что могут его включить в национальный комитет лекторов, «где уже настоящие деньги». Через некоторое время они попросили его читать лекцию о своем новом антидепрессанте. Вспоминая об этом, Хэл говорил своему брату:

«Это похоже на ситуацию, когда вы – женщина и ваш босс на вечеринке говорит вам „Послушай, окажи мне услугу, будь милой и любезной вон с тем парнем“. И ты видишь, что парень симпатичный, а ты свободна, и отвечаешь „Почему бы и нет? Я могу это сделать“. Вскоре вы оказываетесь на пути в Таиланд в грузовом отсеке самолета без опознавательных знаков, и, прилетев в Бангкок, окажетесь в борделе. И вы говорите „Ай, это совсем не то, на что я соглашалась“. Но вам следует спросить себя „А когда я сделала первый шаг к проституции? Не на той ли вечеринке?“»<sup>22</sup>

Сегодня даже специалисты по этике попадают в ловушку этих «сторожевых псов морали» приручили лисы, которых они обучались ловить. Фармацевтическая и биотехнологическая отрасли предлагают плату за консультации, контракты и гонорары биоэтикам, тем самым людям, которые пишут, в числе прочего, об опасностях конфликта интересов между профессиональным долгом и материальными интересами у врачей. Карл Эллиот описал, как его коллеги оправдывают то, что берут деньги: «Защитники корпоративных консультаций часто негодуют по поводу предположения, что, принимая деньги от отрасли, они ставят под сомнение свою непредвзятость или что их моральные суждения утрачивают объективность», – пишет он.

«Объективность – это миф, – сказала мне биоэтик Эван Деренцо, приводя аргументы из феминистской философии в поддержку своей точки зрения – Я не думаю, что среди живых есть кто-то, абсолютно не заинтересованный в том, какие результаты принесут его действия» Это весьма изобретательное самооправдание, которое поможет вам избавиться от диссонанса «Раз уж настоящей объективности все равно не бывает, я могу принять плату за консультацию»

Томас Дональдсон, директор программ по этике в школе бизнеса Уортон (Wharton), оправдывал эту практику, сравнивая консультантов с независимыми бухгалтерскими фирмами, которые компания может нанять для аудита своих финансов Почему бы не провести аудит их этических принципов? Эта попытка самооправдания также привлекла внимание Карла Эллиота «Этический анализ совсем не похож на финансовый аудит», – говорит он Злоупотребления бухгалтера можно обнаружить и проверить, но как вы обнаружите злоупотребления консультанта по этике? Эллиот продолжает «Как вы определите разницу между консультантом по этике, изменившим свое мнение по вполне легитимным причинам, и консультантом, сделавшим это из-за денег? Как вы отличите консультанта, нанятого за его честность, и того, кого наняли, потому что он поддерживает план действий компании?»<sup>21</sup> Все же, усмехается Эллиот, мы, возможно, должны быть благодарны Совету по этическим и правовым вопросам Американской медицинской ассоциации (АМА), выступившему с инициативой образовательной программы для врачей, посвященной этическим проблемам, связанным с принятием подарков от фармацевтической отрасли Эта инициатива получила финансовую поддержку от ряда фармацевтических компаний Eli Lilly and Company; GlaxoSmithKline, Inc.; Pfizer, Inc ; U S Pharmaceutical Group; AstraZeneca Pharmaceuticals; Bayer Corporation; Procter & Gamble и Wyeth-Ayerst Pharmaceutical, предоставивших подарки для врачей общей стоимостью в 590 000 \$

## Мозговой сбой

«Эл Кампанис был очень приятным, даже добрым и все же человеком с изъяном, допустившим одну колоссальную ошибку за тот 81

год, который он прожил на Земле – ошибку, которая навсегда будет связана с его образом»

– спортивный журналист Майк Литтвин  
по случаю смерти Кампаниса, 1998 г

Телевизионная вечерняя информационная программа Nightline 6 апреля 1987 г посвятила весь выпуск сорокалетию дебюта Джеки Робинсона в высшей бейсбольной лиге Тед Коппел интервьюировал Эла Кампаниса, главного менеджера бейсбольной команды Dodgers из Лос-Анджелеса, который был связан с этой командой с 1943 г и был одноклубником Робинсона в команде Royals из Монреаля в 1946 г В том году он ударил по лицу белого игрока, оскорбившего Робинсона, и потом выступал за доступ темнокожих игроков в высшую бейсбольную лигу Но потом, беседа с Коппелом, Кампанис поставил свой мозг на «автопилот» Коппел спросил Кампаниса как старого друга Джеки Робинсона, почему в бейсболе не было темнокожих менеджеров, главных менеджеров или владельцев команд Кампанис сначала отвечал уклончиво вы сначала должны заслужить репутацию, работая в низших лигах, а это плохо оплачивается, но Коппел был настойчив

*Коппел* Да, но в глубине души вы знаете, что тут много вранья Я имею в виду, что есть много темнокожих игроков, много великих темнокожих бейсболистов, которые бы очень хотели занимать должности менеджеров, и, о чем я вас на самом деле прошу – раскройте эту проблему Просто скажите мне, почему, как вы думаете, так получается? В бейсболе и сегодня много предвзятости?

*Кампанис* Нет, я не думаю, что это предвзятость Я на самом деле думаю, что им не хватает некоторых необходимых качеств, чтобы быть менеджером, или, возможно, главным менеджером

*Коппел* Вы действительно в это верите?

*Кампанис* Ну, я не скажу о них всех, но им, определенно, чего-то не хватает Сколько среди них куотербеков (разыгрывающих в американском футболе – *примеч пер*)? Скольких вы знаете темнокожих питчеров (подающих в бейсболе – *примеч пер*)?

Через два дня после этого интервью и взрыва негодования публики, вызванного им, бейсбольный клуб Dodgers уволил Кампаниса. Через год он заявил, что был «измотан» во время интервью и не был самим собой.

Кем же был настоящий Эл Кампанис? Расистом или невинной жертвой «политкорректности»? Ни тем, ни другим. Это был человек, любивший и уважавший тех темнокожих игроков, которых лично знал, вставший на защиту Джеки Робинсона, когда подобное поведение не было модным и ожидаемым, но у него была «слепая зона». Кампанис полагал, что темнокожие могут быть великими игроками, но они недостаточно умны для роли менеджеров. Он искренне признался Коппелу, что не понимает, что плохого в таких взглядах. «Я не считаю, что это предубежденность», – сказал он. Кампанис не лгал и не лукавил. Но, поскольку он был главным менеджером, то от него зависело, назначать ли менеджерами темнокожих людей, и его «слепая зона» приводила к тому, что он даже не задумывался о подобной возможности.

Подобно тому, как мы замечаем лицемерие у других людей, но не у себя, подобно нашей убежденности, что деньги могут влиять на других людей, но не на нас, мы обнаруживаем предубеждения у других, но свои собственные – не замечаем. Благодаря «слепым зонам», защищающим нашу самооценку, мы полагаем, что у нас нет предвзятости, т. е. иррациональных или злых чувств по отношению ко всем членам другой группы. Поскольку мы не иррациональны и не злы, любые наши негативные чувства по отношению к другой группе – оправданы, наши антипатии – рациональны и обоснованы. Это с их предубежденностью нам нужно как-то справиться. Подобно хасидам, стучащим в дверь «для непредубежденных» в Музее толерантности, мы слепы по отношению к нашей собственной предубежденности.

Предубежденность появляется из-за склонности человеческого ума воспринимать и обрабатывать информацию при помощи категорий «Категории» – это более приятное и нейтральное слово, чем «стереотипы», но это одно и то же. Когнитивные психологи рассматривают стереотипы как механизмы для экономии энергии, позволяющие нам принимать эффективные решения на основе нашего прошлого опыта, помогающие быстро перерабатывать новую и вспоминать ранее полученную информацию, понимать реальные различия между группами и предсказывать, часто довольно точно, как другие будут поступать или что они думают.<sup>14</sup> Мы мудро по-



лагаемся на стереотипы и быстрый доступ к информации, который они нам предоставляют, чтобы избежать опасности, познакомиться с теми, кто может стать нашими друзьями, выбрать учебное заведение или работу или понять, что именно этот человек в переполненной людьми комнате станет любовью всей нашей жизни

Это позитивные аспекты стереотипов. Негативные же аспекты связаны с тем, что мы преуменьшаем различия между объектами внутри категории и преувеличиваем различия между категориями Жители «красных» штатов, где большинство голосует за республиканцев, и «синих» штатов, где большинство голосует за демократов, часто относят друг друга к разным, непересекающимся категориям, но многие жители консервативного штата Канзас хотят, чтобы в школах преподавали теорию эволюции Дарвина, хотя она исключена из обязательной школьной программы, а многие жители либерального штата Калифорния не одобряют принятый в этом штате закон, одобряющий однополые браки. Все мы признаем вариации внутри нашего пола, партии, национальности или страны, но мы склонны смело обобщать на основе всего нескольких контактов с представителями других категорий и зачислять их всех в единую категорию «они». Эта привычка формируется у нас очень рано. Социальный психолог Мэрилин Бруэр, много лет изучавшая природу стереотипов, рассказывает, что однажды ее дочка, вернувшись из детского сада, пожаловалась, что «все мальчики – плаксы».<sup>25</sup> Девочка сделала такой вывод, увидев, как плакали два мальчика, которые первый раз пришли в детский сад. Бруэр, всегда остающаяся ученой, спросила дочку, разве она никогда не видела плачущих маленьких девочек? «О да, – ответила дочка – Но только некоторые девочки плачут. Я ведь не плачу».

Маленькая дочка уже разделяла мир, как все мы делаем, на «нас» и «их». Мы – это самая важная социальная категория в системе организации работы мозга. Даже коллективные местоимения, такие как «мы» и «они» – это мощные эмоциональные сигналы. В одном эксперименте, участники которого верили, что будут проверяться их вербальные (речевые) навыки, бессмысленные слоги, такие как ксех, йоф, лаж или вух, случайным образом объединялись в пары или со словами, обозначающими нашу «внутреннюю» группу («нас», «мы» или «наше»), «внешнюю» группу («их», «они», «им») или, для контроля, с другими местоимениями (такими как «он», «ее» или «ваше»). Потом все должны были оценить, насколько приятным был

каждый из бессмысленных слогов Вас может удивить, с какой стати у человека может появиться эмоциональное отношение к таким бессмысленным словам как йоф, или почему вух нравится больше, чем лаж. Тем не менее, участникам эксперимента больше нравились именно те бессмысленные слоги, которые появлялись в паре с местоимениями, относящимися к «своей группе»<sup>26</sup>. Никто из них не догадался, почему так происходит, и не понял, что на привлекательность слога влияло местоимение, с которым его ассоциировали.

Как только люди создали категорию «мы», они начали воспринимать всех, к ней не относящихся, как не-нас. Конкретное содержание категории «мы» может меняться мгновенно: это мы, деликатные люди со Среднего Запада, а не вы, вульгарные люди с побережья, это мы, счастливые владельцы автомобиля Toyota Prius с гибридным экологичным двигателем, а не вы, бездумные транжиры бензина, это мы, болельщики бейсбольной команды Boston Red Sox, а не вы, болельщики Los Angeles Angels (или двух любых других бейсбольных команд). Принадлежность к категории «мы» можно за одну минуту создать в лаборатории, как показал Генри Тайфел с коллегами в классическом эксперименте с британскими школьниками - Тайфел сначала показывал этим мальчикам слайды с разным количеством точек, а потом просил высказать догадку о количестве точек на слайде. Он в случайном порядке говорил некоторым мальчикам, что они преувеличивали количество точек, а другим - что они его преуменьшали, а потом просил всех их выполнять другое задание. На этой стадии эксперимента они могли присуждать очки другим мальчикам, которых характеризовали как «преувеличивающих» или «преуменьшающих». Хотя каждый из мальчиков работал в отдельной кабинке и не видел других участников эксперимента, почти все они присуждали больше очков тем, кто, как они думали, относился к «их» категории. Когда они выходили из комнаты, другие мальчики спрашивали: «Кто ты?» Представители той же категории реагировали на ответ приветственными криками, а те, кого отнесли к другой категории - неодобрительным свистом.

Очевидно, некоторые категории важнее для нашей самоидентификации, чем тип автомобиля, на котором мы ездим или количество точек на слайде. Это, например, наш пол, сексуальная ориентация, религия, политические предпочтения, национальность, гражданство. Без ощущения принадлежности к группам, придающим смысл нашей жизни, помогающим нашей самоидентификации и определению

жизненных целей, у нас бы возникло неприятное ощущение, что мы – песчинки, дрейфующие в неизвестном направлении во вселенной. Поэтому мы делаем все возможное, чтобы сохранять эти связи. Эволюционные психологи утверждают, что этноцентризм – убежденность в том, что наша культура, нация или религия превосходят другие, помогает выживать, укрепляя наши связи с нашими первичными социальными группами и повышая нашу готовность работать для этих групп, сражаться за них, а иногда – и умирать. Когда все идет хорошо, люди относятся вполне голерантно к другим культурам и религиям – они даже относятся терпимо к противоположному полу<sup>1</sup>. Но, если они обозлены, встревожены или ощущают угрозу, их типичная реакция – активация их «слепых зон». Мы – люди интеллектуальные и способные к глубоким чувствам, а они – тупые, они – плаксы, они не понимают значения любви, стыда, горя или раскаяния.<sup>28</sup>

Уже сами раздумья о том, что они не так умны или рассудительны, как мы, приводят к тому, что нам кажутся ближе те, кто похож на нас. Но не менее важно, что это позволяет нам оправдывать то, как мы обращаемся с ними. Обычно думают, что стереотипы вызывают дискриминацию. Эл Кампанис, считавший, что темнокожим не хватает «необходимых» для менеджера качеств, отказывается нанимать их на должности менеджеров. Но теория когнитивного диссонанса показывает, что причинная связь аттитудов и поступков работает в обоих направлениях. Часто именно реальная дискриминация создает стереотип для самооправдания. Эл Кампанис, которому не хватало воли или смелости настаивать, чтобы бейсбольный клуб Dodgers нанимал темнокожих менеджеров, оправдывает свое бездействие, убеждая себя в том, будто темнокожие люди все равно не справятся с такой работой. Сходным образом, если мы поработили членов другой группы, лишили их возможности получить хорошее образование или работу, не допускаем их в свою профессию или отказываем им в полноценных гражданских правах, то мы формируем и используем стереотипы для оправдания своих действий. Убеждая себя в том, что они – низкие, не способные к обучению, некомпетентные, от природы не способные к математике, аморальные, греховные, тупые или вообще «недочеловеки», мы избегаем чувства вины и угрызений совести, размышляя о том, как мы с ними обращаемся. И мы, определенно, не ощущаем, что предубеждены по отношению к ним. Ну как же, нам даже нравятся некоторые из этих людей, пока они знают свое место, которое, кстати, не здесь – не в нашем клубе,

не в нашем университете или не в нашей профессии и не в нашем районе. Короче говоря, мы используем стереотипы, чтобы оправдать свое поведение, так как иначе у нас могло бы сложиться негативное мнение о себе или о нашей стране.

Почему же, если все люди мыслят категориями, только у некоторых людей возникает жесткая негативная предубежденность по отношению к другим группам? Эл Кампанис не был предубежденным, так как у него не было сильной эмоциональной антипатии к темнокожим людям, мы подозреваем, что его можно было бы переубедить, и он бы отказался от своего мнения, будто темнокожие игроки не могут стать хорошими менеджерами. Стереотип может ослабеть и даже разрушиться под давлением противоречащей ему информации, но отличительной чертой предубежденности является то, что на нее не влияют рациональные доводы, опыт и противоречащие ей примеры. В своей замечательной книге «Природа предубежденности» (“The Nature of Prejudice”), написанной более пятидесяти лет тому назад, социальный психолог Гордон Оллпорт описал, как реагирует предубежденный человек на факты, противоречащие его представлениям.

*Мистер X* Проблема с евреями заключается в том, что они заботятся только о своих.

*Мистер Y* Но данные о сборе пожертвований для соседской общины показывают, что они делали более щедрые взносы, если учитывать их численность, чем не-евреи.

*Мистер X* Это показывает, что они пытаются всех подкупить и вмешиваться в дела христиан. Они не думают ни о чем, кроме денег, вот почему так много банкиров-евреев.

*Мистер Y* Но ведь недавние исследования показали, что процент евреев в банковском бизнесе очень мал, гораздо меньше, чем процент не-евреев.

*Мистер X* Вот именно – они не хотят заниматься respectable бизнесом – они занимаются кинобизнесом или владеют ночными клубами.<sup>29</sup>

Оллпорт идеально показал «логику» рассуждений мистера X. Мистер X даже не пытается отвечать на доводы мистера Y – он просто приводит следующую причину для своей нелюбви к евреям. После того как у людей сформировалась предубежденность, так же как и в случае с политической идеологией, им нелегко от нее отказаться,

даже если появляются факты, которые опровергают основную причину для ее оправдания. Вместо этого они находят другое оправдание для своих убеждений или действий. Предположим, что наш разумный и рассудительный мистер Y сказал вам, что насекомые – это отличный источник протеинов, и что сенсационный новый шеф-повар в ресторане «Слизни и Улитки» предлагает замечательную закуску пюре из гусениц. Вы немедленно поспешите попробовать этот кулинарный изыск? Если у вас есть предубеждение против употребления в пищу насекомых, вероятно, нет, даже если фото этого шеф-повара появилось на первой странице кулинарного обозрения в газете New York Times. Вы, подобно нетерпимому мистеру X, найдете еще одну причину, чтобы оправдать вашу предубежденность: «Фу, – скажете вы мистеру Y, – насекомые – уродливые и скользкие». «Конечно, – согласится он – Но объясните мне, почему же вы едите лобстеров и сырых устриц?»

Следовательно, после того как люди приобрели предубежденность, от нее трудно избавиться. Как сказал великий юрист Оливер Венделл Холмс-младший: «Пытайся переубедить предвзятого фанатика – это как светить фонариком прямо в зрачок: он сжимается, и глаз закрывается». Большинство людей готовы тратить много умственной энергии для сохранения своей предубежденности, вместо того, чтобы отказаться от нее, и отмахиваться от несоответствующих их представлениям фактов как от «исключений, которые только подтверждают правило» (Что же тогда может опровергнуть правило, хотелось бы знать?) Фраза «Но такие люди есть среди моих лучших друзей» – хотя она и заслужила все насмешки, которым сегодня подвергается, это весьма успешный способ разрешения диссонанса, возникающего, когда предубеждение наталкивается на исключение. Когда Эллиот год назад переехал в Миннеаполис, чтобы преподавать в Миннесотском университете, соседка сказала ему: «Вы еврей? Но вы гораздо приятнее, чем...» Она остановилась: «Чем? – спросил ее Эллиот – Чем я ожидала», – смиренно ответила она. Признав, что Эллиот не соответствовал ее стереотипу, она смогла почувствовать себя человеком широких взглядов и великодушной особой, и при этом сохранить свое общее предубеждение против социальной категории в ее случае – евреев.

Джефффри Шерман провел со своими коллегами серию экспериментов, демонстрирующих, какие усилия готовы предпринять сильно предубежденные люди, чтобы добиться консонанса своей

предубежденности и противоречащей ей информации. Они в реальности уделяют больше внимания этой противоречащей их взглядам информации, чем информации, им соответствующей, потому что подобно мистеру Х и соседке Эллиота из Миннесоты им необходимо понять, как можно объяснить диссонирующие с их представлениями факты. В одном из экспериментов студентов (с обычной социальной ориентацией) просили оценить мужчину-гомосексуалиста «Роберта», которому приписывалось восемь черт, соответствующих стереотипным представлениям о гомосексуалистах (например, Роберт занимался интерпретирующими танцами) и восемь черт, не соответствующих этому стереотипу (например, в воскресенье он был на матче по американскому футболу). Участники эксперимента, негативно настроенные к гомосексуалистам, искажали информацию о Роберте и позже описывали его гораздо более «феминным», чем непредубежденные студенты, сохраняя таким способом свою предубежденность. Чтобы устранить диссонанс, вызванный несоответствующими стереотипу фактами, они их объясняли как артефакты, вызванные какими-то ситуационными причинами. Да, Роберт пошел на футбол, но только за компанию с приехавшим к нему двоюродным братом<sup>30</sup>.

В наши дни большинство предубежденных по отношению к какой-то социальной группе американцев избегают открыто высказывать свои взгляды или делают это только в безопасной для них аудитории единомышленников, учитывая, что многие люди живут и работают в такой среде, где любой «изм» (расизм или другие виды предубежденности) может вызвать публичное осуждение или даже увольнение. Но им, однако, нужны умственные усилия, чтобы не показывать свои негативные чувства, так же, как подобные усилия нужны, чтобы справиться с противоречащей стереотипу информацией. Социальные психологи Крис Крэндалл и Эйми Эшелман, сделав большой обзор исследований предубеждений, обнаружили, что, если люди испытывают негативные эмоции или эмоционально опустошены (хотят спать, раздражены, рассержены, встревожены, пьяны или испытывают стресс), они более склонны демонстрировать свою истинную предубежденность по отношению к другой группе. Когда киноактера Мела Гибсона арестовали за управление автомобилем в нетрезвом виде, и он разразился антисемитской тирадой, он был вынужден на следующий день извиниться: «Я вчера сказал не то, что на самом деле думаю, и это отвратительно. Мне очень стыдно за все, что я сказал. Я извиняюсь за свое неподобающее поведение в пьяном виде». Пере-

вод это был не я, это был алкоголь. Неплохая попытка оправдаться, но исследования показывают, что хотя в состоянии опьянения людям становится легче показать свою предубежденность, алкоголь не может быть причиной появления предубежденности. Таким образом, когда люди извиняются, заявляя «Я просто не верю, что мог это сказать, я был очень усталым/встревоженным/злым/пьяным», – или как Эл Кампанис «Я был измотан», – можно быть уверенным в том, что на самом деле они думали именно то, что сказали.

Тем не менее, большинству людей не нравится собственная предубежденность, и это вызывает диссонанс «Я не люблю этих людей», – сталкивается с не менее сильным убеждением, что с точки зрения морали и общества так говорить нехорошо. Люди, ощущающие этот диссонанс, как предполагают Крэндалл и Эшелман, с готовностью прибегают к самооправданиям, которые позволяют им и высказывать свои подлинные чувства и одновременно верить в то, что эти чувства – моральные и добродетельные. «Оправдания, – объясняют Крэндалл и Эшелман, – позволяют не подавлять истинные чувства, они обеспечивают прикрытие и возможность сохранять представление о себе как о справедливом и непредубежденном человеке»<sup>31</sup>. Неудивительно, что оправдания – это такой популярный способ ослабления диссонанса.

Например, в одном типичном эксперименте белым студентам было сказано, что они будут наказывать электрошоком другого студента, «ученика», который, как они знали, мог быть или белым, или афроамериканцем, для исследования биоэлектронной обратной связи. Вначале студенты использовали электрошок меньшей интенсивности для темнокожих учеников в сравнении с белыми – вероятно, они хотели показать свою непредвзятость. Потом студенты слышали, как «ученик» презрительно о них отзывался, что, вполне естественно, их злило. После этого ситуация менялась: теперь уже темнокожие ученики получали более сильный электрошок, чем белые. Такой же результат был получен в исследованиях, где изучалось, как англоговорящие канадцы поступят по отношению к франкоговорящим канадцам, люди с обычной сексуальной ориентацией по отношению к гомосексуалистам, студенты не-евреи по отношению к евреям, мужчины по отношению к женщинам.<sup>32</sup> В обычных условиях участники экспериментов успешно контролировали свои негативные чувства, но, когда они злились, или были раздражены, или возникала угроза для их самоуважения, они открыто демонстрировали свою предубежден-

ность, потому что теперь могли оправдать ее «Я вовсе не плохой или предвзятый человек – но они оскорбили меня!»

Это механизм, превращающий предубежденность в источник энергии для этноцентризма. Предубежденность «дремлет», пока этноцентризм не призовет ее, чтобы она выполнила свою грязную работу, оправдывая плохие поступки, которые мы, хорошие люди, иногда хотим совершить. Например, на Западе США в XIX веке иммигрантов из Китая нанимали для добычи золота в шахтах, что потенциально отнимало работу у белых шахтеров. Издававшиеся белыми газеты подстрекали читателей против китайцев, описывая их как «порочных и злобных», «обжор», «кровожадных и диких». Но прошло всего десять лет, китайцы согласились выполнять опасную и тяжелую работу на строительстве трансконтинентальной железной дороги (белые эту работу выполнять не хотели), и предубеждение против них сошло на нет, а вместо этого их стали считать грезвыми, трудолюбивыми и законопослушными. «Они такие же, как лучшие белые люди, – сказал железнодорожный магнат Чарльз Крокер – Они очень надежные, очень умные и выполняют свои обязательства». После того как дорога была построена, рабочих мест снова стало мало, а, когда закончилась Гражданская война, понадобилась работа для вернувшихся домой ветеранов. Антикитайские настроения снова вернулись, и в прессе китайцев опять описывали как «преступных», «хитроумных и коварных» и «тупых»<sup>31</sup>.

Предубеждение оправдывает наше плохое обращение с другими, а мы хотим плохо с ними обращаться, потому они нам не нравятся. А почему они нам не нравятся? Потому что конкурируют с нами за рабочие места, которых на рынке труда мало. Потому что их присутствие может заставить нас сомневаться в том, что только наша религия – истинная. Потому что мы защищаем наш статус, власть и привилегии. Потому что нам нужно чувствовать, что мы лучше, чем кто-то. Потому что наша страна воюет с ними. Потому что нам не нравятся их обычаи, особенно их сексуальные обычаи, этих сексуально-распущенных извращенцев. Потому что они не хотят усваивать нашу культуру. Потому что они слишком активно стараются усвоить нашу культуру.

Поняв, что предубежденность – это наш слуга, помогающий самооправданиям, нам легче разобраться, почему некоторые предрасудки так трудно искоренить. Они позволяют людям оправдывать и защищать самые важные аспекты их социальной идентичности – их



расу, их религию, их сексуальную ориентацию и одновременно преодолеть диссонанс между представлениями о том, что «я – хороший человек» и о том, что «я, действительно, не люблю этих людей» К счастью, мы также можем лучше понять условия, при которых предубежденность снижается Так происходит когда экономическая конкуренция ослабевает, когда подписан мирный договор, когда доступ в профессию становится свободным, когда мы с ними лучше знакомы и поэтому чувствуем себя комфортнее, когда у нас есть возможность понять, что они не так уж и отличаются от нас.

\* \* \*

«В нормальных обстоятельствах, – писал пособник Гитлера, немецкий промышленник Альберт Шпеер в своих мемуарах, – людей, которые утрачивают связь с реальностью, быстро ставят на место насмешки и критика окружающих, и они начинают понимать, что утратили доверие В «Третьем рейхе» не было таких корректирующих факторов, особенно по отношению к тем, кто принадлежал к высшему слою Напротив, любой самообман умножался, как в зале, где полно кривых зеркал, превращаясь в фантастический мир, не имеющий уже больше никакого отношения к мрачному реальному миру В этих зеркалах я не мог видеть ничего, кроме своего собственного лица, воспроизведенного много раз»<sup>34</sup>.

Принимая во внимание, что у всех есть какие-то «слепые зоны», наша главная надежда на то, чтобы от них избавиться – позаботиться о том, чтобы вырваться из мира кривых зеркал, в которых мы все видим искаженные отражения наших желаний и убеждений. Нам нужны люди, которые могут сказать «нет», критики, готовые выпустить воздух из нашей о пузыря самооправданий и вернуть нас к реальности, от которой мы слишком отделились Это особенно важно для тех из нас, кто обладает властью

По мнению историка Дорис Киарнс Гудвин, Абрахам Линкольн был одним из немногих президентов, понимавших, как важно иметь в своем окружении людей, которые будут с ним не соглашаться Линкольн создал кабинет министров, включавший четырех его политических оппонентов, трое из которых конкурировали с ним за номинацию в президенты от Республиканской партии в 1860 г и чувствовали себя униженными, были потрясены и злились из-за своего проигрыша мало кому известному провинциальному адвокату Уильям Х Сьюард

(его Линкольн сделал государственным секретарем), Салмон П. Чейз (министр финансов) и Эдвард Бейтс (министр юстиции). Хотя все они разделяли цели Линкольна сохранить Союз и покончить с рабством, в этой «команде соперников» (как называет их Гудвин) велись яростные споры о способе достижения этих целей. В начале гражданской войны в США Линкольн находился в тяжелой политической ситуации. Ему нужно было не только успокаивать северян-аболиционистов, которые хотели освободить беглых рабов, но также и владельцев рабов из пограничных штатов, таких как Миссури или Кентукки, которые могли в любой момент присоединиться к Конфедерации, а это было бы катастрофой для унионистов. В результате постоянных дебатов со своими советниками, у которых были различные идеи о том, как примирить северян и жителей приграничных штатов, Линкольн избежал иллюзии, будто в его окружении был консенсус по всем вопросам. Он сумел учесть альтернативные точки зрения и, в конечном итоге, заслужить уважение и поддержку своих бывших соперников.<sup>15</sup>

Пока мы убеждены в своей абсолютной объективности, в том, что у нас иммунитет к коррупции и предубежденности, многие из нас будут обнаруживать, что начали путь в свой «Сент-Эндрюс», а некоторые – что уже сидят в самолете, летящем в Бангкок. Джеб Стюарт Магрудер, в предыдущей главе описывалось, как он увяз в политической коррупции и Уотергейтском скандале, был ослеплен своей верой в необходимости любыми путями, даже противозаконными, сделать все возможное, чтобы победить «их» – т.е. политических соперников Никсона. Но, когда его поймали, у Магрудера хватило мужества честно взглянуть на себя. Это шокирующий и мучительный момент для всякого человека – как будто вы взглянули на себя в зеркало и обнаружили у себя на лбу безобразный прыщик. Магрудер мог бы сделать то, к чему склонно большинство из нас – густо намазать лоб тональным гримом и сказать: «Какой еще прыщик?» – но он сумел противостоять подобному побуждению. В конечном итоге, Магрудер признал, что никто не заставлял его и других нарушать закон. «Мы могли возражать против того, что происходит, или уйти в знак протеста, – писал он – Вместо этого мы себя убедили, что ложь – это правда, и ринулись вперед».<sup>16</sup>

«Нельзя оправдать взлом, подслушивание, лжесвидетельство и другие попытки все скрыть. Я и другие оправдывали незаконные действия, ссылаясь на „обычную политику“ или на „сбор сведений“,

или на „соображения национальной безопасности“ Мы были абсолютно не правы, и только после того как мы признали это и заплатили публично за свои ошибки, мы можем ожидать, что широкая публика будет верить нашему правительству или нашей политической системе»



«То, что мы уверенно называем памятью на самом деле – форма пересказа историй, который постоянно происходит у нас в мозгу, и в процессе пересказа истории часто меняются»

*– мемуарист и издатель Уильям Максвелл*

# Глава 3



## Память: историк, поставляющий самооправдания

**М**ного лет тому назад, когда президентом был Джими Картер, писателя Гора Видала интервьюировал в телепрограмме Today ее ведущий, Том Брокау. По словам Видала, Брокау начал с такого вопроса: «Вы много писали о бисексуальности», но Видал прервал его, сказав: «Том, позвольте мне высказать вам мнение об этих утренних телешоу. Это слишком раннее время, чтобы говорить о сексе. Никто не хочет о нем слышать в этот час, а те, кто хотят, в это время им занимаются. Не начинайте этот разговор» – «Да, но, Гор, вы много писали о бисекс...» Гор снова прервал ведущего, сказав, что в своей новой книге он не затрагивает тему бисексуальности и хотел бы поговорить о политике. Брокау еще раз попытался поднять эту тему, а Видал снова отказался, заявив: «Давайте теперь поговорим о Картере. Чем он занимается с этими бразильскими диктаторами, притворяющимися, будто бы они любящие свободу, демократичные лидеры?» После этого темой интервью был Картер. Через несколько лет, когда Брокау стал ведущим телепрограммы Nightly News, журнал Time готовил о нем большую статью, и Брокау был задан вопрос об особенно трудных интервью, которые он проводил. Брокау выделил свою беседу с Гором Видалом: «Я хотел говорить о политике, – вспоминал Брокау, – а он хотел говорить о бисексуальности».

Все было «абсолютно наоборот», сообщил Видал, «но он сделал меня козлом отпущения».<sup>1</sup>

Намеревался ли Том Брокау представить Гора Видала в негативном свете? Лгал ли он, как намекает Видал? Это маловероятно. В конце концов, сам Брокау выбрал эту историю, чтобы рассказать ее репортеру журнала Time – а он ведь мог выбрать любую другую историю из своей длинной карьеры для обсуждения, а не ту, которая нуждалась в приукрашивании или лжи. Кроме того, он, конечно, знал, что репортер проверит первоначальную стенограмму интервью Видала. Брокау исказил то, кто и что сказал, неосознанно – не для того, чтобы



выставить Видала в невыгодном свете, но для того, чтобы самому хорошо выглядеть. Ему как новому ведущему программы *Nightly News* не подобало задавать вопросы о бисексуальности, и поэтому он верил (и помнил), что всегда предпочитал высокоинтеллектуальный разговор о политике этой сомнительной теме.

Когда два человека совершенно по-разному вспоминают об одном и том же событии, наблюдатели обычно предполагают, что один из них врет. Конечно, некоторые люди действительно изобретают или приукрашивают истории, чтобы манипулировать аудиторией или обманывать ее, как поступил Джеймс Фрей со своим бестселлером *“A Million Little Pieces”* <sup>1</sup>. Но большинство из нас часто как не говорит правду, так и не обманывает сознательно. Мы не лжем, мы оправдываем себя. Все мы, когда мы рассказываем наши истории, добавляем детали и пропускаем неудобные для нас факты, немного искажаем события, чтобы лучше выглядеть, и это так хорошо у нас получается, что в следующий раз мы еще что-то добавляем и приукрашиваем, мы оправдываем эту небольшую «белую ложь» тем, что история благодаря ей становится лучше и яснее – пока не оказывается, что то, что мы помним, на самом деле происходило не так или вообще не происходило.

Таким способом память становится нашим личным, поставляющим нам самооправдания историком. Социальный психолог Энтони Гринвальд описал, как «тоталитарное эго» управляет нашим «я», безжалостно уничтожая информацию, которую не хочет слышать и, как все фашистские лидеры, переписывает историю с точки зрения победителя <sup>2</sup>. Но, если тоталитарный правитель переписывает историю для будущих поколений, «тоталитарное эго» делает это для самого себя. Историю пишут победители, и, когда мы пишем наши собственные истории, мы делаем это подобно завоевателям, чтобы оправдать наши действия, чтобы хорошо выглядеть в собственных глазах и позитивно оценивать то, что мы сделали или не сделали. Если были допущены ошибки, память помогает нам помнить, будто их сделал кто-то другой, а если и мы там были – то только в роли невинных наблюдателей.

На простейшем уровне память сглаживает диссонанс, позволяя включиться механизму «ошибки подтверждения», благодаря которому

---

<sup>1</sup> Джеймс Фрей в этой автобиографической книге о том, как избавиться от наркотиков, выдумал ряд эпизодов. Подробнее об этом рассказывается в Главе 8 – *Примеч. пер.*

мы избирательно забываем информацию, противоречащую нашим взглядам. Например, если бы мы были совершенными рациональными существами, мы бы старались помнить только умные и здравые идеи и не загружали бы наш мозг всякими глупостями. Но теория диссонанса предсказывает, что мы обычно забываем как убедительные доводы наших оппонентов, так и глупые аргументы наших сторонников. Глупый аргумент в поддержку нашей собственной позиции запускает диссонанс, поскольку вызывает сомнения в мудрости этой позиции или в интеллекте людей, согласных с ней. Сходным образом, здравый аргумент оппонентов также вызывает диссонанс, потому что возникает возможность, боже упаси, что другая сторона может быть права, или что проблема требует серьезного обдумывания. Поскольку и глупые аргументы нашей стороны, и убедительные аргументы оппонентов вызывают диссонанс, теория предсказывает, что мы или не поймем эти аргументы, или быстро их забудем. Именно это и было показано в классическом эксперименте, проведенном Эдвардом Джонсом и Рикой Кохлер в 1958 г., в котором исследовалось отношение к десегрегации в Северной Каролине<sup>3</sup>. Каждая сторона запоминала разумные аргументы в пользу собственной позиции и слабые аргументы другой стороны, но забывала слабые аргументы своих сторонников и сильные аргументы оппонентов.

Конечно, наши воспоминания также могут быть очень подробными и точными. Мы помним наши первые поцелуи и наших любимых учителей. Мы помним семейные истории, фильмы, свидания, бейсбольную статистику, детские унижения и триумфы. Мы помним главные события своей жизни. Но, если мы что-то неправильно запоминаем или не помним – наши ошибки неслучайны. Повседневные ослабляющие диссонанс искажения воспоминаний помогают нам понимать мир и защищать наши решения и убеждения. Искажения еще сильнее, если они мотивированы желанием сохранить устойчивую и последовательную я-концепцию, желанием быть правым, потребностью сохранить самоуважение, потребностью оправдать наши ошибки или плохие решения, или потребностью найти объяснение, желательно, не из отдаленного прошлого, наших текущих проблем<sup>4</sup>. Измышления, искажения и простое забывание – это «рядовые солдаты» памяти, которых она призывает на передовую, когда «тоталитарное эго» хочет защитить нас от боли и смущения, возникающих, когда наши действия диссонируют с важными для нас аспектами нашего я-образа «И я сделал это!» Вот почему исследователи памяти любят

цитировать Ницше «„Я это сделал“, – говорит моя память „Я этого не делал“, – говорит моя гордость и остается непреклонной В конце концов, память сдается»

## Ошибки памяти

У Кэрол есть любимая детская книга, написанная Джеймсом Тербером «Замечательное О» (“The Wonderful O”), которую, как она помнит, ей в детстве подарил отец «Банда пиратов захватывает остров и запрещает его жителям произносить слова, в которых есть буква О, или пользоваться предметами, в названиях которых она есть, – вспоминает Кэрол – Я хорошо помню, как мой папа читает мне книгу, и мы вместе смеемся, думая о робкой Офелии Оливер, которая называет свое имя и фамилию, пропуская О, и получается „Фелия Ливер“ Я помню, как храбро пыталась вместе с островитянами догадаться о четвертом слове с буквой О, которое никогда нельзя терять (первые три это love – любовь, hope – надежда и valor – доблесть), а мой папа поддразнивает меня Орегон? Орангутанг? Офтальмолог? А потом недавно я нашла мое первое издание “The Wonderful O” Книга была впервые опубликована в 1957 г – через год после смерти моего отца Я смотрела на дату в недоумении и не верила своим глазам Очевидно, кто-то другой дал мне эту книгу, кто-то другой читал ее мне, кто-то другой смеялся вместе со мной над Фелией Ливер, кто-то другой хотел, чтобы я поняла, что четвертое О нужно было искать в слове freedom – свобода Кто-то, кого я забыла»

Эта история иллюстрирует три важных качества памяти во-первых, то, как трудно осознавать, что яркие воспоминания, наполненные эмоциями и подробностями, ошибочны, во-вторых, что, даже если мы абсолютно, совершенно уверены в точности наших воспоминаний, это не означает, что так и есть на самом деле, и, в-третьих, что ошибки нашей памяти поддерживают наши сегодняшние чувства и представления «У меня есть ряд воспоминаний о моем отце, – замечает Кэрол, – каким он был добрым человеком, веселым и преданным отцом, любившим мне читать, копаться вместе со мной в книгах, играть со мной в слова Поэтому для меня было логично предполагать, нет, помнишь, что это он читал мне „The Wonderful O“»

Метафоры памяти соответствуют исторической эпохе и технологии. В прошлых столетиях философы сравнивали память с мягкой восковой табличкой, которая сохраняет все, что на ней отпечаталось. С приходом печатного станка люди начали думать о памяти как о библиотеке, хранящей события и факты для последующего извлечения и использования (Те из нас, кто достиг определенного возраста, так и думают о ней, бормоча о том, что мы «архивировали» информацию в нашем переполненном мозговом архиве). С изобретением кино и магнитофонов люди стали думать о памяти как о видеокамере, которая включается при рождении и автоматически записывает все, что происходит впоследствии. Сейчас мы думаем о памяти, используя компьютерную терминологию, и хотя некоторые из нас хотели бы иметь больше «оперативной памяти», мы предполагаем, что почти все происходящее с нами «сохраняется». Наш мозг может не просматривать все эти воспоминания, но они в нем сохранены и ожидают, когда вы их извлечете и, запасшись попкорном, просмотрите, как в кинотеатре.

Эти метафоры памяти популярны, они обнадеживают, но они неверны. Воспоминания вовсе не похоронены где-то в мозгу подобно костям на местах археологических раскопок, и мы не можем их выдергивать из земли как редиску, а если мы все-таки «раскопали» воспоминания, их трудно сохранить так, чтобы они не теряли качества. Мы не помним всего, что произошло с нами – мы выбираем лишь основные факты (Если бы мы не забывали, наш мозг не смог бы работать эффективно, так как втонул бы в психологическом мусоре – сведениях о температуре в прошлую среду, скучной беседе, случайно подслушанной в автобусе, телефонными номерами, которые мы когда-либо набирали). Более того, извлечение воспоминаний из памяти вовсе не похоже на считывание файла или проигрывание магнитофонной записи – это больше похоже на просмотр отдельных кадров из фильма и попытку сообразить, как могла бы выглядеть вся сцена. Мы можем механически запоминать и воспроизводить поэзию, шутки и другие виды информации, но, чтобы запомнить сложную информацию, мы организуем ее, выстраивая историю.

Поскольку память реконструирует факты и события, она подвержена конфабуляциям – мы можем путать то, что произошло с кем-то другим, с тем, что произошло с нами, или верить, будто помним что-то, чего никогда не происходило в реальности. Реконструируя воспоминания,

нения, люди опираются на многие источники. Когда вы вспоминаете о своем дне рождения в пять лет, вы можете помнить, как ваш младший братик засунул палец в ваш праздничный торт и испортил его, но вы также дополните это воспоминание информацией, которую вы узнали позже из семейных историй, фотографий, домашних видео о празднованиях дней рождения, которые вы видели по телевизору. Вы объедините все это в целостное воспоминание. Если кто-то вас загипнотизирует, и вы вернетесь под гипнозом в прошлое, когда вам было пять лет, вы расскажете, как праздновали тогда свой день рождения, и эта история покажется яркой и подлинной, но в ней будет много деталей, описывающих то, чего в реальности не происходило. Через некоторое время вы уже не сможете различать ваши реальные воспоминания и добавленную к ним когда-то информацию. Этот феномен называется «ошибкой источника» или проблемой «когда же я об этом узнал?» ` Я читал об этом? Видел это? Или кто-то мне рассказал об этом?

Мэри Маккарти блестяще использовала свое понимание природы конфабуляций в написанной ею книге «Мемуары девочки-католички» (“Memories of a Catholic Girlhood”) – это редкое исключение из нашей обычной практики историй-воспоминаний. В конце каждой главы Маккарти подвергала свои воспоминания проверке и искала доказательства, подтверждающие или опровергающие их, даже если это могло разрушить интересную историю. В главе «Бабочка из фольги» Маккарти ярко вспоминает и описывает то, как ее строгие дядя Майерс и тетя Маргарет – родственники, заботившиеся о ней и ее братьях, после того как их родители умерли, обвинили ее в том, что она украла приз, принадлежавший ее маленькому брату – яркую бабочку из цветной фольги. Она этого не делала и, когда бабочка пропала, хотя в доме все обыскали, бабочку так и не нашли. Но через несколько дней бабочку нашли под скатертью на обеденном столе рядом с тем местом, где сидела Мэри. Дядя и тетя очень рассердились и сильно выпороли Мэри за эту якобы совершенную ею кражу – дядя ремнем, а тетя – щеткой для волос, но как игрушка попала под скатерть, так и осталось тайной. Через много лет уже взрослые сестра и братья предавались воспоминаниям об ужасном дяде Майерсе. «Тогда мой брат Престон сказал мне, – пишет Мэри Маккарти, – что в тот знаменитый вечер пропажи бабочки, он видел, как дядя Майерс прокрался в столовую, поднял скатерть, а в руке у него была бабочка»

Конец главы Замечательно! Драматическая концовка и блестяще рассказанная. А потом Маккарти добавляет постскрипtum. Когда я писала эту историю, признается она «Я неожиданно вспомнила, что в колледже начинала писать пьесу на эту тему. Могло ли быть так, что идея, будто это дядя Майерс подложил бабочку на мое место, была мне подсказана моей учительницей? Я слышу, как она говорит мне взволнованно „Наверное, твой дядя сам сделал это!“». Мэри позвонила своим братьям, но ни один из них, включая Престона (ему тогда было семь лет), не помнил, что видел дядю Майерса с бабочкой в руке или что рассказывал об этом на семейной встрече «Я боюсь, что, скорее всего, – делает вывод Маккарти, – я объединила два воспоминания историю о пропавшей бабочке и объяснение того, что могло произойти, предложенное позже учительницей»<sup>6</sup>. Психологически это вполне объяснимо история о том, как дядя Майерс прячет бабочку под скатерть, соответствовала чувствам Мэри по отношению к этому злому человеку в целом и ее справедливому негодованию, вызванному незаслуженным наказанием.

Когда большинство людей пишут мемуары или описывают прошлое, они, однако, не поступают так, как Мэри Маккарти. Они рассказывают так, как пациенты общаются с психотерапевтом «Доктор, вот что произошло» Они рассчитывают на то, что слушатель не скажет «Да? Вы уверены в том, что все именно так и произошло? Вы уверены в том, что ваша мать ненавидела вас? Вы уверены в том, что ваш отец был таким жестоким? И, раз уж мы начали, давайте проанализируем воспоминания о вашем ужасном бывшем муже. Возможно, вы забыли о каком-то пустяке, который мог вызвать у него раздражение, допустим, вполне оправданной с вашей точки зрения интрижке с тем юристом из городка Баг Тасл, штат Оклахома?» Напротив, мы рассказываем наши истории, пребывая в уверенности, что слушатель не станет их оспаривать или задавать вопросы о фактах, им противоречащих, а это означает, что у нас редко есть стимул проверять, насколько наши истории точны. У вас есть воспоминания о вашем отце, которые яркие и отчетливы для вас, они показывают, каким он был, и какие у вас были взаимоотношения. О чем вы забыли? Вы помните, как вы не слушались, и он шлепнул вас, и вас до сих пор лит, что он не объяснил, за что он вас наказал. Но, возможно, вы были таким ребенком, которому было трудно что-то объяснить, потому что вы были нетерпеливы и импульсивны и не слушали то, что вам говорили взрослые? Когда мы рассказываем истории, то обычно

прямо себя не упоминаем мой отец сделал то-то и то-то, потому что он был таким, но не потому, что это я был трудным ребенком. Это самооправдания в наших воспоминаниях Они – причина нашей реакции, когда мы узнаем, что наши воспоминания неверны мы удивляемся, чувствуем себя потерянными, будто земля ушла у нас из-под ног В известном смысле, мы, действительно, теряем опору, потому что в этом случае нам приходится переосмыслить нашу собственную роль в рассказанной нами истории

Каждый родитель против своего желания участвовал в игре, в которой нельзя победить Вы требовали, чтобы ваша дочь брала уроки игры на фортепиано, а потом она пожалуется, что вы тем самым погубили ее любовь к этому инструменту Вы разрешали вашей дочери пропускать уроки фортепиано, потому что ей этого хотелось, а потом она пожалуется, что вам следовало заставить ее продолжать ведь она так и не научилась играть на фортепиано Вы требуете, чтобы ваш сын после уроков в обычной школе посещал еще и еврейскую школу, и он обвинит вас в том, что вы ему помешали стать еще одним Хэнком Гринбергом (выдающимся бейсболистом-евреем) Разрешите сыну прогуливать занятия в еврейской школе – настанет время, когда он упрекнет вас в том, что вы не позаботились о том, чтобы он знал культурное наследие своих предков Замечательный пример – Бетси Петерсен, пожаловавшаяся в своих мемуарах «Танцуй с папой» (“Dancing With Daddy”) на своих родителей за то, что они ее водили только на занятия плаванием, прыжками на батуте, верховой ездой и теннисом, но не на занятия балетом «Единственного, чего я хотела, они не дали мне», – писала она Обвинять родителей – это популярная и удобная форма самооправдания, потому что она позволяет людям меньше переживать по поводу своих промахов и недостатков Были допущены ошибки – но не ими Неважно, что я бурно протестовала против этих кружков или занималась в них спустя рукава Память минимизируют нашу собственную ответственность и преувеличивает ответственность родителей

Пока мы обсуждали значимые искажения воспоминаний и конфабуляции, которые служат для оправдания и объяснения нашей собственной жизни Ум – орган, занятый поиском смысла, не интерпретирует наш опыт как рассыпанные по полу осколки стекла – он собирает из них мозаику. Проходят годы – и мы видим эти узоры Они кажутся материальными, неизменными, мы не способны вообразить, что из кусочков мозаики можно собрать и другие узоры

На самом деле, узор – это результат многих лет, в течение которых мы пересказывали свою историю, превращали ее в жизненную повесть со своими героями и негодями, объясняющую, как мы стали такими, какие мы есть. Поскольку повествование, нарратив – это способ, с помощью которого мы понимаем мир и наше место в нем, оно нечто большее, чем простая сумма элементов. Если одна из деталей-воспоминаний оказывается неверной, и это доказано, людям нужно устранить возникший диссонанс, а, возможно, и пересмотреть всю психологическую категорию – вы имеете в виду, что папа (мама) в целом не были такими уж плохими (хорошими) людьми? Вы утверждаете, что папа (мама) был/а сложной индивидуальностью? По существу ваше жизненное повествование может быть верным – ваш отец или мать могли в реальности быть безнадежно грешными или абсолютно святыми существами. Проблема в том, что когда нарратив становится главным источником самооправдания, на который рассказчик полагается, чтобы оправдывать свои ошибки или неудачи, воспоминания искажаются, чтобы служить этой цели. Рассказчик помнит только примеры, подтверждающие злую волю своего родителя, но забывает о том, хорошсм, что он/она делали, диссонирующим с его общим представлением о родителе. По мере того как история приобретает все большую жесткость и определенность, становится все труднее увидеть целостный образ родителя – и плохие, и хорошие качества, и сильные стороны, и слабости, и добрые намерения, и непростительные промахи.

Воспоминания создают наши истории, но и истории создают наши воспоминания. Когда у нас сложился нарратив, мы встраиваем в него наши воспоминания. В серии экспериментов Барбара Тверски и Элизабет Марш показали, как мы «выдумываем наши жизненные истории». В одном из них люди читали рассказ о двух соседях по комнате, каждый из которых совершал как нехороший, так и хороший поступок. Потом они писали письмо об одном из них – в одном случае это была жалоба управляющему зданием, а в другом – рекомендация для вступления в клуб общения по интересам. В этих письмах участники эксперимента, как выяснилось, добавляли подробности и детали, которых не было в первоначальном рассказе. Например, если они писали рекомендацию, то могли добавить, что «Рейчел – живая и общительная». Потом, когда их просили как можно точнее вспомнить первоначальный рассказ, пересказ оказывался похожим на то, что они писали в письме<sup>7</sup>. Они упоминали придуманные ими



детали, но забывали диссонантную информацию из рассказа, не включенную ими в письмо

Чтобы показать, как воспоминания изменяются, чтобы соответствовать нашим историям, психологи изучали их изменения с течением времени: если ваши воспоминания об одних и тех же людях изменяются и становятся позитивными или негативными, в зависимости от того, что сейчас происходит в вашей жизни – то они рассказывают о вас, а не о них. Этот процесс происходит так постепенно, что вы можете испытать шок, когда поймете, насколько изменились ваши воспоминания и оценки. «Несколько лет назад я нашла дневник, который вела, когда была подростком, – написала одна женщина в письме к ведущей раздела психологических консультаций в журнале – Я была тогда такой неуверенной и обозленной. Я испытала шок, прочитав, что могла такое чувствовать. Я считала, что у меня с мамой были очень близкие взаимоотношения, и не помню никаких серьезных проблем, а дневник свидетельствует о том, что все было иначе».

Причина, по которой автор письма «не помнит никаких серьезных проблем», была выявлена в двух экспериментах, проведенных Брук Фини и Джудом Кэссиди, показавшим, как подростки неверно запоминают и вспоминают свои ссоры с родителями. Подростки с родителями приходили в лабораторию и заполняли анкеты, в которых перечисляли обычные причины своих разногласий: внешний вид подростка, требование вовремя приходить домой, драки с братьями и сестрами. Потом подростки обсуждали в течение десяти минут с каждым из родителей по отдельности свои разногласия и искали решение. Наконец, подростки оценивали свое отношение к этим конфликтам, интенсивность своих эмоций, отношения к родителям и т. д. Через шесть недель их просили снова вспомнить и оценить обсуждавшиеся конфликты с родителями и свою реакцию на них. Подростки, у которых были близкие отношения с родителями, теперь считали разногласия с родителями менее острыми и серьезными, чем в первый раз. Однако подростки, отношения с родителями у которых были сложными и/или негативными, оценивали конфликт как более интенсивный и острый, чем шесть недель назад.<sup>8</sup>

Подобно тому, как наши сегодняшние чувства по отношению к родителям влияют на воспоминания о том, как они с нами обращались в детстве, наша текущая я-концепция, представления о себе влияют на наши воспоминания о собственной жизни. В 1962 г. Дэниел Оффер, тогда молодой стажер-психиатр вместе с коллегами проин-

тервьюировал 73 четырнадцатилетних мальчика об их жизни дома, сексуальности, религии, родителях, в том числе о дисциплинарных требованиях родителей, и других эмоциональных темах. Оффер с коллегами сумели взять через 34 года повторное интервью почти у всех первоначальных участников – теперь это были тридцативосьмилетние мужчины, и попросили рассказать, что они помнят из рассказанного ими о себе в подростковом возрасте. «Примечательно, – сделали вывод исследователи, – что доля совпадений не превышала вероятность случайного угадывания» Большинство из тех, кто запомнил себя смелыми и общительными подростками, в четырнадцать лет считали себя робкими. Пережив сексуальную революцию 1970-х и 1980-х гг, эти мужчины «вспоминали», будто были гораздо более сексуально предприимчивыми подростками, чем это было в реальности. Почти половина вспоминала, будто они полагали, когда были подростками, что сексуальные отношения в старших классах школы – это нормально, хотя в реальности в четырнадцать лет так считало только 15 % из них. Сегодняшние я-концепции этих мужчин искажали их воспоминания, приводя их в соответствие с текущим я-образом.<sup>9</sup>

Воспоминания искажаются в благоприятном направлении самыми разными способами. И мужчины, и женщины вспоминают о меньшем количестве сексуальных партнеров, чем у них было в реальности, считают, что занимались с этими партнерами сексом чаще, чем в действительности, думают, что чаще пользовались презервативами, чем это было на самом деле. Люди также помнят, как голосовали на выборах, хотя этого не было, «помнят», что голосовали за победившего кандидата, хотя в реальности голосовали за проигравшего, они помнят, будто пожертвовали на благотворительные цели большую сумму, чем в реальности, они помнят, будто их дети начали ходить и говорить раньше, чем это было в действительности. Вы уловили идею!<sup>10</sup>

Если память – это центральный элемент вашей индивидуальности, выгодные для вас искажения становятся еще более вероятными. Ральф Хейбер, известный когнитивный психолог, любит рассказывать историю о том, как решил поступить в аспирантуру в Стэнфордском университете, несмотря на возражения своей матери. Она хотела, как он вспоминает, чтобы он продолжал образование в Мичиганском университете, который находился ближе к дому, а ему хотелось быть от дома подальше, чтобы обрести большую независимость. «Я всегда

помнил, что когда Стэнфорд принял меня и предложил стипендию, а я прыгал от радости, с энтузиазмом согласился и готовился к переезду на Запад «Дело в шляпе!» Через 25 лет, когда Хейбер вернулся в Мичиган праздновать восьмидесятилетие своей матери, она дала ему обувную коробку с письмами, которыми они обменивались все эти годы. Прочитав несколько писем, он узнал, что на самом деле тогда твердо решил остаться в Мичигане и отказаться от любых других предложений. «Это моя мама, – рассказал он нам, – настойчиво просила меня изменить решение и уехать. Мне пришлось полностью переписать историю этого сложного для меня выбора, чтобы в моих воспоминаниях не было противоречий, чтобы они соответствовали тому, как я поступил в реальности, оставив мое убежище – дом – тому, каким я хотел себя видеть – человеком, способным уехать из дома, а также моей потребности в общении с любящей меня мамой, хогевшей, чтобы я был рядом». Профессиональная специализация Хейбера, кстати говоря – автобиографическая память.

В случае Ральфа Хейбера искажения воспоминаний помогли ему защитить его я-концепцию – он всегда хотел видеть себя независимым и решительным. Но я-концепция большинства людей подразумевает веру в изменения, улучшения и личностный рост. Некоторые из нас полагают, что нам следует полностью измениться, и мы представляем себя в прошлом совершенно другими людьми. Когда люди меняют религию, выживают в какой-то катастрофе, побеждают рак или избавляются от наркотической зависимости, они часто ощущают себя радикально изменившимися. Они говорят: «В прошлом это «был не я»». Людям, испытавшим такую трансформацию, память помогает разрешить противоречие между их прошлым «я» и настоящим «я», изменяя воспоминания. Когда люди вспоминают поступки, диссоциирующие с их сегодняшними представлениями о себе, например, когда религиозных людей просят вспомнить то время, когда они не посещали религиозные службы, хотя теперь им представляется, что это следовало делать, или когда, напротив, люди, теперь неверующие, вспоминают, как они ходили в церковь, они видят эти ситуации в своих воспоминаниях с точки зрения постороннего, так, будто бы они – беспристрастные наблюдатели. Но, когда они вспоминают о поступках, консонантных их нынешней индивидуальности, они рассказывают историю от первого лица, воспринимая свое прежнее «я» своим собственным взором<sup>11</sup>.

Но что случается, если мы думаем, что стали лучше, а на самом деле совсем не изменились? И опять память приходит на помощь. В одном эксперименте Майкл Конвей и Майкл Росс проводили для 106 студентов программу по улучшению учебных навыков, которая, как многие подобные программы, обещала больше, чем давала в реальности. Вначале студенты оценивали свои учебные навыки, а потом их в случайном порядке или допускали участвовать в обучающем курсе, или записывали в лист ожидания. Данная программа не оказывала абсолютно никакого влияния на их учебные навыки или экзаменационные оценки. Как же тогда студенты оправдывали потраченное время и усилия? Через три недели, когда их просили как можно точнее вспомнить их первоначальные оценки своих учебных навыков, они оценивали их значительно ниже, чем это было на самом деле — это позволяло им думать, будто после курса навыки улучшились, хотя они в реальности не изменились. Когда через три месяца их просили вспомнить свои оценки за этот курс, они также ошибались, сообщая, что они были выше, чем в реальности. А студенты, оставшиеся в листе ожидания, которые не потрагивали ни усилий, ни энергии, ни времени, когнитивного диссонанса не испытывали, и им не нужны были самооправдания. Им не было нужды искажать свои воспоминания, и они верно вспоминали оценки своих учебных навыков и недавно полученные оценки.<sup>12</sup>

Конвей и Росс назвали эти «свокорыстные» искажения памяти «получением того, что хочется, с помощью пересмотра того, что у вас есть». В более длительные периоды жизненного цикла многие из нас делают следующее: мы занижаем наши качества и достижения, завышая оценку того, каких улучшений мы добились, и это помогает нам позитивнее оценивать себя в данный момент.<sup>13</sup> Конечно, мы все растем и взрослеем, но обычно в меньшей степени, чем нам представляется. Такие ошибки памяти помогают каждому из нас чувствовать, будто мы сами глубоко и существенно изменились, а наши друзья, враги и любимые люди остаются теми же старыми друзьями, врагами и любимыми, какими они были раньше. Мы общаемся с Гарри на встрече школьных друзей, и пока Гарри рассказывает, сколько он узнал и как он вырос после окончания школы, мы киваем, а про себя думаем: «Все тот же Гарри, только чуть растолстел и облысел».

Механизмы самооправдания памяти были бы просто еще одним интересным, хотя часто и раздражающим аспектом человеческой при-

роды, если бы не тот факт, что мы живем своей жизнью, принимаем решения, относящиеся к другим людям, формируем философию, которой руководствуемся, и сочиняем целые нарративы-повествования на основе воспоминаний, часто верных, но нередко и абсолютно ошибочных. Довольно неприятно уже то, что какие-то события происходили, а мы о них не помним, и страшно, что мы помним о том, чего в реальности не происходило. Многие наши ошибочные воспоминания неопасны, как воспоминания о том, кто нам читал книгу "The Wonderful O", но иногда они влекут за собой и более глубокие последствия не только для нас, но и для наших семей, наших друзей и для общества в целом.

## Истинные истории о ложных воспоминаниях

В 1995 г. в Германии Биньямин Вилкомирски опубликовал книгу «Фрагменты» ("Fragments") – мемуары о своем ужасном детстве в концентрационных лагерях Майданек и Биркенау. Его книга – воспоминания маленького ребенка о жестокостях нацистов, его освобождении и переезде в Швейцарию, была встречена восторженными похвалами. Рецензенты сравнивали ее с книгами Primo Levi и Анны Франк. Газета New York Times назвала книгу «поразительной», а газета Los Angeles Times охарактеризовала ее как «классическое свидетельство очевидца холокоста». В Соединенных Штатах «Фрагменты» получили в 1996 г. «Национальную премию за еврейские книги» в номинации «Автобиография и мемуары», а американская Ортопсихиатрическая Ассоциация присудила Вилкомирски свою награду имени Хаймана за исследования холокоста и геноцида. В Британии книга получила литературную награду имени Уингейта журнала Jewish Quarterly, во Франции ей присудили награду Prix Memoire de la Shoah, учрежденную Французским фондом иудаики. Мемориальный музей холокоста в Вашингтоне послал Вилкомирски в турне для сбора пожертвований по шести городам США.

Потом оказалось, что «Фрагменты» были выдумкой с первой до последней страницы. Автор, настоящее имя которого было Бруно Гросьен, не был евреем, и у него не было еврейских предков. Он был швейцарским музыкантом, его родила в 1941 г. незамужняя женщина,

Ивон Гросьен, а потом усыновила бездетная швейцарская супружеская пара по фамилии Доссекер. Он никогда не был узником концлагеря. Источником его вдохновения были исторические книги, фильмы, а также сюрреалистический роман Ежи Косинского «Раскрашенная птица» (“The Painted Bird”) о жестоких испытаниях, пережитых мальчиком во время холокоста<sup>14</sup> (Ирония заключается в том, что утверждения Косинского о том, что его роман – автобиографический, также оказались ложью).

Давайте переберемся из Швейцарии в богатый пригород Бостона, где живет Уилл Эндрюс (Этим вымышленным именем его назвал интервьюировавший его психолог). Уилл – красивый, элегантный мужчина, ему за сорок, у него счастливый брак. Уилл верит, что его похищали инопланетяне, у него яркие воспоминания о том, как они проводили на нем медицинские, психологические и сексуальные эксперименты, продолжавшиеся не менее десяти лет. Он рассказывает, что его наставница-инопланетянка забеременела от него и родила мальчиков-близнецов, которым сейчас уже по восемь лет. Он печально сообщает, что уже не увидит их, но они играют важную эмоциональную роль в его жизни.

Виновы ли в обмане эти два человека? Выдумал ли Бруно-Беньямин Гросьен-Доссекер-Вилкомирски свою историю, чтобы стать мировой знаменитостью, сочинил ли Уилл Эндрюс свои воспоминания о похищении инопланетянами, чтобы попасть в телешоу Опры Уинфри? Мы так не думаем и полагаем, что их не следует обвинять в обмане, так же, как и Тома Брокау. Что же, возможно, они психически больны? Совсем нет. Они живут абсолютно нормальной жизнью, действуют разумно, работают, поддерживают взаимоотношения с другими людьми, оплачивают свои счета. На самом деле, они очень похожи на тысячи других людей, которые помнили и рассказывали об ужасных страданиях, пережитых ими в детстве или в период взрослости, но в реальности этого, как позже было убедительно доказано, с ними никогда не происходило. Психологи, исследовавшие многих из этих людей, сообщают, что у них не было шизофрении или других психических болезней. Если у них и были какие-то психологические проблемы, то они не выходили за пределы диапазона обычных проблем, таких как, депрессия, тревожность, расстройства пищевого поведения, одиночество или потеря ориентации в жизни (экзистенциальная аномия).

Итак, ни Вилкомирски, ни Эндрюс не были сумасшедшими или обманщиками, но их воспоминания были ложными, и для этого были особые причины – самооправдания. Их истории, на первый взгляд такие разные, похожи, так как в их основе лежат общие психологические и неврологические механизмы, способные создавать ложные воспоминания, но, тем не менее, очень яркие и насыщенные реальными эмоциями. Эти воспоминания не возникают мгновенно, как внезапное озарение. Обычно проходят месяцы, иногда годы, и для их развития требуется последовательность стадий, которая теперь хорошо известна психологам.

По свидетельству швейцарского историка Стефана Мехлера, интервьюировавшего самого Вилкомирски, его друзей, родственников, бывшую жену и практически всех людей, как-то с ним связанных, мотивами Бруно Гросьена были не корысть и эгоизм, но самоутверждение. Гросьен потратил более двадцати лет, трансформируя себя в Вилкомирски. Написание книги «Фрагменты» было последним этапом его метаморфозы в новую индивидуальность, а не первым шагом на пути просчитанной лжи. «Видеозаписи выступлений Вилкомирски и свидетельства очевидцев создают впечатление о нем как о человеке, испытывающем эйфорию от своего повествования, – писал Мехлер – Он по-настоящему расцвел в роли узника концлагеря, потому что он, наконец, нашел в ней самого себя»<sup>14</sup>. Новая индивидуальность Вилкомирски как человека, пережившего холокост, дала ему действенную цель и смысл существования, а также обеспечила восхищение и поддержку бесчисленных читателей. Разве мог бы он получить иным способом все эти награды и приглашения выступать с лекциями? Ни в коем случае, если бы так и остался второразрядным кларнетистом.

Беньямин Вилкомирски, он же Бруно Гросьен, провел первые четыре года своей жизни, постоянно переезжая с места на место. Его мать видела его только иногда, а потом вообще отказалась от него, отдав в детский дом, где он жил, пока его не усыновили Доссекеры. Встав взрослым, Вилкомирски решил, что его детские годы были источником его нынешних проблем, и, возможно, так и было. Очевидно, однако, что такая обычная история – мать-одиночка, которая не могла о нем позаботиться, потом усыновление доброй, но не чуткой супружеской парой, не могла достаточно драматично объяснить его сложности. Но, что если его не просто усыновили, а спасли после войны, а потом заменили им мальчика по имени Бруно Гросьен в приюте? «По какой

же иной причине, – думал Вилкомирски, по словам его биографа, – он был подвержен внезапным приступам паники? И откуда у него шишка на затылке и шрам на лбу? Или ночные кошмары, которые его постоянно мучают?»<sup>17</sup>

Почему? Приступы паники – это нормальная реакция на стресс у тех, кто ему подвержен. Почти у каждого человека есть какие-то шишки или шрамы. Действительно, у собственного сына Вилкомирски была шишка на затылке на том же самом месте, и это предполагает, что, возможно, дело в генетике. Ночные кошмары бывают у многих людей, и, как это ни удивительно, совсем не обязательно отражают какие-то реальные события. У многих переживших травмирующие ситуации взрослых и детей ночных кошмаров не бывает, но они бывают у многих из тех, кто такие ситуации не переживал.

Но Вилкомирски не был заинтересован в подобных объяснениях. В поисках смысла своей жизни, он начал спуск со своей пирамиды, решив, что найдет настоящую причину для симптомов, приобретенных им в первые четыре года жизни. Сначала он не помнил ни о каких ранних травмирующих событиях и чем больше он погружался в свои воспоминания, тем более ускользающими становились его ранние годы. Он начал читать о холокосте, в том числе воспоминания тех, кто его пережил и выжил. Он начал считать себя евреем, повесив на дверь мезузу (кусочек пергамента с отрывками из Торы), и стал носить звезду Давида. В возрасте 38 лет он познакомился с Элицуром Бернштейном – израильским психологом, живущем в Цюрихе, который стал его ближайшим другом и советником в его путешествии в прошлое.

Охотясь за своими воспоминаниями, Вилкомирски поехал в Майданек с группой друзей, включавшей Бернштейнов. Когда они приехали, Вилкомирски заплакал. «Это был мой дом! Здесь был карантин для детей!» Группа посетила историков в архиве лагеря, но, когда Вилкомирски спросил их о карантине для детей, они посмеялись над ним. «Маленькие дети умирали или их убивали», – сказали они, – у пациентов не было для них никаких детских яслей в специальных бараках». Но к тому времени Вилкомирски уже зашел так далеко в поисках своей идентичности, что его не могли остановить доказательства его ошибки, так что его реакцией было ослабить диссонанс, утверждая, что это историки ошибались. «Из-за них я выглядел глупцом. Это было очень мерзко с их стороны, – сказал он Мехлеру – Начиная с этого момента, я знал, что скорее могу положиться на свою память,



а не на то, что говорят так называемые историки, которые никогда не задумывались о детях в своих исследованиях»<sup>18</sup>

Следующим шагом Вилкомирски было обращение к психотерапевту, чтобы он помог ему избавиться от ночных кошмаров, страхов и приступов паники. Он нашел психотерапевта психодинамической школы Монику Матта, которая анализировала его сны и использовала невербальные техники, такие как рисунки и другие методы, позволявшие «лучше узнать о телесных эмоциях». Матта убедила его записывать воспоминания. Для людей, которые постоянно помнят о травмирующем или тайном опыте, действительно, может быть полезным их записывать – это часто помогает страдающим людям увидеть свой неприятный опыт в новом свете и начать избавляться от него.<sup>19</sup> Но для тех, кто пытается вспоминать нечто, чего никогда не происходило в реальности, записывать сны, анализировать их и рисовать, несмотря на то, что эти методы служат верой и правдой многим психоаналитикам, непродуктивно – это быстро приводит к тому, что конфабуляции, фантазии смешиваются с реальностью.

Элизабет Лофтус, ведущий ученый в сфере исследований памяти, называет этот процесс «инфляцией воображения», потому что, чем больше вы фантазируете о чем-то, тем более вероятно, что плоды вашего воображения будут смешиваться с вашими реальными воспоминаниями и становиться все более детальными.<sup>20</sup> (Ученые исследовали механизмы «инфляции воображения» на нейронном уровне с помощью МРТ – магнитно-резонансной томографии.<sup>21</sup>) Например, Джулиана Мазони с коллегами просила участников эксперимента рассказать свой сон, а взамен предлагала им (фальшивый) персонализированный анализ этого сна. Половине участников они говорили, будто сон означает, что, когда им было три года, их обидел задира, или что они потерялись в людном месте и испугались, или что произошел какой-то другой сходный неприятный эпизод. В сравнении с теми, кто служил контрольной группой (им не предлагались такие интерпретации), многие из тех, кому они были предложены, начинали верить, что сон связан с реальными событиями из их прошлого, и примерно половина потом пересказывала детальные воспоминания об этом якобы произошедшем в их детстве событии. В другом эксперименте людей просили вспомнить о том, как школьная медсестра брала у них кусочек кожи с мизинца для общенационального медицинского исследования (в реальности такое исследование никогда не проводилось). Предложение просто представить эту несуществующую

процедуру приводило к тому, что участники эксперимента начинали верить, будто с ними это действительно произошло. И чем более они становились уверенными в этом, тем больше конкретных деталей появлялось в их ложных воспоминаниях (например, «там был ужасный запах») <sup>22</sup>. Исследователи вызывали «инфляцию воображения» и косвенно просто прося людей объяснить, как маловероятное событие могло с ними произойти. Когнитивный психолог Марианна Гэрри обнаружила, что, когда люди говорят вам о том, как событие могло бы произойти, они начинают ощущать его как реальное. Особенно внушаемы дети <sup>23</sup>.

Записывание превращает мимолетные мысли в факты истории, и для Вилкомирски записи его «воспоминаний» превратились в доказательства их подлинности. «Моя болезнь подсказала мне, что пришло время записать все это для меня самого, – говорил Вилкомирски, – записать так, как это хранилось в моей памяти, проследить каждый неясный намек до его истока в прошлом» <sup>24</sup>. Так же, как он отверг аргументы историков в Майданеке, поставивших под сомнение его «воспоминания», Вилкомирски отверг мнение ученых, говоривших ему, что память не работает подобным образом.

Когда книга «Фрагменты» уже готовилась к публикации, издатель получил письмо от мужчины, утверждавшего, что история Вилкомирски не была правдивой. Встревоженный издатель связался с Вилкомирски и попросил его подтвердить подлинность мемуаров. Элицур Бернстайн и Моника Матта также послали письма в его поддержку. «Читая рукопись Бруно, я никогда не испытывал сомнений в ее так называемой „аутентичности“, – писал Бернстайн издателю – Я беру на себя смелость утверждать, что, по моему мнению, только тот, кто испытал подобные вещи, мог о них так написать». Моника Матта, плетя свою собственную сеть самооправданий, также не высказала никаких сомнений в аутентичности мемуаров Вилкомирски и его личности. Вилкомирски, писала она, был одаренным, честным человеком, обладающим «экстраординарной и точно работающей памятью», на которой и глубоко повлияли его детские испытания. Она писала, что надеется «абсурдные сомнения будут отброшены», потому что публикация книги была очень важна для душевного здоровья Вилкомирски. Она желала, чтобы судьба не нанесла Вилкомирски еще один коварный удар, «еще раз продемонстрировав ему, что он – никто» <sup>25</sup>. Издатель, убежденный этими свидетельствами и уверениями экспертов, опубликовал книгу в намеченный срок. «Никто», наконец стал «кем-то».

Когда 8 августа 1983 г Майкл Шермер ехал на велосипеде в сельской местности в штате Небраска, его похитили инопланетяне. Приземлился огромный космический корабль, вынудив Шермера съехать на обочину. Пришельцы вышли из корабля и похитили его на полтора часа, но он не мог вспомнить, что именно потом произошло. Случай с Шермером не был чем-то необычным: миллионы американцев верят, что они сталкивались с НЛО или инопланетянами. С некоторыми из них это происходило, когда они долго ехали по скучной дороге, обычно ночью. В какой-то момент они «отключались», теряя ощущение времени и расстояния, а потом не могли вспомнить, что с ними произошло в эти минуты или часы, когда они себя не осознавали. Некоторые люди, включая профессиональных пилотов, видели таинственные огни, парящие в небе, которые не могли объяснить. У большинства такие ощущения возникали, когда они испытывали странное состояние полусна-полубодрствования, а потом они вдруг внезапно просыпались и видели привидений, пришельцев, тени или духов рядом со своей кроватью. Часто они были физически парализованы и не могли двигаться.

Велосипедист, водитель, спящий человек находятся на вершине пирамиды: что-то таинственное и тревожное произошло с ними, но что это было? Вы можете жить, не зная, почему вы сегодня проснулись в ворчливом настроении, но не сможете жить, не узнав, почему вы проснулись и увидели сидящего на вашей кровати гоблина. Если вы – ученый или принадлежите к какой-то другой разновидности скептиков, вы проведете исследование и узнаете, что есть вполне обнадеживающее объяснение этого пугающего события: во время самой глубокой стадии сна, когда сны наиболее вероятны, определенная часть мозга отключает ваши телесные движения, чтобы вы не металась в кровати, преследуя тигров (или убегая от них). Если ваше сознание пробуждается на этой стадии раньше, чем ваше тело, вы, на самом деле, будете на какой-то момент парализованы, а, если ваш мозг в это время еще продолжает генерировать образы ваших сновидений, вы несколько секунд будете видеть сны наяву. Вот почему эти создания, сидящие на вашей кровати, такие фантастичные и даже кошмарные: вы действительно спите, но с открытыми глазами. Такой сонный паралич, говорит Ричард Дж. Макнелли, психолог и врач из Гарварда, исследующий память и психологические травмы, «не более

болезненное явление, чем икание» Он вполне обычен, говорит он, «особенно для людей, сон которых нарушен из-за перелетов в разные часовые пояса, работы в ночную смену или утомления» Примерно 30 % людей испытывали сонный паралич, но только 5 % также видели галлюцинации при пробуждении Почти все, испытывавшие сонный паралич, сопровождающийся галлюцинациями при пробуждении, сообщили, что это вызвало у них ужас <sup>26</sup> Мы отважимся назвать это «инопланетными» ощущениями

Майкл Шермер, скептик по складу ума и профессии, почти немедленно понял, что с ним произошло «Мое ощущение, будто меня похитили, было вызвано тем, что я очень долго не спал и испытывал сильную физическую усталость», – писал он впоследствии – Я ехал на велосипеде уже 83 часа почти без отдыха и преодолел 1259 миль на первом этапе Трансконтинентальной безостановочной американской велогонки, общая дистанция которой – 3100 миль Я в полусне катил по дороге, когда показались огоньки машины, и подъехала моя команда поддержки, предложившая мне сделать перерыв для сна В тот момент в моем сне наяву появились смутные образы из телесериала о пришельцах «Захватчики» (“The Invaders”), который показывали в 1960-х гг Вдруг члены моей команды поддержки трансформировались в пришельцев» <sup>27</sup>

Люди, подобные Шермеру, реагируют на такой опыт общения с внеземными цивилизациями, восклицая «Боже мой! Какие у меня были странные и страшные видения при пробуждении разве не удивительная вещь – человеческий мозг?» Но Уилл Эндрус и более 3 млн других американцев верят, что они тем или иным образом общались с инопланетянами, те спускаются с пирамиды в противоположном направлении Медицинский психолог Сьюзен Клэнси, проинтервьюировавшая сотни людей, верящих в свои контакты с пришельцами, обнаружила, что они со временем все больше и больше верят, будто их похищали «Все люди, которых я интервьюировала, – пишет она, – двигались по сходной траектории как только они начали подозревать, будто их похитили пришельцы, для них уже не было пути назад Как только зерно веры было посеяно, и у них возникли подозрения, что их похищали, «похищенные» начинали искать подтверждающие это доказательства А как только поиски доказательств начинались, такие доказательства почти всегда находились» <sup>28</sup>

Толчком служит какой-то пугающий опыт. «Однажды ночью я проснулась посреди ночи и не могла двинуться, – говорит одна из

проинтервьюированных – Меня обуял ужас, и я думала, что кто-то проник в дом. Я хотела закричать, но не могла издать ни звука. Все это продолжалось всего один миг, но для меня этого было достаточно, чтобы я боялась снова уснуть» Вполне понятно, что человек хочет разобраться в том, что произошло, и ищет объяснение, которое могло бы также пролить свет на текущие проблемы. «Я был в депрессии все время, сколько я себя помню, – говорит один из участников исследования Клэнси – Что-то со мной серьезно не так, и я хочу знать, что именно» Другие сообщали о сексуальных расстройств, борьбе с лишним весом и странных ощущениях или симптомах, которые расстраивали или беспокоили их. «Я не понимала, почему моя пижама оказалась на полу, когда я проснулась»; «У меня так часто кровь текла носом – раньше у меня никогда не было носовых кровотечений»; «Я не знала, откуда у меня эти крутые синяки величиной с монету на спине»<sup>29</sup>

Почему люди выбирают в качестве объяснения этих симптомов и опасений похищение инопланетянами? Почему они не рассматривают другие более разумные объяснения, такие как «поскольку мне ночью стало жарко, я сняла пижаму» или «У меня появилось брюшко – мне нужно делать физические упражнения», или «Возможно, пришло время принимать антидепрессант Прозак или обратиться к консультанту для семейных пар»? Учитывая все эти возможные объяснения проблем со сном, депрессии, сексуальных проблем и обычных физических симптомов, почему кто-то выбирает такое невероятное объяснение как похищение инопланетянами, удивлялась Клэнси. Как могут люди утверждать, что они помнят события, которые большинство из нас считает невероятными, кроме тех случаев, когда такое в реальности произошло? Объяснение частично связано с особенностями американской культуры, а частично – с потребностями и личными особенностями «переживших это», как называют себя многие люди, верящие, будто их похищали.

«Пережившие это» начинают верить, что похищение инопланетянами – разумное объяснение их симптомов, услышав или прочитав истории других людей о похищении, а также выслушав «свидетельства» верящих в инопланетян «очевидцев». Когда такие истории повторяются достаточно часто, они становятся настолько знакомыми, что преодолевают первоначальный скептицизм, даже если история настолько же невероятна, как попытка убедить других людей, будто некто в детстве видел человека, одержимого демонами.<sup>30</sup>

Действительно, истории о похищениях инопланетянами просто вездесущи в американской популярной культуре – в книгах, в фильмах, в телепередачах, в ток-шоу. Эти истории удовлетворяют потребности «переживших это». Клэнси обнаружила, что большинство из них в детстве разделяли традиционные религиозные представления, но потом отказались от них в пользу «модернистских» ориентаций на «нетрадиционные формы энергии» и «нетрадиционных целителей». Они более склонны к фантазиям и внушаемы, чем другие люди, они чаще путают, из какого источника была получена информация – были ли это их собственный опыт или мысли, или они об этом услышали от кого-то другого или увидели по телевизору (Шермер, в отличие от них, вспомнил, что его пришельцы были персонажами телевизионного сериала 1960-х гг.) Возможно, важнее всего то, что объяснение, основанное на похищении, отражает эмоциональную насыщенность и драматизм пугающих видений, которые появляются у «переживших это» в момент пробуждения. Это объяснение кажется им реальным, говорит Клэнси, а «банальное» объяснение, ссылающееся на феномен «сонного паралича», их не впечатляет.

«Эврика!» – «переживших это» переполняют восторженные чувства, когда они видят соответствие своих симптомов историям о похищениях пришельцами, так же, как это было, когда Вилкомирски обнаружил, что, если он – выжившая жертва холокоста, то это может объяснить его проблемы и трудности. История с похищением помогает «пережившим это» объяснить их психологический дискомфорт, а также избегать ответственности за их ошибки, сожаления и проблемы. «Ко мне нельзя было никому притрагиваться, – сказала одна женщина Клэнси, – даже моему мужу, доброму и деликатному человеку. Вообразите, вам сорок пять, но вы не знаете, что такое хороший секс! Теперь я понимаю – это связано с тем, что эти существа сделали со мной. Я была их сексуальным экспериментом с раннего детства». Каждый из проинтервьюированных Клэнси рассказал ей, что они чувствовали, как их необычный опыт их изменил, что они сами стали лучше, что их жизнь улучшилась и, самое важное, что теперь их жизнь обрела смысл. Уилл Эндрюс рассказал: «Я был готов просто сдаться. Я не знал, что было не так, но понимал, что чего-то не хватало. Сегодня все изменилось. Я отлично себя чувствую. Я знаю, что там что-то есть – гораздо больше, гораздо важнее, чем мы – и по какой-то причине они решили дать мне возможность узнать о своем присутствии. У меня есть с ними связь. Существа узнают о нас,

а мы – о них, и, в конце концов, будет создан новый мир. И у меня в нем есть роль, или непосредственно, или через близнецов». Жена Уилла (на этой планете) подсказала нам дополнительный мотив для изобретения Уиллом его невидимого потомства от инопланетян, пожаловавшись Клэнси: «Может быть, все изменилось бы, если бы мы могли иметь детей?»<sup>31</sup>

На последней стадии, после того как «пережившие это» приняли теорию похищения инопланетянами как объяснение своих проблем и сумели обрести свои воспоминания, они ищут других похожих на них людей и читают только ту информацию, которая подтверждает найденное ими объяснение. Они решительно отвергают любые доводы, вызывающие диссонанс, или другие объяснения того, что с ними произошло. Один из людей, проинтервьюированных Клэнси, сказал: «Клянусь Богом, если кто-то снова заговорит со мной о сонном параличе – меня вырвет. Что-то было в комнате той ночью! Я ворочался – я не спал. Меня забрали»<sup>32</sup>. Каждый из тех, кого интервьюировала Клэнси, знал о научном объяснении, но с негодованием его отвергал. Несколько лет назад в Бостоне проводилась дискуссия между Макнелли и Джоном Мэком – психиатром, считающим истории похищенных правдивыми<sup>33</sup>. Мэк привел с собой одну из «переживших это». Эта женщина слушала дискуссию, включая доводы Макнелли, что люди, верящие в то, что их похитили, склонны к фантазиям и перепутали вполне обычные сновидения с визитом инопланетян. Потом она сказала Макнелли: «Разве вы не понимаете, я бы не верила в то, что меня похитили, если бы кто-то предложил бы мне разумное альтернативное объяснение». Макнелли ответил: «Мы только что вам его предложили».

В конце этого процесса, пройдя долгий путь и оказавшись у подножия пирамиды далеко от скептиков, подобных Майклу Шермеру, «пережившие это» уже интегрировали в свою я-концепцию ложные воспоминания и теперь не могут отличить их от настоящих воспоминаний. Когда их приводят в лабораторию и просят описать травматические впечатления, связанные с их похищением пришельцами, их повышенные физиологические реакции (такие как учащенный сердечный ритм и повышенное кровяное давление) так же сильно выражены, как у пациентов, страдающих от посттравматического расстройства, вызванного сильным стрессом<sup>34</sup>. Они поверили в собственные истории.

Ложные воспоминания позволяют нам простить себя и оправдать наши ошибки, но иногда это нам дорого обходится — мы оказываемся неспособными принять на себя ответственность за свою жизнь. Понимание возможных искажений памяти и того, что любые глубоко укоренившиеся воспоминания могут оказаться ложными, может помочь людям легче относиться к своим воспоминаниям, признать, что их воспоминания не всегда верны, и избавиться от привычки использовать прошлое для оправдания своих сегодняшних проблем. Если нам следует быть осторожными с нашими желаниями, потому что они могут сбываться, нам нужно быть не менее осторожными с воспоминаниями, выбранными нами, чтобы оправдывать нашу жизнь, потому что нам придется воплощать их в жизнь.

Определенно, одна из наиболее впечатляющих историй, на основе которой многие люди хотят строить свою жизнь, это «повествование о жертве». В реальности инопланетяне никого не похищали (хотя «пережившие это» будут яростно спорить с нами), но миллионы людей в детстве сталкивались с тяжелыми ситуациями и жестокостью — пренебрежением к ним или с тем, что их бросали близкие, сексуальными домогательствами, алкоголизмом родителей, насилием, ужасами войны. Многие люди решили рассказать свои истории — поделиться тем, как они с этим справились, как выжили, чему научились, как преодолели испытания. Истории травм и их преодоления — это вдохновляющие примеры человеческой стойкости.<sup>15</sup>

Именно из-за эмоциональной мощи и притягательности этих рассказов тысячам людей захотелось сконструировать собственную версию подобных повествований под девизом «и я тоже». Некоторые утверждают, что пережили холокост и выжили, тысячи людей утверждают, будто их похищали инопланетяне, десятки тысяч заявляют, что в детстве оказались жертвами инцеста или других сексуальных травм, которые, как они утверждают, были подавлены и вытеснены из их памяти, пока они не начали посещать сеансы психотерапии, став взрослыми. Почему люди утверждают, что они страдали и пережили тяжелые испытания, хотя на самом деле этого не происходило, особенно, если эти рассказы вызывают отчуждение их близких или друзей? Искажая свои воспоминания, эти люди могут «получить то, чего они хотят, преобразуя и корректируя то, что было на самом



деле», и вот чего они хотят превратить свою сегодняшнюю жизнь, какой бы тусклой или обыденной она ни была, в яркую победу над бедствиями. Воспоминания о сексуальных домогательствах также помогают разрешить диссонанс между двумя представлениями о себе «Я умный и способный человек» и «Моя сегодняшняя жизнь – полная неудача» с помощью объяснения, позволяющего им хорошо выглядеть в собственных глазах и снять с себя ответственность «Моя жизнь не удалась, но это не моя вина. Посмотрите, какие ужасные вещи они делали со мной». Эллиен Басс и Лора Дейвис показали эту модель рассуждений в своей книге «Смелость для исцеления» (“Courage to Heal”). Они объясняют читателям, у которых нет воспоминаний о том, что они в детстве подверглись сексуальным домогательствам, что, «когда вы впервые вспоминаете о том, что подвергались сексуальным домогательствам, или признаете последствия этого, вы можете почувствовать огромное облегчение. Наконец, нашлась причина для ваших проблем. Есть кто-то и что-то, на кого или на что можно возложить вину»<sup>16</sup>

Так что неудивительно, что большинство людей, изобретающих ложные воспоминания о своих страданиях в детстве, как и те, кто верит, что их похищали инопланетяне, прилагают огромные усилия, чтобы оправдать и сохранить эти новые объяснения своих несчастий. Рассмотрим историю молодой женщины по имени Холли Рамона, которая, проучившись год в университете, начала курс лечения от депрессии и булимии (расстройство пищевого поведения, сопровождающееся резким, приступообразным усилением аппетита и неконтролируемым чувством голода). Психотерапевт сказал ей, что подобные проблемы – это обычно симптомы того, что пациент в детстве подвергался сексуальным домогательствам, хотя Холли утверждала, что с ней ничего подобного не происходило. Тем не менее, через некоторое время под влиянием психотерапевта, а потом и психиатра, который прописал ей амитал (лекарство, которое часто и ошибочно называют «сывороткой правды»), Холли начала «вспоминать», что с пяти до шестнадцати лет ее неоднократно насиловал ее отец, который даже заставил ее заниматься сексом с их собакой. Разгневанный отец Холли подал в суд на обоих врачей, обвинив их в профессиональных злоупотреблениях «навязывании и закреплении фальшивых воспоминаний, будто бы он подвергал дочь в детстве сексуальным домогательствам». Жюри присяжных с ним согласилось, отец девушки был оправдан, а врачи признаны виновными.<sup>17</sup>

Судебное решение вызвало у Холли состояние диссонанса, которой она могла разрешить одним из двух способов – она могла принять приговор, поняв, что ее воспоминания были фальшивыми, просить отца о прощении и попытаться примириться с родительской семьей, которая была на грани распада из-за ее обвинений. Или она могла отвергнуть вердикт, посчитав его пародией на правосудие, еще больше поверить в то, что отец ее «домогался» и встать на сторону психотерапевта, использовавшего метод «возвращенной памяти». Кстати, второй выбор был легче для нее, потому что ей требовалось оправдать вред, причиненный ею отцу и остальным членам ее семьи. Изменить свое мнение было для нее так же трудно, как развернуть в обратную сторону парус в узкой реке – мало места для маневра, а вокруг – сплошные мели. Гораздо легче сохранять прежний курс. Конечно, Холли Рамона не только бурно отвергла вердикт присяжных – она еще и дополнительно подкрепила свою позицию, решив пойти учиться в аспирантуру, чтобы стать психотерапевтом. Последнее, что мы о ней слышали – она стала поощрять теперь уже собственных клиентов использовать метод «возвращенных воспоминаний», чтобы вспомнить о сексуальных домогательствах, которым они подвергались в детстве.

И все же, наступает момент, когда кто-то встает и говорит правду, даже если эта правда опровергает удобную и складную, помогающую оправдывать себя историю. Это нелегко, потому что требуется свежим и скептическим взглядом посмотреть на комфортные для нас воспоминания, которыми мы жили, проверить, насколько они могут соответствовать истине, и какой бы сильный это ни вызывало диссонанс – отказаться от них. Например, всю свою взрослую жизнь писатель Мэри Карр помнила о том, как ее, невинного подростка, бросил отец. Эти воспоминания позволяли ей считать себя героиней, которая выжила, хотя и была лишена отцовской заботы. Но, когда она села писать свои мемуары, то поняла, что эта история не могла быть правдой.

«Только, если вы изучите реальные события и проанализируете свои собственные мотивы, из тьмы появится такая сложная настоящая правда», – написала она.

Но как может мемуарист отличить реальные события своей жизни от ложных? В какой-то момент я написала прощальную сцену, в которой мой сильно пьющий отец-ковбой распрощался со мной, когда я стала подростком. Когда я начала анализировать свои под-

ростковые воспоминания, чтобы подтвердить это, факты поведали совсем другую историю – мой отец вовремя забирал меня из школы, готовил мне завтрак, приглашал меня вместе с ним ходить на охоту и на рыбалку. Это я отвечала ему «нет». Это я покинула его, уехав в Мексику и в Калифорнию с шайкой торговцев наркотиками, а потом поступила в колледж.

Это было печальнее, чем тот карикатурный автопортрет, с которого я начала. Если бы я продолжила цепляться за свои домыслы, веря, будто причиной моей драмы были пренятствия, с которыми я на самом деле не сталкивалась, рисуя себя жертвой незаслуженных жестокостей, я бы никогда не узнала того, что в реальности произошло. Именно это я имею в виду, когда я говорю, что Бог – это истина.<sup>18</sup>



# Глава 4

«Неважно, насколько прекрасна гипотеза  
или насколько умен ее автор, или насколько  
он знаменит – если эксперимент опровергает  
гипотезу – значит, она неверна. Вот и все»

*– Физик Ричард Фейнман*



## Хорошие намерения, плохая наука: замкнутый круг клинических оценок

**Е**сли Холли Рамона ощущала диссонанс, услышав обвинительный вердикт терапевтам, которые внушили ей фальшивые воспоминания, как вы думаете, что почувствовали эти терапевты? Собирались ли они сказать «О, дорогая Холли, мы извиняемся за то, что так ужасно ошиблись, когда лечили вашу депрессию и расстройства пищевого поведения. Нам бы следовало снова вернуться на студенческую скамью и побольше узнать о памяти»? Мы, опасаясь, что типичной была реакция другого психотерапевта. Женщина, которую мы назовем Грейс, начала курс терапии, чтобы избавиться от приступов паники. У нее не складывались отношения с женщиной, ее работодателем, и в первый раз в жизни она почувствовала, что оказалась в ситуации, которую не может контролировать. Однако вместо того, чтобы лечить Грейс от приступов паники или попытаться помочь ей разрешить проблемы на работе, психотерапевт решил, что симптомы Грейс означают, будто бы она подвергалась в детстве сексуальным домогательствам своего отца. Сначала Грейс приняла интерпретацию психотерапевта, в конце концов, она ведь была экспертом по подобным проблемам. Со временем Грейс, как и Холли, начала верить, будто отец приставал к ней с сексуальными намерениями. Грейс прямо обвинила в этом своего отца, разорвала отношения со своими родителями и сестрами и временно ушла от своего мужа и сына. Однако она всегда ощущала какой-то дискомфорт по поводу этих новых «воспоминаний», потому что они противоречили истории ее хороших взаимоотношений с любящим ее отцом. Наступил день, когда она сказала психотерапевту, что больше не верит, будто когда-либо подвергалась домогательствам отца.

Психотерапевт могла прийти к тому, что узнала от клиента, и начать вместе с Грейс работать над поисками лучшего объяснения ее проблем. Она могла прочитать о последних исследованиях наиболее эффективных методов лечения пациентов, страдающих от приступов паники. Она могла обсудить этот случай с коллегами, чтобы проверить, не пропустила ли она чего-то. Однако психотерапевт, консультиро-



важная Грейс, не сделала ничего из перечисленного выше. Когда Грейс высказала сомнение в правдивости своих «возвращенных» воспоминаний, терапевт ответила «Вы еще серьезнее больны, чем я думала раньше»<sup>1</sup>

\*\*\*

В 1980-х и 1990-х гг. появились новые доказательства сексуальных домогательств, которым подвергались дети, и у женщин начались две непредвиденные эпидемии истерии. Одной из них был следующий феномен, основанный на методе «возвращенной памяти», при использовании которого взрослые, прежде не имевшие воспоминаний о детских психических травмах, начинали верить, что они в детстве подвергались сексуальным домогательствам со стороны своих родителей или что их мучили адепты сатанинских культов. Причем в то время они этого почему-то не осознавали, и эти «воспоминания» не подтверждались ни братьями и сестрами, ни друзьями, ни врачами. Они говорили, что под гипнозом их психотерапевт дал им возможность вспомнить ужасные переживания, которые они испытали в младенчестве, когда еще только начинали ходить, или еще раньше, когда лежали в колыбели, или даже в своих предыдущих жизнях. Одна женщина «вспомнила», что мать сажала пауков в ее влагалище. Другая сообщила, что ее отец приставал к ней с сексуальными намерениями, начиная с пяти лет и до двадцати трех, и даже изнасиловал ее за несколько дней до ее свадьбы – это были воспоминания, которые она подавляла, пока не прошла курс терапии. Другие говорили, что их обжигали, хотя на их телах не было шрамов. Некоторые говорили, что их насиловали, они беременели, а потом им принудительно делали аборт, хотя физический осмотр этого не подтверждал. Те из них, кто подавал в суд на своих предполагаемых обидчиков, смогли вызвать в суд экспертов-свидетелей, многие из которых были авторитетами в области медицинской психологии и психиатрии, свидетельствовавших, что возвращенные воспоминания были достоверными доказательствами соращения и надругательств, жертвами которых якобы были истцы<sup>2</sup>.

Второй крупной эпидемией была паника по поводу сексуального насилия, которым подвергались дети в детских садах. В 1983 г. воспитателей детского сада Виргинии Макмаргин в городе Манхэттен Бич, штат Калифорния, обвинили в совершении отвратительных

надругательств над малолетними детьми будто бы детей пытали, заставляя участвовать в сатанистских ритуалах в подземелье, убивали на их глазах ручных кроликов и принуждали их к сексуальным актам. Некоторые дети сказали, что воспитатели летали с ними вместе в самолете. Обвинение не смогло убедить присяжных, что дети подвергались насилию, но это дело вызвало волну сходных исков против воспитателей детских садов по всей стране: дело против детского сада Little Rascals в Северной Каролине, дело Келли Майклс в штате Нью-Джерси, дело против семьи Амиро в Массачусетсе, дело Дейла Акики в Сан-Диего, а также были поданы иски против предполагаемых сетей воспитателей-педофилов в городах Джордан, штат Миннесота, Уиначи, штат Вашингтон, Найл, штат Мичиган, Майами, штат Флорида и десятках других мест. Везде дети рассказывали дикие истории. Некоторые из них говорили, что на них напал робот, других, по их словам, мучили клоуны и лобстеры или их заставили съесть лягушку. Один мальчик заявил, что его голого привязали к дереву во дворе детского сада, и на него смотрели все воспитатели и дети, хотя этого не видели прохожие и это не подтвердил никто из других детей. Были приглашены социальные работники и психотерапевты, чтобы они оценили истории, рассказанные детьми, провели с ними курс терапии и помогли им раскрыть, что именно произошло. Многие из них позже давали показания в суде, основываясь на своих клинических оценках, они были уверены в том, что воспитатели были виновны.<sup>1</sup>

Что происходит с подобными эпидемиями, когда они заканчиваются? Почему знаменитости уже больше не рассказывают в ток-шоу о своих обретенных воспоминаниях того, как в младенчестве они подвергались сексуальным домогательствам? Или сегодня все эти садисты-педофилы уже закрыли свои детские сады? Большинство воспитателей, осужденных по этим делам о детских садах, были освобождены после апелляций, но многие воспитатели и родители все еще остаются в тюрьме или под домашним арестом, или вынуждены жить с клеймом осужденных сексуальных преступников. Золотые дни энтузиастов теории «возвращенных воспоминаний» прошли, хотя многие жизни уже разбиты, а бесчисленное количество семей уже никогда не воссоединятся. Однако новые случаи иногда появляются в судах, в новостях, в фильмах и в популярных книгах.<sup>4</sup> Марта Бек в своей книге «Покидая святых» («Leaving the Saints»), описывает, как ее отец-мормон совершил с ней ритуальные сексуальные действия,

когда она была ребенком, но не забыла сообщить читателям о том, что она не помнила всего этого до тех пор, пока не начала консультироваться у психотерапевта-приверженца школы «возвращенных воспоминаний», обучившего ее самогипнозу

Таким образом, хотя эпидемии закончились, идеи, которые их спровоцировали, сохранились в популярной культуре – если вас постоянно травмировали в детстве, вы, вероятно, вытеснили и подавили воспоминания об этом. И, если вы вытеснили из памяти воспоминания об этих травмах, гипноз может вернуть их вам. Если вы абсолютно убеждены в том, что ваши воспоминания истинны – так и есть. Если у вас нет воспоминаний о чем-то, но вы подозреваете, что подверглись насилию, вероятно, это произошло. Если у вас появляются проблески воспоминаний о том, как вас подвергли насилию – к вам возвращается память. Дети почти никогда не лгут на сексуальные темы. Если у вашего ребенка ночные кошмары, он/она мочится в постель, хочет спать при свете или мастурбирует – это может быть признаками того, что ваш ребенок подвергся сексуальному насилию.

Эти представления не выросли в культурном пейзаже за один день как грибы. Они пришли от профессиональных психиатров, которые распространяли их на конференциях, в специальных медицинских журналах, в СМИ и в книгах-бестселлерах, заявлявших, что они – эксперты в сфере диагностики сексуального насилия над детьми и заявлявших об обоснованности теории возвращенных воспоминаний. Их утверждения в основном основывались на давних фрейдистских (и псевдо-фрейдистских) идеях о вытеснении, памяти, сексуальной травме и смысле снов, а также на их уверенности в клинической силе интуиции и диагноза. Все утверждения этих психотерапевтов позже исследовались научными методами. Все они оказались ошибочными.

**Н**ам больно признаваться в этом, но, когда история детского сада Макмартин впервые появилась в новостях, мы оба, независимо друг от друга были склонны поверить в виновность воспитателей. Не зная подробностей обвинений, мы бездумно поверили клише «нет дыма без огня», хотя нам как ученым не следовало слепо доверять такой информации. Когда через несколько месяцев после суда история была опубликована полностью, и мы узнали об эмоционально-неуравновешенной матери, выдвинувшей первое обвинение, а потом продолжавшей выдумывать все более и более сумасшедшие обвинения,

пока даже обвинители не перестали обращать на нее внимание, о том, как детей много месяцев вынуждали «все рассказать» ретивые социальные работники, отправившиеся в «моральный крестовый поход», о том, как истории, рассказанные детьми, становились все более диковинными – мы почувствовали себя дураками, и испытывали неловкость из-за того, что пожертвовали нашим научным скептицизмом, принеся его в жертву на алтарь, как нам казалось, праведного гнева. Наша первоначальная доверчивость вызвала у нас сильный диссонанс, который мы продолжаем испытывать до сих пор. Но наш диссонанс не выдерживает никакого сравнения с тем, что испытывали люди, лично участвовавшие в этой истории, или те, кто публично высказывался о ней, включая психотерапевтов, психиатров и социальных работников, считавших себя квалифицированными клиницистами и защитниками детских прав.

Никому из нас не нравится узнавать, что мы заблуждались, что наши воспоминания – искажены или перемешаны с фантазиями, или что мы допустили скандальную профессиональную ошибку. Для людей, которые работают в медицинских профессиях, ставки особенно велики. Если у вас есть система убеждений, которыми вы руководствуетесь в своей практике, и вы узнаете, что некоторые из них ошибочны, вам нужно или признать, что вы неправы, и изменить ваш подход, или отвергнуть новые доказательства. Если ошибки не очень сильно угрожают вашим представлениям о собственной компетентности, и вы не делали публичных заявлений в их защиту, вы, вероятно, с готовностью измените ваш подход и будете благодарны за то, что предложен лучший метод. Но, если некоторые из этих ваших ошибочных представлений усугубили проблемы вашего клиента, разрушили его/ее семью и ни отправили невинных людей в тюрьму, тогда у вас подобно тому, как это произошло с терапевтом, консультировавшей Грейс, возникнет серьезный диссонанс, и его будет необходимо разрешить.

Это дилемма Земмельвейса, описанная во введении. Почему же коллеги не сказали ему «Послушай, Игнац, огромное тебе спасибо за то, что ты обнаружил причину трагических смертей наших пациентов, которых можно было избежать»? Чтобы эти врачи приняли его простую спасающую жизни рекомендацию – мойте ваши руки, им нужно было признать, что они были причиной смертей женщин, пользовавшихся их врачебными услугами. Это было для них нестерпимо, так как ставило под сомнение их ключевые представления

о себе как о медицинских экспертах и мудрых целителях – по существу, они порекомендовали Земмельвейсу убраться от них подальше вместе с его глупыми идеями. Поскольку они упрямо отказывались принять убедительные доказательства Земмельвейса – более низкий процент смертности его собственных пациентов, значительно раньше, чем началась эра исков против врачей по обвинению в профессиональной некомпетентности, мы можем уверенно заявить о том, что они поступали так, чтобы защитить свое эго, а не свой доход. Медицина с тех дней ушла далеко вперед, но потребность в самооправдании осталась прежней.

Большинство профессий в конечном итоге, хотя порой и медленно, развиваются и корректируются. Если сегодня вы – врач, вы моете руки и используете латексные перчатки, а, если вы забудете об этом – вам напомнят ваши коллеги, медсестры или пациенты. Если вы управляете компанией, выпускающей игрушки, и ошибочно предсказываете, что ваша новая кукла будет продаваться лучше, чем Барби, рынок поправит вас. Если вы – ученый, вам нельзя фальсифицировать данные о вашей клонированной овце, а потом пытаться обмануть ваших коллег – первая же лаборатория, которой не удастся воспроизвести ваши результаты, поспешит всему миру сообщить об этом. Если вы – экспериментальный психолог и делаете ошибку в содержании вашего эксперимента или в анализе результатов, ваши коллеги и критики немедленно проинформируют об этом вас самих, других членов научного сообщества и вообще всех в пределах солнечной системы вплоть до орбиты бывшей планеты Плутон. Конечно, не все ученые «научны», т.е., открыты для новых фактов и готовы отказаться от своих укоренившихся представлений или согласиться, что материальная личная заинтересованность может повлиять на их исследования. Но, даже если отдельный ученый не захочет исправлять свои ошибки, в конечном итоге, наука сделает это за него.

Проблемами психического здоровья занимаются представители разных профессий. В этой сфере работают люди с различными профессиональными дипломами, образованием, использующие подходы, которые имеют мало общего друг с другом. Представьте себе, что было бы, если бы в профессию юриста допускались как люди, которые обучались на юридических факультетах университета, изучили все

---

\* В 2006 году МАС (Международный астрономический союз) понизил ранг Плутона и перевел его в разряд малых планет – *Прайс пер*.

направления права и сдали сложный выпускной экзамен, так и люди, которые, заплатив всего 78 \$, прослушали недельный курс об этике поведения в зале суда. Теперь вы понимаете сложность проблемы в сфере психотерапии.

В психотерапевтической профессии медицинские психологи сравнимы с образованными юристами. У большинства из них есть ученые степени, и, если они получили диплом в крупном университете, а не в какой-нибудь независимой клинике, они знакомы с фундаментальными результатами психологических исследований. Некоторые из них сами проводят исследования, например, методик успешной терапии или происхождения эмоциональных расстройств. Но независимо от того, ведут ли они сами исследования или нет, они хорошо знакомы с психологической наукой и знают, какой тип терапии наиболее эффективен для различных проблем. Например, когнитивные и бихевиористские методы, с точки зрения научной психологии, подходят для лечения приступов паники, депрессии, расстройств пищевого поведения, бессонницы, хронических приступов гнева и других эмоциональных расстройств. Эти методы часто также эффективны или даже эффективнее, чем медикаментозное лечение.<sup>5</sup>

Напротив, большинство психиатров – обладателей медицинских дипломов, обучались медицине и фармакологии, но они редко достаточно осведомлены о научном методе или о базовых психологических исследованиях. В XX веке они в основном практиковали фрейдистский психоанализ или производные от него методы – вам нужно обладать медицинским дипломом, чтобы вас допустили к обучению психоанализу. По мере того как популярность психоанализа снижалась и начинала доминировать биомедицинская модель психических расстройств, большинство психиатров стали использовать для лечения пациентов фармакологию, а не различные методы терапевтической беседы. Однако хотя психиатры изучают работу мозга, многие из них плохо знакомы с психологией или с тем, что каждый из терапевтических методов следует подвергать сомнениям и исследованиям, т.е., мало осведомлены о скептической сущности науки. Антрополог Тания Лурманн провела четыре года, исследуя резидентов отделения психиатрии, посещала их учебные занятия и конференции, наблюдала за ними в клинике и в палате экстренной медицинской помощи. Она обнаружила, что от них не ожидается, что они будут много читать сами – от них требуется усваивать уроки их преподавателей без дискуссий или вопросов. Лекции, посещаемые ими, предлагают

практические навыки, а не анализ интеллектуальных проблем лектор говорит о том, что именно нужно делать, проводя терапию, не обсуждая, почему именно данный метод терапии помогает, или какой метод терапии лучше подходит для решения данной проблемы <sup>6</sup>

Наконец, есть много людей, практикующих только один из многих различных методов психотерапии. У некоторых из них есть магистерская степень по психологии, психотерапевтическому консультированию или клинической социальной работе, у них есть лицензия на работу в сфере какой-то специализации, скажем, брачной и семейной терапии. У других, однако, вообще нет никакого психологического образования или даже просто диплома о высшем образовании. Само понятие «терапевт» не контролируется – во многих штатах любой человек может назвать себя терапевтом, вообще ни имея никакого образования.

За последние два десятилетия, когда количество всевозможных практиков в сфере психического здоровья резко возросло, многие программы обучения психотерапии отделились от университетских программ подготовки научных психологов на факультетах психологии – «Зачем нам изучать математическую статистику и методы исследований?» – спрашивают многие выпускники этих программ – «Все, что нам нужно знать – как проводить терапию, а для этого нам в основном нужен клинический опыт». В некотором отношении они правы. Психотерапевты постоянно принимают решения по поводу направления терапии. Что сейчас может быть полезным? В каком направлении нам следует двигаться? Это подходящее время, чтобы рискнуть и поставить под сомнение историю, рассказанную клиентом, или лучше подождать до конца сеанса? Для принятия этих решений требуется знакомство с бесконечным ассортиментом причуд и страстей человеческой психики, в которой таятся и тьма, и любовь.

Кроме того, по самой своей природе психотерапия – это частная сделка между терапевтом и клиентом. Никто не заглядывает через плечо терапевта в приватной обстановке кабинета для психотерапевтических консультаций, готовый наброситься на него, если он (или она) сделает что-то не так. Однако частный характер транзакции означает, что терапевт, который не обучался научным методам и скептицизму, не обладает необходимыми навыками внутренней самокоррекции, позволяющими защититься от когнитивных ошибок, которым мы все подвержены. То, что видят такие терапевты, подтверждает их представления, а представления – определяют, что именно они видят.

Это закрытый цикл, замкнутый круг. Моему клиенту стало лучше? Отлично, то, что я делал, дало эффект. Состояние моего клиента не изменилось, или ей стало хуже? Жаль, но это она сама сопротивляется терапии, у ее проблем очень глубокие причины, кроме того, иногда клиенту необходимо почувствовать себя хуже, прежде чем наступит улучшение. Считаю ли я, что подавленный гнев вызывает сексуальные проблемы? Проблемы с эрекцией у моего клиента должны отражать его подавленный гнев, направленный на его мать или жену. Считаю ли я, что сексуальные домогательства вызывают расстройства пищевого поведения? Булимия моей клиентки должна означать, что она подвергалась сексуальному насилию в детстве.

Мы хотим ясно дать понять, что большинство психотерапевтов – эффективны и что некоторые клиенты, действительно, сопротивляются терапии, и у их психических расстройств есть в реальности запущенная этиология. Эта глава – вовсе не попытка поставить под сомнение полезность психотерапии, так же как утверждение, что наша память допускает ошибки, не означает, будто любые воспоминания следует ставить под сомнение, а публикации о возможном конфликте интересов у ученых не утверждают, будто все ученые фальсифицируют результаты своих исследований. *Наша цель – исследовать ошибки, которые могут быть следствием закрытого характера психотерапевтической практики, и показать, как самооправдания способствуют их закреплению.*

Для каждого терапевта, занимающегося частной психотерапевтической практикой, скептицизм и наука – это пути, позволяющие выйти за пределы «замкнутого круга». Скептицизм, например, учит терапевтов осторожности, тому, чтобы не принимать за чистую монету все, что говорит им клиент. Если женщина рассказывает, будто ее мать сажала ей во влагалище пауков, когда ей было три года, скептически настроенный терапевт должен проявлять сочувствие, но не верить буквально, что именно это с ней произошло. Если ребенок говорит, что воспитатель взял его с собой, и они летали на самолете, в котором было полно клоунов и лягушек, терапевт-скептик будет зачарован подобной историей, но не поверит, что воспитатели действительно наняли частный самолет (очевидно, на свою зарплату). Научные исследования дают возможность психотерапевтам улучшить свою клиническую практику и избежать ошибок. Например, если вы собираетесь использовать гипноз, вам полезно знать, что гипноз может помочь клиентам научиться расслабляться, справляться с болью



и бросить курить, но вам никогда не следует использовать гипноз, чтобы помогать клиенту возвращать вытесненные воспоминания, так как ваш загипнотизированный клиент, охотно выполняющий ваши просьбы и подверженный вашему влиянию, часто будет изобретать воспоминания, которым нельзя верить <sup>8</sup>

Однако сегодня есть тысячи психиатров, социальных работников, консультантов и психотерапевтов, занимающихся частной практикой, не обладая ни здоровым скептицизмом, ни знаниями, которыми им следовало бы руководствоваться Пол Мил, добившийся большого признания и как клиницист, и как ученый-исследователь, однажды отметил, что, когда он был студентом, при подготовке всех психологов они должны были принять на себя « общее для всех научное обязательство не позволять обманывать себя и самому не обманывать других В мире клинической практики произошли некоторые вещи, которые меня в этом отношении тревожат Этот скептицизм, это страстное стремление не быть обманутым и не обманывать других, перестали быть важнейшим элементом интеллектуального арсенала всех психологов, как это было 50 лет назад Я слышал о показаниях психологов-экспертов в судах, у которых эта критическая ментальность, похоже, отсутствовала » <sup>9</sup>

Примером проблемы, тревожившей Мила, могут быть показания известного психиатра Бессела Ван Дер Колка, часто выступавшего свидетелем-экспертом со стороны истцов в суде по делам о «вытесненных воспоминаниях» Ван Дер Колк объяснял, что как психиатр он получил медицинское образование и окончил резидентуру <sup>\*</sup> по психиатрии, но никогда не слушал курса экспериментальной психологии

*Вам известны какие-либо исследования надежности и обоснованности клинических выводов или предсказаний, основанных на информации, полученной в интервью?*

Нет

---

<sup>\*</sup> Резидентура – последний год или больничная подотковка врачей в США, предусматривающая специализацию в течение одного года интерном и в течение 3-5 лет резидентом – *Примечание*

*Как вы понимаете термин «опровергающее доказательство»?*

Я думаю, это означает доказательство, опровергающее какие-то ценные для людей представления

*Назовите самый сильный элемент опровергающего доказательства, известный вам, против теории, что люди могут вытеснять воспоминания, или что они могут блокировать осознание ряда травмирующих событий, но сохранять воспоминания о них и довольно точно воспроизводить их через много лет?*

Каков самый сильный довод против этого?

*Да. Самый сильный элемент опровергающего доказательства?*

Я действительно не могу припомнить никакого убедительного довода против этого

*Вы читали какую-то литературу о теории ложных воспоминаний, вызванных с помощью гипноза?*

Нет

*Существуют ли исследования того, могут ли врачи-клиницисты за несколько лет сформировать более точные клинические оценки?*

Я не знаю, есть ли они, в самом деле

*Существует ли метод, который используется для различения истинных и ложных воспоминаний?*

Мы все, все как человеческие существа постоянно сталкиваемся с проблемой, можно ли верить тому, что кто-то другой сообщает нам, или нет, и мы все постоянно высказываем суж-

дения. Но есть такая вещь, как внутренняя согласованность, и, если люди говорят вам что-то внутренне согласованное и с уместными эмоциями, вы склонны верить, что эти истории правдивы<sup>10</sup>

Когда Ван Дер Колк выступал в суде, он еще не прочитал ни одной из многочисленных научных публикаций о ложных воспоминаниях и о том, как гипноз может их создавать, и не знал о доказанной недостоверности «клинических прогнозов, основанных на информации, полученной в интервью». Он не читал никаких исследований, опровергающих его веру в то, что травматические воспоминания обычно подавляются и вытесняются. Однако он часто и уверенно давал свидетельские показания в пользу истцов, требовавших возмещения ущерба, ссылаясь на свои «вытесненные воспоминания». Как многие клиницисты, он уверен, что знает, когда клиент говорит правду, и может отличить истинные воспоминания от ложных на основе своего клинического опыта. критерием служит «внутренняя непротиворечивость» истории, рассказанной клиентом, а также то, сопровождаются ли воспоминания адекватными эмоциями – т е, представляются ли клиенту его/ее воспоминания истинными. Проблема с подобными обоснованиями, как мы узнали из предыдущей главы, связана с тем, что многие психически здоровые люди верят в то, будто они были похищены инопланетянами, и весьма эмоционально и убежденно рассказывают внутренне непротиворечивые истории о чудовищных экспериментах над ними, которые им пришлось пережить. Как отметил исследователь-психолог Джон Килстром «Слабая связь между достоверностью и уверенностью – это один из наиболее хорошо документированных феноменов за столетнюю историю исследований воспоминаний очевидцев»<sup>11</sup>. Но Ван Дер Колк не знал об этих результатах, известных любому студенту, прослушавшему вводный курс по психологии.

Никто не предлагает поручить наблюдателям ООН контролировать то, что происходит в приватном общении психотерапевтов и их клиентов или заставить всех психотерапевтов проводить собственные исследования. Понимание научного метода мышления не всем терапевтам поможет в субъективном процессе общения с клиентом, цель которого – поспособствовать клиенту в поиске ответов на экзистенциальные вопросы. Но оно играет очень важную роль в тех случаях, когда психотерапевты претендуют на роль экспертов и уверенно

рекомендуют методы терапии в областях, с которыми они плохо знакомы, в которых их необоснованные клинические заключения могут разрушить жизни людей. Научный метод требует использования процедур, созданных не для того, чтобы показывать, что наши собственные прогнозы и гипотезы верны, но допускающих, что они могут быть неверны и позволяющих проверить это. Научный метод мышления важен для любого человека в любой профессии, потому что он заставляет нас признать возможность и даже суровую реальность того, что мы можем заблуждаться. Он заставляет нас увидеть наши самооправдания и предъявлять их окружающим, которые могут их опровергать. Таким образом, по существу, наука – это способ контроля самонадеянности и высокомерия.

## Проблема «доброго дельфина»

Время от времени мы слышим в новостях трогательную историю потерпевшего кораблекрушение моряка, который чуть не утонул в бурном море. Вдруг рядом с ним вынырнул дельфин, который мягко, но решительно подталкивает измотанного моряка к спасительному берегу. Появляется искушение сделать вывод, что дельфины по-настоящему любят людей и поэтому не дадут нам утонуть. Пойдите – а знают ли дельфины о том, что мы, люди, не умеем плавать так же хорошо, как они? Действительно ли они пытаются нам помочь? Чтобы ответить на этот вопрос, нам нужно знать, скольких моряков, потерпевших кораблекрушение, дельфины мягко подталкивали в противоположном направлении – в открытое море, где они утонули и ничего не рассказали нам о добрых дельфинах. Мы ничего не знаем о подобных случаях, потому что невезучие пловцы не выжили и ничего не сообщили нам об опыте общения со «злыми дельфинами». А, если бы у нас была подобная информация, мы бы могли прийти к выводу, что дельфины и не добрые, и не злые – они просто игривые.

Сам Зигмунд Фрейд оказался жертвой ошибочной логики в стиле проблемы «доброго дельфина». Когда его коллеги-психоаналитики поставили под сомнение убежденность Фрейда в том, что все мужчины подвержены тревожности из-за страха кастрации, он был изумлен. Он писал: «Мы слышим о психоаналитиках, хвастающихся, что хотя они проработали десятки лет, но не нашли никаких признаков суще-

ствования комплекса кастрации Мы должны склонить наши головы в знак признания такого виртуозного умения не видеть очевидного и заблуждаться»<sup>12</sup> Итак, если психоаналитик обнаруживает у своих пациентов страх кастрации – Фрейд был прав, а, если он его не обнаруживает – дело в его неумении «видеть очевидное», а Фрейд – опять-таки прав. Сами мужчины не могут рассказать вам, испытывают ли они страх кастрации, потому что этот страх подсознательный, но, если они его отрицают – это, безусловно, психологический защитный механизм отрицания того, что на самом деле их тревожит.

Какая замечательная теория! Она просто не может быть опровергнута. Но это как раз и причина, по которой Фрейд, несмотря на все его пронзительные мысли о цивилизации и ее проблемах, не занимался наукой. Чтобы теория была научной, она должна быть сформулирована так, чтобы ее можно было как подтвердить, так и опровергнуть. Если любой исход подтверждает ваши гипотезы о том, что все мужчины подсознательно испытывают тревогу по поводу кастрации; или что мудрый план творения, а не эволюция объясняет разнообразие видов; или что ваш любимый экстрасенс точно предсказал бы трагические события 11 сентября, если бы в то утро не решил принять душ, или что все дельфины добры к людям – ваши убеждения – это предмет веры, а не науки. Фрейд, однако, считал себя безупречным ученым. В 1934 г. американский психолог Сол Розенцвейг написал Фрейду письмо и предложил ему подвергнуть основные предположения психоанализа экспериментальным тестам. «Эти принципы основаны на таком богатстве надежных наблюдений, что им не нужна экспериментальная проверка, – высокомерно ответил ему Фрейд – Тем не менее, эксперименты не нанесут вреда»<sup>13</sup>.

Но из-за известной нам «ошибки подтверждения», «надежные наблюдения» на самом деле не так уж надежны. Клиническая интуиция «Мол, я узнаю это, если увижу, – это завершение беседы для многих психиатров и психотерапевтов, но только начало обсуждения для ученых-исследователей, – интересное наблюдение, но что именно вы видели, и как можно доказать, что вы правы?»<sup>14</sup> Наблюдение и интуиция без независимой проверки – это ненадежные проводники, как и плутоватые местные жители, иногда сознательно посылающие туристов в неверном направлении.

Некоторые идеи Фрейда получили эмпирическое подтверждение (подсознательные процессы и защитные механизмы), а некоторые, как панталоны-буф и корсеты – просто вышли из моды (напри-

мер, «зависть к пенису» у женщин) Хотя осталось немного ортодоксальных фрейдистов, есть много школ психотерапии на основе динамического психоанализа, названных так из-за акцента теории Фрейда на динамике подсознательных психических процессов. И есть множество не обладающих дипломом психотерапевтов, которые мало знают о психодинамических теориях, но, тем не менее, некритически усвоили фрейдистскую терминологию и язык, проникшие в популярную культуру, и уверенно пользуются терминами «регрессия», «отрицание», «вытеснение». Всех этих практикующих клиницистов объединяет чрезмерная вера в действенность их личных наблюдений, запускающая замкнутый круг: все, что они видят, подтверждает то, во что они верят.

Одна из опасностей этого замкнутого круга заключается в том, что практики из-за него не замечают своих логических ошибок. Задумайтесь о знаменитом силлогизме: «Все люди смертны. Сократ – человек, следовательно, Сократ смертен». Пока все хорошо. Но из того, что все люди смертны, не следует, что все смертные – это люди, и, определенно, из этого не следует, что все люди – Сократы. Тем не менее, движение «за возвращенные воспоминания» с самого начала основывалось на подобной логической ошибке, а именно: если у какой-то женщины, подвергшейся сексуальным домогательствам, позже развилась депрессия, расстройства пищевого поведения и приступы паники, это значит, что все женщины, страдающие депрессией, расстройствами пищевого поведения и приступами паники должны были в прошлом пережить сексуальные домогательства. Соответственно, многие клиницисты, использующие психоанализ, стали побуждать своих несчастных клиентов копаться в памяти, чтобы найти доказательства, подтверждающие эту теорию. Но клиенты, когда их в первый раз об этом спрашивали, отрицали, что подвергались подобным домогательствам. Что же делать с их диссонантной реакцией? Ответом была ссылка на идею Фрейда о том, что подсознание активно вытесняет и подавляет травмирующие воспоминания, особенно, если они имеют сексуальную природу. Это все объясняет! Это объясняет, почему Холли Рамона могла забыть о том, что отец ее насиловал в течение одиннадцати лет.

Разумеется, эти клиницисты воспользовались идеей вытеснения, чтобы объяснить, почему их клиенты не помнили о травмирующих эпизодах своего прошлого. Теперь вам понятно, почему некоторые из них посчитали оправданным, более того, сочли своим профес-

сиональным долгом сделать все возможное, чтобы вернуть клиентам вытесненные воспоминания. Поскольку отрицание клиентом – это дополнительное доказательство вытеснения, понадобились сильные методы воздействия. Если гипноз ничего не дает, давайте попробуем амитал («сыворотку правды»), еще одно средство, которое расслабляет человека, отключает его самоконтроль и повышает вероятность появления ложных воспоминаний<sup>14</sup>.

Конечно, многие из нас намеренно избегают болезненных воспоминаний, стараясь отвлечься или не думать о них, и у многих были случаи, когда у нас неожиданно возникали вновь болезненные воспоминания, которые, как мы думали, давно остались в прошлом, когда мы снова попали в ситуацию, напомнившую о них. Такие ситуации содержат то, что ученые называют «ключами доступа» – это знакомые нам сигналы, оживляющие воспоминания<sup>15</sup>.

Психотерапевты-приверженцы психодинамического подхода утверждают, что вытеснение – нечто совсем иное, чем нормальные механизмы забывания и вспоминания. Они думают, что этим объясняется, почему человек может забыть целые годы травмирующего жизненного опыта, такого как повторяющиеся изнасилования. Однако Ричард Макнелли в своем тщательном и подробном обзоре экспериментальных исследований и клинических данных, представленном в его книге «Воспоминания о травме» (“Remembering Trauma”), делает вывод: «Представление о том, будто мозг защищает себя, подавляя или вытесняя воспоминания о травме и делая их таким способом недоступными для сознания, это элемент психиатрического фольклора, не подтвержденный убедительными эмпирическими исследованиями»<sup>16</sup>. В подавляющем большинстве случаев исследования демонстрируют прямо противоположное. Проблема для большинства людей, переживших травмирующие события, состоит не в том, что они забыли о них, а в том, что они о них не могут забыть. Эти воспоминания возвращаются снова и снова.

Таким образом, люди не подавляют воспоминания о пытках, об участии в военных действиях или о том, как они стали жертвами природных катастроф (если не получили при этом повреждения мозга), хотя детали даже таких ужасных воспоминаний с течением времени искажаются, как и у любых воспоминаний. «По-настоящему травмирующие события, ужасные, угрожающие жизни переживания никогда не забываются, не говоря уже о тех случаях, когда они повторялись, – говорит Макнелли – Основной принцип такой

если жестокое обращение или сексуальные домогательства были травмирующими в то время, когда это происходило, маловероятно, что они забудутся. Если они забыты – маловероятно, что они были травмирующими. Но, даже если они были забыты, нет доказательств того, что они были блокированы, подавлены, изолированы какой-то психической преградой и поэтому недоступны».

Это, очевидно, разочарывающая информация для клиницистов, убежденных, что люди, которых годами подвергали жестокому обращению или сексуальным домогательствам, подавят воспоминания об этом. Если бы они были правы, то, очевидно, что люди, пережившие холокост, были бы первыми кандидатами для демонстрации механизма вытеснения воспоминаний. Но, как все мы знаем, и как Макнелли документально подтверждает, ни один из людей, переживших холокост, не забыл того, что с ним произошло, и не вытеснил воспоминания об этом. У энтузиастов теории «возвращенной памяти» и на это есть ответ – они просто искажают факты. В одном исследовании, проведенном через сорок лет после войны, людей, выживших в нацистском концентрационном лагере Эрика, просили вспомнить о том, что они тогда там пережили. Когда их сегодняшние воспоминания сравнили с тем, что они рассказывали сразу после освобождения из лагеря, оказалось, что их воспоминания остались очень точными и детальными. Любой нейтральный обозреватель прочитал бы об этом исследовании и сказал: «Как удивительно! Они смогли и через сорок лет вспомнить все эти детали». Тем не менее, один из энтузиастов феномена «возвращенной памяти» цитирует это исследование как доказательство того, будто «опубликованы данные об амнезии у тех, кто выжил в нацистском концентрационном лагере во время холокоста». В реальности в этом исследовании не сообщалось ни о чем, даже отдаленно напоминающем амнезию. Некоторые бывшие узники не смогли вспомнить о каких-то эпизодах жестокости, хотя вспомнили многие другие им подобные, или забыли какие-то детали, такие как имя садиста-охранника. Это не вытеснение – это нормальное забывание деталей, которое характерно для всех нас, когда проходят годы со времени события.<sup>17</sup>

Терапевты, верящие в вытеснение, таким образом, находят его всегда, даже тогда, когда никто, кроме них, его не видит. Но, если все, что вы наблюдаете в вашей клинической практике, это доказательства, подтверждающие ваши воззрения, что же вы считаете опровергающими данными? Что, если у вашего клиента нет воспоминаний



о травмирующих домогательствах не потому, что они вытеснены, а потому, что никаких домогательств не было<sup>2</sup> Что может вывести вас из подобного замкнутого круга<sup>3</sup> Чтобы предостеречь себя от ошибок, которые могут появиться в наших собственных наблюдениях, ученые изобрели контрольную группу – группу, в которой не применяется новый терапевтический метод или новое лекарство. Большинство людей понимает важность контрольных групп в исследовании эффективности нового лекарства, поскольку без контрольной группы вам будет не разобраться в том, чем именно вызван позитивный результат – новым лекарством или эффектом плацебо – т.е. ожиданиями пациентов, что раз им дают какое-то лекарство, то оно должно помочь. Например, в одном из исследований женщин, которые жаловались на сексуальные проблемы, было обнаружено, что 41 % женщин сообщили, что их либидо (сексуальное влечение) вернулось, когда они стали принимать виагру. Однако о том же сообщили и 43 % участниц контрольной группы, принимавшие не виагру, а пилюлю из сахара<sup>18</sup> (Это исследование убедительно показало, что орган, который больше других влияет на сексуальное возбуждение, – это мозг)

Очевидно, если вы – психотерапевт, то не можете в случайном порядке одних ваших клиентов оставлять в листе ожидания, а другим уделять серьезное внимание – первые в этом случае быстро найдут другого терапевта. Но, если вас не научили помнить о проблеме «добротного дельфина», если вы абсолютно уверены в том, что ваши представления – верные, а ваши терапевтические навыки – безукоризненные, вы можете допустить серьезные ошибки. Социальный работник так объясняла, почему она решила отказать матери в опеке над ее ребенком – мать в детстве подвергалась жестокому обращению, а «мы все знаем», сказала она судье, что это серьезный фактор риска того, что мать сама будет так же поступать со своим ребенком. Такое заключение о цикле жестокости появилось из наблюдений подтверждающих его случаев – склонные к насилию родители, сидевшие в тюрьме или проходившие курс терапии, сообщали о том, что их жестоко избивали или подвергали сексуальным домогательствам их собственные родители. Что отсутствует – так это опровергающие случаи – дети, подвергавшиеся насилию, но не применявшие его сами, когда стали родителями. Они незаметны для социальных работников или психотерапевтов, потому что, по определению, люди, не использующие насилие, не могут оказаться в тюрьме, и им не нужна психотерапия. Психологи, проводившие лонгитюдные ис-

следования, т. е. изучавшие детей в течение длительного периода времени, обнаружили, что хотя пережитое в детстве физическое насилие несколько повышает вероятность того, что дети могут стать склонными к насилию родителями, большинство подвергавшихся физическому насилию детей – почти 70 % – не повторяли жестокие поступки своих родителей<sup>19</sup>

Сходным образом, предположим, что вы проводите сеансы терапии с детьми, подвергшимися сексуальным домогательствам. Вы всем сердцем сочувствуете им и внимательно замечаете все симптомы: они испуганы, они мочатся в постель, хотят спать с включенным светом, их мучают ночные кошмары, они мастурбируют или показывают свои гениталии другим детям. Через некоторое время вы, вероятно, будете весьма уверены в своей способности определять, подвергся ли ребенок сексуальным домогательствам, используя составленный вами список симптомов. Вы можете дать маленькому ребенку поиграть с куклами, точно воспроизводящими анатомические подробности строения человеческого тела, с расчетом, что то, что они не могут объяснить словами, может проявиться в игре. Одна из ваших пациенток засовывает палочку во влагалище куклы. Другая – рассматривает пенис куклы очень внимательно, что вызывает тревогу, так как ей только четыре года.

Психотерапевты, не получившие научной подготовки, вероятно, не заинтересуются неизвестными им случаями т. е., особенностями поведения детей, не являющихся их клиентами. Они, вероятно, не задумаются о том, насколько распространены в целом во всей популяции детей такие симптомы как мочеиспускание в постель, сексуальные игры и страхи. Когда исследователи задались таким вопросом, они обнаружили, что дети, которые не подвергались домогательствам, тоже часто мастурбировали и проявляли сексуальное любопытство, а боязливые по своей природе дети, кроме того, мочились в постель и боялись темноты<sup>20</sup>. Даже дети, действительно подвергавшиеся сексуальным домогательствам, не демонстрировали какого-то предсказуемого набора симптомов. Ученые смогли об этом узнать, только наблюдая за поведением детей длительное время, а не ограничиваясь лишь 1-2 клиническими интервью. Обзор 45 исследований, в которых дети, подвергавшиеся сексуальным домогательствам, исследовались продолжительное время (до полутора лет), обнаружил, что хотя поначалу эти дети демонстрировали симптомы страха и сексуальные действия чаще, чем дети, не подвергавшиеся домогательствам,

« не было ни одного симптома, который был бы характерен для большинства детей, подвергавшихся сексуальным домогательствам, [а] примерно у трети жертв вообще не было никаких симптомов. Эти данные предполагают, что не существуют никакого специфического синдрома, характерного для ставших жертвами сексуальных домогательств детей»<sup>21</sup>

Кроме того, не было различий между детьми, подвергавшимися и не подвергавшимися сексуальным домогательствам, когда те и другие играли с куклами, обладавшими выраженными сексуальными анатомическими признаками, ведь выдающиеся гениталии – это такая интересная вещь. Некоторые дети делали с этими куклами очень странные вещи, и это ничего не значит, за исключением того, что игры с куклами – это ненадежные диагностические тесты<sup>22</sup>. В одном из исследований, которым руководили два видных специалиста в области возрастной психологии Мэгги Брак и Стивен Сеси, девочка засунула палочку во влагалище куклы, чтобы показать родителям, что, якобы, с ней произошло, когда ее в тот день осматривал врач<sup>23</sup>. Видеозапись показала, что врач не делал ничего подобного, но вы можете себе представить, что вы бы почувствовали, увидев, как ваша дочь таким способом играет с куклой, а психиатр бы торжественно вам заявил, что это означает – ваша дочь подверглась сексуальным домогательствам. Вам бы наверняка захотелось быстрее добраться до того врача.

Многие психотерапевты, начавшие специализироваться в сфере помощи подвергшимся жестокому обращению или сексуальным домогательствам детям в 1980-е гг, абсолютно уверены в своей способности определять, действительно ли ребенок был жертвой таких действий. В конце концов, говорят они, за их плечами годы клинической практики. Тем не менее, исследования, одно за другим, показывают, что их уверенность ошибочна. Например, медицинский психолог Томас Хорнер с коллегами изучили диагнозы, поставленные группой опытных экспертов-клиницистов в случае, когда отец был обвинен в сексуальных домогательствах по отношению к его трехлетней дочери. Все эксперты изучили стенограммы, присутствовали во время интервью ребенка и смотрели видеозаписи общения девочки с родителями, а также изучили клинические данные. У экспертов-клиницистов была идентичная информация, но некоторые из них были уверены в том, что домогательства имели место, а другие – убеждены в том, что их никогда не было. Исследователи потом попросили выборку

из 129 психотерапевтов проанализировать те же данные, оценить вероятность того, что девочка подвергалась сексуальным домогательствам со стороны ее отца и дать рекомендации относительно того, лишать или нет отца родительских прав. Опять-таки, заключения варьировали в широком диапазоне – от абсолютной уверенности в том, что девочка была жертвой сексуальных домогательств, до абсолютной уверенности в том, что не была. Некоторые психотерапевты рекомендовали навсегда запретить отцу общаться с дочерью, другие – передать ее на попечение отца. Эксперты, верящие в то, что сексуальные домогательства в семьях по отношению к детям – это распространенное явление, были склонны немедленно интерпретировать неясные и двусмысленные факты в поддержку своего мнения, те, кто был настроен скептически к подобным утверждениям, не соглашались с подобной интерпретацией. Для экспертов, не склонных скептически анализировать факты и данные, как сделали вывод исследователи, «верить – означает видеть»<sup>24</sup>

Другие исследования ненадежности клинических прогнозов, а таких исследований сотни, это новости, вызывающие диссонанс у тех специалистов-психотерапевтов, чья уверенность в себе основана на их убежденности в том, что их экспертные оценки всегда верны и точны<sup>25</sup>. Когда мы говорили о том, что наука – это способ контролировать самомнение и высокомерие, мы именно это и имели в виду.

«**В**ерить – означает видеть» было тем принципом, на котором строились все скандалы в детских садах 1980-х и 1990-х гг. Как и в случае с детским садом Макмартин, все начиналось с обвинений психически неуравновешенного родителя или капризов и жалоб ребенка, которые провоцировали расследование, в свою очередь провоцировавшее панику. Например, в детском саду “We Care” в штате Нью-Джерси четырехлетний мальчик, которому врач в своем кабинете измерял температуру, вставив градусник мальчику в задний проход, сказал: «Так мне делала моя воспитательница [Келли Майклс] в садике»<sup>26</sup>. Мать мальчика известила агентство по защите детских прав штата. Сотрудники агентства привели мальчика в офис прокурора и дали ему поиграть с куклой с анатомическими подробностями. Мальчик вставил палец в задний проход куклы и сказал, что еще двум другим мальчикам тоже таким способом измеряли

температуру Родигелям других детей из этого детского сада посоветовали обратить внимание на возможные признаки сексуальных домогательств по отношению к их собственным детям. Были приглашены специалисты для интервьюирования детей. Вскоре дети уже утверждали, будто Келли Майклс, кроме всего прочего, слизывала арахисовое масло с их гениталий, заставляла их пить ее мочу и есть ее кал, а также насильовала их, используя для этой цели ножи, вилки и игрушки. Утверждалось, будто все это происходило в те часы, когда дети находились в детском саду, и продолжалось в течение семи месяцев, хотя родители могли приводить детей в сад и забирать их отсюда в любое время, ни один ребенок не на что не жаловался и ни один родитель не заметил никаких проблем у своих детей.

Келли Майклс была обвинена в 115 эпизодах сексуальных домогательств и приговорена к 47 годам тюремного заключения. Она была освобождена через пять лет, после того как апелляционный суд постановил, что на показания детей повлияло то, как их интервьюировали. А как это происходило? Если «ошибка подтверждения» мчится во весь опор, и нет «вождей» научной осторожности, которые могли бы ее остановить, интервью проводятся с чудовищной предвзятостью, что было характерно для всех случаев судебных исков против детских садов. Например, вот как Сьюзен Келли, педиатрическая медицинская сестра, интервьюировавшая детей в нескольких таких делах, использовала кукол Берта и Эрни, чтобы «помогать» детям вспоминать.

*Келли* Ты скажешь Эрни?

*Ребенок* Нет.

*Келли* Ну, ладно [просите пьным тоном] Пожалуйста, скажи Эрни. Пожалуйста, скажи мне. Пожалуйста, скажи мне. Чтобы мы могли помочь тебе. Пожалуйста. Шепни об этом Эрни. Кто-нибудь трогал тебя вот здесь? [указывая на влагалище куклы-девочки]

*Ребенок* Нет.

*Келли* [указывая на ягодицы куклы] Кто-нибудь трогал твою попу?

*Ребенок* Нет.

*Келли* Ты скажешь Берту?

*Ребенок* Они меня не трогали!

*Келли* Кто тебя не трогал?

*Ребенок* Моя воспитательница не трогала Никто не трогал

*Келли* А кто-то из больших людей, кто-то из взрослых, трогал твою попу вот здесь?

*Ребенок* Нет <sup>27</sup>

«Кто не трогал тебя?» Здесь мы попадаем в мир великого сатирического романа Джозефа Хеллера «Уловка-22» (“Catch-22”)

*Полковник* с густыми усами говорит Клевинджеру «Что вы имели в виду, когда вы сказали, что мы не можем наказать вас?»

*Клевинджер* отвечает «Я не говорил, что вы не можете наказать меня, сэр»

*Полковник* «Когда вы не говорили, что мы не можем наказать вас?»

*Клевинджер* «Я всегда не говорил, что вы не можете наказать меня, сэр»

В то время психотерапевты и социальные работники, которых пригласили для интервьюирования детей, считали, что подвергшиеся сексуальным домогательствам дети не станут рассказывать о том, что произошло, если вы не проявите настойчивость, постоянно задавая наводящие вопросы, потому что они испуганы или им стыдно. При отсутствии исследований это казалось разумным предположением, и очевидно, что иногда это верно. Но где грань, после которой настойчивость превращается в принуждение? Ученые-психологи провели эксперименты, чтобы исследовать важные аспекты детской памяти и детских показаний – как дети понимают то, о чем их спрашивают взрослые? Зависят ли их ответы от их возраста, вербальных способностей и от того, какие задаются им вопросы? При каких условиях ответы детей будут правдивыми, а при каких – они будут поддаваться внушению и расскажут, будто что-то происходило, хотя на самом деле этого не было? <sup>28</sup>

Например, в эксперименте с детьми-дошкольниками Сена Гарвен и ее коллеги использовали методы интервьюирования, основанные на реальных записях допросов детей в деле Макмартин. Молодой человек посетил детей в их детском саду, прочитал рассказ и угостил сладостями. Он не делал ничего агрессивного, неуместного или

странного Через неделю экспериментатор расспрашивала детей о визите молодого человека Она задавала одной группе наводящие вопросы, такие как «Он толкал воспитательницу? Он бросил восковой мелок в ребенка, который разговаривал?» Потом она задавала второй группе те же вопросы, а также использовала приемы влияния, применявшиеся теми, кто допрашивал детей в деле Макмартин например, рассказывала детям о том, что якобы сказали другие дети, выказывала разочарование, если ответы на вопросы были негативными, и хвалила тех детей, которые выдвигали обвинения В первой группе дети ответили «да, это произошло» о примерно 15 % ложных обвинений против молодого человека, посетившего детский сад – это не очень высокий процент, но и не такой низкий, от которого можно просто отмахнуться Во второй группе, однако, трехлетние дети сказали «да, это произошло» о более чем 80 % предложенных им ложных обвинений, а дети, которым было от четырех до шести лет, согласились с примерно половиной ложных обвинений. И эти результаты были получены после интервью, продолжавшихся всего от пяти до десяти минут – в реальных судебных делах детей регулярно допрашивали недели и даже месяцы В похожем исследовании, в котором участвовали дети в возрасте от пяти до семи лет, исследователи обнаружили, что они могут легко повлиять на детей, чтобы они ответили утвердительно на нелепые вопросы, такие как «Брал тебя с собой Пако летать на самолете?» Что было еще тревожнее, за короткое время эти ложные утверждения детей превратились в стабильные, но фальшивые воспоминания<sup>29</sup>

Подобные исследования позволили психологам усовершенствовать методы интервьюирования детей, так что они теперь могут помочь детям, подвергшимся жестокому обращению или сексуальным домогательствам, раскрыть, что с ними произошло, не внушая ложные воспоминания детям, которые не были жертвами насилия или домогательств Ученые показали, что маленькие дети в возрасте до пяти лет часто не могут определить разницу между тем, что им рассказали, и тем, что в действительности с ними произошло Если дошкольники, например, слышат взрослых, обменивающихся слухами о каком-то событии, многие из детей позже будут верить в то, будто это с ними самими произошло<sup>30</sup> Самым важным результатом этих исследований было то, что они показали если взрослые, уже убежденные в том, что ребенок подвергся сексуальным домогательствам, начинают интервью, их вопросы и мнение будут предвзятыми В этом случае,

когда ребенка просят рассказать, что с ним в действительности произошло, они готовы принять только то, что сами считают «правдой». Подобно Сьюзен Келли, которая никак не хотела принимать ответ «нет» ребенка, они считают, что «нет» означает отрицание правды, вытеснение истинных воспоминаний или боязнь рассказать правду. Ребенок никак не может убедить взрослого, что не подвергался сексуальным домогательствам.

Нам понятно, почему так много людей, подобных Сьюзен Келли, а также прокуроров и родителей спешили предположить самое худшее — никто не хочет, чтобы растлители малолетних раз уливали на свободе. Но ведь никто также не хочет способствовать обвинению невиновного взрослого. Сегодня, используя данные многолетних экспериментальных исследований детей, Национальный институт детского здоровья и развития и некоторые штаты, особенно Мичиган, разработали новые образцы протоколов для социальных работников, полицейских, следователей и других людей, которые интервьюируют детей<sup>31</sup>. Эти протоколы подчеркивают опасность «ошибки подтверждения», инструктируют интервьюеров, как следует проверять гипотезу о возможных домогательствах, не предполагая заранее, что они имели место. Эти руководства признают, что большинство детей с готовностью расскажут о реальных домогательствах, но некоторых нужно к этому подтолкнуть, они также предупреждают, что не следует использовать приемы интервьюирования, которые, как уже известно, приводят к ложным ответам.

Такое изменение не критической установки «верьте детям» на разумную «поймите детей» отражает признание того, что специалистам по психотерапии следует в большей степени мыслить как ученым, а не как адвокатам, честно взвешивать и оценивать все доказательства и отдавать себе отчет в том, что, возможно, их подозрения необоснованные. Если они так не поступают, то не служат правосудию, а занимаются самооправданиями.

## Наука, скептицизм и самооправдания

Когда Джудит Херман, известный психиатр, опубликовала в 1981 г. свою книгу «Инцест между отцом и дочерью» («Father-Daughter Incest»), пациенты, описанные ею, очень хорошо помнили, что



с ними произошло. В то время феминистки-клиницисты, подобные Херман, делали важную работу, привлекая внимание публики к проблемам изнасилований, сексуальных домогательств по отношению к детям, инцесту и домашнему насилию. Они не утверждали, что их клиенты вытеснили свои воспоминания – они говорили, что ставшие жертвами женщины сознательно решили молчать, потому что испытывали испуг и стыд, и не надеялись, что кто-то им поверит. В предметном указателе книги нет термина «вытеснение». Однако через десять лет Херман стала адвокатом теории «возвращенной памяти». Вот с чего начинается ее опубликованная в 1992 г. книга «Травма и выздоровление» (“Trauma and Recovery”) «Обычная реакция на жестокости – вытеснение их из сознания». Каким образом Херман и другие опытные клиницисты изменили мнение – сначала они думали, что травмирующий опыт редко забывается, или никогда не забывается, а теперь стали полагать, что это «обычная» реакция? Ответ постепенно, шаг за шагом.

Представьте, что вы – психотерапевт, искренне заботящийся о правах и безопасности женщин и детей. Вы себя считаете искусным и способным к состраданию практиком. Вы знаете, как трудно было добиться, чтобы политики и публика начали уделять серьезное внимание проблемам женщин и детей. Вы знаете, как трудно было женщинам, подвергавшимся насилию, решиться заговорить об этом. Теперь вы узнали о новом феномене – в процессе психотерапии женщины вдруг стали обретать воспоминания, которые были вытеснены из их сознания в течение всей их жизни, воспоминания об ужасных событиях. Эти случаи обсуждаются в телевизионных ток-шоу, на конференциях, в которых вы участвуете, в целом потоке книг, в том числе, в особенно популярной книге «Смелость для исцеления». Правда, авторы этой книги Элен Басс и Лора Дейвис не обучались ни методам психотерапии, ни методам научных исследований, в чем они с готовностью признаются. «Ничто из представленного в этой книге не основывается на психологических теориях», – объясняет Басс в предисловии, но незнание психологии не помешало авторам назвать себя целителями и экспертами по сексуальным домогательствам, ссылаясь на опыт семинаров, которые они провели<sup>32</sup>. Они приводят список симптомов, каждый из которых, как они говорят, позволяет предположить, что женщина могла быть жертвой инцеста: она чувствует себя бессильной, и у нее отсутствует мотивация; у нее расстройства пищевого поведения или сексуальные проблемы; она

чувствует, что с ней что-то «глубоко не так»; она чувствует, что ей нужно быть безупречной, она ощущает себя плохой, грязной или ей стыдно. Вы – психотерапевт, работающий с женщинами, у которых есть какие-то из этих проблем. Следует ли вам предположить, что годы вытесненных из памяти воспоминаний об инцесте – это основная причина их проблем?

Вот вы стоите на вершине пирамиды, и вам нужно принять решение: то ли присоединиться к победному маршу с оркестром сторонников теории «возвращенной памяти», то ли остаться стоять на обочине. Большинство получивших профессиональное образование психотерапевтов были настроены скептически и не пошли за оркестром. Но многие психотерапевты-практики – по данным нескольких опросов от четверти до трети<sup>31</sup> – сделали этот первый шаг, и, учитывая замкнутый круг клинической практики, нам понятно, как легко это было для них. Большинство из них не было обучено здоровому научному скептицизму в духе «покажите мне ваши данные». Они не знали об «ошибке подтверждения», поэтому им было невдомек, что Басс и Дейвис видели доказательства инцеста в любых симптомах, которые демонстрировали женщины, и даже в том факте, что у них не было никаких симптомов. Они не понимали значимости контрольных групп, поэтому не задумывались о том, почему так много женщин, которые никогда не подвергались сексуальным домогательствам или насилию, тем не менее, страдают расстройствами пищевого поведения или ощущают бессилие и отсутствие мотивации<sup>34</sup>. Они не рассматривали другие причины (кроме инцеста), которые могли вызвать сексуальные проблемы у их женщин-клиентов.

Даже некоторые из скептически настроенных практиков не хотели тормозить «победное шествие с оркестром» сторонников «возвращенных воспоминаний», критически высказавшись о своих коллегах или о женщинах, рассказывавших свои истории. Это вызывает психологический дискомфорт, диссонанс – понять, что некоторые из ваших коллег компрометируют репутацию вашей профессии, продвигая глупые или опасные идеи. Это вызывает неловкость и диссонанс – понять, что не все, что говорят женщины и дети – это правда, особенно после всех ваших усилий убедить женщин-жертв насилия не бояться заговорить об этом и заставить общество признать проблему жестокого обращения и сексуального насилия над детьми. Некоторые психотерапевты опасались, что если публично поставить под сомнение возможность «возвращения воспоминаний»,

то это может подорвать доверие к женщинам, которые подвергались сексуальным домогательствам или были изнасилованы. Были и люди, опасавшиеся, что критика движения за «возвращенные воспоминания» может быть использована как довод сексуальными хищниками и антифеминистами и окажет им моральную поддержку. Вначале они не подозревали, что может начаться общенациональная паника по поводу сексуальных домогательств и что невинные люди пострадают, когда будут преследовать тех, кто на самом деле виновен. Тем не менее, сохраняя молчание, когда все это произошло, они начали соскальзывать вниз по грани пирамиды.

Сегодня некоторые психотерапевты-сторонники концепции «возвращенных воспоминаний» продолжают делать то, что они практиковали годами, помогая клиентам возвращать их «вытесненные воспоминания» (Большинство из них, однако, стали осторожнее, опасаясь судебных исков). Другие – тихо отказались от использования идеи вытесненных воспоминаний об инцесте как основного объяснения проблем их клиентов – оно просто вышло из моды, как произошло десятилетия тому назад с другими подобными объяснениями, такими как «зависть женщин к пенису», «фригидность» или «помешательства мужчин, вызванные мастурбациями». Они отказываются от одной моды, когда она теряет популярность, и увлекаются следующей, редко задумываясь о том, а куда теперь исчезли все эти случаи «вытесненных воспоминаний об инцесте». Они могли что-то краем уха слышать о полемике, связанной с этим методом терапии, но им проще продолжать делать то, что они делали всегда, возможно, добавив к этому какой-то новый модный метод терапии.

Но, без сомнений, самый сильный диссонанс пришлось пережить тем медицинским психологам и психиатрам, которые были инициаторами метода «возвращенных воспоминаний». У многих из них была впечатляющая репутация. Этот метод принес им славу и успех. Они были звездами, выступавшими на профессиональных конференциях. Их приглашали и приглашают как экспертов в суды, когда слушается дело о сексуальных домогательствах по отношению к ребенку или нужно оценить, насколько надежны и достоверны «возвращенные воспоминания» истца, и как мы видели, они обычно представляют свое заключение весьма уверенно. Когда научных доказательств их возможных ошибок становилось все больше, какова была вероятность того, что они их с готовностью примут и будут благодарны за то, что исследования памяти и свидетельских показаний детей могут

им помочь улучшить их терапевтическую практику? Для этого им нужно было понять, что они на самом деле вредили тем женщинам и детям, которым пытались помочь. Было гораздо проще сохранить свои представления, отвергнув научные исследования как нечто, не имеющее отношения к клинической практике. Как только они делали этот первый шаг на пути самооправдания, они уже не могли вернуться назад, потому что это требовало от них огромных психологических усилий.

Сегодня, стоя у подножия пирамиды на расстоянии во много миль от своих ученых коллег-психологов, посвятив два десятилетия продвижению метода психотерапии, который Ричард Макниелли<sup>15</sup> называет «самой худшей катастрофой в сфере психотерапии со времен эры лоботомии», – большинство клиницистов-приверженцев метода «возвращенных воспоминаний» остаются по-прежнему преданными этой ложной теории. Как же они ослабляют свой диссонанс?

Один из популярных методов – минимизировать серьезность проблемы и размер ущерба, нанесенного этим методом. Медицинский психолог Джон Бриэр, один из первых поддержавший терапевтический метод «возвращенных воспоминаний», наконец, признал на конференции, что в 1980-е гг., по крайней мере, в некоторых случаях психотерапевты проявили «чрезмерный энтузиазм», пытаясь без должных оснований «высасывать воспоминания из мозгов своих клиентов». Они допустили ошибки, но так случалось нечасто, поспешил он добавить. Ложные «возвращенные воспоминания» редки, сказал он – гораздо чаще возвращались истинные вытесненные воспоминания.<sup>16</sup>

Другие психотерапевты снижали диссонанс, обвиняя жертву. Колин Росс, психиатр, который заработал славу и состояние, утверждая, что вытесненные воспоминания о пережитом пациентами сексуальном насилии вызывают у них синдром расщепления личности, в конечном итоге, согласился, что «внушаемые индивиды могут изобретать воспоминания при некорректном применении психотерапевтических методов». Но поскольку «нормальная человеческая память весьма подвержена ошибкам», он сделал вывод, что «ложные воспоминания нормальны с точки зрения биологии, и поэтому это не всегда вина

---

Нейрохирургически операции, в ходе которой рассекаются ткани, соединяющие лобные доли мозга с остальной частью. Широко практиковалась в США в 1950-е годы как средство, позволяющее избавить пациентов от галлюцинаций и бреда. – *Примеч. пер.*

терапевта» Терапевты не создают ложных воспоминаний у своих клиентов, потому что терапевты – это просто «консультанты»<sup>37</sup> Таким образом, если у клиента появились ложные воспоминания – это его или ее собственная вина

Психотерапевты, наиболее преданные идеологии «возвращенных воспоминаний», пытались ослабить диссонанс, рекомендуя «казнить гонца». В конце 1990-х гг, когда психиатров и психотерапевтов обвиняли в судах в профессиональной некомпетентности и недопустимом давлении на клиентов в делах о якобы «возвращенных воспоминаниях», Д Коридон Хэммонд советовал своим коллегам-клиницистам на конференции следующее «Я думаю, настало время открыть сезон охоты на академических ученых и исследователей. В Соединенных Штатах и особенно в Канаде, ситуация дошла до крайности, и академические ученые заняли такую экстремистскую позицию в отношении «возвращенных воспоминаний», что, я думаю, настало время для клиницистов подавать иски по поводу нарушения этики и должностной халатности против исследователей и редакторов журналов, большинство из которых, о чем стоит упомянуть, не имеют страховок, покрывающих ущерб от их непрофессиональных действий»<sup>38</sup> Некоторые психиатры и медицинские психологи последовали совету Хэммонда и стали посылать гневные письма исследователям и редакторам журналов с необоснованными обвинениями исследователей, изучавших память и свидетельские показания детей в якобы допущенных ими нарушениях, а также подавали иски, целью которых было препятствовать публикации критических статей и книг Все эти усилия, однако, не смогли заставить ученых замолчать<sup>39</sup>

Последний способ уменьшения диссонанса – игнорировать все научные исследования, объявив их элементом кампании по дискредитации жертв, подвергшихся в детстве сексуальным домогательствам или incestу Заключительная часть третьего издания книги «Смелость для исцеления» называется «Чтить истину Ответ на кампанию по дискредитации» В этой книге нет раздела под названием «Чтить истину Мы допустили ряд серьезных ошибок»<sup>40</sup>

Среди психотерапевтов, использовавших метод «возвращенной памяти», почти нет таких, кто признал, что был не прав Конечно, они могут бояться судебных исков Но на примере тех немногих, кто

публично признал свои ошибки, мы видим, какие усилия нужны, чтобы высвободить их из защитного кокона самооправданий Линде Росс потребовалось выйти за пределы закрытого цикла частных психотерапевтических сеансов и заставить себя лично общаться с родителями, чья жизнь была разрушена из-за обвинений, выдвинутых против них их дочерьми. Один из ее клиентов привел ее на встречу с обвиненными родителями. Росс вдруг поняла, что история, которая казалась дикой, но возможной, когда ее клиентка рассказывала ее во время психотерапевтического сеанса, теперь представляется абсолютно фангастической, потому что десяток других заполнивших комнату людей рассказывает похожие истории. «Я так поддерживала женщин и их вытесненные воспоминания, – говорила она, – но я никогда не задумывалась о том, что переживали их родители. Теперь я слышала, как абсолютно нелепо все это звучит. Одна пожилая пара представилась, и жена рассказала мне, как их дочь обвинила ее мужа в убийстве грех человек. Боль на лицах этих родителей была так очевидна. И единственной причиной этого было то, что их дочь прошла терапию [для возвращения воспоминаний]. В тот день я не могла гордиться своей профессией».

После той встречи, говорила Росс, она часто просыпалась посреди ночи «испытывая ужас и боль», когда ее кокон начал раскрываться. Ее тревожили возможные судебные иски против нее, но большую часть времени она «просто думала о тех матерях и отцах, которые хотели вернуть своих детей». Она звонила своим бывшим клиентам, пытаясь устранить нанесенный им ею ущерб, и изменила свой психотерапевтический метод. В интервью радиостанции Национальное общественное радио (NPR) в программе «Эта американская жизнь» («This American Life») Росс рассказала ведущей Аликс Шиннел, как сопровождала одну из своих клиенток на встречу с родителями этой женщины, чей дом был разобран полицией, пытавшейся найти спрятанное мертвое тело, о котором их дочь «вспомнила» во время сеанса психотерапии.<sup>41</sup> Тело не было обнаружено, как и подземная камера пыток в детском саду Макмартин. «Итак, у меня появилась возможность рассказать им о моей роли в этом, – рассказывала Росс – И сказать им, что я понимаю им очень трудно простить меня, и, возможно, они меня так и не простят, но я понимаю, насколько мне необходимо их прощение».

В конце интервью Аликс Шиннел сказала: «Очень трудно найти других практикующих психотерапевтов, которые, как Линда Росс,

решились бы публично рассказать о своем опыте, признать свою вину и сделать попытку разобраться, как это могло произойти. Как это ни странно, эксперты за редким исключением хранят молчание»







# Глава 5

«Я думаю, это очень трудно для любого прокурора [признать свои ошибки и] сказать „Ах, мы отняли у этого парня 25 лет жизни. Пора положить этому конец“»

*– Дейл М. Рубин, адвокат Томаса Ли Голдстайна*



## Закон и беспорядок

**Т**омас Ли Голдстайн, студент университета, в прошлом – морской пехотинец, был осужден в 1980 г за убийство, которого он не совершал, и провел следующие 25 лет в тюрьме. Его единственным преступлением было то, что он оказался в неудачном месте и в неудачное время.

Хотя он жил неподалеку от жертвы убийства, полиция не обнаружила никаких физических улик, связывающих Голдстайна с преступлением: оружия, отпечатков пальцев или крови. У него не было мотива. Он был осужден на основе свидетельских показаний сидевшей в тюрьме полицейского информатора, с невероятным именем Эдвард Финк (fink означает «доносчик» – *примеч пер*), о том, что Голдстайн признался ему в совершенном им преступлении, когда они сидели в одной камере. Финка 35 раз арестовывала полиция, и он отбыл три срока за уголовные преступления, кроме того, Финк был героиневым наркоманом и уже выступал свидетелем по десяти разным делам (тюремный консультант описывал Финка как «притворщика, который обращается с фактами так, будто они резиновые»). Финк лгал под присягой, отрицая, что ему уменьшили тюремный срок в обмен на его свидетельские показания. В этом деле обвинения были, кроме Финка, только один другой свидетель, Лоран Кэмпбелл, опознавший Голдстайна как убийцу после того как полиция солгала ему, будто Голдстайн не прошел тест на детекторе лжи. Ни один из пяти остальных свидетелей-очевидцев преступления не опознал Голдстайна, а четверо из них сказали, что убийца был «темнокожим или мексиканцем». Кэмпбелл также позже отказался от своих показаний, заявив, что он «слишком старался помочь полицейским», говоря им то, что они хотели услышать. Но было уже слишком поздно. Голдстайна приговорили к 27 годам тюремного заключения за убийство.

За то время, пока Голдстайн сидел в тюрьме, пять федеральных судей согласились с тем, что обвинение лишило Голдстайна его права на справедливое рассмотрение дела, не сообщив защите о своей сделке с Финком, тем не менее Голдстайна не освободили. Наконец, в феврале 2004 г судья Верховного суда штата Калифорния отменил приговор «во имя восстановления справедливости», сославшись на

отсутствие доказательств вины обвиняемого и «злокачественный характер рассмотрения дела», основанного на лжесвидетельстве профессионального доносчика. Даже тогда офис окружного прокурора Лос-Анджелеса отказался признать, что они допустили ошибку. Через несколько часов они подготовили новые обвинения против Голдстейна, установили сумму залога в 1 млн долларов и объявили, что будет повторное судебное расследования убийства. «Я абсолютно уверен, что мы нашли нужного парня», – заявил заместитель окружного прокурора Патрик Конноли. Два месяца спустя офис окружного прокурора признал, что не обладает доказательствами вины Голдстейна, и освободил его.

**В**ечером 19 апреля 1989 г женщина, которую стали называть «джоггером из Центрального парка» была жестоко изнасилована и до смерти избита. Полиция быстро арестовала пять темнокожих и латиноамериканских подростков из Гарлема, которые «хулиганили» в парке, нападая на посетителей парка и избивая их. Полиция не без оснований видела в них подозреваемых в нападении на женщину-джоггера. Они поместили подростков в камеру предварительного заключения и подвергли их интенсивному допросу, продолжавшемуся от 14 до 30 часов. Юноши, которым было от 14 до 16 лет, наконец, сознались в преступлении, но они не просто признали свою вину – они сообщили отвратительные подробности того, что они делали. Один юноша показал, как стащил шорты с женщины-джоггера. Другой рассказал, что разрезал ножом ее футболку, и о том, как один из них несколько раз ударил женщину по голове камнем. Еще один выразил раскаяние за «первое в его жизни изнасилование», сказав, что его заставили так поступить другие парни и что он обещает больше так никогда не поступать. Хотя не было никаких физических улик, связывающих подростков с преступлением – совпадений спермы, крови или ДНК, их признания убедили полицию, присяжных, судебных медицинских экспертов и публику в том, что злоумышленники пойманы. Миллионер-девелопер Дональд Трамп потратил 80 000 \$ на рекламу, призывающую вынести подросткам смертный приговор.<sup>1</sup>

И все же подростки были невиновны. Через 13 лет преступник-рецидивист по имени Магнус Рейес, сидевший в тюрьме за три случая изнасилования и грабежа и за один случай изнасилования и убийства, признался, что это он и никто другой совершил преступление в Цен-

тральном парке Он рассказал детали, о которых никто, кроме него, не знал, а анализ его ДНК показал, что она идентична ДНК в сперме, найденной в половых органах и на носке жертвы Офис окружного прокурора Манхэттена, возглавляемый Робертом М. Моргентау, вел расследование почти год и не обнаружил никакой связи между Рейесом и осужденными подростками В итоге офис окружного прокурора поддержал требование защиты снять обвинение с подростков, и в 2002 г это было сделано Но против решения Моргентау яростно протестовали бывшие прокуроры, прежде работавшие в этом окружном офисе, а также офицеры полиции, которые были причастны к первоначальному расследованию, так и не поверившие в невиновность подростков<sup>2</sup> В конце концов, ведь подростки сознались.

В 1932 г профессор права Йельского университета Эдвин Борчард опубликовал книгу «Осуждение невинного 65 реальных ошибок криминальной юстиции» (“Convicting the Innocent Sixty-five Actual Errors of Criminal Justice”) Из 65 дел, расследованных Борчардом, в восьми случаях обвиняемые были осуждены за убийства, несмотря на то, что позже выяснилось, что их предполагаемые жертвы были живы Вы, возможно, подумали, что это могло быть расценено как убедительное доказательство серьезных ошибок, допущенных полицией и прокуратурой, тем не менее, один из прокуроров сказал Борчарду «Невинных людей никогда не обвиняют Не беспокойтесь об этом, этого никогда не случается Это физически невозможно»

Потом появились исследования ДНК Начиная с 1989 г – первого года, когда тестирование ДНК привело к освобождению невинного заключенного, публике много раз представляли доказательства того, что осуждение невинных происходило гораздо чаще, чем мы опасались Фонд The Innocence Project («Проект “Невиновность”»), основанный Барри Шеком и Питером Дж. Нойфелдом, ведет на своем вебсайте информационную базу с данными о сотнях мужчин и женщин, посаженных в тюрьму за убийства или изнасилования, а потом оправданных – чаще всего с помощью анализа ДНК, но также и с помощью других доказательств, таких как выявление ошибок в опознании подозреваемых свидетелями<sup>1</sup> Реабилитация приговоренных к смертной казни, конечно, привлекает наибольшее внимание публики, но тревожит и огромное количество ошибочных приговоров за менее серьезные преступления По результатам представительного исследования криминальных дел, в которых обвиняемый был неоспоримо оправдан, профессор права Сэмюэль Р. Гросс

и его сотрудники заключили, что « если мы рассмотрим приговоры к тюремному заключению так же тщательно, как рассматриваются смертные приговоры, то выяснится, что за последние 15 лет по таким делам следовало отменить 28 500 приговоров, а не 255, как произошло в реальности»<sup>4</sup>

Это тревожная диссонантная информация для каждого, кто хочет верить, что система правосудия работает. Разрешить такой диссонанс достаточно трудно и для обычного гражданина, но, если вы участник правоохранительной системы, ваша мотивация оправдать подобные ошибки, не говоря уже о ваших собственных ошибках, будет запредельной. Социальный психолог Ричард Офши, эксперт по психологии ложных признаний, однажды заметил, что обвинение невиновного человека – это одна из «худших профессиональных ошибок, которую вы можете совершить – то же самое, что для хирурга ампутировать не ту руку»<sup>5</sup>

Предположим, вам представили доказательства, что вы ампутировали не ту руку – что вы послали невиновного человека в тюрьму. Что вы сделаете? Вашим первым побуждением будет отрицать вашу ошибку, и причина очевидна – желание сохранить вашу работу и защитить свою репутацию, а также – репутацию коллег. Кроме того, если вы выпустили на свободу кого-то, кто потом совершил тяжкое преступление, или освободите невиновного, но ошибочно заключенного в тюрьму за тяжкое преступление, например, педофилию – разгневанная публика может резко осудить вас за это, так как вы «проявили неоправданную мягкость в борьбе с преступностью»<sup>6</sup>. У вас будет много подобных внешних стимулов, чтобы отрицать свои ошибки, но у вас есть еще более важный внутренний мотив – вы хотите считать себя честным и компетентным человеком, который никогда не обвинит невиновного.

Но как вы можете считать, что обвинили того, кого следует, столкнувшись с новыми доказательствами его невиновности? Потому что вы убеждаете себя, что эти новые доказательства – неубедительные. Посмотрите – это ведь плохой парень, даже если он не совершал это конкретное преступление, то он, несомненно, совершил какое-то другое. Альтернативное объяснение, что вы послали невиновного человека в тюрьму на 15 лет – настолько не соответствует вашим представлениям о вашей компетентности, что вы используете разные интеллектуальные уловки, чтобы убедить себя в том, будто вы никак не могли допустить подобный промах.

После каждого случая освобождения по результатам анализа ДНК невиновных людей, проводивших годы в тюрьме, публика может легко узнать об интеллектуальных махинациях прокуроров, полицейских и судей, занятых устранением своих диссонансов. Одна из их стратегий – утверждать, будто большинство из этих случаев – вовсе не ошибочные обвинения, а ошибочные оправдания: то, что заключенного освободили, вовсе не означает, что он или она невиновны. А, если этот человек действительно невиновен – что же, это позор, но ошибочные обвинения чрезвычайно редки, и это разумная цена за ту замечательную систему, которая уже создана и действует. Реальная проблема заключается в том, что слишком много преступников остаются безнаказанными, используя процедурные лазейки, или избегают справедливого наказания, потому что они достаточно богаты, чтобы нанять команду высокооплачиваемых адвокатов. Как сформулировал Джошуа Маркис, окружной прокурор из штата Орегон, одновременно принявший на себя роль профессионального защитника сложившейся системы криминальной юстиции: «Американцам следует гораздо больше беспокоиться об ошибочно освобожденных, чем об ошибочно осужденных»<sup>7</sup>. Когда независимый Центр общественной честности (Center for Public Integrity) опубликовал свой отчет о 2012 документированных должностных преступлениях и случаях халатности прокуроров, результатом которых были ошибочные обвинения и решения суда, Маркис отмахнулся от этих цифр и вывода отчета о том, что проблема приобрела «масштаб эпидемии». «Истина в том, что подобные случаи носят эпизодический характер, – писал он, – и эти случаи происходят слишком редко, чтобы заслуживать внимания, как судов, так и СМИ».

Когда происходят ошибки или случаи халатности, добавляет Маркис, у системы есть много процедур самокоррекции, чтобы их немедленно исправить. В реальности, если мы станем вмешиваться в систему, чтобы внести коррективы, с целью уменьшения доли ошибочных обвинений, это приведет к тому, что мы станем освобождать слишком много виновных людей. Это заявление отражает извращенную логику самооправданий. Ведь, когда невиновного человека ошибочно обвиняют – настоящий виновник спокойно ходит по улицам. «Среди представителей юридической профессии, – утверждает Маркис, – прокурор единственный, кто служит только истине, даже если это означает опровержение его собственной позиции по данному делу»<sup>8</sup>. Эти замечательные, снижающие диссонанс санги-



менты в гораздо большей степени обнаруживают скрытые проблемы, чем об этом догадывается Маркис. В точности из-за того, что прокуроры верят, что они раскрывают истину, они не отказываются от собственной позиции, когда это необходимо, поскольку благодаря самооправданиям, их очень редко посещает мысль о том, что это следовало бы сделать

Совсем не обязательно быть неразборчивым в средствах и коррумпированным окружным прокурором, чтобы так думать Роб Уорден, исполнительный директор Центра несправедливых обвинений школы права при Северо-западном университете, наблюдал, как работает диссонанс у прокуроров, которых он считает «по существу хорошими» и честными людьми, стремящимися поступать правильно. Когда был оправдан один из обвиняемых, Джек О'Мэлли, который был прокурором в этом деле, повторял раз за разом Уордену «Как такое может быть? Как такое может случиться?» Уорден рассказывает «Он не мог этого принять. Он не понимал. Действительно, не понимал. А Джек О'Мэлли – хороший человек» Однако прокуроры не могут отказаться от того, чтобы воспринимать себя и полицейских исключительно как «хороших парней», а обвиняемых – как «плохих парней». «Вы включаетесь в систему, – говорит Уорден, – и вы становитесь очень циничными. Люди лгут вам везде и всегда. Потом у вас появляется версия преступления, и она приводит к тому, что мы называем „туннельным зрением“ Проходят годы, и появляются неопровержимые доказательства того, что парень был невиновным. И вы сидите здесь и думаете „Погодите минутку. Или эти неопровержимые доказательства неверны, или я допустил ошибку – но я не мог ошибиться, потому что я – хороший парень.“ Это психологический феномен, и я его вижу снова и снова»<sup>9</sup>

Этот феномен – самооправдания. Снова и снова, когда мы оба читаем исследования об ошибочных обвинениях в истории США, мы видим, как самооправдания могут повысить вероятность несправедливости на всех этапах процесса – от поимки подозреваемого до вынесения приговора. Полицейские и прокуроры используют методы, отобранные за долгие годы, чтобы идентифицировать подозреваемого и собрать улики для его/ее обвинения. Обычно они правы. К несчастью, те же самые методы повышают вероятность ошибки при выборе подозреваемого, приводят к игнорированию сведений, которые могут указать на другого подозреваемого, повышают их приверженность неверному решению, а затем – к отказу признать

свои ошибки. По мере того как процесс движется вперед, те, кто пыгается обвинить первоначального подозреваемого, часто становятся все более уверенными в том, что они нашли настоящего преступника, и еще ревностнее стремятся собрать улики для его обвинения. Когда этот человек отправляется в тюрьму, уже только этот факт оправдывает все, что мы сделали, чтобы он там оказался. Кроме того, судьи и присяжные согласились с нами, разве нет? Самооправдания не только отправляют невинных людей в тюрьму, но и следят за тем, чтобы они в ней оставались.

## Детективы

Утром 21 января 1998 г., в городе Эскондидо в штате Калифорния, 12-летнюю Стефани Кроу нашли заколотой в ее спальне. Предыдущей ночью соседи позвонили по номеру 911, чтобы сообщить о своих опасениях по поводу появившегося в окрестностях бродяги, который вел себя странно. Этого мужчину звали Ричард Тьют, он болел шизофренией, а также в прошлом преследовал молодых женщин и врвался в их дома. Но детективы из Эскондидо и эксперты из Отдела по анализу поведения ФБР почти немедленно пришли к заключению, что убийство – дело рук кого-то из близких жертвы. Они знали, что большинство жертв убивает кто-то, с кем они были знакомы, а не сумасшедшие взломщики.

Соответственно, детективы, в первую очередь Ральф Клейтор и Крис Макдона, сконцентрировали внимание на четырнадцатилетнем брате Стефани Майкле. Майкла, который был простужен и температурил, допрашивали, не поставив в известность его родителей, в течение трех часов, а потом через некоторое время – в течение шести часов без перерыва. Детективы лгали ему: они сказали, что обнаружили кровь Стефани в его комнате, что у нее в кулаке был клочок его волос, что убийца находился внутри дома, потому что все двери и окна были закрыты, что кровь Стефани нашли на его одежде и что он не прошел тест компьютерного анализа тембра голоса для обнаружения признаков стресса в голосе. (Это псевдонаучный метод, который, как утверждается, может изобличать лжецов, измеряя «микротреморы» их голосов. Нет никаких научных доказательств существования «микротреморов» или обоснованности этого метода<sup>10</sup>.)

Хотя Майкл неоднократно говорил им, что ничего не помнит о преступлении, и не мог рассказать никаких подробностей, например, куда он дел оружие убийства, он, в конце концов, признался, что убил Стефани в припадке гнева, вызванного ревностью. Через несколько дней полиция также арестовала 15-летних друзей Майкла Джошуа Тредвей и Аарона Хаузера. Джошуа Тредвей после допросов, продолжавшихся 22 часа (!), рассказал подробную историю о том, как они втроем договорились убить Стефани.

Накануне суда ситуация резко изменилась: кровь Стефани обнаружили на свитере того самого бродяги Ричарда Тьюта, в который он был одет в ночь убийства. Эта улика вынудила тогдашнего окружного прокурора Пола Фингста отозвать обвинения против подростков, хотя он сказал, что все равно остается убежденным в их вине, поскольку они в ней признались, и поэтому не станет выдвигать обвинений против Тьюта. Детективы, преследовавшие подростков, Клейтор и Макдона, остались уверены в том, что они поймали настоящих убийц. Они на свои деньги опубликовали книгу, в которой оправдывали свои методы и мнение. В этой книге они утверждали, что Ричард Тют был просто невезучим парнем, из которого сделали козла отпущения, бродягой, которого использовали как пешку политики, пресса, знаменитости, а также адвокаты, нанятые семьями подростков, чтобы «переложить вину с их клиентов на Тьюта»<sup>11</sup>.

Подростков освободили, и дело было передано другому детективу из того же отдела, Вику Калоке, чтобы он его закрыл. Несмотря на сопротивление полиции и окружной прокуратуры, Калока начал собственное расследование. Другие полицейские перестали с ним разговаривать, судья бранил его за то, что он поднимает шум, прокуроры игнорировали его просьбы о помощи. Ему пришлось получать постановление суда, чтобы добыть из лаборатории нужные ему улики. Калока действовал настойчиво и, в конце концов, написал 300-страничный отчет, в котором перечислялись «спекуляции, неверные оценки и спорные улики», использованные в деле против Майкла Кроу и его друзей. Поскольку Калока не был участником первоначальной команды, проводившей расследование и поспешившей сделать неверные выводы, улики против Тьюта не вызвали у него диссонанса – для него это были обычные улики.

Калока в обход офиса окружного прокурора представил доказательства в офис главного прокурора штата Калифорния в Сакраменто. Там помощник главного прокурора Дэвид Друлинер дал согласие на

предъявление обвинений Тьюту В мае 2004 г, через 6 лет после того как детективы, которые вели первоначальное расследование, исключили Ричарда Тьюта из круга подозреваемых и сочли его безобидным бродягой и мошенником, Ричард Тьют был осужден за убийство Стефани Кроу Друлинер раскритиковал первоначальное расследование, проведенное детективами из Эскондидо «Они выбрали в корне неверное направление, что нанесло ущерб расследованию, – сказал он, – почему они не сосредоточились на мистере Тьюте – мы просто не можем этого понять»<sup>12</sup>

А мы теперь – можем Кажется нелепым, что детективы не изменили свое мнение или хотя бы не начали сомневаться, когда кровь Стефани нашли на свитере Тьюта Но, как только детективы убедили себя, что Майкл и его друзья виновны, они начали спуск по пирамиде принятия решения, используя самооправдания, и если во время спуска сталкивались с препятствием, продолжали этот спуск, пока не оказались в самом низу

Давайте начнем с вершины начального процесса поиска подозреваемого Многие детективы делают то же, к чему склонны мы все, когда мы впервые слышим о каком-то преступлении мы делаем импульсивное заключение о том, что произошло, а потом под влиянием факты так, чтобы они поддерживали наш вывод, игнорируя или считая малозначимыми данные, которые ему противоречат Социальные психологи много и подробно исследовали этот феномен, ставя людей на место присяжных и анализируя факторы, влияющие на их решения В одном эксперименте присяжные слушали аудиозапись инсценировки реального судебного разбирательства дела об убийстве, а потом объясняли, как бы они проголосовали и почему Вместо того чтобы выносить вердикт на основе анализа улик и доказательств, большинство людей с самого начала придумывали свою историю о том, что произошло, а затем, когда во время имитации судебного процесса им представляли факты и доказательства, они принимали только те из них, которые подтверждали их уже сложившуюся версию того, что произошло Чем раньше люди приходили к заключению о виновности подозреваемого, тем вероятнее было, что они будут оправдывать свое решение, голосуя за наиболее суровый вердикт<sup>13</sup> Это нормально для людей, но это вызывает тревогу

Во время своей первой беседы с подозреваемым, детективы склонны быстро принимать решение этот парень виновен или невиновен? С течением времени, приобретя опыт, полицейские учатся делать

акцент на одних линиях расследования и отвергать другие, становясь все более уверенными в правильности своего выбора. Их уверенность – частично следствие опыта, частично – следствие методов, которым их обучают, поощряющих быстроту и уверенность, а не осторожность и сомнения. Джек Кирш, бывший начальник Отдела по анализу поведения ФБР, рассказал интервьюеру, что офицеры полиции, столкнувшись со сложными случаями, обращаются к сотрудникам этого отдела за советом. «Нам приходилось импровизировать, но мы не боялись „стрелять навскидку“ и обычно попадали в цель, – говорит он – Мы поступали так тысячи раз»<sup>14</sup>

Эта уверенность часто обоснована, потому что полиция обычно расследует такие дела, в которых подозреваемые очевидны, и нужно собрать доказательства, подтверждающие их вину. Тем не менее, подобная уверенность в себе повышает риск того, что виновным будет объявлен не причастный к преступлению человек, и полиция слишком рано закроет дело, отказавшись от поиска других возможных подозреваемых. Как только «двери закрылись» – то же происходит и с мозгом. Например, детективы даже не попытались использовать свой экзотический «анализатор тембра голоса» при допросе Тьюта, как они поступили при допросе Кроу. Детектив Макдона объяснил, что «поскольку было известно, что Тьют был в прошлом, а, возможно, и сейчас, психически болен и принимал наркотики, тестирование признаков стресса по голосу могло быть ненадежным»<sup>15</sup>. Иными словами, давайте использовать наш ненадежный чудо-прибор только для тех подозреваемых, которых мы считаем виновными, потому что, что бы они ни делали, это подтвердит наше мнение, а для тех, кого мы считаем невинными, мы его использовать не будем, так как в их случае он все равно не будет работать.

Первоначальное решение о виновности или невинности подозреваемого может казаться очевидным и обоснованным. Подозреваемый может соответствовать описанию, данному жертвой или свидетелем, или относиться к категории, подходящей по статистическим данным. «Ищи тех, кого связывали с жертвой, любовь или деньги, да пребудет сила с гобой». Таким образом, в большинстве случаев убийств наиболее вероятный убийца – это любовник, супруг, бывший супруг, родственник или человек, который получает материальную выгоду от смерти жертвы. Когда убита молодая женщина, говорит лейтенант полиции Ральф М. Лейсер «подозреваемый № 1 – это близкий

ей человек Вам не следует искать какого-то незнакомого парня из фургона» Лейсер этим заявлением оправдывал свою уверенность в том, что американскую студентку китайского происхождения Биби Ли убил ее молодой человек Брэдли Пейдж, и поэтому детектив Лейсер игнорировал показания свидетеля-очевидца, который видел, как неподалеку от места преступления мужчина затолкнул молодую «восточную» женщину в фургон и уехал<sup>16</sup>. Однако, как отмечает адвокат Стивен Дризин «Вполне легитимно начинать расследование с опросов членов семьи, но не более того. Вместо того чтобы пытаться доказать, что убийца – это один из членов семьи, полицейским нужно расследовать все версии. Но слишком часто они этого не делают»<sup>17</sup>.

Как только детектив решает, что нашел убийцу, свойственная людям «ошибка подтверждения» – позаботиться о том, чтобы главный подозреваемый остался единственным подозреваемым. И, как только это произошло, – невиновный подозреваемый оказывается загнанным в угол. В случае Патрика Данна из города Бейкерсфилд, штат Калифорния, который мы упоминали во введении, полицейские решили верить неподтвержденным показаниям профессионального уголовника, поддерживавшим их теорию, будто Данин был виновен, но не документально подтвержденным показаниям беспристрастной свидетельницы, которые Данна оправдывали. Обвиняемый не мог поверить в такое решение и спрашивал своего адвоката Стэна Симрина «Но разве им не нужна правда?». «Да, нужна, – ответил Симрин, – и они убеждены в том, что ее обнаружили. Они верят в то, что вы виновны. И теперь они сделают все, что в их силах, чтобы добиться для вас обвинительного приговора»<sup>18</sup>.

Попытки делать все возможное для обвинительного приговора приводят к игнорированию и признанию неважными фактов, требующих от офицеров полиции изменить свое мнение о подозреваемом. В крайних случаях у отдельных офицеров или даже у всего отдела появляется искушение перейти грань, отделяющую законные действия от противозаконных. Отделение полиции Лос-Анджелеса в Рампарте создало отдел по борьбе с бандитизмом, десятки сотрудников которого были обвинены в производстве незаконных арестов, лжесвидетельстве и фабрикации обвинений против невинных людей, почти 100 приговоров было отменено, поскольку сторона обвинения использовала незаконные методы. В Нью-Йорке государственное расследование

в 1989 г обнаружило, что отделение полиции округа Саффолк фабриковало ряд крупных дел, избивая подозреваемых, незаконно прослушивая телефоны и геряя или фабрикуя важные улики

Подобными коррумпированными фальсификаторами офицеры полиции не рождаются – они ими становятся. Они спускаются к подножию пирамиды из-за норм организационной культуры, принятых в их отделении полиции, и своей приверженности этим противоправным нормам. Профессор права Эндрю Макклург проследил процесс, который приводит многих офицеров к совершению поступков, которые они даже не могли себе представить, когда новички-идеалисты начинали свою карьеру в полиции. Сначала предложение солгать при исполнении своих служебных обязанностей вызывает диссонанс. «Я здесь для того, чтобы защищать закон» не согласовывается с тем, что «И вот я сам его нарушаю». С течением времени, отмечает Макклург, они «учатся снижать свой диссонанс, используя мягкую перину самооправданий». После того как офицеры начинают считать, что ложь можно оправдать и даже, что она – важный аспект их работы, добавляет он, «диссонантное ощущение собственного лицемерия больше не возникает. Офицер учится оправдывать ложь как моральный поступок или, по крайней мере, как не аморальный. Таким образом, его представление о себе как о порядочном и высокоморальном человеке – почти не страдает»<sup>19</sup>

Допустим, вы – полицейский, и у вас есть ордер на обыск притона, где торгуют крэк-кокаином. Вы гонитесь за парнем, который прячется в туалет, вы надеетесь поймать его до того, как он выбросит наркотик в унитаз, но не успеваете. И вот вы стоите, тяжело дыша, в вашей крови кипит адреналин, вы вкальвали, а этот подонок ускользнет? Вы накрыли притон, все знают, что тут делается, но эти негодяи просто уйдут? Они найдут ловкого адвоката, и их освободят, не успеете вы и глазом моргнуть. Весь ваш труд, риск и опасности, которым вы подвергались, все это было зря? Почему бы не выгащить из своего кармана небольшую дозу крэка, уронить ее на пол в туалете и припереть подонка к стенке? Все, что вам нужно сказать – «Эта доза крэка выпала у него из кармана, и он не успел спустить ее в унитаз»<sup>20</sup>

Легко понять, почему вы бы так поступили в определенных обстоятельствах. Потому что вы хотите делать свою работу. Вы знаете, что незаконно подбрасывать улики, но это кажется таким оправданным в данном случае. Когда вы в первый раз делаете это, вы говорите себе «Этот парень виновен!» Придет опыт, и в следующий раз вам будет

это легче сделать снова в реальности у вас появится сильный мотив повторить такой поступок, потому что в противном случае вы признаетесь, пусть только себе, что, когда вы в первый раз это сделали, это было неправильно. Вскоре вы будете нарушать правила в более сомнительных ситуациях. Поскольку сложившиеся неформальные нормы полиции в целом поддерживает подобные оправдания, офицеру полиции становится все труднее сопротивляться искушению нарушить (или по-своему интерпретировать) правила и нормы закона. В конечном итоге, многие полицейские сделают следующие шаги и начнут проповедовать эту философию «гибкого закона» другим офицерам, убеждая их поступать так же, и избегая или бойкотировав тех коллег, которые с ними не соглашались. Ведь эти несогласные напоминают им о том моральном пути, с которого они свернули.

Действительно, в 1992 г. комиссия под руководством бывшего судьи Моллена в своем отчете о коррупции в Полицейском управлении Нью-Йорка сделала вывод, что фальсификация улик полицией «настолько обычна на некоторых участках, что для нее появился даже новый термин “testlying” (по смыслу – лжесвидетельствовать, неологизм созвучен английскому “testifying” – давать свидетельские показания – *примеч. пер.*)»<sup>21</sup> В таких полицейских культурах сотрудники полиции часто лгут, чтобы оправдать обыски (без ордера) каждого подозреваемого в хранении наркотиков или оружия, лгут в суде, будто они задержали подозреваемого, потому что он проехал на красный свет, потому что они якобы видели, как подозреваемый передавал другому человеку наркотики или выбросил их, когда к нему подошел офицер полиции, что послужило основанием для ареста и обыска. Норм Стемпер, который 34 года работал в полиции и был начальником полицейского управления в Сиэтле, написал, что в стране нет ни одного крупного подразделения полиции, которое бы избежало таких проблем, как использование офицерами полиции наркотиков для собственных нужд, подбрасывание наркотиков подозреваемым или вымогательство денег у мелких торговцев наркотиками.<sup>22</sup> Наиболее распространенное оправдание для лжи и подбрасывания улик – цель оправдывает средства. Один офицер полиции заявил комиссии Моллена, что он «совершал богоугодное дело». Другой сказал: «Если мы хотим ловить этих парней – плевать на Конституцию». Когда одного из офицеров полиции арестовали за лжесвидетельство – он спросил, не веря тому, что происходит: «А что в этом плохого? Ведь они виновны».<sup>23</sup>



Вот «что в этом плохого» – никто, кроме них самих, не может помешать полицейским подбрасывать улики и лжесвидетельствовать, чтобы добиваться обвинительного приговора для человека, которого они считают виновным – а он может быть невиновным. Коррумпированные полицейские, определенно, опасны для общества, но то же относится и к благонамеренным полицейским, которые никогда не хотели сажать невинных людей в тюрьму. В определенном смысле честные полицейские могут быть даже опаснее, чем коррумпированные, потому что их больше, и их должностные преступления труднее выявить. Проблема в том, что как только они приняли решение о том, кто наиболее вероятный подозреваемый, они уже не допускают мысли, что этот человек может быть невиновным. А потом они действуют так, чтобы подтвердить свой первоначальный вывод, оправдывая использование разных методов давления, в том числе и незаконных, тем, что эти методы работают, только если подозреваемые виновны.

## Следователи

Наиболее важное доказательство, которое может представить детектив, ведущий расследование, это признание подозреваемого, потому что высока вероятность, что оно убедит прокурора, присяжных и судью в вине подозреваемого. Соответственно, следователей, ведущих допросы, обучают добиваться признаний, даже если для этого они лгут подозреваемому и используют, как гордо заявил один детектив репортеру, «различные трюки и обман»<sup>24</sup>. Большинство людей удивляются, узнав, что это считается абсолютно законным. Детективы гордятся своей способностью сбивать с толку подозреваемых и добиваться от них признания, считая это доказательством того, что они овладели своим нелегким ремеслом. Чем выше их уверенность в собственной правоте, тем сильнее диссонанс, который они чувствуют, столкнувшись с доказательствами того, что они ошиблись, и тем сильнее их потребность отвергнуть эти доказательства.

Вынуждать невиновного человека признаться – это, очевидно, одна из самых опасных ошибок, которая может случиться во время полицейского допроса, но большинство детективов, прокуроров и судей не думает, что такое возможно. «Идея, что можно кого-то заставить сделать ложное признание – нелепость, – говорит Джошуа

Маркис – Это „защита Твинки“<sup>25</sup> в наше время. Это худший пример псевдонауки»<sup>25</sup>. Большинство людей соглашается с этим, потому что не могут себе представить, как они сами могли бы признаться в преступлении, если бы были невиновны. Мы бы протестовали. Мы бы стояли на своем. Мы бы позвонили своему адвокату – разве не так? Тем не менее, исследование тех дел, в которых заключенные по приговору суда были в итоге полностью оправданы, показывают, что от 15 до 25 % из них сознавались в преступлениях, которых в реальности они не совершали. Социологи, психологи и криминологи проанализировали эти случаи и провели экспериментальные исследования, чтобы показать, как такое может происходить.

«Библия» методов допросов – это книга «Уголовные допросы и признания» (“Criminal Interrogation and Confessions”), написанная Фредом Инбау, Джоном Рейдом, Джоозефом Бакли и Брайаном Джейном. Фирма John E. Reid and Associates предлагает образовательные программы, семинары и видеозаписи для обучения 9-этапной методике допросов Рейда, а на их вебсайте утверждается, что они обучили более 300 000 работников правоохранительных органов наиболее эффективным способам добиваться признания. Руководство для изучения этого метода начинается с заверения читателей в том, что «ни один из этих приемов не может заставить невиновного человека сознаться, и все эти методы законны и оправданы с точки зрения морали»<sup>26</sup>.

«Мы ясно заявляем: простое использование фиктивных доказательств во время допроса не заставит невинного человека признаться в преступлении. Абсурдно верить, будто подозреваемый, знающий, что не совершал преступления, придаст больше значения и больше поверит фиктивным уликам, а не своему собственному знанию о своей невиновности. В таких обстоятельствах естественной человеческой реакцией будут гнев и недоверие к следователю. Основным эффектом

---

Термин «защита Твинки» (Twinkie defense) появился в США в 1979 г. когда под влиянием показаний психитров, экспертов со стороны защиты, будто обвиняемый в предумышленном убийстве был подвержен частым и неконтролируемым сменам настроения, потому что съел слишком много сладкого (в том числе маленькие пирожные с кремом под названием Twinkie), и поэтому не вполне осознавал свои действия, привели к смягчению приговора. Это вызвало массовые возмущения и неодобрение. – *Примеч. п.р.*

будет еще большая решимость подозреваемого доказывать свою невиновность»<sup>27</sup>

Неверно «Естественной человеческой реакцией» обычно оказываются в этом случае не гнев и недоверие, а замешательство и беспомощность, т. е. диссонанс, потому что большинство невиновных подозреваемых верят, что следователь им не врет. Следователь, однако, с самого начала предубежден. Цель беседы с подозреваемым – получить важную информацию от этого человека, допрос же ведется так, чтобы заставить подозреваемого признать свою виновность (Подозреваемый часто не знает об этих различиях). Руководство Рейда прямо говорит об этом: «Допрос проводится, только если следователь достаточно уверен в виновности подозреваемого». Опасность такой позиции в том, что, если следователь «достаточно уверен», подозреваемый не может его переубедить. Напротив, все, что делает подозреваемый, будет интерпретироваться как доказательство его лжи, отрицания вины и попытки скрыть правду, включая и его постоянные утверждения о невиновности. Следователей прямо инструктируют думать именно так. Их учат такому отношению к подозреваемому: «Не лгите, мы знаем, что вы виновны», а также инструктируют отвергать отрицания подозреваемым своей вины. Вы уже видели этот цикл самооправданий раньше, когда речь шла о том, каким способом психотерапевты и социальные работники интервьюируют детей, подвергшихся, как они считают, сексуальным домогательствам. Как только начался допрос в подобном стиле, такой вещи как опровергающие доказательства просто не существует»<sup>28</sup>.

Те, кто продвигает методiku Рейда, интуитивно понимают, как работает диссонанс (по крайней мере, у других людей). Они понимают, что если дать человеку шанс протестовать и отрицать свою виновность, он сделает об этом публичное заявление, и тогда будет сложнее заставить его отказаться от сказанного и признать вину. «Чем больше подозреваемый отрицает свое участие, – пишет Луи Сенесе, вице-президент фирмы Reid and Associates, – тем труднее ему признать, что он совершил преступление», – именно так и происходит из-за диссонанса. Таким образом, Сенесе советует следователям, ведущим допрос, подготовиться к отрицанию подозреваемым своей вины и сразу пресекать подобную реакцию. Следователи, говорит он, должны следить за невербальными сигналами в поведении подозреваемого, сообщающими, что он собирается отрицать свою вину

(«он поднимает ладонь в отрицающем жесте, качает головой или не смотрит в глаза»), и если подозреваемый прямо говорит «Можно мне сказать?» – следователи должны отреагировать на это, прервав его, и сказать, обратившись к нему по имени («Джон, подождите минутку») и продолжить допрос<sup>4</sup>.

Убежденность следователя в виновности подозреваемого становится «самореализующимся пророчеством». Оно побуждает следователя вести себя агрессивнее, в результате невиновный субъект начинает, по мнению следователя, вести себя все более подозрительно. В одном эксперименте социальный психолог Сол Кассин с коллегами объединяли в пары субъектов, как виновных в краже, так и невиновных, со следователями, которым (независимо от реальной виновности) сообщалось, что данный субъект виновен и невиновен. Таким образом, было четыре возможных комбинации подозреваемых и следователей: вы невиновны, и он думает, что вы невиновны; вы виновны, но он думает, что вы невиновны; вы виновны, и он думает, что вы виновны. «Смертельным» сочетанием, в котором следователь оказывал самое сильное давление, были пары, в которых следователь был убежден, что субъект виновен, а тот на самом деле был невиновным. В этих обстоятельствах, чем больше субъект отрицал свою виновность, тем следователь становился увереннее, что он врёт, и давил на подозреваемого все сильнее и сильнее.

Кассин часто читает лекции для детективов и офицеров полиции, чтобы показать им, как их приемы допроса могут дать неверный результат. Они, как он рассказывает, кивают и соглашаются с ним, что ложных признаний нужно всячески избегать, но потом немедленно добавляют, что они, лично, никогда не заставляли кого-то делать ложные признания своей вины. «А откуда вы об этом знаете?» – спросил Кассин одного полицейского. «Потому что я никогда не допрашивал невиновных людей», – сказал он. Кассин обнаружил, что эта уверенность в собственной непогрешимости начинается на самом высшем уровне. «Я был на международной конференции по полицейским допросам в Квебеке и участвовал в дискуссионной группе вместе с Джо Бакли – президентом Школы Рейда, – рассказал он нам. После его презентации кто-то из аудитории спросил его, не беспокоит ли его то, что его методы допроса могут заставить признаться в преступлении некоторых невиновных людей. Пусть меня пристрелят, если он не сказал это дословно – я был так поражен его

неприкрытым высокомерием, когда я записал эти слова, а также тем, в какой обстановке это было сказано „Нет, потому что мы не допрашиваем невиновных людей“»<sup>31</sup>

На следующей стадии подготовки детективов учат тому, чтобы они умели уверенно читать невербальные сигналы в поведении подозреваемого: зрительный контакт, язык тела, поза, жестикация и эмоциональность их отрицаний вины. Если субъект не смотрит вам в глаза, объясняет руководство, это признак лжи. Если человек сидит на стуле, ссутулившись, или сидит неподвижно – это признак лжи. Однако методика Рейда советует следователям «избегать с подозреваемым зрительного контакта». Они не дают возможности подозреваемому установить с ними зрительный контакт, несмотря на то, что считают готовность смотреть следователю в глаза признаком невиновности?

Методика Рейда, таким образом, это закрытый цикл – как мне узнать, что подозреваемый виновен? Заметив, что он нервничает и потеет (или, напротив, что у него хороший самоконтроль) и что он не смотрит мне в глаза (но я не дал бы ему это делать, даже если он этого хочет). Итак, мы с моими партнерами допрашиваем его 12 часов, используя методику Рейда, и он сознается. Таким образом, поскольку невиновные люди никогда не сознаются, его признание подтверждает мое убеждение в том, что если он слишком нервничает и потеет (или слишком спокоен), или смотрит мне в глаза (или не смотрит) – все это признаки его виновности. По логике подобной системы, единственную ошибку, которую может допустить детектив – это не суметь добиться признания.

Руководство написано авторитарным стилем – таким, будто это глас Господа, открывающий несомненные истины, но в реальности оно не учит читателей ключевым принципам научного мышления: важности изучения и исключения других возможных объяснений поведения человека, перед тем как принимается решение, какое из этих объяснений наиболее вероятно. Сол Кассин, например, участвовал в расследовании дела военной прокуратурой, в котором следователи безжалостно и сурово допрашивали обвиняемого, против которого не было прямых улик (Кассин считал, что обвиняемый был невиновен, и его, действительно, оправдали). Когда одного из следователей спросили, почему он так агрессивно давил на подзащитного, он ответил: «Мы догадались, что он нам не рассказывает всю правду. Некоторые особенности его языка тела показывали, что он пытается сохранить

спокойствие, но вы бы заметили, что он нервничал, и всякий раз, когда мы задавали ему вопрос, он отводил взгляд и не смотрел нам в глаза, иногда он суетился, а однажды даже заплакал»

«То, что он описал, – говорит Кассин, – это типичное поведение человека в стрессовой ситуации» Тем, кто изучает методику Рейда, обычно не объясняют, что нервозность, суетливые движения, избегание зрительного контакта и желание человека съехиться – могут быть вовсе не признаками его виновности Это может быть признаком нервозности, подростковой неуверенности в себе, культурных норм, вызова властям или тревоги по поводу того, что человека могут в чем-то незаслуженно обвинить

Те, кто продвигает методику Рейда, утверждают, что их метод обучает следователей верно определять, говорит ли подозреваемый правду или лжет в 80-85 % случаев Для этого утверждения просто нет никаких научных доказательств Как мы уже отмечали, когда в четвертой главе обсуждались психотерапевты, обучение не повышает точность – оно повышает уверенность людей в своей правоте В одном из многочисленных исследований ложной уверенности людей в своей правоте Кассин и его коллега Кристина Фонг обучали группу студентов методике Рейда Студенты смотрели обучающие видеоматериалы Рейда, читали его руководство, а потом проверялось, действительно ли они овладели этой методикой Потом их просили посмотреть видеозаписи допросов людей опытными офицерами полиции Некоторые из подозреваемых в видеозаписях были виновны в преступлении, но отрицали это, а другие – отрицали свою виновность и, действительно, были невиновны Обучение ни на йоту не увеличило точность заключений студентов Вероятность правильного вывода не превышала вероятность случайного угадывания, но зато студенты стали гораздо увереннее в своих способностях Все же, это были студенты университета, а не профессионалы

Итак, Кассин и Фонг попросили 44 детективов во Флориде, США и в Онтарио, Канада, посмотреть те же видеозаписи У этих профессионалов было в среднем 14 лет опыта работы, а две трети из них прошли специальное обучение, в том числе, методике Рейда Как и студенты, они не превысили вероятности случайного угадывания, но зато были убеждены, что сделали точное заключение практически в 100 % случаев Их опыт и подготовка не улучшили качество результатов Они просто повысили их уверенность в том, что они правы<sup>11</sup>

Тем не менее, почему же невинные подозреваемые не продолжают просто отрицать свою вину? Почему они не злятся на следователя, как согласно методике Рейда, должны вести себя невинные люди? Предположим, вы невинный человек, которого пригласили в полицию для беседы, возможно, «чтобы помочь полиции в расследовании». Вы и не догадываетесь о том, что вы – главный подозреваемый. Вы верите полиции и хотите ей помочь. Однако детектив говорит вам вдруг, что ваши отпечатки пальцев обнаружены на оружии убийства. Потом вы не проходите тест на детекторе лжи. Вам говорят, что вашу кровь нашли на теле жертвы или что кровь жертвы была обнаружена на вашей одежде. Эти утверждения вызовут у вас сильный когнитивный диссонанс.

*Комплекс знаний 1* Я не был там. Я не совершал преступление. Я не помню об этом.

*Комплекс знаний 2* Надежные и вызывающие доверие люди, обладающие властью, говорят мне, что мои отпечатки пальцев найдены на оружии, что кровь жертвы нашли на моей рубашке, а свидетель видел меня в том месте, где, как я уверен, я не был.

Как вы разрешите этот диссонанс? Если вы достаточно сильны, достаточно богаты или у вас достаточно опыта общения с полицией, чтобы знать, что вас подставляют, вы скажете три волшебных слова: «Мне нужен адвокат». Но многие люди верят, что им не нужен адвокат, если они невинны.<sup>32</sup> Полагая, как они верят, что полиции не разрешено им лгать, они изумлены тем, что против них есть все эти улики, чего они не могут объяснить. И, черт побери, какие веские доказательства – отпечатки пальцев! В методике Рейда утверждается, что «инстинкт самосохранения невинного человека во время допроса» перевесит все, что делает следователь, ведущий допрос, но для уязвимых, не уверенных в себе людей потребность понять, что происходит, оказывается важнее, чем инстинкт самосохранения.

*Брэдли Пейдж* Возможно ли, что я совершил ужасную вещь и абсолютно забыл об этом?

*Лейтенант Лейсер* О, да. Так часто случается.

А теперь полиция предлагает вам разумное объяснение, способ разрешения вашего диссонанса. Вы не помните, потому что вы от-

ключились; вы были пьяны и потеряли сознание; вы вытеснили эти воспоминания; вы не знали, что психически больны – у вас синдром расщепления личности, и преступление совершила ваша другая личность. Вот что говорили во время допросов полицейские Майклу Кроу. Они сказали ему, что может быть «двое Майклов» – хороший и плохой, и что плохой Майкл совершил преступление, а хороший Майкл ничего об этом не знает.

Конечно, скажете вы, Майклу было всего 14 лет – неудивительно, что полиция смогла его запугать и заставила признаться. Это правда, что подростки и душевно больные люди особенно уязвимы при использовании подобных тактик, но это относится и к некоторым вполне здоровым взрослым. Подробно исследовав 125 случаев, в которых заключенные были оправданы и освобождены, несмотря на то, что ранее сделали ложные признания, Стивен Драйзин и Ричард Лио обнаружили, что из этих людей 40 были подростками, 28 – умственно отсталыми, а 57 – нормальными взрослыми. В тех случаях, когда можно было определить, сколько времени продолжались допросы, более чем в 80 % случаев ложные признания были вытянуты после того как допрос продолжался шесть и более часов без перерыва, в половине случаев – более 12 часов, а в некоторых случаях – практически без перерывов двое суток<sup>11</sup>.

Так и произошло с подростками, арестованными в Центральном парке, в тот вечер, когда была убита женщина-джоггер. Когда социологи, психологи и криминологи смогли изучить видеозаписи допросов 4 из 5 подростков (допрос пятого не записывался), а потом офис окружного прокурора Роберта Моргентау снова изучил все доказательства, основываясь на предположении о том, что на самом деле подростки были невиновны, драматическая убедительность их признаний улетучилась. Их показания оказались полными противоречий, фактических ошибок, догадок и сведений, которые были навязаны наводящими вопросами следователей<sup>12</sup>. И, несмотря на уверенность публики, будто все они признались, в реальности ни один из подростков никогда не признавался, будто лично он изнасиловал женщину-джоггера. Один сказал, что «схватил ее». Другой – что «щупал ее грудь». Еще один сказал, что «держал и гладил ее ногу». В ходатайстве окружного прокурора об освобождении обвиняемых было отмечено, что «показания пяти подсудимых отличались друг от друга практически по всем главным деталям преступления – кто напал первым, кто сбил жертву, кто ее раздел, кто ударил ее, кто



держал ее, кто насильовал ее, какое оружие использовалось при нападении и в какой последовательности развивались события во время нападения»<sup>15</sup>

После многочасового допроса, когда хочется только одного, чтобы отпустили домой, измученный подозреваемый принимает обвинение, предложенное ему следователями как единственно возможное и разумное. И признается. Обычно, как только на него перестают давить и дают выспаться, он немедленно отказывается от своего признания. Но часто уже слишком поздно.

## Обвинители

В замечательном фильме «Мост через реку Квай» («The Bridge on the River Kwai») полковник Гиннес со своими солдатами, попавшие в плен к японцам во время Второй мировой войны, строят железнодорожный мост, который поможет их врагам в войне. Гиннес соглашается на это требование своих тюремщиков, чтобы сплотить своих людей и поднять их моральный дух, но, пока он строит мост, тот становится его мостом – источником гордости и удовлетворения. Когда в конце фильма Гиннес находит идущие к мосту провода, понимает, что мост заминирован, и командование союзников планирует его взорвать – его первая реакция такова: «Вы не можете это сделать! Это мой мост. Как вы смеете взрывать его!» К ужасу наблюдающих за ним британских диверсантов-коммандос он пытается перерезать провода, чтобы защитить мост. Только в самый последний момент Гиннес кричит: «Что я наделал?» – поняв, что чуть не сорвал усилия своих, и едва не помог врагу, так как хотел сохранить свое великолепное творение.

Сходным образом, многие прокуроры подрывают самую главную цель своей профессии – правосудие, не решаясь отказаться от своих неверных представлений и обвинения. К тому времени, когда прокуроры включаются в судебный процесс, они часто оказываются в ситуации перенесенного в реальный мир эксперимента по самооправданию своих усилий. Они выбрали это дело из многих других, поскольку убеждены, что подозреваемый виновен и что у них есть доказательства, чтобы он был осужден. Они часто тратят много месяцев работы, чтобы подготовить дело к суду. Они напряженно

работали с полицейскими, свидетелями и потрясенными и часто враждебно настроенными родственниками обвиняемого. Если это преступления, вызвавшие эмоциональную реакцию публики, они испытывают огромное давление, вынуждающее их быстро готовить обвинение. Любые сомнения, которые могут у них появиться, нейтрализуются удовлетворенностью от того, что они представляют силы добра в противостоянии с подлым преступником. И так, с чистой совестью прокуроры говорят присяжным: «Этот подсудимый не человек – он чудовище. Сделайте верный выбор. Проголосуйте за обвинительный приговор». Иногда им удается настолько убедить себя в том, что они имеют дело с монстром, что они, подобно полицейским, заходят слишком далеко: они инструктируют свидетелей, что им говорить, заключают сделки с тюремными информаторами, не предоставляют защите всей информации, которую они должны предоставить по закону.

Как же большинство прокуроров прореагируют, когда через несколько лет осужденный насильник или убийца все еще продолжает утверждать, что он невиновен (как, не стоит об этом забывать, поступают и многие закоренелые преступники) и требует провести анализ ДНК? Или утверждает, что его заставили признаться, оказав на него давление? Или находит доказательства, предполагающие, что свидетельские показания, на основе которых он был осужден, были ошибочными? Что, если обвиняемый может оказаться не монстром, несмотря на всю тяжелую работу, проделанную обвинителями, чтобы убедить себя и других в его виновности? Типична реакция прокуроров из штата Флорида. После того как 130 осужденных были освобождены по результатам теста ДНК в течение 15 лет, прокуроры решили, что их ответом будет энергичное оспаривание доказательств в других сходных случаях. Уилтон Дедж вынужден был подавать в суд на штат, чтобы доказательства в его деле были снова проверены, несмотря на яростные возражения прокуроров, утверждавших, что в интересах штата скорее завершить это дело, и необходимость защитить чувства жертвы преступления важнее, чем возможная невинность Деджа.<sup>16</sup> Дедж, в итоге, был оправдан и освобожден.

То, что заинтересованность в завершении дела и защита чувств жертвы должны препятствовать правосудию – это пугающий аргумент из уст тех, кому доверено правосудие, но такова мощь самооправданий. (Кроме того, разве жертвы преступлений не почувствуют себя лучше, если настоящий убийца того, кого они любили, будет пойман

и наказан?) По всей стране использование анализа ДНК позволило освободить сотни неправомерно осужденных заключенных, и в новостях обычно цитируют прокуроров, участвовавших в первоначальном судебном процессе. Например, в Филадельфии окружной прокурор Брюса Л. Кастора-младшего журналисты спросили, какие у него были основания, для того чтобы отвергать анализ ДНК, благодаря которому был освобожден мужчина, отсидевший в тюрьме 20 лет. Он ответил: «У меня нет научных оснований. Я знаю (что прав), потому что верю моим детективам и признанию, записанному на видео»<sup>17</sup>.

Каким образом мы узнаем, что такой легкомысленный отказ от анализа ДНК, метода, который убедителен для почти любого человека на этой планете, это признак самооправданий, а не просто честная оценка доказательств? Это похоже на исследование, проведенное на лошадиных скачках, описанное в первой главе после того как мы сделали нашу ставку, мы уже не хотим узнавать какую-то информацию, которая может поставить под сомнение наше решение. Вот почему прокуроры будут оценивать одно и то же доказательство двумя разными способами, в зависимости от того, когда оно обнаружено. В начале расследования полиция использует ДНК, чтобы подтвердить виновность подозреваемого или исключить его из круга подозреваемых. Но, если анализ ДНК используется уже после того как подсудимый был обвинен и осужден, прокуроры обычно считают, что анализ ДНК не относится к делу, или он – недостаточная причина, чтобы возобновлять расследование. Техасский прокурор Майкл Маккдугал сказал, что несовпадение ДНК, обнаруженной у молодой девушки, которая была изнасилована и убита, с ДНК Роя Крайнера – мужчины, обвиненного в этом преступлении, не означает, что Крайнер невиновен. «Это значит, что найденная сперма ему не принадлежит, – сказал он – Это не означает, что он не изнасиловал ее, и не означает, что он не убивал ее»<sup>18</sup>.

Технически, Маккдугал, конечно, прав. Крайнер мог изнасиловать женщину в Техасе, а завульгаризировать где-то в другом месте, допустим, в Арканзасе. Но доказательства, основанные на ДНК, следует использовать одинаковым образом, когда бы они ни появились, и именно потребность в самооправдании мешает многим прокурорам так поступать. Адвокат Питер Дж. Нойфелд говорит, что, по его опыту, изменение интерпретации доказательства, чтобы оправдать первоначальный вердикт – это очень распространенная практика среди

прокуроров и судей. Во время процесса теория прокурора такова: один человек, а именно подсудимый захватил и изнасиловал жертву. Если, после того как подсудимый был осужден, анализ ДНК исключает возможность, что он был насильником, у прокуроров чудесным образом появляются другие теории. Наша любимая среди них – та, которую Нойфелд назвал теорией «необвиненного ко-эякулятора»: осужденный подсудимый держал женщину, а загадочный второй мужчина ее в это время изнасиловал. Или после нападения подсудимого женщина лежала беспомощная, а другой негодяй «подошел, воспользовался возможностью и изнасиловал ее», как утверждал один прокурор.<sup>39</sup> Или подсудимый использовал презерватив, а у жертвы был секс по обоюдному согласию с кем-то другим незадолго до того, как она была изнасилована. (Когда дело Роя Крайнера было послано в Техасский апелляционный суд по криминальным делам, главный судья Шерон Келлер сделала заключение, что анализ ДНК, «показавший, что сперма не принадлежала мужчине, обвиненному в изнасиловании, не имеет значения, поскольку, возможно, что он пользовался презервативом».) Если жертва протестует и говорит, что у нее не было сексуальных контактов в предыдущие три дня, прокуроры выдвигают теорию, опять-таки, после решения суда, что она лжет: она не хочет признаваться, что у нее была тайная сексуальная связь на стороне, потому что это может рассердить ее мужа или друга.

Подобные самооправдания приводят к двойной трагедии: невинных людей держат в тюрьме, а виновные раз уливают на свободе. Тот же самый анализ ДНК, который помогает оправдать невинного человека, может быть использован для идентификации виновного, но это случается редко.<sup>40</sup> Из всех случаев необоснованных обвинительных приговоров, которые участникам «Проекта “Невиновность”» удалось отменить, нет ни одного примера, когда полиция после отмены приговора попыталась бы найти настоящего преступника. Полицейские и прокуроры просто полностью закрывают дело, чтобы тихо отправить в небытие это напоминание о допущенной ими ошибке.

## Поспешные обвинения

«Если система не может функционировать справедливо, если система не может корректировать свои собственные ошибки и признавать,

что она совершает ошибки, и не дает людям возможности исправлять их – то система сломана»

*– адвокат по апелляциям Майкл Чарльтон, защищавший Роя Крайнера*

У всех граждан есть право ожидать, что в нашей системе криминальной юстиции будут эффективные процедуры не только для обвинения виновных, но и для защиты невиновных, а допущенные ошибки будут с готовностью исправляться. Ученые-правоведы, социологи и психологи предложили различные меры для исправления законодательства и важные процедурные изменения, которые могут уменьшить риск ложных признаний, ненадежных показаний свидетелей, лжесвидетельства полицейских и т. д.<sup>41</sup> Но, с нашей точки зрения, главное препятствие, мешающее признавать и корректировать ошибки в системе криминальной юстиции – то, что многие ее участники ослабляют неприятное ощущение диссонанса, отрицая, что такие проблемы существуют. «Нашей системе нужно создать эту ауру близости к совершенству, уверенности в том, что мы не обвиняем невиновных людей», – говорит бывший прокурор Беннетт Гершман.<sup>42</sup> Польза подобной уверенности для офицеров полиции, детективов и прокуроров заключается в том, что им не приходится мучиться бессонными ночами, беспокоясь о том, что они отправили невиновного человека в тюрьму. Но некоторое количество бессонных ночей было бы для них полезно. Сомнения – это не враг правосудия, а вот неоправданная уверенность ему точно вредит.

Сейчас в профессиональной подготовке большинства офицеров полиции, детективов, судей и адвокатов практически отсутствует информация об их собственных когнитивных ошибках и заблуждениях, о том, как их корректировать в максимально возможной степени, как справиться с диссонансом, который они ощущают, сталкиваясь с доказательствами, не соответствующими их представлениям. Напротив, большую часть их знаний о психологии они получают от самозванных «экспертов», которые, как мы видели, не учат их тому, как делать более точные заключения и оценки, не оставаясь постоянно уверенными в том, будто они всегда делают верные заключения. «Невиновный человек никогда не признается» «Я видел это своими глазами, значит я прав» «Я всегда могу определить, когда кто-то лжет – я годами делал это» Однако такая уверенность – это отличительная особенность псевдонауки. Настоящие ученые используют осторожный язык вероятности. «Невиновных людей можно

подтолкнуть к признанию в определенных условиях, позвольте мне объяснить, почему я думаю, что признание этого человека, вероятно, было получено под давлением» Вот почему свидетельские показания ученых часто вызывают раздражение Многие судьи, присяжные и офицеры полиции предпочитают определенность науке Профессор права Д Майкл Райсингер и адвокат Джеффри Л Луп пожаловались на то, что «современное право практически не использует результаты современных исследований характеристик восприятия, познания, памяти людей, того, как они делают выводы или принимают решения в ситуации неопределенности, ни в правилах и процедурах получения доказательств, ни в том, как судей обучают применять эти правила и процедуры»<sup>43</sup>

Однако обучение, опирающееся на определенность псевдонауки, вместо скромного признания наших когнитивных ошибок и слепых мест, повышает вероятность ошибочных обвинений двумя способами Во-первых, оно поощряет работников правоохранительной сферы к слишком поспешным выводам Офицер полиции решает, что подозреваемый виновен, а потом не хочет рассматривать другие возможности. Прокурор округа принимает импульсивное решение выдвинуть обвинение по делу, особенно, если оно сенсационное, не дожидаясь, когда будут собраны все доказательства, она объявляет свое решение в СМИ, а потом ей трудно идти на попятный, когда доказательства по этому делу оказываются сомнительными Во-вторых, после того как дело рассмотрено, и вынесен обвинительный приговор, судьи и прокуроры будут мотивированы отвергать любые последующие доказательства невиновности осужденного

Противоядие для этих таких характерных для людей ошибок – позаботиться о том, чтобы в полицейских академиях и на факультетах права студенты узнавали о своей подверженности самооправданиям Им нужно научиться умению разыскивать статистически вероятных подозреваемых (например, ревнивый приятель девушки), не упуская из вида менее вероятных, с точки зрения статистики, подозреваемых, если на них указывают какие-то улики Им нужно узнать, что, даже если они уверены в том, что всегда могут определить, когда подозреваемый лжет, они могут ошибаться Им нужно узнать, как и почему невиновных людей можно склонить к признанию в преступлении, которое они не совершали, и как отличать признания, которые, вероятно, правдивы, от тех, которые были получены под давлением<sup>44</sup> Им следует узнать о том, что популярные методы составления профиля

подозреваемых, которые так любят агенты ФБР и авторы сценариев телесериалов, связаны с высоким риском ошибиться из-за так называемой «ошибки подтверждения» – когда детективы и следователи начинают искать характеристики преступления, соответствующие профилю подозреваемого, они также склонны игнорировать те характеристики, которые ему не соответствуют. Короче говоря, им нужно научиться переключаться на других подозреваемых, если оказывается, что их первоначальный выбор был ошибочным.

Профессор права Эндрю Макклург предлагает сделать дополнительный шаг в обучении полицейских. Он давно призывал к использованию принципов анализа когнитивного диссонанса, чтобы удержать высокомотивированных новичков от первого неверного шага и спуске с пирамиды в направлении нечестности, привлекая их внимание к их собственной я-концепции «хороших парней, борющихся с преступностью и насилием». Он предлагает программу обучения честности в решении этических дилемм, в которой курсантам привьют ценности, подчеркивающие, что важно говорить правду и поступать правильно, и эти ценности станут центральным элементом их формирующейся профессиональной идентичности. (Сейчас в большинстве программ обучения полицейских курсантов решению этических проблем отводится всего один вечер или и того меньше – всего пара часов). Поскольку такие ценности на работе быстро вступают в противоречие с принятыми там неформальными нормами – «Ты не должен выдавать своего коллегу»; «В реальном мире единственно верный способ добиться обвинения – состряпать доказательства» – Макклург предлагает назначать новичкам опытных и твердо придерживающихся этических принципов партнеров-менторов, как это принято в клубах «Анонимных алкоголиков» (там это называют спонсорством), которые помогут новичкам сохранить стремление к честности. «Единственная надежда существенно уменьшить ложь в полиции – это превентивный подход, нацеленный на то, чтобы хорошие полицейские не становились плохими», – утверждает он. Теория когнитивного диссонанса предлагает «эффективный, недорогой и неисчерпаемый инструмент для достижения этой цели собственную я-концепцию полицейского офицера»<sup>41</sup>.

Поскольку ни у одного человека, как бы хорошо подготовлен он ни был и какими бы благими ни были его намерения, не может быть полного иммунитета к «ошибке подтверждения» или к своим «слепым зонам», ведущие социологи и психологи, изучавшие оши-

бочные обвинения, единодушно рекомендуют для страховки делать видеозаписи всех опросов подозреваемых. Сейчас лишь в немногих штатах требуют от полицейских делать электронные записи всех допросов<sup>46</sup>. Полицейские и прокуроры уже давно сопротивляются этому требованию, боясь, как мы подозреваем, скандальных и вызывающих диссонанс открытий, которые могут появиться благодаря видеозаписям. Ральф Лейсер, один из следователей, допрашивавших Брэдли Пейджа, оправдывал свою позицию тем, что «видеозапись зажимает» и «затрудняет обнаружение истины»<sup>47</sup>. Предположим, жаловался он, что опрос продолжается 10 часов. Адвокат обвиняемого заставит присяжных слушать все 10 часов, вместо пятнадцатиминутной признания подозреваемого, в результате информационная перегрузка запутает их. Однако в деле Пейджа доводы прокурора в значительной степени опирались на фрагменты аудиозаписи опроса подозреваемого, которые отсутствовали. Лейсер признал, что он выключил диктофон, перед тем как произнес те слова, которые убедили Пейджа признаться. По словам Пейджа, в этот момент Лейсер попросил его представить, как он мог бы убить свою подругу (Это еще один маневр, рекомендованный создателями методики Рейда). Пейдж думал, что его попросили придумать воображаемый сценарий, чтобы помочь полиции, и он был поражен, когда Лейсер использовал его слова как полноценное признание. Присяжные не получили полной информации — был опущен вопрос Лейсера, вызвавший так называемое «признание».

В реальности, в тех штатах, где требуют вести видеозапись допросов, полицейским и следователям это понравилось. «Центр ошибочных обвинений» провел опрос в 238 правоохранительных организациях, которые сейчас записывают на видео все допросы лиц, подозреваемых в тяжких преступлениях, и обнаружил, что почти все офицеры полиции, с которыми они говорили, с энтузиазмом поддерживали эту практику. Видеозаписи устраняют проблему изменения своих показаний подозреваемыми и убеждают присяжных в том, что признание было получено честным и законным путем. И, конечно, они позволяют независимым экспертам и присяжным оценивать использовавшиеся следствием приемы и определить, применялись ли в каких-то из них обман или принуждение<sup>48</sup>.

Подобные реформы постепенно внедряются в Канаде и Великобритании, где также вводятся процедуры, цель которых свести к минимуму ошибочные обвинения. Но, по мнению правоведов



и социологов Дебры Дейвис и Ричард Лио, американской системе правоохранительных органов мешают устоявшиеся традиции, включая приверженность к методике Рейда и другим сходным процедурам, причем, их работники полностью отрицают, что подобные приемы могут приводить и, действительно, приводят к ложным признаниям и ошибочным обвинениям <sup>49</sup> Нежелание американской системы криминальной юстиции признавать свои ошибки усугубляет несправедливости, которые в ней происходят. Большинство штатов не делают абсолютно ничего для людей, оправданных, после того как их неправомерно осудили. Они не предоставляют им никакой компенсации за потерянные годы жизни и доходы. Они даже не приносят им официальных извинений. Как это ни жестоко, они даже часто не снимают судимость с оправданных людей, и поэтому им бывает трудно снять жилье или поступить на работу.

С точки зрения теории диссонанса, мы можем понять, почему с жертвами ошибочных обвинений так жестоко обходятся. Эта жестокость прямо пропорциональна жесткости и негибкости системы. Если вы знаете, что ошибки неизбежны, для вас не окажется сюрпризом, когда они случаются, и вы предусмотрите меры, чтобы их исправить. Но, если вы не признаетесь себе или другим, что ошибки случаются, тогда каждый ошибочно осужденный человек – это очевидное и унижающее доказательство того, как вы неправы. Извиняться перед ними? Платить им компенсацию? Что за абсурдные предложения. Они ускользнули, используя технические лазейки. Этой технической лазейкой был анализ ДНК? Что же, значит, они виновны еще в чем-то.

И все же, время от времени честный мужчина или женщина преодолевает естественное побуждение пожертвовать истиной и прибегнуть к самооправданиям. офицер полиции сообщает о коррупции; детектив начинает новое расследования дела, которое считалось уже законченным; окружной прокурор признает судебную ошибку. Томас Вейнс, теперь работающий адвокатом в городе Меррилвилле, штат Индиана, 13 лет был прокурором. «Я тогда не стеснялся требовать смертного приговора, – написал он – Когда преступники виновны, они заслуживают наказания <sup>50</sup>» Но Вейнс узнал о том, что допускаются ошибки, и что он сам их тоже допускал.

«Мне стало известно, что мужчина по имени Ларри Мейес, добился для него обвинительного приговора, провел в тюрьме

более 20 лет за изнасилование, которого он не совершал. Как мы узнали об этом? Анализ ДНК. Через 20 лет, когда он потребовал провести анализ ДНК для вещественных доказательств по этому делу об изнасиловании, я помогал найти эти старые улики, убежденный, что современные тесты положат конец его постоянным заявлениям о своей невиновности. Но это он был прав, а я заблуждался.

Неопровержимые факты оказались сильнее, чем субъективные мнения и убеждения, как и должно быть. Это было отрезвляющим уроком, и никакие легкодоступные оправдания (я только выполнял свою работу, это присяжные вынесли ему приговор, апелляционный суд поддержал обвинение) не могут уменьшить груз ответственности, если не юридической, то, по крайней мере, моральной, которую влечет за собой осуждение невиновного человека.»

# Глава 6

«Любовь — это очень трудное понимание того, что в реальности  
есть еще что-то, кроме вас самих»

*— писатель Айрис Мердок*



## «Убийца» любви: самооправдания в браке

**К**огда Уильям Батлер Йетс женился в 1917 г, его отец написал ему теплое поздравительное письмо «Я думаю, что это поможет тебе в твоём поэтическом развитии, – написал он – Никто по-настоящему не понимает человеческую природу, ни мужчины, ни женщины, если они не прошли через испытание браком – принудительное исследование другого человеческого существа»<sup>1</sup> Женатым людям приходится узнавать друг о друге больше, чем они когда-либо ожидали (или, возможно, хотели) узнать. Ни с кем другим, даже общаясь с нашими детьми или родителями, мы не узнаем так много о милых и раздражающих привычках других людей, способах справляться с разочарованиями и кризисами и с личными страстными желаниями. Еще, как узнал Джон Батлер Йетс, отец поэта, брак также заставляет разобраться в себе самих и узнать о себе и о том, как люди ведут себя с близким человеком, гораздо больше, чем они ожидали (и, возможно) хотели узнать. Никакие другие отношения так основательно не проверяют пределы нашей готовности быть уступчивыми и прощающими, учиться и изменяться, если мы сможем сопротивляться искушению самооправданий.

Бенджамин Франклин, советовавший «Держите свои глаза открытыми до женитьбы и полузакрытыми – после», понимал силу диссонанса в отношениях. Супружеские пары сначала оправдывают свое желание быть вместе, а потом – оставаться вместе. Когда вы покупаете дом, вы мгновенно начинаете ослаблять диссонанс. Вы расскажете о прекрасных особенностях этого дома, которые вам нравятся – живописный вид из окон на чудесные деревья, простор, подлинные старинные окна – и опустите то, что вам не нравится – неудобная парковка, тесная комната для гостей, старые окна, из которых сквозит. В этом случае самооправдания помогут сохранить чувство радости от вашего красивого нового дома. Если еще перед тем, как вы влюбились в этот дом, геолог сказал вам, что скала над ним – ненадежная, и может рухнуть в любой момент, вы примете эту

информацию и уйдете грустными, но не убитыми горем. Но, если вы уже успели не только влюбиться в дом, но и потратить на его покупку денег больше, чем можете себе позволить, и переехали туда с вашим котом, упорно не желавшим покидать ваш прежний дом – вы уже вложили слишком много эмоций и денег, чтобы легко отказаться от этого дома. Теперь, если после переезда кто-то говорит вам, что скала над домом может обрушиться, тот же мотив оправдать ваше решение может задержать вас там слишком долго. Люди, живущие в домах вдоль пляжа Ла Кончита в Калифорнии под скалами, которые разрушаются во время сильных зимних дождей, постоянно испытывают диссонанс, который они разрешают, говоря себе «Это не случится еще раз». Это позволяет им оставаться в доме, пока его не смывает очередной сель.

Отношения с домом проще, чем отношения с человеком. С одной стороны, они только односторонние. Дом не может обвинить вас в том, что вы – плохой владелец или что не поддерживаете его в чистоте, но он также не может обнять и успокоить вас после тяжелого дня. Брак, однако – это важнейшее двустороннее решение в жизни большинства людей, и супружеские пары очень стараются, чтобы он был удачным. Скромные усилия по уменьшению диссонанса после свадьбы – закрывать на что-то глаза, подчеркивать позитивное и не раздувать негативное – позволяют механизму брака тихо и гармонично функционировать. Но сходные приемы уменьшения диссонанса способствуют сохранению брака, что по психологическим параметрам сравнимо с домами в Ла Кончита, постоянно находящимися на грани катастрофы.

Что же общего у без ума влюбленных друг в друга новобрачных с несчастными супружескими парами, которые остаются вместе долгие годы, испытывая лишь горечь и скуку? Нежелание обращать внимание на диссонантную информацию. Многие новобрачные, ищущие подтверждающих сигналов того, что они женились/вышли замуж за идеального человека, не замечают или отвергают противоречащую их ожиданиям информацию, которая может служить предупреждающим сигналом проблем или конфликтов в будущем. «Он начинает дуться, если я просто заговорю с другим мужчиной; как мило, это значит, что он меня любит». «Она так легкомысленна и совсем не интересуется бытовыми вопросами, как прелестно, она поможет и мне расслабиться». Несчастливые супруги, которые долго терпели бессердечие, ревность или унижение со стороны партнера

также заняты ослаблением диссонанса. Чтобы избежать страшного признания самому себе, что они вложили столько лет, столько энергии, столько терпения в неудавшуюся попытку добиться хотя бы «мирного сосуществования», они говорят себе нечто такое: «Все браки похожи на этот. Все равно ничего нельзя сделать. В нем достаточно и хорошего. Лучше сохранить неидеальный брак, чем быть одному».

Для самооправданий неважно, приносят ли они полезные плоды, или вызывают опустошение. Они сохраняют многие браки (и в радости, и в горе<sup>1</sup>) и ломают другие (и в радости, и в горе). Супружеские пары начинают свою совместную жизнь блаженно-оптимистичными, проходят годы, и некоторые из них становятся еще ближе и нежнее друг к другу, а другие – отдаляются, и их отношения становятся враждебными. Некоторые пары находят в браке источник утешения и радости, он пополняет их душевную энергию, позволяет развиваться лучшим качествам каждого из них и по отдельности, и как единой супружеской пары. Для других брак становится источником ссор и разногласий, символом застоя, взаимоотношениями, подавляющими их индивидуальность и разрушающими когда-то связавшие их узы. Наша цель в этой главе – не убеждать читателей в том, что все отношения можно и должно спасать, но скорее показать, как самооправдания вносят свой вклад в оба возможных исхода брака.

Конечно, некоторые пары расходятся из-за катастрофических разоблачений, предательства или жестокости, которые один из супругов не может больше терпеть или игнорировать. Но чаще пары расходятся не сразу – супруги постепенно отдаляются друг от друга по мере того, как растет снежный ком взаимных обвинений и самооправданий. Каждый супруг сосредотачивается на том, что другой делает неверно, и в то же время находит оправдания для собственных предпочтений, мнений и действий. Бескомпромиссность каждой стороны, в свою очередь, делает другую сторону еще более непреклонной и нежелающей уступать. К тому времени, когда супруги осознают это, они уже успели занять противоположные позиции, и каждый из них чувствует себя правым и справедливым. Самооправдания делают их еще более черствыми и не способными к сочувствию.

Чтобы показать, как этот процесс работает, давайте рассмотрим пример брака Дебры и Фрэнка, взятый из увлекательной и глубокой

---

<sup>1</sup> И в радости, и в горе – слова из клятвы, которой обмениваются вступающие в брак –

*Примеч. п.р.*



книги Эндрю Кристенсена и Нила Джейкобсона «Разногласия, которые можно уладить» (“Reconcilable Differences”) <sup>2</sup> Большинству людей нравятся ее/его версия рассказа о браке (если только речь не идет об их собственном браке), то, как они пожимают плечами и делают вывод, что у любой истории всегда есть две стороны Мы думаем, что из этой истории можно извлечь больше Давайте начнем с версии Дебры

«[Фрэнк] просто вкалывает всю свою жизнь, всегда заботится о бизнесе, поглощен мыслями о том, как сделать свою работу, но особо не показывает радости или боли Он говорит, что его стиль свидетельствует, насколько он эмоционально устойчив Я сказала, что это всего лишь показывает, как он пассивен и скучен. Во многом я ему противоположна у меня много взлетов и падений Но большую часть времени я энергична, оптимистична, спонтанна Конечно, иногда я бываю расстроенной, злой и разочарованной. Он говорит, что этот набор эмоций демонстрирует мою эмоциональную незрелость, что «мне еще нужно расти и расти». Я думаю, это просто показывает, что я – человек

Я помню один случай, который в какой-то степени обобщает мое представление о Фрэнке Мы ужинали с очаровательной парой, которая только переехала в наш город Пока вечер подходил к концу, я все больше и больше понимала, как прекрасна их жизнь Они казались искренне влюбленными друг в друга, хотя они были женаты дольше, чем мы Не имело значения, что этот мужчина все время говорил с нами он постоянно поддерживал контакт со своей женой – прикасался к ней, заглядывал ей в глаза или вовлекал ее в разговор И он часто говорил „мы“, когда речь шла о них Глядя на них, я поняла, как мало мы с Фрэнком прикасаемся друг к другу, как редко мы смотрим друг на друга, и в общении, и беседах – каждый из нас по отдельности. Как бы то ни было, я признаю, что завидую этой паре Кажется, что у них есть все любящая семья, красивый дом, отдых, роскошь Какой контраст с Фрэнком и мной у нас трудная жизнь, мы оба работаем полный рабочий день, стараюсь накопить денег Я бы так не возражала, если бы мы это делали вместе Но мы настолько далеки друг от друга

Когда мы приехали домой, я начала с ним говорить об этих своих чувствах. Я хочу заново обдумать нашу жизнь, чтобы мы стали ближе друг другу. Может быть, мы не станем такими же богатыми, как эти люди, но нет причин, которые бы нам помешали быть такими же близкими и нежными друг с другом, как они. Как обычно, Фрэнк не захотел говорить об этом. Когда он говорит, что устал и хочет пойти спать, я злюсь. Это был вечер пятницы, и ни мне, ни ему не нужно было рано вставать на следующее утро; единственное, что не дает нам быть вместе – это его упрямство. Это меня сердит. Я сыта по горло тем, что мне каждый раз приходится ему уступать. Ему хочется спать всякий раз, когда я предлагаю обсудить какую-то проблему. Я подумала, почему он не может подольше не спать ради меня хотя бы иногда?

Я не позволила ему уснуть. Когда он выключил свет, я включила его опять. Когда он повернулся на другой бок, чтобы уснуть, я продолжала говорить. Когда он закрыл голову подушкой, я стала говорить громче. Он сказал мне, что я вела себя как дитя. Я ответила ему, что он нечуткий. Мы начали ссориться, и это было неприятно. Никакого насилия, но очень много слов. Наконец, он ушел в комнату для гостей, запер дверь и лег спать. На следующее утро мы оба были измученными и отчужденными. Он крикиковал меня за то, что у меня отсутствует логика. Что, возможно, было правдой. Я теряю логику, когда ощущаю отчаяние. Но я думаю, что он обвиняет меня, чтобы оправдать себя. Это работает примерно так: „Если ты не можешь рассуждать логично, то я могу не реагировать на все твои жалобы, а я безупречен“»

Вот версия Фрэнка

«Дэбра никогда не бывает довольной. Я никогда не делал для нее достаточно, никогда не давал ей достаточно, никогда не любил ее достаточно, никогда не делился с ней своими мыслями достаточно. О чем бы вы ни вспомнили – и это я делаю недостаточно. Иногда она заставляет меня поверить, что я действительно плохой муж. Я начинаю чувствовать себя так, как будто я подвожу ее, разочаровываю ее, не исполняю своих обязанностей любящего и заботливого супруга. Но по-

том я возвращаюсь к реальности. Что я сделал неправильно? Я – нормальный человек. Людям я обычно нравлюсь, они уважают меня. У меня ответственная работа. Я не изменяю ей, не обманываю ее. Я не пьяница, и не игрок. Я довольно привлекателен, и я нежный любовник. Я даже часто смешу ее. Однако она меня совсем не ценит – только жалуется, что я делаю для нее недостаточно.

Меня не выбивают из колеи разные события, как Дебру. Ее настроение похоже на американские горки – то вверх, то вниз. Я не могу так жить. Мой стиль – хорошая стабильная крейсерская скорость. Но я не осуждаю Дебру за то, что она такая. Я в основном терпимый человек. Люди, включая супругов, бывают самими разными. Они не приспособлены для того, чтобы соответствовать всем вашим специфическим запросам. И я не обижаюсь на эти мелкие неприятности, я не считаю необходимым обсуждать каждое разногласие или каждую мелочь, которая кому-то из нас не нравится; я не считаю, что каждое потенциальное разногласие нужно детально обсуждать. Я просто оставляю все как есть. Когда я проявляю терпимость, то ожидаю от супруги того же. Если она этого не делает, это меня бесит. Когда Дебра придирается к каждой мелочи, не совпадающей с тем, что она считает правильным, я на это бурно реагирую. Я теряю хладнокровие и взрываюсь.

Я помню, как мы с Деброй ехали домой с вечеринки, которую провели вместе с привлекательной, впечатляющей парой, с которой мы только-только познакомились. По дороге домой я гадал, какое впечатление произвел на них. Я был уставшим в этот вечер и не в самой лучшей форме. Иногда я могу быть умным и веселым в небольшой компании, но не в тот вечер. Может, я слишком сильно старался. Иногда я слишком много от себя требую и злюсь на себя, если этим требованиям не соответствую.

Дебра прерывает мои размышления невинным на первый взгляд вопросом: „Ты заметил, насколько хорошо эти двое гармонировали друг с другом?“ Сейчас я знаю, что стоит за вопросами этого типа – или, по крайней мере, куда такие вопросы приведут. Они обычно приводят к разговору о нас, в особенности обо мне. В конечном счете, вот к чему все

сводится „Мы не гармонизируем друг с другом“, что означает „Ты не гармонизируешь со мной“ Я боюсь этих разговоров, в которых пережевывается, что не так с нами, как с парой, погому что настоящий вопрос, который не задается прямо в этих светских беседах, но задается, когда мы ссоримся „Что не так с Фрэнком?“ Так что я стараюсь улизнуть от этой темы, отвечая, что они – прекрасная пара

Но Дебра не успокаивается. Она настаивает на сравнении нас с ними. У них есть деньги, и они близки друг другу. У нас нет ни того, ни другого Возможно, мы не сможем разбогатеть, но, во всяком случае, мы можем быть чуткими друг к другу Почему мы не можем быть чуткими? Имеется в виду почему я не могу быть чутким? Когда мы приезжаем домой, я стараюсь разрядить напряженность, говоря, что устал и хочу спать Я действительно устал и совсем не хочу, чтобы начался один из этих разговоров. Но Дебра была безжалостна Она возразила, что не было причины, из-за которой мы бы не могли подождать со сном и обсудить нашу проблему Я продолжал готовиться ко сну, отвечая ей голько „да“ или „нет“ Если она не считается с моим настроением, то почему я должен считаться с ней? Она продолжала наседавать на меня, пока я надевал пижаму и чистил зубы; она даже не позволила мне уединиться в ванной Когда я наконец-то лег в кровать и выключил свет, она снова включила его Я перевернулся на другой бок, чтобы уснуть, но она все продолжала говорить Думаете, она поняла намек, когда я положил подушку на голову? Нет, она стянула ее В этот момент я вышел из себя Я сказал ей, что она – как дитя, что она с ума сошла – я не помню всего, что я ей говорил Наконец, отчаявшись, я пошел в комнату для гостей и закрылся там Я был слишком расстроен и не мог сразу уснуть, и вообще потом не спал И утром я все еще был зол на нее Я сказал ей, что у нее нет никакой логики На это ей нечего было мне возразить»

Вы уже выбрали, на чьей вы стороне? Вы думаете, что с этой супружеской парой будет все в порядке, если она перестанет пытаться затевать с ним такие разговоры или если он перестанет прятать голову под подушкой, и в буквальном, и в метафорическом смысле? И в чем

их главная проблема У них разные темпераменты? Они не понимают друг друга? Они злятся?

Все супружеские пары – разные Даже у однояйцевых близнецов, похожих друг на друга как две капли воды, есть отличия Для Фрэнка и Дебры, как и у большинства пар, их различия – это как раз та причина, по которой они полюбили друг друга он считал, что она – замечательная, потому что она такая контактная и общительная и идеально подходит для его сдержанного характера Ее привлекло в нем спокойствие и невозмутимость даже в сложных, напряженных ситуациях У всех пар тоже возникают конфликты – мелкие досадные стычки, за которыми забавно наблюдать всем, кроме их непосредственных участников Например, она настаивает, чтобы посуду мыли сразу после еды, а он ее складывает в раковину и моет только раз в день (или раз в неделю), или возникают более серьезные разногласия по поводу денег, секса, родственников и других бесчисленных проблем Разногласия не обязательно приводят к отчуждению Но, если отчуждение возникло, супруги объясняют его как неизбежный результат различий их характеров.

Кроме того, на самом деле Фрэнк и Дебра хорошо понимают сложившуюся ситуацию Они в целом согласны друг с другом, рассказывая о том, что случилось в тот вечер, когда они серьезно поссорились с чего все началось, как они оба вели себя, чего они хотели друг от друга Они оба согласились, что сравнение с новыми знакомыми заставило их почувствовать себя несчастными и критически оценить их взаимоотношения Они согласны, что она подвержена перепадам настроения, а он – спокойнее, такие взаимные жалобы так же обычны для мужчин и женщин, как одуванчики летом Они ясно понимают, чего хотят от своих взаимоотношений, и чего, как им кажется, они от них не получают Они очень хорошо, возможно, даже лучше многих других пар, понимают точки зрения друг друга

Проблема этого брака не в том, что Фрэнк и Дебра злятся друг на друга У счастливых пар тоже случаются конфликты, и супруги злятся друг на друга, как и в несчастных парах Однако счастливые пары знают, как справляться со своими конфликтами Если проблема раздражает их, они или обсуждают и разрешают эту проблему, или учатся жить с ней, стараясь не обращать на нее внимания <sup>1</sup>. Несчастливые пары еще больше отдаляются из-за злых ссор Когда Фрэнк и Дебра начинают ссориться, они занимают свои привычные позиции, погружаются в свои собственные мысли и не слушают друг друга

А если все же слушают, то не слышат Их подход таков «Да, да, я знаю, что ты думаешь об этом, но я не собираюсь ничего менять, потому что я прав»

Чтобы показать, в чем, по нашему мнению, заключается основная проблема Фрэнка и Дебры, давайте снова проанализируем историю их возвращения домой в тот вечер Предположим, что Фрэнк предвидел страхи и беспокойство Дебры, которые ему теперь уже хорошо известны, и выразил свое искреннее восхищение ее коммуникабельностью и тем, как легко она сходится с новыми людьми Предположим, что он предчувствовал, что она будет сравнивать их брак с отношениями этой привлекательной пары, что это сравнение будет не в их пользу и сказал Дебре «Ты знаешь, сегодня вечером я понял, что хотя мы не живем в такой роскоши, в какой живут они, мне очень повезло, что у меня есть ты» Предположим, Фрэнк честно признался Дебре, что общение с этой парой в тот вечер негативно повлияло на его самооценку и испортило его настроение, и Дебра ответила бы на такую его откровенность заботой и сочувствием Предположим, что Дебра, со своей стороны, сумела отвлечься от чувства жалости к самой себе, обратила бы внимание на плохое настроение мужа, сказав ему примерно следующее «Милый, ты плохо выглядел сегодня вечером Ты нормально себя чувствуешь? Тебе что-то не понравилась в этой паре? Или ты просто устал?» Предположим, она тоже высказалась честно о том, что ей не нравится в самой себе, например, ее зависть к богатству другой пары, вместо того чтобы рассуждать о том, что ей не нравится во Фрэнке Предположим, что она вместо этого обратила бы внимание на качества Фрэнка, которые любит Хммм, а если подумать, он прав, когда говорит что он – «нежный любовник»

Таким образом, с нашей точки зрения, взаимное непонимание, конфликты, различия характеров и даже злые ссоры не являются «убийцами» любви – виновны в этом самооправдания Вечер Фрэнка и Дебры с парой их новых знакомых мог бы закончиться совсем по-другому, если бы каждый из них не был бы настолько занят придумыванием самооправданий и обвинениями другого, и в первую очередь задумался о чувствах своего супруга Каждый из них превосходно понимает точку зрения другого, но их потребность в самооправдании мешает им принять позицию супруга, как такую же легитимную, как и их собственная Это мотивирует их воспринимать их собственную точку зрения, как наилучшую позицию, даже единственно разумную позицию

Мы не имеем здесь в виду рутинные самооправдания, которые мы все склонны использовать, когда совершаем ошибку или не согласны по каким-то пустякам. Например, кто забыл закрыть баночку с соусом для салата или кто забыл оплатить счета за свет и воду, или кто из нас двоих лучше помнит любимую сцену из старого фильма. В подобных обстоятельствах, самооправдание просто защищает нас в данный момент от ощущения собственной неловкости, некомпетентности или забывчивости. Тот тип самооправданий, который может разрушать брак, отражает, однако, более важные усилия защитить не то, что мы сделали, а то, кто мы есть. Бывает две версии таких самооправданий: «Я прав(а), а ты не прав(а)» и «Пусть я не прав(а), мне жаль, но я такой(ая), и с этим ничего не поделаешь». У Фрэнка и Дебры возникли неприятности, потому что они начали оправдывать свои важные представления о самих себе, свои личностные качества, которые они ценят и или не желают изменять, или считают, что эти качества – их неотъемлемые особенности. Они не заявляют друг другу: «Я хорошо помню, что тогда произошло, а ты – ошибаешься». Они говорят: «Я – нормальный, разумный человек, а с тобой что-то не так. И потому что с тобой что-то не так, ты не можешь оценить мои достоинства; это так глупо – ты даже считаешь некоторые мои достоинства недостатками».

Итак, Фрэнк оправдывает себя, воспринимая свои поступки как поступки хорошего, верного, надежного мужа – ведь он именно такой и есть, и, как он считает, что все будет отлично, если Дебра будет поменьше донимать его разговорами, если она простит ему его недостатки, как он прощает ей ее. Обратите внимание на его слова: «Что я сделал неправильно? Я нормальный человек». Фрэнк оправдывает его нежелание обсуждать сложные или болезненные темы своей «терпимостью» и способностью «просто не вмешиваться, чтобы все само улеглось». Со своей стороны, Дебра думает, что ее эмоциональная экспрессивность «просто показывает, что она – человек». Она – такая, какая она есть, и все было бы отлично, если бы Фрэнк не был таким «пассивным и скучным». Дебра была права, когда заметила, что Фрэнк оправдывает игнорирование ее требований все обсудить, ссылаясь на ее нелогичный, иррациональный характер. Но она не замечает, что, по сути, сама поступает так же, когда не реагирует на его просьбу отложить разговор, под тем предлогом, что он не хочет говорить с ней не из-за усталости, а из-за своего упрямого характера.

Каждый брак – это повествование, нарратив, и, как во всех нарративах, в нем немало искаженных представлений и воспоминаний, с помощью которых супруги представляют эту повесть такой, какой они хотят ее видеть. Фрэнк и Дебра находятся в такой точке пирамиды их брака, где нужно принимать ответственное решение, и те шаги, которые они предпримут для разрешения диссонанса между мыслями «Я люблю этого человека» и «Этот человек делает вещи, которые сводят меня с ума», могут, как продлить их историю любви, так и оборвать ее. Им предстоит решить, как ответить на некоторые ключевые вопросы об этих «ненормальных поступках» своего супруга – возможно, их причина – личные недостатки партнера, с которыми ничего нельзя поделать? Смогу ли я смириться с ними? Можно ли их считать достаточным основанием для развода? Можем ли мы найти компромисс? Могу ли я – как это ни трудно – научиться чему-то у супруга, и, может быть, начать вести себя иначе? И им нужно решить, как воспринимать собственные действия и поступки. Учитывая, что они наблюдали за собой и жили с самими собой всю жизнь, «собственный, привычный образ жизни» кажется каждому из них естественным и неизбежным. Самооправдания препятствует каждому супругу задаться вопросами. Возможно, я не прав? Может быть, я совершаю ошибку? Могу ли я измениться?

Как только у Дебры и Фрэнка накопились проблемы, каждый создал собственную имплицитную теорию того, как другой разрушает их брак. (Эти теории называются «имплицитными», т.е., неявными, потому что люди часто не осознают, что они у них есть.) Имплицитная теория Дебры – Фрэнк во взаимоотношениях и в общении неуклюж и пассивен, а теория Фрэнка заключается в том, что Дебра – тревожная и неуверенная, и не может принять себя и его такими, какие они есть. Проблема в том, что после того как люди создали свои имплицитные теории, начинает работать «ошибка подтверждения», и они перестают замечать факты и доказательства, противоречащие этой своей теории. Как отметил психотерапевт Фрэнк и Дебра, Дебра сейчас игнорирует или преуменьшает значение тех случаев, когда Фрэнк вовсе не неуклюж и не пассивен в общении с ней и другими людьми, тех моментов, когда он весел и обаятелен или помогает другим. Со своей стороны, Фрэнк сейчас игнорирует или преуменьшает свидетельства психологической устойчивости Дебры, ее стойкость и оптимизм, несмотря на разочарования. «Каждый из них думает, что виноват другой, – замечает их психотерапевт, –



и таким образом они выборочно запоминают и фокусируют внимание на тех эпизодах своей совместной жизни, которые поддерживают их собственную точку зрения»<sup>4</sup>

Есть две версии наших имплицитных теорий того, почему мы и другие люди ведем себя определенным образом. Мы можем сказать, что так происходит из-за каких-то факторов ситуации или окружающей обстановки «Кассир в банке нагрубила мне, потому что она очень много работала сегодня, а в банке недостаточно служащих, чтобы справиться с очередями» Или мы можем решить, что причина в данном человеке «Тот кассир нагрубила мне, просто потому что она грубиянка» Когда мы объясняем наше собственное поведение, самооправдание позволяет нам льстить себе мы приписываем свои хорошие поступки нашим личным качествам, но оправдываем свои дурные поступки влиянием ситуации. Когда мы, например, делаем что-то, что ранит других, мы редко говорим «Я поступил так, потому что я – жестокий и бессердечный человек» Мы вместо этого говорим «Меня спровоцировали; любой поступил бы так же, как я»; или «У меня не было выбора»; или «Да, я наговорил ужасные вещи, но это был не я – это все потому, что я был пьян» Но, если мы проявили щедрость, помогли кому-то или совершили смелый поступок, мы не скажем, что поступили так, потому что нас спровоцировали, или мы были пьяны, или у нас не было выбора, или парень, с которым мы говорили по телефону, вызвал у нас чувство вины, и поэтому мы сделали взнос в благотворительный фонд. Мы поступили так, потому что мы щедрые и великодушные.

Супруги в успешных браках прощают и оправдывают друг друга, так же, как мы прощаем и оправдываем сами себя – они прощают ошибки партнера, списывая их на неблагоприятную ситуацию, но отдают им должное за любовь и заботу. Если один супруг сделал что-то необдуманное или раздражен, то другой склонен объяснять это влиянием неблагоприятных событий и не обвиняет мужа или жену «Бедный муж, он переживает сильный стресс»; «Я могу понять, почему она нагрубила мне – у нее болит спина все эти дни» Но если один из них сделал что-то особенно хорошее, другой приписывает это доброй натуре и замечательному характеру супруга «Мой милый подарил мне цветы без всякой причины, – говорит жена, – он самый нежный и замечательный»

В то время как счастливые супруги не спешат объяснить проступок партнера его дурными намерениями, несчастливые супруги именно так

и поступают<sup>4</sup> В несчастливых семьях, если супруг делает что-нибудь хорошее, это просто удачная случайность или повлияла ситуация «Да, он подарил мне цветы, но только потому, что все остальные мужчины в его офисе дарят своим женам цветы» Если супруг делает что-нибудь необдуманное или раздражающее, так происходит исключительно из-за его/ее личных недостатков «Она наорала на меня, потому что она – стерва» Фрэнк не говорит, что Дебра вела себя взбалмошно, преследуя его по всему дому и требуя поговорить с ней, и он не признает, что она действовала так настойчиво, так как ощущала разочарование из-за того, что он не поговорил с ней – он называет ее взбалмошным человеком Дебра не говорит, что Фрэнк отказывался разговаривать с ней после того ужина, потому что он устал и не хотел начинать спор на ночь глядя – она называет его пассивным человеком

У имплицитных теорий важные последствия, потому что они влияют, кроме всего прочего, на то, как пары спорят, и даже на саму цель спора Если пара спорит, исходя из предположения, что каждый из супругов – хороший человек, который сделал что-то плохое, но исправимое, или кто-то из них сделал глупость из-за того, что к этому вынудила ситуация, есть надежда все исправить и найти компромисс Но опять же, несчастливые пары выворачивают наизнанку это предположение Из-за того, что оба супруга – эксперты в самооправдании, каждый из них обвиняет другого в нежелании устранять свои личные недостатки, но находит оправдание для собственного нежелания измениться, поскольку считает себя образцом добродетели Если они не хотят соглашаться с тем, что они не правы или изменять привычку, которая раздражает или расстраивает их супруга, то они говорят «Я ничего не могу поделать Это естественно – повышать голос, когда злишься Такой я человек» Вы можете смело считать эти слова самооправданиями, потому что они, разумеется, могут что-то сделать У них ведь это получается всякий раз, когда они не повышают голос на полицейского, своего работодателя или раздражающей о их незнакомца на улице, если его вес за 140 килограммов

Сорвавшийся на крик супруг, заявляющий «Уж такой я человек!», к сожалению, редко склонен предоставить и супругу право на подобные самооправдания Наоборот, такая попытка оправдываться, вероятно, приведет его или ее в бешенство «Да уж, ты такой же, как твоя мать!» Обычно, это высказывание не относится к превосходным пирогам, которые печет ваша мать или ее таланту танцевать танго

Это значит, что вы, как ваша мать, от рождения и безнадежно неисправимы; и с этим ничего нельзя поделать. И когда люди понимают, что не могут ничего с этим поделать, то чувствуют, что их обвиняют несправедливо, как будто их критикуют за слишком малый рост или за обильные веснушки. Социальный психолог Джун Тангни обнаружила, что, если людей критикуют за то, какие они, а не за то, что они сделали, это вызывает у них глубокое чувство стыда или беспомощности и им хочется спрятаться, исчезнуть <sup>6</sup>. Поскольку испытывающий стыд человек не может избежать гнетущего чувства унижения, как выяснила Тангни, этот супруг склонен тоже отвечать на обвинения не менее злыми нападками: «Ты заставил(а) меня почувствовать, что я совершил(а) отвратительный поступок, потому что я жалкий(кая) и некомпетентный(ая). Так как я не думаю, что я жалкий(ая) и некомпетентный(ая), то это ты – жалкая персона, раз ты пытаешься унижить меня подобным образом».

К тому времени, когда супруги в своих спорах скатываются до взаимных оскорблений и обвинений, сама цель их ссор меняется. Это уже больше не попытка решить проблему или даже убедить другого изменить его (или ее) поведение – теперь их цель лишь ранить, оскорбить, одержать верх. Вот почему тот, кого стыдят, снова и снова пытается оправдать себя, отказывается идти на компромисс, и во взаимоотношениях супругов может появиться самое разрушительное чувство – презрение. Психолог Джон Готтман в своем новаторском фундаментальном исследовании более 700 супружеских пар, которые он наблюдал на протяжении ряда лет, сделал вывод, что презрение – критика, пронизанная сарказмом, оскорблениями и насмешками – один из самых серьезных сигналов того, что отношения покатались под откос <sup>7</sup>. Готтман приводит такой пример:

*Фрэд* Ты забрала мои вещи из химчистки?

*Ингрид* (псередразнивая) «Ты забрала мои вещи из химчистки?» Сам забирай свои чертовы вещи. Я что, твоя горничная?

*Фрэд* Вряд ли. Если бы ты была моей горничной, ты бы, по крайней мере, знала, как делать уборку.

Подобные окрашенные пренебрежением пикировки разрушают брак, так как уничтожают те самые важные вещи, которые самоо-

правдания призваны защищать наше самоуважение, желание быть любимым, хорошим и уважаемым человеком. Презрение – это последний вердикт партнеру «Я не уважаю тебя такой, какой ты есть». Мы верим, что презрение – это предвестник развода, не потому что оно отражает психологическую отчужденность партнеров. Презрение появляется после долгих лет мелких ссор и перебранок, которые, как у Дебры и Фрэнка, раз за разом приводят только к очередной безуспешной попытке заставить другого человека вести себя иначе. Это сигнал того, что супруг сдался и думает «Нет смысла надеяться, что ты когда-нибудь изменишься; в конце концов, ты такой же (такая же) как твоя мать». Гнев отражает надежду на то, что проблема все же может быть решена. Когда он перестает, то остается лишь пепел негодования и презрения. А презрение – это верный признак безнадежности.

Счет начинают вести проблемы с неудовлетворенности мужчины и женщины своими отношениями или же с их негативного восприятия друг друга? Я несчастлива с тобой из-за твоих личных недостатков или мое недовольство твоими существенными личными недостатками (а не вполне прощительными причудами или внешними обстоятельствами) приводит к тому, что я несчастлива с тобой? Это, несомненно, действует в обоих направлениях. Но так как в начале отношений (в большинстве случаев) люди ни на что не жалуются, психологи наблюдали за парами в течение продолжительного времени, чтобы выяснить, что портит взаимоотношения в одних парах, но не влияет на другие. Они пришли к выводу, что негативные мысли и претензии друг к другу обычно возникают первыми и не зависят от того, насколько часто партнеры злятся друг на друга, испытывают депрессию или другие негативные эмоции. Счастливые и несчастливые партнеры по-разному думают о поведении друг друга, даже если реагируют на одинаковые ситуации или поступки.

Вот почему мы считаем, что самооправдания являются главными «убийцами» брака. Каждый из супругов борется с внутренним диссонансом, вызванным конфликтами и раздражением, графуя поведение партнера по-своему. Эти объяснения, в свою очередь, подталкивают их к спуску с пирамиды. Те, кто вступает на этот путь стыда и обвинений, заканчивают тем, что переписывают полностью историю

своего брака. В результате они продолжают искать подтверждение своему негативному отношению друг к другу. Если раньше супруги не обращали внимания на мелкие проблемы, то теперь они их раздувают и используют как новые доказательства своей переписанной заново истории совместной семейной жизни. Как голько новая история обрела форму, муж и жена, постоянно думая о своих проблемах или обсуждая их с сочувствующими им друзьями, совершенно забывают о хороших качествах партнера, из-за которых они когда-то друг в друга влюбились.

Переломным моментом, после которого пара начинает переписывать историю своей любви, Готтман считает ситуацию, когда «волшебное соотношение» опускается ниже отметки пять к одному позитивных эмоций, проявляющихся в общении друг с другом (таких как любовь, привязанность и юмор), у счастливых пар в пять раз больше, чем негативных (таких как раздражение или жалобы). Важно не то, как часто пары ссорятся – эмоциональные люди могут ссориться и по десять раз в день, а спокойные люди – раз в десять лет – важно соотношение ссор и позитивного общения. «Эмоциональные люди с неустойчивым настроением могут орать и кричать друг на друга, но они в пять раз больше времени будут уделять позитивному общению, показывая, что любят друг друга, и стараясь загладить свою вину», – пишет Готтман. Тихие, сдержанные пары будут менее страстными, но и ссориться они станут в пять раз реже, и коэффициент снова будет равным пяти к одному.<sup>9</sup> Если соотношение больше или равно 5/1, то каждый негативный момент в целом компенсируется позитивными. Например, социальный психолог Айала Пайнс в своем исследовании ухудшения отношений в браке описывает, как счастливая в браке женщина, которую она называет Элли, справилась с диссонансом, вызванным тем, что ее муж не смог подарить ей подарок на день рождения. «Я хотела, чтобы он подарил мне что-нибудь. Что угодно. Я сказала ему об этом, так как я всегда говорю ему о моих мыслях и чувствах», – рассказывает Элли. – И когда я говорила ему это, я думала о том, как хорошо, что я могу открыто делиться с ним своими чувствами, даже негативными. Мое плохое настроение быстро прошло, как летний дождь»<sup>10</sup>.

Но когда соотношение хорошего и плохого падает ниже отметки 5/1, люди разрешают диссонанс, вызванный такими же событиями, так, что отчуждение между ними голько увеличивается. Пайнс рассказывает о том, как несчастная в браке женщина Донна реагирует

на ту же проблему, которая расстроила Эллен муж тоже не подарил ей на день рождения подарок. Но если Эллен приняла то, что ее муж никогда не сможет сравниться с Биллом Гейтсом, когда речь идет о подарках близким, то Донна сделала совсем другие выводы.

«Одной из последних капель, укрепившей мое решение развестись, стал мой день рождения. Этот праздник всегда был очень важен для меня. В шесть утра мне позвонил двоюродный брат из Европы и поздравил меня с днем рождения. Этот человек находился за тысячи миль от меня и вспомнил обо мне. А он сидел рядом, слушал это и даже не поздравил меня. И, знаете, я внезапно поняла, что есть они – те люди, кто по-настоящему меня любят, а этот человек просто-напросто меня не ценит. Он меня не ценит, а значит, и не любит. Если бы любил, то не обращался бы так со мной. Ему бы хотелось сделать для меня что-нибудь особенное».

Конечно, вполне возможно, что муж Донны не любит и не ценит ее. И, конечно, мы не знаем его мнения о ситуации с подарком. Быть может, он годами пытался подарить ей удачный подарок, но ни один из них ей не понравился. Вероятно, большинство людей не станут разводиться из-за того, что их супруг не подарил им на день рождения подарок. Так как Донна решила, что поведение ее мужа не только неисправимо, но и невыносимо, теперь она считает любой его поступок неоспоримым доказательством того, что «он меня не ценит, он меня не любит». Донна даже зашла дальше, чем другие недовольные супруги: она рассказала Пайнс, что вела специальный «дневник ненависти», в который записывала все поступки мужа, огорчавшие или расстраивавшие ее. Эти записи были для нее подтверждением правильности ее решения о разводе.

Когда отношения пары опускаются до этого уровня, супруги также начинают пересматривать свои воспоминания. Теперь желанием обеих сторон становится не отправить побыстрее все дурное «вниз по течению реки», а наоборот – вытащить его на поверхность. Искажение прошедших событий или полная амнезия, когда прошлого как будто вообще не было – еще одна причина мыслей о том, что супруги вступили в брак с совершенно чужим им человеком, да еще и не слишком привлекательным. Медицинский психолог Джули Ютман проводила психотерапию несчастливых пар. Когда она спросила

у одной женщины «Как вы познакомились с мужем?» – женщина презрительно ответила «В университете. Тогда я ошиблась, думая, что он умный»<sup>11</sup>. «Редактируя» свои воспоминания, женщина полностью перекладывает всю вину на мужа – это не она сделала ошибку, выбрав его, а он обманул ее, прикинувшись умным.

Джон Готтман замечает «Я пришел к выводу, что лучше всего предсказывает будущее семейной пары то, каким образом супруги рассказывают о своем прошлом»<sup>12</sup>. «Переписывание» истории их отношений начинается еще до того, как пара понимает, что их брак в опасности. Готтман и его сотрудники провели глубинные интервью 56 пар, 47 из них они смогли опросить еще раз тремя годами позже. Во время первого интервью, никто из пар не планировал расставаться, но исследователи смогли безошибочно определить семь пар, которые впоследствии расстались (из сохранившихся 40 пар, ученые точно определили 37, которые останутся вместе – впечатляющая точность). Те 7 пар, которые впоследствии расстались, начали «переписывать» историю своих отношений уже в первом интервью, рассказывая грустные истории и приводя подробности в подтверждение своих слов. Например, они говорили Готтману, что вступили в брак не из-за того, что были влюблены и не могли обойтись друг без друга, а потому что брак представлялся «естественным следующим шагом их отношений». По воспоминаниям разведенных супругов, первый год их брака был полон неоправданных ожиданий и разочарований. «Сразу многое пошло не так, но я уже не могу привести конкретных примеров», – говорит мужчина, который вскоре развелся с женой. Счастливые же пары вспоминают эти проблемы иначе, называя их «шероховатостями» в отношениях, которые они с гордостью преодолели, перенося размолвки с юмором и любовью.

Благодаря свойству нашей памяти пересматривать прошлое для оправдания наших решений, ко времени развода многие пары не могут вспомнить причину, по которой они вступили в брак. Будто им сделали «терапевтическую лоботомию» и удалили воспоминания о счастливых моментах. Мы часто слышим «Уже через неделю после брака я поняла, что совершила ужасную ошибку». «Но почему же тогда у тебя трое детей, и ты уже 27 лет замужем за этим человеком?» – «О, я не знаю, я просто считала это своим долгом. Наверное».

Безусловно, некоторые люди решаются на развод обдуманно, взвесив все «за» и «против», но для большинства это решение связано с пересмотром прошлого и попытками ослабить диссонанс. Как мы

узнаем об этом? Проблемы могут оставаться прежними, но как только один из супругов или оба решают расстаться, оценки проблем меняются. До тех пор, пока пара считает, что стоит сохранять неидеальный брак, они стараются уменьшить диссонанс таким способом

«Все не так уж и плохо»

«Большинство браков еще менее счастливы, чем мой, во всяком случае, не счастливее, чем мой»

«Он забыл о моем дне рождения, но он делает много других вещей, показывая свою любовь ко мне»

«Да, у нас есть проблемы, но я люблю ее/его, несмотря ни на что»

Но с того момента, как один из супругов или оба начнут думать о разводе, они будут искать способы ослабления диссонанса, оправдывающие решение уйти

«Этот брак действительно полная неудача»

«Он забыл о моем дне рождения. Выходит, что он меня не любит»

И, конечно же, безжалостные слова, которые говорят многие люди, покидающие своего супруга или супругу после 20 или даже 30 лет брака: «Я никогда тебя не любил(а)»

Жестокость последней фразы состоит в том, что эта ложь нужна лишь для оправдания своих поступков. Супруги, расстающиеся по объективным причинам, например, один из супругов физически или психологически обижает и оскорбляет другого – никогда не скажут такого. Им просто не нужны дополнительные самооправдания. То же самое касается и тех пар, которые расстаются дружелюбно, а так же тех, кто сохраняет теплые дружеские чувства, когда проходит какое-то время, и боль, вызванная расставанием, стихает. Они не видят необходимости в том, чтобы представлять злоеми своего бывшего партнера или забывать о счастливых временах, так как они могут сказать «У нас не получилось, жаль», «Мы просто слишком отдалились друг от друга» или «Мы были так молоды, когда поженились, и многого тогда не понимали». Но когда развод болезненный, тяжело переживается, связан с денежными проблемами и особенно, когда расстаться хочет только один из супругов, обе стороны будут



переживать целый спектр негативных эмоций. В дополнение к гневу, тоске, обиде и душевным страданиям, эти пары будут испытывать и боль диссонанса. Именно этот диссонанс, а также то, как люди пытаются с ним справиться, являются важными причинами мстительности после развода.

Тот, кого бросили, может страдать от диссонанса, болезненного для его эго «Я – хороший человек и был отличным партнером» и «Мой супруг покидает меня. Как это могло произойти?» Все это приводит к выводу, что вы не такой уж хороший человек, каким себя считали, а также были плохим супругом, но мало кто из нас станет избавляться от диссонанса, снижая свою самооценку. Гораздо легче «бросать камни» в своего партнера и переложить вину на него/на нее, т.е. говорить о том, какой он/она трудный и эгоистичный человек, и вы, мол, это поняли только теперь.

Если же вы сами бросаете партнера, то вам также нужно ослабить диссонанс, чтобы как-то оправдать свои действия, причиняющие боль тому, кого вы когда-то любили. Но вы ведь хороший человек, а хороший человек не станет причинять боль другим. Значит, ваш супруг заслуживает, чтобы его/ее отвергли, возможно, даже больше, чем вам раньше представлялось. Людей, наблюдающих за разводом, часто удивляет необоснованная мстительность со стороны человека, инициировавшего развод. То, что они наблюдают, это механизм уменьшения диссонанса в действии. Одна наша подруга, рассказывая о разводе сына, говорила: «Я не понимаю свою невестку. Она оставила моего сына ради другого человека, который обожает ее, но она не выйдет за него замуж и не хочет работать полный рабочий день только для того, чтобы мой сын выплачивал ей алименты. Моему сыну пришлось пойти на работу, которая ему не нравится, чтобы удовлетворить ее запросы. Учитывая, что это она его бросила, то, как она обращается с моим сыном, кажется необъяснимо жестоким и мстительным». Но, с точки зрения ее бывшей невестки, однако, ее поведение по отношению к бывшему мужу – оправдано. Если он был таким замечательным парнем, она бы осталась с ним, не правда ли?

Медиаторы бракоразводных процессов и все, кто пытались помочь разводящимся друзьям, имели возможность наблюдать за процессом изнутри. Медиаторы Дональд Сапоснек и Чип Роуз описывают «склонность одного из супругов отзываться о другом пренебрежительно, например “Он – слабый человек и склонный

к насилию пьяница“ или „Она двуличная, эгоистичная, паталогическая лгуныя, которой нельзя доверять“ Эти излишне негативные, бескомпромиссные характеристики, которые разводящиеся и конфликтующие пары применяют друг к другу, укореняются и потом уже не изменяются»<sup>11</sup> Причина кроется в том, что когда супруги начинают унижать и оскорблять друга, ослабляя диссонанс для защиты собственного эго, им требуются все новые оправдания своей позиции. Таким образом, они яростно борются за каждый доллар, который «им принадлежит по праву», а другая сторона «не заслуживает и цента», не разрешают бывшему супругу встречаться с детьми или мелочно контролируют все детали этих встреч, так как «послушайте, это ведь мой бывший, он ужасный человек!» Ни одна из сторон не задумывается, что весь этот ужас может быть результатом невыносимой ситуации, возникшей из-за их собственного поведения. Каждый поступок одного из партнеров вызывает месть и самооправдания другой стороны, и наоборот, и так раскручивается спираль взаимной враждебности. Каждый партнер, спровоцировавший другую сторону на плохой поступок, использует этот плохой поступок и для того, чтобы оправдать собственную месть, и для того чтобы показать «дурные и злобные» качества бывшего супруга/супруги.

К моменту обращения к медиаторам\* пары находятся в очень плохих отношениях, они уже почти у подножия пирамиды. Дон Сапоснек рассказал, что принимал участие в более чем 4000 процессах, в которых бывшие супружеские пары оспаривали права опеки над детьми. Он сообщает: «Я никогда не слышал, чтобы один из родителей сказал: „Ты знаешь, я думаю, что ты будешь лучшим родителем, чем я“ Это практически всегда выливается в спор, так как каждый считает себя лучшим и более достойным отцом или

---

\* Медиатор – физическое лицо, которое две спорящие стороны, обратившиеся в суд, признают посредником, способным выработать взаимоприемлемое соглашение, примирить их. Практика медиации широко распространена в США и других западных странах. В России процедура медиации закреплена Федеральным законом «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» № 193-ФЗ от 27 июля 2010 г., кроме того, официально утверждена Программа подготовки медиаторов. В столице и регионах открылись центры медиации, появились программы по обучению медиации, организованы научно-практические конференции и форумы, стала выпускаться специализированная литература для медиаторов – *Примеч ред*

матерью, у которого/ой более близкие отношения с детьми, чем у оппонента. Они не признают у своего бывшего партнера никаких достоинств, и даже если признают, что мстят ему/ей, всегда оправдывают это, заявляя „Он(а) этого заслужил(а), ведь он(а) разрушил(а) нашу семью!“ Соглашение, к которому они приходят, почти всегда является компромиссом, при этом они говорят „Я отказался от своей позиции, так как меня принудили к этому. Я устал(а) бороться. У меня закончились деньги на оплату услуг медиатора – но в любом случае я лучший родитель (чем она или он)“»

Из теории диссонанса следует, что самую сильную потребность оправдать свой развод будут испытывать те люди, которые поначалу сильно сомневались, стоит ли разводиться, или чувствуют свою вину за то, что развод был их односторонним решением. В свою очередь, брошенный партнер отчаянно хочет отплатить за такое несправедливое и жестокое отношение к себе. Поскольку обе стороны вспоминают и прошлые, и недавние примеры ужасного, по их мнению, поведения своего бывшего супруга/-ги, оправдывающие их новые интерпретации этих прошлых событий, бывший супруг/-га представляется им законченным негодяем/-кой. Самооправдание – путь, на котором сомнения превращается в уверенность, чувство вины – в ненависть. История любви становится летописью ненависти.

**Н**аша коллега Леонора Тифер, медицинский психолог, рассказала нам о супружеской паре (им было около 40 лет, и они состояли в браке десять лет), проходившей у нее курс терапии. Они не могли решиться завести детей, так как каждый из них хотел быть уверенным, что они оба этого хотят, еще до того, как они начнут обсуждать этот вопрос. Они не могли договориться, как разрешить противоречие между ее амбициями в профессиональной карьере и их совместной жизнью, так как жена считала, что имеет право работать столько, сколько хочет. Они также ссорились из-за того, что муж пил, так как считал, что никто не вправе мешать ему пить алкоголь столько, сколько ему хочется. У обоих были любовники, но каждый оправдывал это как ответ на поведение другого.

Но эти обычные, хотя и сложные, проблемы не так сильно угрожали их браку, как их упрямые самооправдания. «Они не понимают, чем необходимо жертвовать, чтобы стать счастливой парой, – говорит

Тифер – Каждый из них хочет делать то, что хочет или „должен“, и они не могут обсудить важные вопросы, которые относятся к их совместной жизни как супружеской пары. И пока они негодуют друг на друга, они избегают необходимости обсуждать эти проблемы, так как обсуждение потребует от них компромиссов и готовности учитывать точку зрения партнера. Они не умеют сочувствовать друг другу и проявлять эмпатию, так как каждый из них считает поведение другого неразумным и безответственным. Таким образом, они вспоминают старые обиды, чтобы оправдать свою сегодняшнюю позицию и нежелание что-либо менять и прощать друг друга»

Напротив, супруги, успешно прожившие друг с другом долгие годы, нашли способ минимально использовать самооправдания, и это показывает, что они способны ценить своего партнера и сочувствовать ему, а не пытаться всегда защищать «свою территорию». Успешные пары со стабильными отношениями готовы выслушать критику, опасения и предложения партнера, не прибегая к самооправданиям. Нам представляется, что они умеют, когда нужно, уступать и не злоупотребляют самооправданиями вроде «Уж такой я человек». Они ослабляют диссонанс, вызванный несущественными разногласиями, стараясь не обращать внимания на мелочи, а если совершают ошибки или возникают серьезные проблемы, то устраняют диссонанс, исправляя ошибки и решая проблемы.

Мы опросили несколько пар, которые вместе уже много лет и вызывают восхищение у Фрэнка и Дэбры. Эти супруги считают, что у них очень прочный брак и теплые взаимоотношения. Мы не спрашивали их «В чем секрет того, что вы вместе столько лет?» – так как люди редко знают ответ на этот вопрос. Они отвечают что-то банальное и бесполезное, вроде «Мы никогда не ложимся спать, пока не помиримся» или «Мы оба очень любим гольф» (Очень многие счастливые пары как раз ложатся спать, поссорившись, так как не хотят спорить, когда чувствуют себя слишком уставшими для решения проблем, и у многих счастливых пар нет общих хобби и интересов). Мы спросили эти пары, как им годами удавалось разрешать диссонанс, вызванный противоречием между «Я люблю этого человека» и «Иногда он делает что-то такое, что выводит меня из себя».

Один из самых интересных ответов пришел от пары, которую мы назовем Чарли и Максин, состоявшей в браке более 40 лет. Как и у всех пар, у них было много мелких разногласий, которые могли легко перерасти в раздражение, но они решили просто принять их

как жизненные реалии и не дуться друг на друга по этому поводу Чарли говорит «Я люблю ужинать в пять, а моя жена – в восемь Мы пришли к компромиссу мы едим между пятью и восемью» Но особенно интересно то, как они решают серьезные проблемы Когда они влюбились друг в друга (тогда им было едва за двадцать), Чарли привлекла безмятежность Максин Это было нечто манящее, будто тихий оазис в бурном мире Она же была заморожена его неудержимой энергией, которую он вкладывал во все от поиска идеального персика до написания идеального по стилю предложения Но та страстность, которую она любила в нем, когда речь идет о любви, сексе, путешествиях, музыке и кино, пугала ее, когда он был в гневе Если он был зол, он кричал, стучал по столу – в ее семье такого никогда не было Через несколько месяцев брака, она сказала ему со слезами на глазах, что его гнев ее пугает

Первой реакцией Чарли было желание оправдаться Он не думал, что повышать голос – хорошо, но он считал это своей чертой, неотъемлемой частью своей индивидуальности «Мой отец тоже кричал и стучал по столу, – говорил он ей – Так делал и мой дед! Это мое право! Я ничего не могу с этим поделать Так поступают мужчины! Ты хочешь, чтобы я был как те нытики, которые вечно болтают о „чувствах“?» Но однажды он перестал кричать и задумался о том, как его поведение сказывается на Максин, он понял, что, конечно же, он может изменить свое поведение Медленно и постепенно, он начал отказываться от таких всплесков гнева Но Максин также должна была измениться и понять, что не всегда вспышки злости и гнева так уж опасны и плохи («В моей семье никто никогда не показывал, что злится. Так что я считала приемлемым только такой стиль поведения») Когда она научилась отличать обоснованный гнев от неприемлемых способов его выражения (например, ударов по столу) и, кстати, от неконструктивных попыток скрывать гнев – таких, например, как зарыдать и убежать – такой была ее собственная «неизменная» привычка

Спустя годы, возникла другая проблема – проблема, которая развивается медленно, так бывает у многих пар, которые первоначально разделили обязанности на основе того, кто из супругов лучше в том или ином деле Обратной стороной спокойствия Максин была застенчивость и страх перед конфликтами, она бы никогда не стала жаловаться на плохую еду или дефекты какого-то товара Так что это Чарли всегда приходилось относить в гарантийный ремонт

испортившийся кофейник, звонить в службу сервиса магазинов, чтобы на что-то пожаловаться или добиваться от хозяина съемной квартиры, чтобы починили сантехнику «Ты в этом деле куда лучше, чем я», – говорила она, и он соглашался, так как это было правдой. Однако с течением времени Чарли начал уставать от этой обязанности. Его начала раздражать пассивность Максин «Почему всегда я один должен делать эти неприятные вещи?» – говорил он себе.

Настал переломный момент. Он мог смириться и продолжить делать всю «грязную работу», но он поступил иначе. Он решил, что, возможно, пришло время Максин стать более настойчивой и уверенной – это было бы полезно для нее во многих ситуациях, не только в браке. Сначала Максин сказала «Я такая, какая есть. Ты знал это, когда женился на мне. Кроме того, нечестно менять правила после стольких лет». Но когда они продолжили обсуждать эту проблему, она сумела услышать его, усмирив свои инстинкты самозащиты. Как только это случилось, она смогла понять его чувства и то, почему он считает такое разделение обязанностей нечестным. Она поняла, что ее возможности не так уж ограничены, как она раньше думала. Она посетила курсы по избавлению от застенчивости (тренинг ассертивности), воспользовалась на практике тем, что она там усвоила, стала более уверенной в себе и начала получать удовольствие от выражения своих истинных мыслей и чувств, что обычно приносило результат. Чарли и Максин объяснили, что он вовсе не превратился в овечку, а она – в волка; личные качества, жизненный опыт, генетика, темперамент – все это накладывает ограничения на возможности для изменений<sup>11</sup>. Но каждый из них изменился. Теперь их отношения стали более уравновешенными, он стал мягче, а она – научилась конструктивно демонстрировать свой гнев и быть настойчивее.

В счастливом браке споры, разногласия, разные привычки и даже сердитые ссоры могут сблизить супругов, помогая им узнать друг о друге что-то новое и пересмотреть представления о собственных возможностях или ограничениях. Это не всегда легко. Отказаться от самооправданий, которые прикрывают наши ошибки, защищают наше желание делать все так, как нам хочется, а также научиться свести к минимуму ту боль, которую мы причиняем тем, кого любим, – все это требует нелегких и иногда болезненных изменений. Без самооправданий мы можем лишиться эмоциональной защиты, стать уязвимыми и потонуть в пучине своих сожалений и утрат.

Тем не менее, в конечном счете, мы считаем, что это того стоит как бы ни было больно и трудно избавляться от самооправданий – в результате мы узнаем очень важные вещи о себе и обретем мир, прозорливость и гармонию. В возрасте 65 лет феминистская писательница и активистка Вивин Горник написала честное и блестящее эссе о своих длившихся всю жизнь попытках найти верный баланс между работой и любовью и вести жизнь, основанную на безупречных эгалитарных принципах, в обеих этих сферах. «Я так часто писала об одиночестве, так как не могла понять того, почему я сама была одинока», – пишет она. Годами ответом на этот вопрос, как для нее, так и для многих других людей ее поколения, был сексизм: патриархальные мужчины заставляли сильных, независимых женщин делать выбор между карьерой и отношениями. Этот ответ нельзя сбрасывать со счетов, так как сексизм загубил или испортил многие браки. Но сейчас Горник поняла, что это, хотя и правильный, но неполный ответ. Оглядываясь назад и отказавшись от таких комфортных самооправданий, она смогла увидеть, какова ее собственная роль в том, как складывались ее отношения, роль в определении стиля своих отношений, поняв, что « во многом причина моего одиночества была во мне самой – в моей злости, в моем эгоцентризме, а не в сексизме».

«На самом деле, – пишет она, – я была одинока не из-за своих политических взглядов, а потому что я просто не знала, как достойно жить вместе с другим человеком. Во имя равенства я мучила каждого мужчину, которого я любила, пока он не бросал меня. Я замечала каждую их ошибку, никогда ничего не прощая, всегда требовала их к ответу, что изматывало нас обоих. Безусловно, во всем, что я говорила, были зерна истины, но я нагромодила такую гору этих зерен, что она похоронила под собой нашу любовь».





# Глава 7

«Высокомерны, полны гнева оба;  
Быстрее огня и глуше воли их злоба»



## Раны, разрывы и войны

**С**пустя год после того, как Джим признался в том, что он изменял Дайан, он понял, что та все еще в гневе. Каждый разговор заканчивался упоминанием его измены. Она пристально смотрела на него, и когда их взгляды встречались, он видел в ее глазах подозрение и боль. Неужели она не может понять, что он просто совершил небольшую ошибку? Он уж точно не был первым в мире человеком, допустившем подобную ошибку. Он оказался достаточно честным, чтобы признаться в измене, и достаточно сильным, чтобы прекратить интрижку на стороне. Он извинился перед Дайан и тысячи раз сказал ей, что любит ее, и хочет, чтобы их брак сохранился. Неужели она не может этого понять? Неужели так сложно сфокусироваться на всех хороших вещах, которые есть в их браке, и забыть об этой проблеме из прошлого?

Дайан сочла такое отношение Джима к проблеме просто невероятным. Похоже, он ожидал, что его похвалят за то, что он признался в измене и прекратил те отношения, и не станут упрекать за то, что он когда-то их начал. Неужели он не может этого понять? Неужели он не может сконцентрироваться на ее боли и страданиях и прекратить себя оправдывать? Кстати, он никогда и не извинялся. Да, он сказал, что сожалеет, но это звучало жалко. Почему он не мог попросить прощения искренне, от всего сердца? Ей не нужно было, чтобы он занимался самобичеванием, она просто хотела, чтобы он понял, что она теперь чувствует, и загладил свою вину.

Но Джим пришел к выводу, что ему будет очень сложно загладить свою вину из-за гнева Дайан, который провоцировал его на ответные меры. Он слышал в ее гневе «Ты совершил ужасное преступление» и «Тебя и человеком-го назвать нельзя после того, что ты сделал». Конечно же, он сильно сожалел, что ранил ее чувства, конечно же, он готов был на все, лишь бы ей стало лучше, но он не считал свой поступок бесчеловечным или ужасным преступлением и не готов был униженно и постоянно просить прощения, чего она, похоже, от него

ожидала. Так что вместо этого он начал убеждать ее в том, что те отношения были несерьезными, а другая женщина для него ничего не значила. Дайан, однако, интерпретировала подобные усилия Джима объяснить ей свою измену как его попытку принизить значимость ее чувств. Она слышала в его словах «Ты не должна расстраиваться, я не сделал ничего плохого». Его оправдания только злили Дайан, а из-за ее гневной реакции ему было еще сложнее сочувствовать ей и проявить участие к ее страданиям.<sup>1</sup>

**В** 2005 г. американцы зачарованно следили за последней битвой в ужасной семейной войне вокруг жизни и смерти Терри Шиаво. Эту битву вели родители Терри, Роберт и Мэри Шиндлеры, с ее мужем, Майклом Шиаво, за жизнь своей дочери, или за то, во что ее жизнь превратилась. «Сейчас, когда ее родители и муж находятся в таких отношениях друг с другом, даже не верится, что когда-то они жили в одном доме, были объединены одной целью», – написал один журналист. Конечно, люди, которые изучают самооправдания, вполне могут поверить в такие перемены в их отношениях. Когда Терри и Майкл поженились, они и родители находились на вершине пирамиды. Майкл звал родителей жены мамой и папой. Вначале, в тяжелые времена, Шиндлеры давали молодой паре деньги на оплату жилья. Когда в 1990 г. Терри впала в кому, Шиндлеры переехали к своей дочери и ее мужу, чтобы вместе заботиться о ней. Это продолжалось три года. Но через три года возникла та причина, по которой люди так часто ссорятся – деньги. В 1993 г. Майкл Шиаво выиграл дело против одного из врачей Терри, ему присудили 750 000 \$ на содержание жены и 300 000 \$ за потерю ее дееспособности. Через месяц Майкл и родители его жены начали ссориться из-за этих денег. Майкл Шиаво говорил, что это началось после того, как отец Терри, Роберт, спросил, сколько он получит из тех денег, что были выплачены в результате судебного решения. Шиндлеры же заявляли, что основной конфликт разворачивался в связи с тем,

---

<sup>1</sup> У Терри Шиаво 25 февраля 1990 г. случился долготравматический приступ, он стал по сути ее тяжелейшим повреждением мозга, в который не поступала кровь. Мозг Терри погиб, а ее жизнь поддерживалась искусственно. Она пролежала в коме 15 лет, но в 2005 г. скончалась, после того как аппарат искусственного поддержания жизни был отключен. – *Примеч. пер.*

как распорядиться деньгами, на какой метод лечения их потратить? родители Терри ратовали за интенсивную экспериментальную терапию, Майкл же выступал за базовые процедуры

Судебное решение о выплате денег было первым толчком, заставившим родителей женщины и ее мужа принимать решение о том, как потратить деньги и кто их заслуживает, поскольку по закону каждая из сторон имела право принимать решение о жизни и смерти Терри Майкл Шнаво вскоре запретил родителям его жены доступ к ее медицинским данным, они же пытались какое-то время лишить его статуса опекуна Терри Майкла оскорбило то, что он воспринимал как грубую попытку своего тестя потребовать часть присужденных судом денег, в свою очередь, родители Терри были оскорблены тем, что им представлялось эгоистичными попытками Майкла избавиться от жены в корыстных целях<sup>2</sup> К тому времени, как страна наблюдала за их последним яростным противостоянием, разжигавшимся СМИ и решившими нажать на этом политический капитал политиками, их взаимно непримиримые позиции выглядели абсолютно иррациональными, но они были непреклонны.

**В** январе 1979 г в Иране начались массовые протесты против шаха Мухаммеда Реза Пехлеви, который бежал в Египет, а через две недели страна приветствовала своего нового лидера – возвратившегося в Иран исламского фундаменталиста, аятоллу Рухоллу Хомейни, которого десятью годами ранее шах отправил в изгнание. В октябре администрация президента Картера неохотно разрешила шаху ненадолго приехать в Соединенные Штаты для лечения рака Хомейни, осуждая американское правительство, назвал его «большим дьяволом», призвав иранцев к акциям протеста против Соединенных Штатов и Израиля, «врагов ислама» Тысячи иранцев ответили на его призыв, выйдя на акцию протеста у посольства США в Тегеране 4 ноября несколько сотен иранских студентов захватили главное здание посольства, взяв большинство находившихся там американцев в заложники, 52 из которых оставались заложниками последующие 444 дня Студенты настаивали на возвращении шаха в Иран Их целью было провести суд над шахом и вернуть украденные им, как они утверждали, у иранцев миллиарды Этот кризис можно назвать 9-м сентября того времени Согласно одному из историков, он был освещен в прессе

лучше, чем любое другое событие, после окончания Второй мировой войны Тед Коппел, в своем вечернем шоу «Американцы, ставшие заложниками» (America Held Hostage), каждый день рассказывал американцам новые подробности кризиса. Шоу оказалось настолько популярным, что было продолжено даже после окончания конфликта, но уже под названием «Вечерняя строка» (Nightline). Американцы внимательно следили за событиями, действия и требования иранцев вызывали у них гнев. Ведь иранцы были злы на шаха, так за что же они переносили ненависть и на американцев?

До сих пор мы говорили о ситуациях, наличие ошибок в которых было неоспоримо. Это искажения воспоминаний, неверные убеждения, неправильные действия терапевтов. Теперь же мы перейдем к менее определенным ситуациям: предательствам, разрывам, жестоким разногласиям и конфликтам. Наши примеры будут варьировать от простых семейных ссор до полномасштабных крестовых походов, от обычной жестокости до систематических пыток, от проступков супругов до эскалации войны. Эти конфликты между друзьями, родственниками и странами могут сильно отличаться причинами и формами, однако все они «оплетены» прочными нитями самооправдания. Когда мы будем распутывать эти нити, то учтем сложный характер плетения «тканей» и не станем подразумевать, будто все «одеяния» – одинаковы.

Иногда, как в случае Джима и Дайан, обе стороны согласны в том, кто был виноват; Джим не старался отрицать свою вину, утверждая, например, что это Дайан вынудила его завести себе подругу на стороне, так как была плохой женой. И иногда вполне очевидно, кто виноват, даже если виновный усердно старается оправдываться. Рабы не виноваты в своем рабстве, дети не провоцируют педофилов, женщины не просят, чтобы их насиловали, а евреи не устраивали сами себе холокост.

Хотя мы начнем с более общей проблемы – есть множество ситуаций, в которых непонятно, кто виноват, «кто все это начал», и даже когда это началось. В каждой семье найдутся свои рассказы об оскорблениях, непросительных инцидентах и нанесенных ранах и бесконечных распрях. «Она не пришла на мою свадьбу и даже не подарила подарок» «Он украл мое наследство» «Когда мой

отец был болен, мой брат исчез, и мне одному пришлось заботиться о папе» В конфликте никто не собирается признаваться в том, что он соврал, украл или сжульничал без всякого повода ведь только плохой человек станет делать это, и только бессердечный отпрыск покинет своих нуждающихся в его помощи родителей Таким образом, каждая сторона оправдывает свою позицию, утверждая, что во всем виновата другая. Каждый просто реагирует на обиду или провокацию так же, как сделал бы любой разумный, нравственный человек «Да, конечно я не пришла на твою свадьбу, а где была ты, когда у меня случился такой болезненный развод?» «Конечно, я взял немного денег и вещей из дома наших родителей, но я не крал их – ты сам все это начал, когда 40 лет назад отправился учиться в колледж вместо меня» «Отец всегда любил тебя больше, чем меня, он всегда слишком придирался ко мне, так что ты и должен о нем заботиться»

В большинстве конфликтов каждая сторона обвиняет другую в заведомой эгоистичности, непреклонности, грубости и агрессивности, но дело не в этих личностных чертах, а в потребности в самооправдании По всей видимости, Шиндлеры и Майкл Шиаво по своему характеру вовсе не являются упрямыми или неразумными людьми Скорее, их упрямое и иррациональное поведение стало результатом 12 лет тяжелых решений (бороться или сдаться; сопротивляться или пойти на компромисс), последующих самооправданий и прочих действий, направленных на уменьшение диссонанса и амбивалентности И чем дольше они были заложниками своего выбора, тем сложнее им было найти обратный путь Чтобы оправдать свое первоначальное, естественное и понятное решение поддерживать жизнь своей дочери, родители Терри должны были оправдывать и свои последующие решения сохранять ее жизнь любой ценой, чего бы это ни стоило Они не могли принять того, что ее мозг мертв, и оправдывали себя, обвиняя мужа Терри в самоуправстве, супружеской измене и, возможно, даже в желании убить свою жену, так как она была для Майкла тяжким бременем Для оправдания своего вполне понятного решения позволить своей жене умереть, Майкл также встал на путь самооправдания, который не дал ему возможности отступить Для самооправдания он обвинил родителей Терри в манипуляциях СМИ для того, чтобы он не мог выполнить просьбу Терри избавиться ее от такого жалкого существования Шиндлеры злились на Майкла Шиаво, так как он отказывался слушать их и с уважением относиться к их



религиозным взглядам Майкл же был разгневан на Шиндлеров за то, что они сделали их проблему предметом судебного разбирательства и достоянием общественности. Каждая сторона считала поведение другой оскорбительным, каждая считала, что ее предали. Кто же начал последний спор о контроле над жизнью и смертью Терри? Каждый обвинял в этом другую сторону. Почему ситуация стала трудноразрешимой? Ответ — самооправдания.

Когда иранские студенты взяли американцев из посольства в Тегеране в заложники в 1979 г., для американцев это выглядело бессмысленным актом агрессии, неожиданным и беспричинным как «гром среди ясного неба». Они считали, что подверглись неспровоцированному нападению со стороны группы «этих сумасшедших иранцев». Но для иранцев все начали США, так как разведка Соединенных Штатов способствовала перевороту 1953 г., в результате которого был свергнут их харизматичный, демократически избранный лидер Мохаммед Моссадык, на место которого американцы посадили шаха. В течение следующих десяти лет росло недовольство иранцев шахом, который, как они считали, накопил несметные богатства и проводил прозападную политику, находясь под влиянием Соединенных Штатов. В 1963 г. шах подавил восстание исламских фундаменталистов и выслал из страны его популярного лидера аятоллу Хомейни. С ростом активности оппозиции шах разрешил своей тайной полиции САВАК проводить репрессии против диссидентов, что только подлило масла в огонь.

В какой момент начался кризис, кульминацией которого стал захват заложников? Когда США поддержали свержение Моссадыка? Когда США начали снабжать шаха оружием? Когда они закрывали глаза на жестокие действия САВАК? Когда США приняли решение впустить в свою страну шаха для лечения? Может быть, все началось, когда шах изгнал Хомейни, или когда аятолла после своего триумфального возвращения понял, что может укрепить свою власть за счет недовольства иранцев Соединенными Штатами? Или когда иранские студенты поддались на призывы Хомейни и провели демонстрацию у посольства США? Большинство иранцев выбирают ответ, оправдывающий их ненависть к Америке, а большинство американцев выбирают ответ, оправдывающий их ненависть к Ирану. Каждая сторона считает себя пострадавшей и имеющей право на месть. Кто виноват в захвате заложников? Каждая сторона обвиняет в этом другую. Почему ситуация стала трудноразрешимой? Из-за самооправданий.

Из всех историй, придуманных людьми для оправдания своей жизни, любви и потерь, те, которые они изобретают для того, чтобы объяснить, кто был инициатором вреда или несправедливости, а кто оказался их жертвой – наиболее убедительны для них и влекут за собой наиболее серьезные последствия. В этих случаях самооправдания важнее, чем то, кто именно был антагонистом (любовники, родители и дети, друзья, соседи, страны), и то, что было предметом конфликта (неверность, семейное наследство, раздел собственности, обманутое доверие или военное столкновение). Мы все порой совершали что-то, что злило других, но все мы так же порой сами злились, если другие делали нечто подобное по отношению к нам. Каждый из нас умышленно или ненамеренно причинял боль другому человеку, после чего он, возможно, будет всю жизнь считать нас злодеем, предателем и негодяем. Каждый когда-либо чувствовал острую боль, оказавшись жертвой несправедливости, получив рану, которая, возможно, полностью никогда не заживет. Особенность самооправданий состоит в том, что вы можете мгновенно менять роль на противоположную и при этом полностью забывать все, что мы узнали в предыдущей роли, переходя к противоположной роли. То, что мы побывали в роли жертвы несправедливости, не значит, что мы реже будем поступать несправедливо по отношению к другим или будем больше сочувствовать жертве. Создается впечатление, будто между этими двумя видами опыта существует нерушимая стена, которая не дает нам заглянуть на другую сторону.

Одна из причин существования этой стены заключается в том, что собственную боль мы всегда ощущаем острее, чем боль, которую мы причиняем другим людям, даже если на самом деле интенсивность боли одинакова. Старый анекдот о том, что когда кто-то другой ломает ногу – это пустяк, а когда вы сами ломаете ногу – это катастрофа, точно описывает то, как работает наша нервная система. Английские невропатологи провели эксперимент «око-за-око». Объединенные в пары участники эксперимента управляли механизмом, сдавливавшим палец партнера. Их инструктировали давить на палец партнера с той же силой, с которой он только что надавил на их палец. Они не смогли делать это справедливо, хотя и пытались. Каждый раз, когда человеку сдавливали палец, он давил в ответ на палец партнера еще сильнее, думая, что именно с такой силой боль только что причинили ему. Исследователи пришли к выводу, что эскалация боли является естественной нервной реакцией<sup>1</sup>. Это объясняет ситуацию, в которой

два мальчишки, сначала в шутку боксирующие друг с другом, могут в результате подраться всерьез или почему две страны могут так легко втянуться в водоворот мести «Они не выбивают глаз за глаз, они еще и зуб забирают в придачу Нам нужно поквитаться – давайте оторвем им ногу». Каждая сторона оправдывает свои действия тем, что просто пытается сравнять счет

Социальный психолог Рой Баумейстер и его коллеги показали, насколько незаметно самооправдание работает, когда нам нужно свести к минимуму внутренний дискомфорт, который мы можем испытывать, причиняя вред другим, или, напротив, максимально усилить ощущение нашей собственной правоты, когда мы сами оказались жертвой<sup>4</sup> Они опросили 63 человека, попросив их поведать «историю жертвы» из своей жизни, т е , рассказать такую ситуацию, когда кто-то их обидел, а также «историю преступника», когда они сами оказались обидчиками Они не использовали термин «преступник» в юридическом смысле, подразумевающим людей, действительно виновных в каком-то преступлении и проступке Они имели в виду причинение вреда и оскорбление другого человека, поэтому далее и мы будем использовать термин «обидчик».

В обоих вариантах люди представляли знакомый перечень разбитые надежды и невыполненные обещания, нарушенные правила и обязательства или обманутые ожидания, измена супруга или любимого человека, выданные тайны, несправедливое обращение, ложь и конфликты, связанные с деньгами и имуществом Обратите внимание, что это не было исследованием того, что «он сказал» или «она сказала», которое обычно используют брачные консультанты и посредники, когда они описывают ситуацию – в этом исследовании каждый из его участников рассказывал о своем опыте и на той, и на другой стороне

Исследователи объясняют, что ценность данного метода в том, что «Он исключает объяснения, трактующие обидчиков и жертв как два разных типа людей Наши исследования показывают, как обычные люди определяют для себя ситуации жертвы или обидчика, т е , как они конструируют нарративы (рассказы, повествования), чтобы осмыслить свой опыт в обеих этих ролях» Опять же, тут не имеют значения личностные различия Милые и добрые люди с такой же вероятностью могут оказаться или жертвами, или обидчиками, как и раздражительные, и использовать самооправдания, соответствующие каждой из этих ролей

Когда мы конструируем нарративы, «имеющие смысл» для нас, мы, однако, не объективны, а предвзяты, трактуя события «в свою сторону». Обидчики стремятся уменьшить свою моральную ответственность, а жертвы будут стараться максимизировать свою моральную безупречность. В зависимости от того, с какой стороны «стены» мы находимся, мы будем систематически искажать наши воспоминания и рассказы о событиях так, чтобы добиться максимального консонанса, соответствия того, что произошло, тому, какими мы себя видим. Определив эти систематические искажения, исследователи показали, как оппоненты ошибочно понимают действия друг друга.

В своих историях обидчики используют различные способы уменьшения внутреннего диссонанса, вызванного осознанием того, что они что-то сделали не так. Во-первых, обычно, они утверждают, что вообще все сделали правильно. «Я обманывала его для того, чтобы защитить свои чувства». «Да, я забрала у своей сестры браслет, но он вообще-то сначала был моим». Лишь несколько обидчиков признали свое поведение аморальным, причиняющим боль или злым. Большинство же сочло свое поведение оправданным, а некоторые, как мягко заметили исследователи, «довольно сильно на этом настаивали». Большинство обидчиков сообщили, по крайней мере, в ретроспективе, что их действия были разумными, возможно, заслуживающими сожаления, но уместными, учитывая обстоятельства.

Второй тактикой было признать, что поступок был неправильным, но найти для него оправдание или объявить его малозначимым. «Я знаю, что мне не следовало заводить эту „интрижку на одну ночь“, но, учитывая все, что происходит, разве это кому-то нанесло ущерб?» «Возможно, это был плохой поступок, взять мамин бриллиантовый браслет, когда она болела, но она все равно хотела мне его отдать. Кроме того, мои сестры получили намного больше, чем я». Более двух третей обидчиков утверждали, что у них были смягчающие внешние обстоятельства для того, что они сделали. «В детстве меня самого обижали»; «У меня в последнее время был сильный стресс», но жертва не соглашалась с подобными объяснениями обидчиков. Почти половина обидчиков заявила, что они «ничего не могли поделать», что они просто действовали импульсивно или бездумно. Другие перекладывали с себя ответственность, утверждая, что жертва спровоцировала их или несет частичную ответственность за случившееся.

Третья тактика, применявшаяся обидчиками, когда они не могли отрицать или преуменьшать свою ответственность, было признать, что

они причинили вред или боль, а потом как можно быстрее забыть об этом эпизоде. Независимо от того, признавали обидчики свою вину, или нет, большинство из них стремилось избавиться от диссонантного чувства вины и изолировать неприятное событие, оставить его в прошлом. Они были склонны гораздо чаще, чем жертвы, описывать эпизод как отдельный инцидент, который уже остался позади и не вызвал никаких долгосрочных негативных последствий, и уж точно не имеет никакого отношения к настоящему. Многие даже рассказывали истории со счастливым концом, которые создавали обнадеживающие впечатление, что всё уже завершено, мол, «все теперь отлично, это не повредило нашим взаимоотношениям; действительно, сейчас мы хорошие друзья».

У жертв, в свою очередь, было другое отношение к оправданиям обидчиков, которое можно обобщить так: «Неужели? Никакого вреда? Хорошие друзья? Расскажите это своей бабушке». Обидчики мотивированы как можно быстрее оставить эпизод в прошлом и завершить его, но жертвы долго его помнят – событие, представляющееся тривиальным и канувшим в забвение для первых, может всю жизнь вызывать гнев или боль у вторых. Только в одной из 63 историй о жертвах признавалось, что у обидчика были основания так поступить, и никто не соглашался с тем, что обидчики «ничего не могли поделать». Соответственно, большинство жертв сообщает о длительных негативных последствиях размолвки или ссоры. Более половины респондентов сказали, что это нанесло ущерб взаимоотношениям. Они сообщили о сохранившихся враждебности, утрате доверия, оставшихся негативных чувствах или даже об окончании прежней дружбы, о чем они, очевидно, обидчику не сообщили.

Более того, если обидчики думали, что их поступок в то время имел смысл, многие жертвы сказали, что они так и не смогли понять намерений обидчиков, даже спустя долгое время после события. «Почему он так поступил?» «О чем она думала?» Непонимание мотивов обидчика – это центральный аспект индивидуальности жертвы и истории жертвы. «Он не просто сделал ужасную вещь – он даже не понял, как это было ужасно!» «Почему она не может признать, как жестоко обращалась со мной?»

Одна из причин, по которым «он не может понять», а она «не может признать», заключается в том, что обидчики заняты оправданием того, что они сделали, но вторая причина в том, что они на самом деле не знают, что чувствует жертва. Многие жертвы персона-

чально подавляют свой гнев, залечивая свои раны и размышляя о том, что делать. Они месяцами, а иногда годами переживают свою боль и обиды. Один наш знакомый мужчина рассказал, как после 18 лет их совместной жизни его жена «ни с того, ни с сего за завтраком» заявила, что хочет развестись. «Я пытался выяснить, что я сделал не так, – сказал он, – и я сказал ей, что хочу загладить свою вину, но у нее обиды копились восемнадцать лет». Его жена размышляла и копила обиды 18 лет, а иранцы – 26 лет. К тому времени, когда многие жертвы решают высказать свою боль и гнев, особенно относящиеся к событиям, о которых обидчики давно забыли, обидчики оказываются в растерянности. Неудивительно, что они думают, что реакция жертв – чрезмерная, но немногие жертвы с ними готовы согласиться. Жертвы думают: «Чрезмерная реакция? Но я думал/а об этом месяцы, перед тем как заговорить. Я считаю это еще слишком слабой реакцией!»

Некоторые жертвы оправдывают свой постоянный гнев и нежелание от него отказаться тем, что гнев для них – это возмездие, способ наказать обидчика, даже если обидчик хочет помириться, давно сошел со сцены или умер. Такова мисс Хэвишем, персонаж романа Чарльза Диккенса «Большие надежды» (“Great Expectations”). После того как ее ограбил и бросил в день свадьбы жених, она посвящает всю свою оставшуюся жизнь роли профессиональной жертвы, одетая в свое пожелтевшее от времени подвенечное платье и исполненная праведного гнева, она растит свою воспитанницу Эстелу, намереваясь сделать ее оружием мести всем мужчинам. Многие жертвы не могут избавиться от негативных чувств, потому что они берегут свои раны, постоянно задавая себе вопрос: «Как такая дурная вещь могла случиться со мной, хорошим человеком?» Это, вероятно, наиболее болезненный, вызывающий диссонанс вопрос, с которым мы сталкиваемся в нашей жизни. Это причина публикации бесчисленных книг, предлагающих духовные или психологические рекомендации, призванные помочь жертвам разрешить их проблему и обрести душевную гармонию или «консонанс».

Будь то проблема Джима и Дайан, семьи Шиаво и Шиндлеров или кризис с заложниками в Иране, противоречие между обидчиками и жертвами и вызванные им привычки к самооправданиям можно выявить, сравнивая, как каждая из сторон рассказывает одну и ту же историю. Обидчики – индивиды или страны, создают версии истории, в которых их поведение было оправданным, так как его спровоци-

ровала другая сторона; их собственное поведение было разумным и осмысленным; если даже они допустили ошибки или зашли слишком далеко – по крайней мере, в долгосрочной перспективе, все обернулось к лучшему; и, в любом случае, это все теперь уже в прошлом. В версиях жертв поступки обидчиков предстают вздорными или бессмысленными, или, хуже того, намеренно злобными и жестокими; а возмездие со стороны жертвы – безупречным, уместным и морально оправданным. Ситуация с тех пор вовсе не «обернулась к лучшему» – напротив, все стало еще хуже и по-прежнему вызывает раздражение или боль.

Таким образом, американцы, живущие на Севере и Западе США, узнают о гражданской войне в США как о событиях древней истории, в которой наши смелые северяне-юнионисты заставили южан отказаться от отвратительного рабства, мы победили изменника Джефферсона Дейвиса и сохранили единство страны (Мы не будем упоминать о том, что сами были рабовладельцами или пособниками рабства – все это было так давно). Но большинство белых американцев-южан рассказывает совсем другую историю, в которой гражданская война – все еще «живое» и актуальное событие, значимое и сегодня. Наши смелые солдаты-конфедераты стали жертвами жадных и жестоких северян, победивших нашего благородного вождя, Джефферсона Дейвиса, разрушивших наши города и традиции и все еще пытающихся нарушать права наших южных штатов. У нас, южан, и у вас, проклятые янки, нет ничего общего, пусть гордо реет наш флаг конфедератов, это наша история. Рабство, возможно, и унесено ветром, но не наши обиды. Вот почему историю пишут победители, но зато их жертвы пишут мемуары.

## Преступники, совершающие зло

«Первый снимок [из Абу Грейба], увиденный мною, на котором специалист Чарльз А. Грейнер и рядовой первого класса Линди Р. Ингланд поднимали большой палец в знак одобрения на фоне

---

Намек на очень популярный и сочувственный по отношению к южанам роман Маргарет Митчелл «Унесенные ветром» (1936) и всемирно известный фильм по нему (1939) с участием Вивьен Ли и Кларка Гейбла о жизни из Юга во времена гражданской войны – *Примечание*

своих обнаженных жертв, был таким отвратительным, что несколько секунд я думал, что это монтаж. Было что-то знакомое в их веселой безмятежности, бесстыдном триумфе тех, кто получал удовольствие от мучений других людей. А потом я вспомнил последний раз, когда я видел подобное сочетание таких элементов, были фотографии линчеваний»<sup>5</sup>

– писатель Люк Санти

«Иногда бывает трудно определить добро, но у зла есть свой безошибочный аромат: каждый ребенок знает, что такое боль. Таким образом, каждый раз, когда мы осознанно причиняем боль другому, мы знаем, что мы делаем. Мы делаем зло»<sup>6</sup>

– Израильский романист и социальный критик Амос Оз

Осознавали ли Чарльз Грейнер и Линди Ингланд, что они делали, не говоря уже о понимании того, что они «делали зло», когда намеренно причиняли боль и унижали своих заключенных-иракцев, смеясь и издеваясь над ними? Нет, и вот почему Амос Оз заблуждается. Оз не считается с силой самооправданий: мы ведь хорошие люди. Следовательно, если мы намеренно причиняем боль другим людям, они заслужили это. Таким образом, мы не совершаем зло – как раз наоборот. Мы делаем добро. Относительно небольшой процент людей, которые не могут или не станут уменьшать диссонанс подобным способом – платят за это высокую психологическую цену, переживая вину, боль, тревожность, ночные кошмары и бессонные ночи. Боль, которую они должны испытывать, переживая ужасы, которые они совершали, но не могут принять с точки зрения морали, будет невыносимой, вот почему большинство людей будут искать любые оправдания, чтобы ослабить диссонанс. В предыдущей главе мы видели (хотя, конечно, масштаб несравним), почему многие пары в процессе развода оправдывают боль, причиняемую ими друг другу. В ужасающих расчетах самообмана, чем больше боль, которую мы причиняем другим, тем выше потребность оправдать свои поступки, чтобы сохранить самоуважение и считать себя приличным человеком. Поскольку наши жертвы заслужили то, что они получили, мы ненавидим их даже больше, чем до того, как причинили им вред, что, в свою очередь, побуждает нас причинить им еще больше боли.



Эксперименты много раз подтверждали существование этого механизма. В одном из них, проведенном Китом Дейвисом и Эдвардом Джонсом, студенты смотрели, как интервьюировали другого студента, а потом согласно инструкции экспериментаторов должны были сообщить этому студенту, что сочли его поверхностным, не заслуживающим доверия и скучным. В результате, сообщив другому такую нелестную оценку, студенты успешно убеждали себя в том, что жертва на самом деле заслужила от них подобную критику, и считали ее менее привлекательной, чем до того, как задели ее чувства. Такие изменения происходили, несмотря на то, что они знали, что оценивавшийся ими студент не сделал ничего такого, за что он мог заслужить подобную неадекватную оценку, и что сами они просто выполняли инструкцию экспериментатора.<sup>7</sup>

Все преступники и обидчики одинаковы? Нет, не все ощущают потребность уменьшить диссонанс, унижая жертву. Как вы думаете, кто вероятнее будет винить жертву – обидчики, у которых высокое мнение о себе и высокая самооценка, или те, кто не уверен в себе и имеет низкую самооценку? Теория диссонанса делает неочевидный прогноз – первые, а не вторые. У людей с низкой самооценкой плохие поступки по отношению к другим людям или бездумное выполнение чьих-то инструкций не так уж сильно диссонируют с их «я-концепцией». Более того, они более склонны быть критичными по отношению к себе и скромными, потому что не считают себя такими уж замечательными. Как раз людям, у которых высокое мнение о себе, если они причиняют кому-то боль, требуется убеждать себя, что обиженный ими человек – крайне непривлекательный субъект. Поскольку такие, как я, замечательные парни не обижают невиновных людей, тот парень должен был заслуживать все те грязные вещи, которые я проделал с ним. Эксперимент Дэвида Гласса подтвердил наше предсказание – чем выше самооценка обидчиков, тем больше они очерняют жертв.<sup>8</sup>

Все ли жертвы одинаковы в глазах обидчиков? Нет – они отличаются по степени их беспомощности. Представьте себе, что вы морской пехотинец, вступивший в рукопашную с вооруженным солдатом противника. Вы его убили. Будете ли вы ощущать сильный диссонанс? Вероятно, нет. Это может быть неприятный опыт, но он не вызывает диссонанса и потребности в дополнительных оправданиях. «Это была ситуация, или он меня, или я его. Я убил врага. Мы здесь для того, чтобы победить. У меня не было выбора». А теперь представьте, что ваша миссия – взорвать дом, в котором, как вам сказали, находятся

вражеские солдаты. Вы с вашим отрядом уничтожили дом, а потом обнаружили, что в доме не было никого, кроме стариков, женщин и детей. В таких обстоятельствах большинство солдат постараются найти дополнительные самооправдания, чтобы уменьшить диссонанс, который они испытывают из-за убийства невинных гражданских лиц, и самым популярным самооправданием будет очернить и дегуманизировать свои жертвы: «Тупые идиоты, их не должно было там быть – они, наверное, помогали врагу. Все эти люди – подонки, чурки, нелюди». Или, как высказался генерал Уильям Уэстморленд о большом количестве потерь среди гражданского населения во время войны во Вьетнаме: «Восточные люди не ценят жизнь так, как на Западе. Там у них много людей. Жизнь дешева на Востоке»<sup>9</sup>.

Теория диссонанса, таким образом, предсказывает, что, если жертвы вооружены и могут дать отпор, обидчики будут в меньшей степени ощущать потребность принижать их в сравнении с ситуациями, когда жертвы беспомощны. Участники эксперимента Эллен Бершайд и ее сотрудников думали, будто они будут применять болезненный электрошок к другому человеку, так как это было элементом обучения. Половине из них сказали, что потом они обменяются ролями, так что у жертвы будет возможность отомстить. Как и предсказывалось, принижали свои жертвы только участники эксперимента, считавшие, что жертвы были беспомощны, и у них не было возможности отплатить той же монетой<sup>10</sup>. Именно такой была ситуация участников проводившегося в 1963 г. Стэнли Милгрэмом эксперимента по исследованию подчинения авторитету. Многие из тех, кто послушался экспериментатора и нанес «ученику» удары электрическим током опасной, как они думали, интенсивности, оправдывали свои действия, обвиняя жертву. Как писал сам Милгрэм: «Негативная оценка многими участниками эксперимента их жертвы была следствием их действий против нее. Такие комментарии, как „Он был так туп и упрям, что заслуживал электрошок“, – были распространенными. Однажды причинив жертве ущерб, эти люди сочли необходимым рассматривать ее как не заслуживающего уважения индивида, наказание которого было неизбежным из-за недостатков его интеллекта и характера»<sup>11</sup>.

Выводы из этих исследований зловещие: сведите вместе обидчиков с высокой самооценкой и беспомощных жертв – и вот вам рецепт для эскалации жестокости. Причем, этот рецепт не только для негодяев – садистов или психопатов. Так могут постунагь и нередко

поступают обычные индивиды, люди, у которых есть дети, и любимые, «цивилизованные» люди, которые получают удовольствие от хорошей музыки, изысканной еды, секса и любят посплетничать, как и все. Это один из наиболее убедительно документированных результатов социальной психологии, но многим людям его очень трудно принять из-за сильнейшего диссонанса, который он вызывает: «Что у меня может быть общего с убийцами и палачами?» Гораздо комфортнее и спокойнее вскричать, что они – злодеи, ничуть не похожие на нас, и постараться как можно быстрее о них забыть<sup>12</sup>. Мы отказываем им даже в намеке на обычные человеческие качества, потому что, если так не поступать, то нам придется признать правду великой фразы героя комиксов опоссума Пого: «Мы встретили врага, и он в нас самих».

С другой стороны, если обидчик или преслугник – один из нас, многие люди уменьшат свой диссонанс, встав на их защиту, или попытавшись преуменьшить серьезность или незаконность их действий – все что угодно для того, чтобы их действия казались существенно отличающимися от того, что делает враг. Например, пытки – это нечто, использующееся только такими негодями как Иди Амин или Саддам Хуссейн. Но, как Джон Конрой описал в своей книге «Чудовищные поступки, обычные люди» (“Unspeakable Acts, Ordinary People”), не только в тоталитарных странах во время допросов нарушают положения Женевской конвенции, запрещающие «применение насилия против жизни и личности, в особенности убийства всех видов, увечья, жестокое обращение и пытки [и] посягательства на человеческое достоинство, в особенности унижения и бесчеловечное обращение». В своем исследовании документально подтвержденных случаев издевательств над заключенными Конрой обнаружил, что почти все военные или полицейские официальные лица, которых он интервьюировал, британские, южноафриканские, израильские или американские, оправдывают свои действия, утверждая, по сути, будто «наши пытки» никогда не бывают такими жестокими, как «их пытки».

---

Персонаж комикса, созданный в 1940 г. У. Келли – «раунок», терпеливо, среднечок, и живое, дружеское существо, каким мы все сами себе ведемся. Цитата из текста появившаяся в комиксе во время войны во Вьетнаме. – *Примеч. пер.*

«Брюс Мур-Кини [из Южной Африки] заявлял, что, когда он использовал пытки электрошоком, то никогда не прикреплял электроды к гениталиям, как имеют обыкновение поступать палачи в других местах. Уго Гарсиа сказал мне, что аргентинские мучители гораздо хуже, чем уругвайские. Омри Кочва уверял меня, что люди из батальона Наталья никогда не скатывались до того, что делали американцы во Вьетнаме. Бриганды успокаивали себя рассуждениями о том, что их методы нельзя сравнить с теми пытками, которые использует ИРА (Ирландская республиканская армия). Израильяне регулярно утверждают, что их методы бледнеют в сравнении с пытками, использующимися в арабских странах»<sup>13</sup>

После Абу-Грейба независимые расследования обнаружили, что американские следователи и их союзники лишали заключенных сна, использовали длительную одиночную изоляцию, топили их в воде, пытали холодом, подвергали сексуальным унижениям, избивали и использовали другие жестокие методы против лиц, подозреваемых в терроризме, не только в Абу-Грейбе, но также в Гуантанамо и в «тайных тюрьмах» в других странах. Как уменьшить диссонанс, вызванный информацией о том, что Америка также систематически нарушала Женевскую конвенцию? Один из способов – сказать, что, если мы так делали – это не пытки. «Мы не пытаем, – сказал Джордж Буш, когда ему представили доказательства, что США применяли пытки – Мы используем альтернативный набор процедур». Второй способ ослабления диссонанса – сказать, если уж мы пытали кого-то – это было оправдано. Заключенные в Абу-Грейбе заслуживали все, что они получили, сказал сенатор Джеймс Инхоф (республиканец из штата Оклахома). «Потому что они – убийцы, они – террористы, они – мятежники. У многих из них, вероятно, на руках кровь американцев». Он, похоже, не знал, что большинство арестованных попали в эту тюрьму за мелкие преступления, и им никогда не предъявлялось официальное обвинение. На самом деле некоторые офицеры военной разведки сообщили Международной комиссии Красного Креста, что 70-90 % заключенных в Ираке были арестованы по ошибке<sup>14</sup>.

Универсальное оправдание пыток – ссылка на бомбу с часовым механизмом. Как его формулирует газетный обозреватель Чарльз

Краутхаммер «Террорист установил ядерную бомбу в Нью-Йорке. Она взорвется через час. Миллион людей погибнет. Вы поймали террориста. Он знает, где бомба, но не хочет говорить. Вопрос: если у вас есть хотя бы небольшая надежда на то, что применив пытки, вы получите информацию, которая спасет жизни миллиону людей, вы их разрешите?» Да, говорит Краутхаммер, и не просто разрешите, но это ваш моральный долг.<sup>15</sup> У вас нет времени консультироваться с экспертами по Женевской конвенции и спрашивать их разрешения – вы захотите сделать все возможное, чтобы узнать от террориста, где находится бомба.

Немногие люди станут отрицать, что оправдание пытки ссылкой на бомбу с часовым механизмом будет разумным в данных обстоятельствах. Проблема в том, что подобные обстоятельства бывают чрезвычайно редко, а оправдание тем, что пытки помогают «сохранить жизни» начинают использовать, когда бомбы с часовым механизмом нет и в помине. Государственный секретарь США Кондолиза Райс во время визита в Германию, где на нее обрушились протесты со стороны лидеров европейских государств против использования американцами пыток подозреваемых в терроризме в секретных тюрьмах, отрицала, что какие-либо пытки были использованы. Потом она добавила, что ее крики должны понимать, что допросы этих подозреваемых дали информацию, которая «остановила атаки террористов и спасла жизни невинных людей и в Европе, и в Соединенных Штатах»<sup>16</sup>. Ее, похоже, не беспокоило, что эти допросы также сломали жизни невинных. Райс признала, что «были допущены ошибки», когда Соединенные Штаты похитили невинного гражданина Германии по подозрению в терроризме и подвергали его жестокому и унижительному обращению в течение пять месяцев.

Как только пытки оправдывают в отдельных, редких случаях, становится легче их оправдать и в других. Давайте пытать не только того негодяя, который, на наш взгляд, знает, где спрятана бомба, но и другого негодяя, который может это знать, и еще вон того негодяя, у которого есть информация, которая, возможно, окажется полезной в следующие пять лет, а также вот этого парня, он тоже может оказаться негодяем, правда, мы пока в этом не уверены. Уильям Шульц, директор организации «Международная амнистия» заметил, что, по данным вызывающих доверие израильских, международных и палестинских организаций, занимающихся защитой прав человека,

израильтяне в период с 1987 по 1993 гг использовали методы допроса, включавшие пытки «В то время как первоначально их применение оправдывалось ссылками на „бомбу с часовым механизмом“, – говорит он, – постепенно использование подобных методов становится обычным»<sup>17</sup> Сержант 82-й воздушно-десантной дивизии армии США так описывает, как это происходило с заключенными в Ираке.

«„Кровожадные маньяки“ – так они нас называли в нашем лагере. Когда [заключенного] привозили, это было похоже на игру. Ты знал, как далеко ты можешь зайти, пока этот парень не отключится или не свалится на тебя. Неудобные позы, которые им не давали спать до двух суток кряду, лишение пищи, воды, что угодно. Нам разведка говорила, что это – плохие парни, но иногда они ошибались»<sup>18</sup>

«Иногда они ошибались», – говорит сержант, но, тем не менее, мы с ними со всеми обращались одинаково.

Дебаты о пытках вполне обоснованно сосредоточились на их законности, моральности и полезности. Как социальные психологи мы хотим добавить еще один аспект – какой эффект пытки оказывают на самого мучителя и на обычных граждан, соглашающихся с их применением. Большинство людей хочет верить, что правительство их страны работает в их интересах, что оно знает, что делает, что оно поступает правильно. Поэтому, если наше правительство решает, что пытки необходимы в войне против терроризма, большинство граждан, избегая диссонанса, с этим согласится. Однако именно так с течением времени разлагаются мораль и совесть нации. Как только люди сделали первый шаг вниз с вершины пирамиды, оправдывая издевательства и пытки, они встали на путь, ожесточающий их души и сердца, и очень трудно с него свернуть. Некритический патриотизм такого типа, уменьшающий диссонанс, связанный с информацией, что их правительство сделало что-то аморальное и незаконное, ускоряет соскальзывание с пирамиды.

Как только мучитель выбрал курс действия, он или она будут оправдывать это решение таким способом, чтобы избежать противоречия между двумя знаниями: «Мы – хорошие парни» и «Мы делаем ужасные вещи». Даже самые ужасные парни думают, что они – хорошие. Во время своего четырехлетнего судебного процесса, на котором он

обвинялся в военных преступлениях, преступлениях против человечности и геноциде, Слободан Милошевич – «Балканский мясник», оправдывал свою политику этнических чисток, которая привела к гибели более чем 200 000 хорватов, боснийских мусульман и албанцев «Я не был ответственным за эти смерти, – повгорял он во время процесса, – сербы стали жертвой мусульманской пропаганды» Война – это война он только отвечал на их агрессивные действия в отношении ни в чем не повинных сербов Рикардо Оризио проинтервьюировал семь других диктаторов, включая Иди Амина из Уганды, Жана Клода («Бэби-Дока») Дювалье с Гаити, Миру Маркович («Красную ведьму» – жену Милошевича) и Жана-Беделя Бокассу из Уганды (которого народ называл «Людоедом из Беренго») Каждый из них утверждал, что все их действия – пытки и убийства политических оппонентов, препятствование свободным выборам, гибель населения от голода, разграбление богатств своих стран, провоцирование войн и геноцида – были направлены на благо страны Альтернативами, говорили они, были хаос, анархия и кровавая бойня Они воспринимали себя вовсе не деспотами, но готовыми к самопожертвованию патриотами<sup>19</sup> «Степень когнитивного диссонанса, который испытывает человек, подавляющий народ из любви к нему, – пишет Луи Менанд, – олицетворяет плакат, использовавшийся „Бэби-Доком“ Дювалье на Гаити На нем были такие слова „Я готов предстать перед судом истории как основатель демократии на Гаити, сделавший ее необратимой“ Ниже было написано „Жан-Клод Дювалье, пожизненный президент“»<sup>20</sup>

Если оправдания «это сделано для блага страны» недосагачно – всегда есть другой извечно популярный способ уменьшить диссонанс «Они начали это» Даже Гитлер использовал его «ими» были страны-победители в Первой мировой войне, которые унизили Германию, заставив ее подписать Версальский договор, и евреи – «паразиты», подтачивающие Германию изнутри Проблема в том, как далеко в прошлое вы собираетесь оправдаться, чтобы доказать, что это начали они? Как предполагает наш приведенный выше пример с кризисом американских заложников в Иране, у жертв долгая память, и они могут вспомнить реальные или воображаемые эпизоды из недавнего или далекого прошлого, чтобы оправдать свое желание отомстить сегодня Например, вспоминая столетия войн между мусульманами и христианами, то стихавших, то бушевавших с новой силой, как определить, кто был обидчиками, а кто – жертвами? Простого ответа

на этот вопрос нет, но давайте рассмотрим, как каждая из сторон оправдывала свои действия

Когда после 11 сентября Джордж Буш объявил, что он начинает крестовый поход против терроризма, большинство американцев приветствовали эту метафору. На Западе у термина «крестовый поход» – позитивная коннотация, и он ассоциируется с хорошими парнями – вспомните о «крестовых походах» американского проповедника-евангелиста и морального авторитета Билли Грэма, о футбольной команде Holy Cross («Святой крест»), популярной музыкальной группе The Crusaders («Крестоносцы») и, конечно, о Бэтмене и Робине – «крестоносцах в капюшонах и масках». Реальные исторические крестовые подходы начались на Ближнем Востоке более тысячи лет назад в конце XI века и закончились в конце XIII века – все это дела давно минувших дней, не правда ли? Но не для мусульман, которых разгневало и встревожило использование Джорджем Бушем ссылки на них. У мусульман крестовые походы и сегодня вызывают ассоциации с преследованиями и гонениями. Первый крестовый поход был в 1095 г., когда христиане захватили принадлежавший мусульманам Иерусалим и безжалостно перебили почти все его население, и в коллективной памяти мусульман сохранились об этом событии яркие воспоминания.

Крестовые походы на самом деле выдавали европейским христианам «лицензию» на убийство сотен тысяч мусульманских «язычников» (Тысячи евреев также были перебиты, когда пилигримы маршировали по Европе в Иерусалим, вот почему некоторые еврейские историки называют крестовые походы «первым холокостом»). С точки зрения Запада сегодня – крестовые походы были прискорбной страницей истории, но, как и все войны, они принесли и пользу – например, открыли двери для культурных и торговых контактов между христианским Западом и мусульманским Востоком. Авторы некоторых книг заходят так далеко, что даже утверждают, будто христиане просто защищали себя и свои интересы против «Священных войн», которые были мотивом вторжения мусульман в бывшие христианские страны. Например, на обложке книги Роберта Спенсера «Политически некорректное руководство по Исламу (и крестовым походам)» (“The Politically Incorrect Guide to Islam (and the Crusades)”) напечатано крупным шрифтом «Крестовые походы были оборонительными конфликтами». Итак, на самом деле, мы не были преступниками, как считают многие мусульмане – мы были жертвами.



Кто же был жертвами? Это зависит от того, сколько лет, десятилетий и столетий вы принимаете во внимание. В середине X столетия, более чем за сто лет до первого крестового похода, половина христианского мира была захвачена арабами-мусульманами, включая Иерусалим и страны, в которых христианство существовало уже столетиями (Египет, Сицилия, Испания и территория современной Турции). В 1095 г Папа Урбан II призвал французскую аристократию начать Священную войну против всех мусульман. Паломничество для возвращения Иерусалима даст возможность европейским городам расширить свои торговые пути, оно поможет организовать новую богатую военную аристократию и мобилизовать крестьян, сделав их единой силой; оно объединит христианский мир, который был расколот на православную (восточную) и римско-католическую (западную) части. Папа уверил своих воинов в том, что убийство мусульманина – это богоугодное дело. Все, кто будет убит в бою, обещал Папа, избегут тысячелетних мучений в чистилище и отправятся прямо на небеса. Не правда ли, этот способ стимулирования мучеников, которые умрут за вас, кажется знакомым? Здесь есть все, кроме девственниц.

Первый крестовый поход в экономическом плане оказался очень удачным для европейских христиан – но он неминуемо провоцировал мусульман на организацию ответного удара. К концу XII века мусульманский полководец Саладин захватил Иерусалим и вернул почти все, что было завоевано христианами (Саладин подписал мирный договор с королем Англии Ричардом I в 1192 г). И так, какими бы ни были жестокими и кровавыми крестonosцы, их кровавым делам предшествовали и после их походов последовали мусульманские завоевания. Кто же все это начал?

Сходным образом, у нескончаемых столкновений израильтян и арабов есть своя история. Боевики организации Хезболла 12 июля 2006 г похитили двух израильских солдат-резервистов Эхуда Голдвассера и Эллада Регева. Израиль в свою очередь нанес ответный удар по районам Ливана, контролируемым Хезболлой, что привело к гибели многих гражданских лиц. Историк Тимоти Гартон Эш, наблюдая за последовавшей мстостью обеих сторон, написал: «Когда и где началась эта война?» 12 июля или на месяц раньше, когда из-за израильского обстрела погибли несколько гражданских палестинцев? Или еще раньше, в январе, когда ХАМАС победил на выборах в Палестине? В 1982 г, когда Израиль вторгся в Ливан? В 1979 г,

когда произошла фундаменталистская революция в Иране<sup>2</sup> В 1948 г., когда было создано государство Израиль<sup>3</sup> Собственный ответ Эша на вопрос «Когда это началось<sup>2</sup>» такой – с распространением злобного антисемитизма в XIX и XX вв., включая погромы в России, толпы во Франции, кричавшие «Долой евреев!» во время судебного процесса Альфреда Дрейфуса и холокост «Радикальное отторжение евреев в Европе», пишет он, оказалось движущей силой сионизма, эмиграции евреев в Палестину и создания государства Израиль

«Даже если мы критикуем то, что израильские военные убивают гражданское население в Ливане и наблюдателей ООН во имя спасения Голдвассера, мы должны помнить о том, что всего этого почти наверняка бы не случилось, если бы некоторые европейцы не попытались несколько десятилетий тому назад изгнать всех тех, чья фамилия была Голдвассер, из Европы или вообще с Земли»<sup>21</sup>

Эш вернулся назад всего на пару столетий Другие – готовы к путешествию в прошлое на пару тысячелетий

Как только люди сформировали свое мнение о том, «Кто все это начал<sup>2</sup>» – чем бы ни было «это» – семейной ссорой или международным конфликтом, они все в меньшей степени оказываются готовы принять диссонантную информацию, не согласующуюся с их позицией Как только они решили, кто обидчик, а кто – жертва, их способность проявить эмпатию к другой стороне, сочувствовать ей – ослабляется или вообще исчезает В скольких спорах вы участвовали, в которых участники обменивались обвинениями в стиле «а что вы скажете на это<sup>2</sup>», совершенно не интересуясь реальным ответом оппонента Как только вы опишете жестокости, совершенные одной из сторон, кто-то начнет протестовать «А как быть с жестокостями другой стороны<sup>2</sup>»

Мы все можем понять, почему жертвы хотят отомстить. Но месть часто позволяет первоначальным обидчикам преуменьшать серьезность ущерба, нанесенного ими другой стороне, и рядиться в мантию жертвы, начиная новый цикл насилия и мести «Каждая успешная революция, – замечает историк Барбара Тачман, – надевает со временем на себя облачения того тирана, которого она свергла» Почему бы и нет? Победители, бывшие жертвы, считают это оправданным

## Правда и примирение

Вот наша любимая версия древней буддистской притчи. Группа монахов возвращается в свой монастырь из длительного паломничества. Они преодолевали высокие горы и глубокие ущелья, пока не подошли к бурной реке, на берегу которой стояла молодая и прекрасная женщина. Она подходит к самому старшему из монахов и говорит: «Прости меня, мудрейший, но не будешь ли ты так добр и не перенесешь ли меня через реку? Я не умею плавать, и, если я останусь на этом берегу или попытаюсь сама переправиться через реку, то наверняка погибну». Монах тепло улыбнулся ей и сказал: «Конечно, я помогу тебе». С этими словами он поднял ее и перенес через реку. На другой стороне он бережно поставил ее на землю. Женщина поблагодарила его, и монахи продолжили свой путь.

Еще через пять дней трудное путешествие закончилось, и монахи прибыли в свой монастырь. Переступив его порог, они сразу же яростно накинулись на мудрейшего: «Как ты мог так поступить? – упрекали они его – Ты нарушил свою клятву и притронулся к женщине!»

Мудрейший ответил: «Я только перенес ее через реку. А вы несли ее – пять дней».

Монахи пять дней не могли прогнать мысли о той женщине – некоторые обидчики и жертвы носят свой груз вины, горя, гнева и мести годами. Что нужно для того, чтобы сбросить с себя этот груз? Каждый, кто пытался примирять поссорившиеся супружеские пары или страны, знает, как болезненно и трудно для обеих сторон отказаться от самооправданий, особенно после многих лет борьбы, защиты своей позиции и спуска вниз по пирамиде, уводящего все дальше от компромисса и взаимного понимания. У медиаторов и участников переговоров, таким образом, есть две трудные задачи: потребовать от обидчиков, чтобы они признали и искупили причиненный ими ущерб, и потребовать от жертв, чтобы они отказались от желания мстить, несмотря на признание нанесенного им ущерба.

Например, работая с семейными парами, в которых один из супругов глубоко обидел или предал другого, медицинские психологи Эндрю Кристенсен и Нил Джекобсон описали три возможных пути выхода из эмоционального тупика. В первом случае обидчик в одностороннем порядке перестает обращать внимание на собственные чувства, и, понимая, что за гневом жертвы скрываются огромные страдания,

отвечает жертве подлинным раскаянием и извинениями. Во втором – жертва односторонне отказывается от своих повторяющихся, гневных обвинений – в конце концов, она дала понять свою позицию и теперь демонстрирует боль, а не гнев – реакцию, которая может вызвать у обидчика эмпатию, сочувствие, а не оправдания. «Каждый из этих двух вариантов поведения, если они реализуются в одностороннем порядке, труден и для многих людей невозможен», – пишут Кристенсен и Джекобсон<sup>22</sup>. Третий путь, как они полагают – самый трудный, но и самый обнадеживающий для разрешения конфликта в долгосрочной перспективе – обе стороны отказываются от самооправданий и договариваются о том, какие шаги они могут вместе предпринять, чтобы уладить ситуацию. Если только обидчик извиняется и пыгается заглянуть свою вину, это не всегда делается искренне, или таким способом, который может успокоить жертву и положить конец ее стараниям. А, если только жертва отказывается от своих претензий и прощает, у обидчика может не появиться стимула к изменениям, и он может продолжить вести себя нечестно или черство<sup>23</sup>.

Кристенсен и Джекобсон рассматривали конфликт двух индивидов. Но, по-нашему мнению, их анализ применим и к групповым конфликтам, в которых третий путь – это не просто лучший путь, но единственный путь. В Южной Африке конец апартеида мог легко оставить наследие гневных самооправданий со стороны белых, которые поддерживали статус-кво и те привилегии, которые им предоставлял апартеид, и не менее гневных самооправданий темнокожих жителей страны – жертв апартеида. Потребовалось мужество белого политика Фредерика де Клерка и темнокожего политика Нельсона Манделы, чтобы избежать кровопролития, сопровождающей о большинство революций, и создать условия, позволившие стране двигаться к демократии.

Де Клерк, избранный президентом в 1989 г, знал, что революция, возможно, сопровождающаяся насилием, почти неизбежна. Борьба против апартеида усиливалась; санкции, введенные другими странами, существенно влияли на экономику ЮАР; сторонники запрещенной партии Африканский национальный конгресс (АНК) все чаще прибегали к насилию – убивали и пыгали людей, которые, как они считали, сотрудничали с режимом белых расистов. Де Клерк мог попытаться еще туже завинтить гайки и проводить еще более репрессивную политику в отчаянной надежде сохранить режим белого меньшинства. Вместо этого он отменил запрет АНК и освободил из тюрьмы Манделу,

в которой тот провел 27 лет. Со своей стороны Мандела также мог поддаться гневу – он мог выйти из тюрьмы и с решимостью отомстить, что многие бы посчитали совершенно оправданным. Вместо этого он отказался от гнева в пользу цели, которой посвятил всю свою жизнь. «Если вы хотите заключить мир и с вашим врагом, вы должны работать над этим вместе с вашим врагом, – сказал Мандела – Тогда он становится вашим партнером». В 1993 г. Де Клерк и Мандела получили совместно Нобелевскую премию мира, и в следующем году Мандела был избран президентом Южной Африки.

Одним из первых шагов новой демократии стало создание Комиссии по восстановлению правды и примирению (КВПП) под председательством архиепископа Десмонда Туту. (Были созданы еще три комиссии – по нарушениям прав человека, по амнистии, по репатриации и реабилитации). Целью комиссии было создать форум для жертв жестокости и насилия, где их бы выслушали и восстановили их права, а также их чувство собственного достоинства и веру в справедливость, и где они могли высказать свои обиды и претензии в присутствии обидчиков. В обмен на амнистию обидчики (или преступники) должны были отказаться от отрицания своей вины, уверток и самооправданий и признать вину за свои действия, включая пытки и убийства. Комиссия подчеркнула «потребность в понимании, а не в мести; потребность в возмещении ущерба, но не в каре; потребность в убунгу [гуманном отношении к другим], но не в репрессиях».

Цели КВПП были вдохновляющими, хотя и не были полностью реализованы на практике. Деятельность комиссии вызвала недовольства, насмешки, протесты и гнев. Многие темнокожие жертвы апартеида, такие как семья активиста Стивена Бико, который был убит в тюрьме, яростно протестовали против амнистии убийцам. Многие белые преступники не извинились, продемонстрировав что-то, хотя бы отдаленно напоминающее чувство раскаяния, а многих белых сторонников апартеида не интересовали признания их недавних единомышленников, передававшиеся по радио и телевидению. Южная Африка вряд ли стала раем – она все еще страдает от бедности и высокого уровня преступности. И все же, она избежала кровопролития. Когда там путешествовал психолог Соломон Шиммель, интервьюировавший людей самых разных политических взглядов и культурных ориентаций для своей книги о жертвах несправедливостей и жестокости, он ожидал услышать от них об их ярости

и желании отомстить «В целом, – сообщает он, – меня больше всего впечатлило поразительное отсутствие явных проявлений злобы и ненависти между темнокожими и белыми и их совместные усилия создать общество, где победила расовая гармония и экономическая справедливость»<sup>24</sup>

Понимание, но не месть, возмещение ущерба, но не кара возможны, только если мы захотим прекратить оправдывать свою собственную позицию. Через много лет после окончания войны во Вьетнаме ее ветеран Уильям Бройлс-младший снова вернулся во Вьетнам, чтобы разобраться в своих чувствах, связанных с теми ужасами, которые он там видел и сам совершал. Он приехал, потому, сказал он, что хотел встретиться со своими бывшими врагами «как с людьми, а не абстракциями». В маленькой деревне, где когда-то располагался лагерь морских пехотинцев, он встретился с женщиной, воевавшей в рядах вьетнамских партизан. В разговоре с ней Бройлс понял, что ее муж был убит именно в то время, когда он с его подчиненными был в патруле. «Возможно, это я с моими людьми убил вашего мужа», – сказал он. Она приспально посмотрела на него и сказала «Но это было во время войны. Война теперь закончилась. Жизнь продолжается. Позже Бройлс размышлял об этой своей целительной поездке во Вьетнам.

«У меня раньше были ночные кошмары. С тех пор как я вернулся из этой поездки, у меня их больше не было. Возможно, это слишком личные впечатления, чтобы делать какие-то общие выводы, но мне это говорит о том, что для того, чтобы закончить войну, вам нужно вернуться к тем же взаимоотношениям с людьми, которые были у вас до ее начала. Вы помирись. Нет ничего неизменного в истории»

«Мужчина путешествовал много миль, чтобы посоветоваться с самым мудрым гуру на Земле. Когда он, наконец, прибыл на место, то спросил мудреца: „О, мудрый гуру, в чем секрет счастливой жизни?“

„Хорошие решения“, – ответил гуру.

„Но, о мудрый гуру, – спрашивает мужчина, – что мне поможет научиться принимать хорошие решения?“

„Плохие решения“, – ответил гуру.»

# Draba 8





## Освобождение и откровенное признание

**В** культурной жизни 26 января 2006 г произошло удивительное событие. Опра Уинфри полностью посвятила все свое шоу извинениям за допущенную ошибку. Опра ранее поддержала Джеймса Фрея и его, как он утверждал, правдивые мемуары, рассказывавшие о том, как он избавился от пристрастия к наркотикам, под названием «Миллион кусочков» (“A Million Little Pieces”). Благодаря ее поддержке, были проданы миллионы экземпляров книги Фрея. 8 января вебсайт «Дымящийся пистолет» (“The Smoking Gun”), занимающийся расследованиями, объявил о том, что Фрей сфабриковал или приукрасил многие эпизоды своей истории. Первой реакцией Опры на диссонантную информацию «Я поддерживала и хвалила этого парня, а теперь оказалось, что он лгал и обманул меня», – было поступить так, как склонны поступать большинство из нас: продолжать поддерживать «парня», чтобы смягчить ощущение, что тебя обдурили. Действительно, когда Ларри Кинг интервьюировал Фрея уже после появления доклада на сайте The Smoking Gun, Опра позвонила в телешоу и оправдывала свою поддержку Фрея: «Мотив искупления в мемуарах Фрея все еще вызывает у меня эмоциональный отклик, – сказала она, – и я знаю, что он также вызывает эмоциональный отклик у миллионов людей». Кроме того, добавила она, если были допущены ошибки, то это вина издателя: она и ее продюсеры полагались на заверения издателя, что это документальная книга.

Тогда Опра находилась на вершине моральной пирамиды и уже сделала первый шаг в направлении ее первоначальной позиции – поддержки Фрея. Однако вместо того, чтобы продолжить оправдывать это решение и скользить вниз по пирамиде, утверждая, что «это сделал издатель», или «это вина моих продюсеров», или «эмоциональная правда этой книги правдивее любых истин», или использовать другие маневры, чтобы переложить ответственность на других, которые так обычны для нашей культуры в такой ситуации, Опра остановилась. Возможно, у нее изменилось мнение, возможно, про-

дюсеры остановили ее на краю пропасти, объяснив, что защита Фрея явно не пойдет на пользу ее репутации. Независимо от того, что послужило первым толчком – совесть самой Опри или мнение ее продюсеров, последующие решения она, безусловно, принимала сама. И эти решения сделали ее образцовым примером человека, принимающего ответственность за свою ошибку и исправляющего ее, причем, заявляя об этом откровенно, а не мямля нечто невинное. Она пригласила Фрея в свое шоу и сразу начала с извинения за свой звонок Ларри Кингу: «Я сожалею об этом звонке, – сказала она своей аудитории – Я допустила ошибку и создала впечатление, будто правда не важна. И я глубоко сожалею об этом, потому что это не то, во что я верю. Я позвонила, потому что мне нравится идея этой книги и, как в то время, так и каждый день сейчас, я читаю одно за другим электронные письма от очень многих людей, которых она вдохновила. И я должна сказать, что это лишило меня способности здраво рассуждать. И я говорю всем, кто оспаривал мое мнение по этому вопросу – вы абсолютно правы»<sup>1</sup>.

А потом она повернулась к Фрею и продолжила: «Мне очень трудно говорить с вами, потому что я, действительно, чувствую себя обманутой. Я, действительно, оказалась в неловком положении, и я считаю, что вы обманули всех нас». Позже, во время этого шоу она сказала обозревателю газеты Washington Post Ричарду Коэну, который назвал Фрея лжецом и говорил об Опри, что она была «не только не права, но и обмануга», что на нее произвели впечатление эти его слова, потому что «иногда критика может очень помочь, так что, спасибо вам большое. Вы были правы, а я была неправа». Вы были правы, а я была неправа? Как часто американцы слышат это благородное заявление от своих супругов и родителей, не говоря уже о телевизионных знаменитостях, ученых мужах и политиках? Коэн чуть ни присел от неожиданности: «Только что начался новый год, – сказал он Опри, – но я все равно хочу вас объявить Личностью года, за то, что вы прямо признались, что вы неправы. Это требует большого мужества, не правда ли? Я сам еще никогда этого не делал».

Во время шоу Опра не давала спуска Джеймсу Фрею. Фрей пытался оправдывать свои поступки, заявив: «Я думаю, что я сделал много ошибок, когда писал книгу, и, ну, вы знаете, когда продвигал ее». Опра не на шутку рассердилась. Это она ошиблась, напомнила она ему, когда позвонила Ларри Кингу и «создала впечатление, будто истина не важна», а он – лгал: «Вы думаете, что вы лгали, или вы думаете,

что допустили ошибку?» – прямо спросила она Фрея. Фрей ответил смущенно и неуверенно: «Я – я думаю, вероятно, и то, и другое».

*Фрей:* Я имею в виду, я чувствую, что, когда пришел сюда, я был честен с вами. Я, вы знаете, по существу признал, что

*Уинфри:* Лгал.

В конце шоу пришел обозреватель газеты New York Times, который согласился с Ричардом Коэном, воздав похвалы Опре за ее честное признание, за то, что она встала на защиту тех книг, в которых не искажается истина, для того чтобы они лучше продавались. «Самая трудная вещь – это признать ошибку», – сказал он. Опра ответила ему, что не хотела заслужить похвалу. «На самом деле, это не было так уж трудно», – сказала она о своем поступке.

Иногда, как мы видели в этой книге, это на самом деле трудно. Это было трудно для Линды Росс, психотерапевта, использовавшей терапию «возвращенных воспоминаний», пока она не поняла, как заблуждалась, для Грейс, ложные воспоминания которой на годы отдалили ее от близких; для Томаса Вейнса, окружного прокурора, узнавшего, что мужчина, обвиненный им в изнасиловании и просидевший в тюрьме 20 лет, был невиновен; для семей и политических лидеров, которые сумели вырваться из порочного круга злости и желания отомстить. И труднее всего это для тех, чьи ошибки стоили жизней, особенно жизней друзей и коллег, которых они знали и любили.

Определенно, Н. Уэйн Хейл-младший знает, что это означает. Хейл был руководителем-координатором запуска космических кораблей-шаттлов НАСА в 2003 г., когда во время взрыва космического челнока Columbia (Колумбия) погибли семеро астронавтов. В публичном электронном письме команде погибшего шаттла, Хейл принял на себя ответственность за катастрофу.

«У меня была возможность и информация, но я не сумел ими воспользоваться. Я не знаю, что скажут следователи или суд, но мне уже вынес обвинительный приговор суд моей

собственной совести за то, что я не предотвратил катастрофу Колумбии Мы можем обсуждать детали невнимания, некомпетентность, отвлечения, недостаток убежденности, недостаточное понимание, недостаточную твердость характера, лень Суть в том, что я не сумел понять того, что мне сообщили; я не сумел проявить твердость и принять решение Поэтому не нужны дальнейшие поиски виновного я виновен в том, что Колумбия погибла»<sup>2</sup>

Такие смелые люди показывают нам самое сердце диссонанса и его сокровенного парадокса мозг хочет защитить себя от удара с помощью бальзама самооправданий, но душа хочет признаться Чтобы ослабить диссонанс, большинство из нас тратит огромное количество умственной и физической энергии, защищая себя и поддерживая самооценку, которая понижается, когда мы понимаем, что оказались глупыми, легковверными, порочными, допустили ошибки, словом – что мы такие же, как все люди Однако, в большинстве случаев все эти затраты энергии, как это ни удивительно, необязательны Линда Росс все еще психотерапевт, причем, лучший, чем раньше Томас Вейнс все еще успешный прокурор Трейс воссоединилась с родителями Уэйн Хейл получил назначение на более высокую должность – теперь он руководитель программы космических челноков НАСА в Космическом центре Джонсона

Представьте вместе с нами на минутку, как бы вы себя почувствовали, если бы ваш партнер, ваш взрослый сын или дочь или один из ваших родителей сказал «Я хочу принять на себя ответственность за ошибку, которую я совершил – мы ссорились из-за этого все время, но теперь я понял, что ты был прав, а я ошибся» Или что ваш работодатель в начале совещания говорит «Я хочу услышать любые возможные возражения против этого проекта, прежде чем мы начнем его реализовывать, узнать о любых наших возможных ошибках» Или окружной прокурор проведет пресс-конференцию и скажет «Я допустил чудовищную ошибку Я не возобновил расследование, когда новые доказательства показывали, что мы с моими сотрудниками отправили невиновного человека в тюрьму Я приношу извинения, но только этого – недостаточно Я также проанализирую все наши процедуры, чтобы уменьшить вероятность того, что снова будут осуждены невиновные люди»

Как вы отнесетесь к этим людям? Потеряете ли вы к ним уважение? Вероятно, если они ваши друзья или родственники – напротив, ощутите облегчение и восторг «Боже мой, Гарри на самом деле признал, что допустил ошибку! Какой он благородный человек!» А, если это специалисты или политические лидеры, вы, вероятно, обрадуетесь тому, что ваша жизнь или судьба зависит от людей, достаточно компетентных и умных, чтобы поступать правильно, учась на своих ошибках. Последним американским президентом, признавшимся стране в том, что он допустил ужасную ошибку, был Джон Ф. Кеннеди, и это произошло в 1961 г. Он поверил утверждениям своих высокопоставленных военных советников и ошибочным отчетам разведки, убеждавшим его в том, будто если американцы вторгнутся на Кубу, высадившись в Заливе Свиней, кубинский народ почувствует радость и облегчение, восстанет и свергнет Фиделя Кастро. Это вторжение потерпело полное фиаско, но Кеннеди усвоил этот урок. Он реорганизовал систему разведки и решил, что больше не будет некритически принимать утверждения своих военных советников – это помогло ему впоследствии успешно вывести страну из Кубинского ракетного кризиса.\* После фиаско в Заливе Свиней Кеннеди в беседе с издателями газет сказал: «Моя администрация хочет быть искренней относительно своих ошибок. Поскольку мудрец однажды сказал: „Оплошность не становится ошибкой, если вы не отказываетесь ее исправлять“». Без дебатов, без критики никакая администрация и никакая страна не может добиться успеха, и никакая республика не может выжить». Главная ответственность за провал вторжения в Заливе Свиней, сказал Кеннеди, «моя и только моя». Популярность Кеннеди резко повысилась.

Мы хотим услышать, мы жаждем услышать «Я провалил дело. Я постараюсь сделать все от меня зависящее, чтобы это не повторилось». Большинство из нас не впечатляет, если политический лидер признает свои ошибки, но, в отличие от Кеннеди, лишь по форме, а не по существу. Так поступил Рональд Рейган, заняв такую позицию

---

\* В октябре 1962 г. СССР разместил ракеты на Кубе, в ответ США объявили морскую блокаду Кубы, мир оказался на грани Третьей мировой войны, которой удалось избежать после переговоров Кеннеди с Хрущевым. В ноябре 1962 г. СССР вывел ракеты с Кубы, а США отменили морскую блокаду острова. – *Примеч. авт.*

в ответ на скандал Иран-Контрас<sup>3</sup> «Я сам не делал ничего плохого, но, поскольку это случилось в моей администрации, то, я думаю, что должен принять на себя ответственность»<sup>1</sup>. Это не решает проблемы Дэниел Янкелович, авторитетный исследователь общественного мнения, сообщает, что, хотя большинство опросов показывает, что многие избиратели не доверяют нашим основным политическим институтам, под этим цинизмом скрывается потребность в честности и правдивости «Люди хотят, чтобы организации действовали открыто, были прозрачными, – говорит он, – показывали миру свое человеческое лицо, придерживались провозглашаемых ими норм поведения и демонстрировали ответственность перед обществом»<sup>4</sup>

Это желание, чтобы власти и руководство принимали на себя ответственность, не пытаясь изворачиваться и напускать туман, лежит в основе недавно возникшего в системе здравоохранения движения за то, чтобы врачи и медицинские учреждения признавали и исправляли свои ошибки (Мы говорим о подлинных ошибках, «человеческих ошибках», а не о профессиональной некомпетентности) Традиционно, большинство врачей, конечно, твердо отрицает и не признает свои ошибки в диагнозах, процедурах или лечении, оправдывая себя тем, что их признание повлечет за собой судебные иски Они неправы Исследования, проведенные в больницах по всей стране, обнаружили, что на самом деле вероятность подачи пациентами судебных исков ниже, если врачи признают свои ошибки и извиняются за них, а также, если вводятся изменения, чтобы в будущем такие ошибки не повторялись «Быть уверенными в том, что подобное не повторится в будущем – очень важно для наших пациентов, это важнее, чем думают многие врачи, – говорит Люциан Лип, врач и профессор политики в области здравоохранения медицинского факультета Гарвардского университета – Это придает смысл страданиям пациентов»<sup>5</sup>

Второе самооправдание врачей для того, чтобы не признавать ошибок – если они это сделают, то это нарушит их «ауру непогрешимости и всезнания», которая, как они утверждают, важна для того, чтобы пациенты им доверяли и выполняли их предписания

---

<sup>3</sup> Иромкий политический скандал, связанный с незаконными тайными сделками 1986–1987 гг. по продаже США оружия Ирану в обмен на американских заложников в Ливане и передаче выреченных средств нидерландским контрастам. В скандале были замешаны высокопоставленные сотрудники Совет национальной безопасности при определенной осведомленности президента Рональда Рейгана. – *Примеч. пер.*

И в этом они ошибаются. Образ непогрешимости, который стараются культивировать многие врачи, часто дает обратный результат и воспринимается как высокомерие и даже бессердечие. «Почему они не могут просто сказать мне правду и извиниться?» – жалуются пациенты и их близкие. В самом деле, когда компетентные врачи признаются в своих ошибках, их все равно продолжают считать компетентными, но начинают считать и человечными, способными ошибаться. В одной из статей о медицине для газеты New York Times врач Ричард А. Фридман замечательно обобщил все трудности и преимущества признания ошибок: «Как каждый врач, – начал он, – я сделал много ошибок». В одном случае он не обратил внимания на возможную несовместимость прописанных лекарств, и его пациентка оказалась в реанимации (Она выжила). «Нет нужды говорить, что меня расстроил этот случай, – говорит он – Я не знал, что пошло не так, но я понимал, что это была моя вина, так что я извинился перед пациенткой и ее близкими. Они были расстроены и рассержены, и, вполне естественно, обвиняли меня и больницу – но, в итоге, они решили, что это была прискорбная, но „честная“ медицинская ошибка, и не стали подавать судебный иск». Отказ от претензии на непогрешимость делает врачей человечнее и помогает добиться доверия, подводит итог Фридман: «В итоге большинство пациентов простят своих докторов за ошибки ума, но редко простят за ошибки сердца»<sup>4</sup>.

Пользу получают не только те, перед кем другие люди непосредственно признали свои ошибки. Когда мы сами вынуждены признать свои ошибки и принять за них ответственность, результатами будет радость и ощущение свободы. Консультант по менеджменту Боб Кардон рассказал нам о том времени, когда он вел семинар на конференции Национального совета некоммерческих ассоциаций. Семинар назывался просто «Ошибки», и в нем участвовали двадцать руководителей этой организации в разных штатах. Кардон сообщил участникам семинара, что единственное главное правило, которого все должны придерживаться, таково: они должны поделиться какой-то своей ошибкой как руководителя и не пытаться оправдываться, рассказывая о том, как они ее исправили или как ускользнули от ответственности за нее.

Пока мы двигались по кругу, серьезность ошибок драматически росла. К тому времени, когда высказалась половина из них, руководители признавались в крупных ошибках, например, опоздание с отсылкой документов для получения гранта в срок, что стоило их



организации сотен тысяч долларов потерянного дохода. Участникам часто было неловко рассказывать о своей ошибке, и они пытались рассказать какую-то позитивную историю о своем успехе или о том, как они исправили свою ошибку. Я следил за выполнением главного правила и пресекал их попытки «сохранить лицо». Через полчаса все в этой комнате хохотали, это был почти истерический смех людей, освободившихся от огромного груза. Раскаты смеха были настолько громоподобными, что в комнату стали заглядывать участники других семинаров, чтобы выяснить, что же у нас происходит.

Упражнение Кардона демонстрирует, насколько это трудно сказать «Да, я попал впросак», не прибегая к спасительному постскриптому самооправданий. Просто сказать «Я смазал удар по воротам с трех метров», а не «Я не попал по воротам, потому что меня ослепило солнце», или «Отвлекла пролетевшая птица», или «Дул сильный ветер», или «Я услышал перед ударом, как болельщик обозвал меня мазилой». Друг делился с нами, проведя целый день в школе вождения, что все, кто там был, рассказывая о нарушениях, за которые их туда направили, продемонстрировали удивительное единодушие: ни один из них не принял ответственность за нарушение правил движения на себя. У всех нашлись оправдания того, почему они превышали скорость, игнорировали знак «проезд запрещен», проехали на красный свет или сделали запрещенный разворот на 180 градусов. Его так утомил этот перечень фальшивых оправданий, что, когда пришла его очередь, ему стало неловко делать то же самое. Он сказал «Я не остановился на красный свет. Я был абсолютно не прав, и меня поймали». На миг в комнате повисла тишина, а потом все одобрительно загудели, приветствуя его честность.

Есть много хороших причин, чтобы признавать ошибки, начиная с простой вероятности того, что их, скорее всего, все равно обнаружат – ваши близкие, ваша компания, ваши коллеги, ваши враги, ваш биограф. У профессора психологии Боба Абельсона когда-то был аспирант, и у этого аспиранта была теория, которую он упрямо проверял в экспериментах, надеясь, что все же получит желанный результат. Наконец, Абельсон мягко сказал ему «Вы предпочтете сами сейчас признать, что вы неправы, или подождете, пока это докажет кто-то другой?». Но есть много и позитивных причин для того, чтобы признавать ошибки. Вы будете больше нравиться другим людям. Кто-то другой сможет продолжить ваше дело, ваша ошибка может

помочь кому-то другому найти решение проблемы Дети поймут, что все иногда ошибаются, и даже взрослым приходится говорить «Мне жаль, извините» И, если вы признаете ошибку еще тогда, когда она размером с желудь, ее будет легче исправить, чем, когда она вырастет до размеров дуба с крепкими корнями и широкой кроной

Если отказываться от самооправданий и признавать ошибки так полезно для ума и взаимоотношений, почему большинство из нас этого не делает? Если мы так благодарны другим, когда они поступают подобным образом, почему мы сами не делаем этого чаще? Во-первых, мы этого не делаем, потому что, как мы видели, мы часто не осознаем, что нам это нужно сделать Самооправдания включаются автоматически и подсознательно, защищая нас от диссонантного понимания, что мы сделали что-то не так «Ошибка? Какая ошибка? Я не совершил ошибки» Дерево выпрыгнуло на дорогу прямо перед моим автомобилем И о чем это я должен сожалеть, в конце концов? Она начала это Он украл это Не моя вина» Во-вторых, Америка – это культура, страдающая фобией ошибок, культура, в которой ошибки связываются с некомпетентностью и глупостью Так что, если люди осознают, что совершили ошибку, они часто не хотят в этом признаваться даже самим себе, потому что воспринимают такое признание, как доказательство того, что они – безнадежные идиоты Если мы действительно хотим, чтобы больше людей принимали на себя ответственность за свои ошибки и старались их исправить, нам нужно устранить эти два указанных препятствия

Когда мы проследили, как работают самооправдания в семье, в памяти, в психотерапии, в праве, в предубежденности, в конфликтах и в войнах, то получили два урока из теории диссонанса Первый урок – способность уменьшать диссонанс помогает нам разнообразными способами, защищая наши убеждения, уверенность, решения, самоуважение и благополучие Второй урок – эта способность может вызвать большую беду Люди в этом случае выбирают саморазрушительный курс действий, чтобы подтвердить мудрость своих первоначальных решений Они станут относиться к людям, которым уже нанесли ущерб, еще жестче, потому что убеждают себя в том, что их жертвы этого заслуживают Они будут в своей работе цепляться за устаревшие и иногда просто вредные процедуры Они станут поддерживать мучителей и тиранов, которые на верной стороне – т е , на их стороне Люди, сомневающиеся в своих религиозных убеждениях,

будут заставлять молчать и будут притеснять тех, кто не согласен с ними, потому что само существование таких несогласных людей вызывает у них сомнения и болезненный диссонанс

Потребность уменьшить диссонанс – это универсальный психологический механизм, но это не означает, будто мы обречены на то, чтобы он контролировал нас. Возможно, люди и не жаждут измениться, но у нас есть способность изменяться, и тот факт, что многие из наших самозащитных заблуждений и «слепых зон» встроены в механизмы работы мозга – это не оправдание для отказа от попыток измениться. Мозг сконструирован так, чтобы защищать наши убеждения и представления? Отлично – мозг также подталкивает нас к тому, чтобы есть много сахара, но ведь большинство из нас научилось с аппетитом есть и овощи, а не только пирожные. Мозг сконструирован так, чтобы мы испытывали вспышку гнева, когда на нас нападают? Отлично, но большинство из нас научилось считать до десяти, а потом находить альтернативы простому решению наброситься на другого парня с дубиной. Понимание того, как работает диссонанс и у нас, и у других, дает нам способы, помогающие справляться с механизмами работы нашего мозга, и защищает нас от тех, кто их контролировать не научился.

## Жить с диссонансом

Возможно, самые важные уроки теории диссонанса заключаются в том, что мы не можем ждать, пока у других людей произойдет моральное перерождение, или им «трансплантируют» другой характер, или у них наступит внезапное прозрение, они сядут прямо, признают свои ошибки и начнут поступать правильно. Большинство человеческих существ и институтов стараются сделать все, что в их силах, чтобы уменьшить диссонанс благоприятными для себя способами, которые позволяют им оправдывать свои ошибки и вести себя как обычно. Они не будут благодарны за доказательства того, что использованные ими методы допроса отправили невинных людей в тюрьму до конца жизни. Они не станут благодарить нас за указанные нами полрешности их исследования эффективности нового лекарства, на которое они потратили миллионы, а оно, как мы показали, не работает. И неважно, насколько искусно или деликатно мы делаем

это – даже люди, которые любят нас, не порадуются, если мы приведем факты, опровергающие дорогие для них воспоминания

Лучшее средство против эффекта сужения поля зрения, которому все мы, смертные, подвержены – больше света. Поскольку большинство из нас сами не исправляют свои ошибки и поскольку наши «слепые зоны» мешают нам узнать о том, что это нам нужно, необходимы внешние процедуры, чтобы исправлять ошибки, которые неминуемо допустят люди, и чтобы уменьшать вероятность новых ошибок. В сфере права мы видели, что обязательная видеозапись всех следственных действий – это очевидное и относительно недорогое средство для коррекции «ошибки подтверждения», так как любая ошибка или давление, если они имели место, могут позже заметить и оценить независимые наблюдатели. Но нам нужно беспокоиться не только об ошибках и предвзятости полицейских, но также и об ошибках и предвзятости прокуроров. В отличие от врачей, которых можно судить за преступную халатность, если они ампутируют не ту руку, у прокуроров обычно иммунитет от гражданских исков, и они почти не подвергаются судебному контролю. Большинство их решений не рассматривается публикой, потому что почти 95 % дел, переданных полицией в прокуратуру, не рассматривается в судах присяжных. Но власть без подотчетности – это надежный рецепт для катастрофы в любой сфере, в том числе и в системе криминальной юстиции, позволяющей отдельным индивидам и целым отделам делать все, что угодно, чтобы выиграть, и широко использовать самооправдания, чтобы это у них легче получалось<sup>7</sup>. Если окружные прокуроры активно стремятся освободить заключенного, оказавшегося невиновным, обычно так происходит, как в случае с Робертом Моргентау, возобновившем расследование дела о женщине-джогере из Центрального парка, или в случае окружных прокуроров Сакраменто, добившихся осуждения Ричарда Тьюта, потому что они не входили в число первоначальных следователей и прокуроров, и у них есть достаточно власти, чтобы противостоять давлению коллег, которое обычно сопровождает решения о пересмотре дел. Вот почему часто нужны полномочия независимых комиссий, чтобы расследовать обвинения в коррупции сотрудников какого-либо полицейского отделения или принять решение о возобновлении следствия по делу. У членов таких комиссий не должно быть конфликта интересов – они не должны быть причастны к решениям, которые полицейские пытаются оправдать, у них не должно быть

друзей, которых им захочется защитить, и диссонанса, который им нужно ослабить.<sup>8</sup>

Немногие организации, однако, приветствуют внешний надзор и рекомендации для исправления своих ошибок. Если те, кто обладает властью, предпочитают любой ценой сохранять свои «слепые зоны» – независимые комитеты по надзору могут против их воли помочь им исправить зрение, если до этого дойдет. Научная модель внешнего рецензирования коллегами – это отличный образец, хотя, как недавно выяснилось, и этот метод далеко не идеален. Научные и медицинские журналы, зная о том, что исследования могут оказаться небезупречными в случае конфликта интересов, как им показал опыт нескольких исследователей, фальсифицировавших свои данные, вводят более строгие методы отбора, чтобы уменьшить количество случаев публикации предвзятых, коррумпированных или мошеннических исследований. Многие ученые призывают к большей открытости процесса рецензирования и оценки, то же решение предлагается и реформаторами системы криминальной юстиции. Если люди неизбежно подвержены синдрому сужения поля зрения или «туннельного зрения», по крайней мере, можно уменьшить количество наших ошибок или исправлять их, если стенки туннеля сделать прозрачными.

Организационные консультанты Уоррен Беннис и Берт Нейнус предлагают создавать такие организации, в которых признание ошибок было бы элементом организационной культуры, а не вызвало бы проблемы у решившихся на это людей, как происходит сейчас. Очевидно, такие изменения должны инициироваться сверху. Беннис и Нейнус предлагают как пример историю о легендарном Томе Уотсоне-старшем – основателе и вдохновителе корпорации ИВМ в течение более сорока лет. «В ИВМ многообещающий молодой топ-менеджер участвовал в рискованном для компании проекте и потерял более 10 млн долларов, – пишут они – Это была катастрофа. Когда Уотсон пригласил нервничающего менеджера в свой кабинет, молодой человек выпалил: „Я думаю, вы хотите, чтобы я уволился?“ Уотсон сказал в ответ: „Вы шутите? Мы только что потратили на ваше обучение 10 млн долларов!“»<sup>9</sup>

Но как нам поступать в нашей повседневной жизни? Позвонить во внешний комитет по надзору, в который входят двоюродные братья и сестры и другие родственники со стороны жены и мужа, чтобы они рассудили каждую нашу семейную ссору? Записывать на видео все «допросы» родителями их детей-подростков? В наших

личных взаимоотношениях мы предоставлены сами себе, и, следовательно, должны быть внимательными. Когда мы понимаем, как и когда у нас возникает потребность снизить диссонанс, мы можем более бдительно следить за процессом и часто остановить его еще в зародыше. Мы можем затормозить еще до того, как соскользнем вниз по пирамиде, как это сделала Опра Уинфри. Анализируя свои поступки критически и бесстрашно, как, если бы мы наблюдали за кем-то другим, мы получим шанс вырваться из цикла действий, за которыми следуют самооправдания, а потом еще более настойчивые, но сомнительные действия. Мы можем научиться создавать буфер, некоторое пространство между нашими чувствами и нашими действиями, и обдумывать, действительно ли нам нужно покушать канон в январе, вкладывать деньги в безнадежные затеи, твердо придерживаться взглядов, противоречащих фактам. Мы даже сумеем изменить наше мнение до того, как наш мозг «заморожит» наши мысли в жесткие «ледяные» структуры.

Понимание того, что мы в состоянии диссонанса, может помочь нам делать ясный, умный, сознательный выбор, не позволяя автоматическим защитным механизмам разрешать его комфортным для нас (но не эффективным) способом. Предположим, ваш неприятный и агрессивный коллега только что сделал новое интересное предложение на совещании рабочей группы. Вы можете сказать себе «Такой безграмотный нахал, как он, не может предложить никакой хорошей идеи», – и категорически отвергнуть это предложение, потому что вам очень не нравится его автор (и, как вы готовы признать, вы конкурируете с ним за то, чтобы заслужить благосклонность вашего менеджера). Или вы можете не спешить, перевести дух и задаться вопросом «А что если это хорошая идея? Как бы я ее оценил, если бы ее автором был мой единомышленник в этом проекте?» Если это хорошая идея, вы можете поддержать предложение вашего неприятного коллеги, хотя он вам по-прежнему не нравится. Ведь можно по-разному относиться к посланию и к доставившему его гонцу.

Цель в том, чтобы осознать противоречивые когнитивные представления, вызывающие неприятные чувства, и конструктивно разрешить противоречие, или, если нам это не удастся – научиться жить с этим противоречием. В 1985 г. премьер-министр Израиля Шимон Перес испытывал диссонанс из-за действий его союзника и друга Рональда Рейгана. Перес был разгневан, потому что Рейган принял приглашение посетить во время официального государственного визита в Германию

кладбище в Битбурге, что символизировало примирение между двумя странами. Сообщение об этом визите вызвало гнев у многих людей, в том числе у тех, кто пережил холокост, потому что на кладбище в Битбурге были похоронены 49 офицеров-эсэсовцев. Рейган, однако, не отказался от своего решения посетить кладбище. Когда репортеры спросили Переса о том, что он думает о поступке Рейгана, Перес не стал обвинять лично Рейгана, но и не стал преуменьшать значимость его посещения Битбурга. Вместо этого Перес выбрал третий путь: «Когда друг допускает ошибку, – сказал он, – друг остается другом, а ошибка остается ошибкой»<sup>10</sup>.

Давайте задумаемся на минутку о преимуществах этой способности отделить друг от друга две диссонирующие мысли так четко, как это сделал Перес: дружба, которая могла прекратиться, если дать волю эмоциям – сохранилась; ошибки, которые можно было объявить неважными – получили должную критику и оценку, и того, кто их совершил, назвали ответственным за них. Люди могут быть страстно преданы своей стране, религии, политической партии, супругу, семье, но понимать, что при этом они могут не соглашаться с их поступками или политикой, которые считают неуместными, ошибочными или аморальными, и это не будет проявлением нелояльности.

В ходе дискуссии в Интернете психологов, работающих в сфере исследования и лечения психологических травм, один молодой психотерапевт прислал сообщение, в котором выражал своей энтузиазм, по поводу одного недавно ставшего модным метода психотерапии. Он не был подготовлен к реакции ученых-психологов, обрушивших на него поток ссылок на исследования, показывавшие, что эта психиатрическая новинка не была эффективной, а теория, на которой она была основана – просто была ложной. Их реакция вызвала у него сильный диссонанс: «Я потратил время, деньги, усилия на этот новый метод, я восхищался им, – думал он, – но известные ученые, которыми я восхищаюсь, заявили мне, что это чушь». Обычной рефлекторной стратегией уменьшения диссонанса будет не считаться с мнением ученых, «сидящих в своих башнях из слоновой кости и ничего не знающих о реальном мире». Вместо этого молодой человек в своем ответе продемонстрировал и объективность ученого, и проницательность клинициста – эта модель может быть полезна для всех нас.

«Спасибо за ваши мысли и комментарии по этой теме, несмотря на то, что мне сначала их было трудно принять», – написал он.

Он прочитал рекомендованные ими исследования и пришел к выводу, что он настолько увлекся новым подходом, что не уделил достаточно внимания исследованиям, которые его оценили и доказали его бесполезность. «Я использовал как подтверждение его полезности свою собственную практику, – признал он, – и моя увлеченность помешала мне мыслить критически. Это один из элементов научного подхода, изменять свое мнение, если оно опровергнуто. Что же, это просто. Если учесть все потраченное время, деньги, большие надежды и ожидания, гордость – вы поймете, как трудно принять опровергающие доказательства. Это потребовало от меня немало терпения»<sup>11</sup>

Да, терпения, но в этом и заключается суть. Понимание того как мозг стремится к консонансу и отвергает информацию, ставящую под сомнение наши убеждения, решения или предпочтения, учит нас учитывать и принимать возможность ошибки. Это также помогает нам избавиться от потребности всегда быть правыми. Уверенность – это отличное и полезное качество. Никто из нас не захочет иметь дело с врачом, который что-то неуверенно мямлит и не может решить, как лечить нашу болезнь, но нам также нужен такой врач, который открыт для новых идей и хочет учиться. Мы также не хотим жить без страстей или убеждений, которые придают нашей жизни смысл, яркость, энергию и надежду. Но наше негибкое желание быть всегда правыми, неизбежно приводит к самодовольству. Когда уверенность и убежденность не смягчаются скромностью, признанием того, что мы допускаем ошибки, люди переходят черту, отделяющую здоровую уверенность в себе от высокомерия. В этой книге мы встречали многих, кто пересек эту черту: психиатров, уверенных в том, что они могут выявить истинные «возвращенные воспоминания»; врачей и судей, уверенных в том, что их не могут затронуть конфликты интересов; офицеров полиции, уверенных в том, что они могут определить, когда подозреваемый лжет; прокуроров, уверенных в том, что они обвиняют только виновных; мужей и жен, уверенных, что именно их интерпретация событий – верная.

Всем нам приходится в какие-то периоды нашей жизни принимать трудные решения, не все из них окажутся верными, не все из них окажутся мудрыми. Некоторые из них сложны, и влекут за собой последствия, которых мы не могли предвидеть. Если мы сможем сопротивляться искушению оправдывать наши решения и преодолеем чрезмерную самоуверенность и отсутствие гибкости, мы можем открыть для себя путь к эмпатии и принятию жизни со всеми ее



сложностями и поймем то, что правильно для нас, может быть неправильным для других. «Я знаю, что такое сложное решение, – говорит женщина, которую мы назовем Бетти – Когда я решила уйти от моего мужа, с которым мы прожили 20 лет, это решение приветствовала одна из моих двух дочерей, сказавшая „Что заставляло тебя так долго ждать?“ – но для другой дочери это была катастрофа, и она годами злилась на меня. Я много думала и старалась разрешить этот конфликт и оправдать то, что я сделала. Я обвиняла мою дочь в том, что она не хочет понять и принять причины моего решения. В конце концов, в результате этой умственной гимнастики я вообразила себя Матерью Терезой, а мою дочь считала эгоистичным, неблагодарным и плохо воспитанным ребенком. Но прошло время, и я не смогла это продолжать. Мне ее не хватало. Я помнила ее доброту и чуткость и поняла, что она была не плохо воспитанным ребенком, а просто ребенком, которого глубоко ранило мое решение о разводе. И вот, наконец, мы сели и начали говорить с ней. Я сказала ей, что хотя я и сейчас убеждена в том, что развод был правильным для меня решением, я поняла, какую он причинил ей боль. Я сказала ей, что теперь я ее готова слушать. «Мама, – сказала она, – давай пойдём в Центральный парк, устроим там пикник и поговорим, как мы делали, когда я была маленькой». И мы так и сделали, и это было началом нашего примирения. Теперь, если я чувствую, что я на 100 % права относительно какого-го решения или проблем, я еще раз все обдумываю, вот и все».

Бетти не нужно было признавать, что она сделала ошибку – она не совершила ошибки. Но она сумела отказаться от своей потребности быть всегда правой.

## Были допущены ошибки – их сделал я

«В Америке считается нездоровым помнить об ошибках, невротичным – думать о них, психотичным – застревать на них»

*– драматург Лиллиан Хеллман*

Диссонанс, возможно, конструктивная особенность нашего мозга, но это не относится к тому, что мы думаем о своих ошибках. После катастрофической кровавой бани «атаки Пикетта» в битве при

Геттисберге во время гражданской войны в США, когда половина из наступавших 12 500 южан-конфедератов была убита солдатами северян-юнионистов, генерал южан Роберт Ли сказал «Все это было моей виной. Я просил от своих людей больше, чем мне следовало от них просить»<sup>12</sup>. Роберт Ли был великим полководцем, допустившим трагический просчет, но эта ошибка не сделала его некомпетентным полководцем. Если Роберт Ли смог принять на себя ответственность за решение, которое стоило тысяч жизней, почему же люди в школе вождения не могли признать, что они просто проехали на красный свет?

Большинство американцев знают о том, что им следует говорить «Мы учимся на своих ошибках», но в глубине души они ни на йоту не верят этому. Они думают, будто ошибки означают, что вы глупы. В сочетании со знаменитой амнезией нашей культуры по отношению ко всему, что произошло более месяца тому назад, это означает, что люди относятся к ошибкам как к горячим печеным картофелинам в своем подоле: они стремятся как можно быстрее избавиться от них, даже если при этом они окажутся в подоле у кого-то другого.

Одно из прискорбных следствий этого представления о том, будто ошибка – это то же самое, что тупость, таково: когда люди делают ошибки, они не учатся на них. Они продолжают вкладывать деньги в безнадежное дело, чего от них с нетерпением ожидают разные мошенники. Вы знаете кого-то, кто стал жертвой подобных обманов? Примерно четверть взрослого населения Америки было обманута какими-то способами, иногда совсем простыми и глупыми, иногда – изощренными. Это могло быть предложение выиграть миллион долларов, если вы сначала оплатите налог с этой суммы; предложение купить золотые монеты всего за десятую часть их рыночной стоимости; предложение купить волшебную кровать, которая излечит все ваши болезни от головных болей до артрита. Каждый год американцы теряют более 40 млрд долларов, клюнув на удочку разных телевизионных мошенников, и пожилые люди особенно этому подвержены.

Мошенники знают все о диссонансе и самооправданиях. Они знают, что когда люди попадают в их ловушки, у них возникает противоречие между представлениями о себе. С одной стороны, «я умный и способный человек», а с другой – «я потратил тысячи долларов, подписавшись на не нужные мне журналы, надеясь выиграть в мошеннической лотерее, в которой участвуют подписчики» – не-

многие люди устраняют диссонанс, решив, что в реальности – они не такие уж умные и способные. Вместо этого многие будут оправдывать свои ошибки, тратя еще больше денег, чтобы компенсировать свои убытки. Такой способ разрешения диссонанса защищает их самооценку, но практически гарантирует, что они снова окажутся жертвами обмана. «Если только я подпишусь на большее количество журналов, я выиграю главный приз», – говорят они, или «Этот приятный и вдумчивый молодой человек, который сделал мне предложение об инвестициях, никогда не обманет меня, кроме того, я слышал их рекламу на Христианском радио». Пожилые люди особенно уязвимы для подобных методов снижения диссонанса, потому что многие из них уже и так беспокоятся о том, что «теряют это» – свою компетентность и независимость, а также свои деньги. И они не хотят давать своим взрослым детям повода попытаться контролировать их жизнь.

Понимание того, как работает диссонанс, помогает нам избавиться от наших собственных заблуждений, но это также полезное умение, для того чтобы помочь нашим друзьям и родственникам избавиться от их заблуждений. Слишком часто, руководствуясь самыми благими побуждениями, мы делаем нечто, что еще больше ухудшает ситуацию: мы грубим, поучаем, задираемся, умоляем или угрожаем. Энтони Пратканис – социальный психолог, исследовавший, как мошенники охотятся на своих пожилых жертв, собрал душераздирающие истории о том, как близкие поучали своих пожилых обманутых родственников. «Разве ты не видишь, что этот парень – вор, предлагающий всякую дрянь? Тебя просто грабят!» «Парадоксально, но эта естественная склонность поучать может быть одной из худших вещей, которые может сделать родственник или друг, – говорит Пратканис. – Подобная лекция еще в большей степени побуждает жертву обмана оправдываться и толкает ее в руки мошенников и преступников». Возопить «О чем ты думал?» – дает обратный эффект, потому что означает «Боже мой, ты тупой?» Подобные обвинения заставляют и без того испытывающую смущение жертву еще больше уйти в себя, закрыться и никому не рассказывать о том, что она делает. А делают они вот что: инвестирует еще больше денег в сомнительные предприятия, или покупают подписку на еще большее количество журналов, так как теперь у жертв обмана есть сильная мотивация вернуть потерянные семейные сбережения, показать, что они вовсе не тупые или дряхлые, и доказать, что они способны рассуждать разумно»<sup>13</sup>

Таким образом, говорит Пратканис, для того, чтобы жертва мошенничества отошла от края пропасти, ей или ему необходимо почувствовать уважение или поддержку. Желаящие помочь пожилому родственнику могут сделать это, обсудив с ним/с ней его/ее ценностные ориентации и то, как они повлияли на произошедшее, если выслушают его и не будут критиковать. Вместо того чтобы раздраженно спрашивать «Как вы могли поверить в такую чушь?», вы говорите «Расскажите мне, что вам понравилось в том парне, который заставил вас поверить ему». Мошенники и обманщики используют в своих интересах лучшие качества людей – их доброту, вежливость, желание выполнять свои обязательства, сделать ответный подарок или помочь другу. Если похвалить жертву обмана за эти ценные качества, говорит Праатканис, даже если они ее подвели в данной конкретной ситуации, это может помочь пожилому человеку избавиться от ощущения своей неуверенности и некомпетентности. Это еще одна форма третьего пуги Шимона Переса – высказать свои противоречивые представления, но разделить их. «Когда я, порядочный и умный человек, совершаю ошибку, я остаюсь порядочным и умным человеком, а ошибка остается ошибкой. Итак, как я могу исправить то, что я сделал?».

Представление о связи между ошибками и глупостью настолько глубоко укоренилось в американской культуре, что вас может шокировать сообщение о том, что не все культуры разделяют подобную фобию. В 1970-х гг. психологи Гарольд Стивенсон и Джеймс Стиглер заинтересовались разницей успехов по математике между детьми из Азии и детьми из США – к пятому классу самый худший по успеваемости японский класс опережал самый лучший по успеваемости американский. Чтобы выяснить, почему так происходит, Стивенсон и Стиглер потратили следующее десятилетие на сравнительные исследования обучения в начальной школе в США, Китае и Японии. Их озадачило, когда они наблюдали, как японский мальчик старался выполнить задание учителя и нарисовать на доске трехмерные кубы. Он занимался этим 45 минут, повторял одни и те же ошибки, пока Стивенсон и Стиглер, наблюдая за ним, испытывали все большую тревогу и смущение, сопереживая ему. Тем не менее, мальчик оставался спокоен и совсем не смущался, и американских наблюдателей удивило, почему они себя чувствовали хуже, чем он. «В нашей культуре приходится платить высокую цену за ошибку, – говорит Стиглер, – в то время как в Японии это не так. В Японии ошибки, промахи, путаница – это все просто нормальный аспект процесса обучения»<sup>14</sup>. (Мальчик,

в конце концов, решил задачу, к радости своих одноклассников) Исследователи также обнаружили, что американские родители, учителя и дети гораздо чаще, чем японские или китайские, верили в то, что математические способности – врожденные, мол, если у вас они есть, вам и так все легко дается, а, если они отсутствуют, нет смысла стараться. В Азии, напротив, взрослые считали, что успехи в математике, как и в любой другой сфере – это результат настойчивости и усердной напряженной работы. Конечно, в процессе вы будет допускать ошибки, но именно так ты учишься и добиваешься успеха. Это вовсе не означает, что ты – тупой.

Ошибки – центральный элемент в обучении будущих ученых и артистов во всех профессиях, в которых нужна импровизация: пробовать новые идеи, терпеть неудачу, пробовать другую идею и идти на риск, не боясь получить неправильный результат. Один классический пример, о котором раньше рассказывали американским школьникам, а теперь его разные версии можно найти на вебсайтах, посвященных проблемам обучения – ответ Эдисона его ассистенту (или журналисту), посочувствовавшему изобретателю, поскольку тому понадобилось 10 000 неудачных экспериментов, пока он создал первую работающую электрическую лампу накаливания. «Это не были неудачи, – ответил Эдисон ассистенту (или журналисту), – я успешно открыл 10 000 конструкций, которые не работают». Большинство американских детей, однако, отказывается в возможности ошибаться и экспериментировать даже десять раз, не говоря уже о десяти тысячах. Акцент на постоянном тестировании, причиной которого было понятное желание оценивать и стандартизировать успехи детей, усиливает страх неудачи. Это, конечно, важно для детей – научиться добиваться успеха, но для них не менее важно научиться тому, как не бояться неудач. Когда дети или взрослые боятся неудачи, они боятся риска. У них нет права на ошибку.

Есть еще одна важная причина, по которой американские дети опасаются допускать ошибки: они боятся, что сделанные ошибки негативно отразятся на их способностях. Двадцатилетние исследования американских школьников позволили психологу Кэрол Двек указать одну из важных причин межкультурных различий, отмеченных Стивенсоном и Стиглером. В ее экспериментах некоторых детей хвалили за их усилия в преодолении трудностей при овладении чем-то новым. Других хвалили за их интеллект и способности – так поступают многие родители, когда говорят своим детям, добившимся успеха.

«Ты – прирожденный математик, Джонни» Однако у двух этих простых сообщений, которые слышат дети, очень разные последствия Дети, которых как и их азиатских сверстников хвалят за их усилия, даже если у них сразу не получается, в конечном итоге показывают лучшие результаты и им больше нравится то, чему они учатся, в сравнении с детьми, которых хвалят за их природные способности Они также чаще рассматривают ошибки и критику как полезную информацию, помогающую им добиваться успеха Напротив, дети, которых хвалят за их природные способности, учатся больше беспокоиться о том, насколько компетентными они выглядят в глазах других, а не о том, чему они действительно научились<sup>15</sup> Они начинают оправдываться, когда у них что-то не получается, или, когда делают ошибки, и из-за этого попадают в ловушку, порочный круг, обрекающий их на неудачу если у них что-то плохо получилось, то, чтобы ослабить возникающий диссонанс («Я – умный, но провалился»), они просто теряют интерес к тому, чему учатся («Я бы мог это сделать, если бы захотел, но я не хочу») Когда такие дети вырастают, то становятся взрослыми, боящимися делать ошибки или принимать на себя ответственность за них, потому что это послужит доказательством, что в реальности они не так уж и умны

Двек обнаружила, что эти два разных подхода к обучению и значению ошибок – первый – ошибки – это свидетельства твоей тупости, второй – это свидетельство того, что ты можешь что-то делать лучше, чем сейчас, это не статичные личностные черты Это attitudes, отношения, и поэтому они могут изменяться Двек многие годы успешно меняла отношение своих учеников к обучению и ошибкам, и ее метод удивительно прост – она объясняет и школьникам младших классов, и студентам, что интеллект – это вовсе не врожденное качество, как цвет глаз, но скорее навык, как умение кататься на велосипеде, который можно развить с помощью настойчивых усилий Это поразительное открытие для американских детей, годами слышавших, будто интеллект – врожденное качество Когда они принимают информацию, сообщенную им Кэрол Двек, их мотивация повышается, у них улучшаются оценки, они получают от учебы больше удовольствия и не казнят себя, если случаются неудачи

Мораль нашей истории легко произнести, но труднее реализовать Когда вы допускаете оплошность, попробуйте сказать следующее «Я допустил ошибку Мне нужно понять, что пошло не так Я не хочу допустить такую же ошибку снова» Исследование Двек воодушев-

ляет, потому что оно показало, что в любом возрасте люди могут научиться воспринимать ошибки не как ужасные личные неудачи, которые нужно отрицать или оправдывать, а как неизбежные аспекты жизни, помогающие нам двигаться все вперед и вперед

**Н**аше любимое американское зрелище – бейсбол – в одном важном отношении отличается от общества, которое его породило: счет в каждой бейсбольной игре от детской лиги до Главной лиги учитывает три показателя: очки (раны), хиты и ошибки. Ошибки, конечно, нежелательны, но всякий понимает, что они неизбежны. Ошибки присущи бейсболу, как и медицине, бизнесу, науке, праву, любви и жизни. Чтобы характер страны или честность индивида получили высокую оценку, вовсе не требуется отсутствие ошибок. Самое важное – что делается после того, как допущены ошибки.

Через полтора года после начала вторжения в Ирак, когда количество погибших росло, расходы на войну уже измерялись миллиардами долларов, начались массовые выступления протеста, американские войска все глубже вязли в этой войне, которая, по словам Буша, должна была быстро закончиться, журналистка попросила президента привести «три примера того, когда он понял, что принял неверное решение» и рассказать, «что он сделал, чтобы их исправить». Буш ответил: [Когда люди спрашивают об ошибках] они пытаются сказать «Вы допустили ошибку, войдя в Ирак?» И ответ «Абсолютно нет». Это было правильное решение. Теперь, вы спросили, какие ошибки. Я сделал некоторые ошибки при назначении людей, но я не собираюсь называть их имена. Я не хочу задевать их чувства на национальном ТВ»<sup>16</sup>

В июне 1944 г. Дуайт Эйзенхауэр, верховный главнокомандующий союзными войсками в Европе, должен был принять важнейшее военное решение. Он знал, что вторжение в Нормандию дорого обойдется союзникам в любых обстоятельствах, а обстоятельства были далеки от идеальных. Если вторжение провалится, тысячи солдат погибнут, а унижительное поражение деморализует союзников и воодушевит державы «Оси». Тем не менее, Эйзенхауэр был готов принять на себя полную ответственность за возможные катастрофические последствия своего решения двигаться вперед. Он написал короткую

речь, которую планировал опубликовать, если высадка союзников закончится неудачей. Вот она полностью

«Наша высадка в районе Шербура-Гавра не обеспечила достаточного плацдарма, и войска были отведены. Мое решение атаковать в это время, и в этом месте основывалось на достоверной информации, которой мы располагали. Наземные войска, авиация и военно-морской флот были храбры и преданы нашей цели и сделали все, что могли. Если кого-то и следует обвинить за эту неудачную попытку, то только меня»<sup>17</sup>

Написав этот текст, Эйзенхауэр сделал только одно небольшое, но важное изменение. Он перечеркнул в конце первого предложения – «войска были отведены» и заменил этот пассивный оборот на активный «и я отвел войска». Каким красноречивым остается звучание этого «я», несмотря на прошедшие десятилетия.

В конечном итоге, тестом характера нации и честности индивида является не отсутствие ошибок. Все зависит от того, что мы сделали, после того как допустили ошибку. Как китайский философ Лао Цзы («Старый Мастер») заметил более чем 2500 лет тому назад

«Великая страна подобна великому человеку  
Когда он делают ошибку, то понимает это  
Поняв, что сделал ошибку, он признает это  
Признав ошибку – он исправляет ее.  
Он считает тех, кто указывает на его ошибки, своими самыми  
лучшими и добрыми учителями»





## Примечания

Задолго до того, как стать писателями, мы были читателями. Как читатели, мы часто считали, что примечания – это нежелательные препятствия, мешающие разворачиваться истории. Обычно нас раздражало, что нужно все время заглядывать в конец книги, чтобы узнать, из какого источника автор заимствовал какие-то убедительные (или нелепые) идеи или результаты исследований, но время от времени мы обнаруживали и «конфетку» – личный комментарий, интересное отступление, хорошую историю. Нам нравилось работать над этими примечаниями, использовать возможность приводить ссылки и иногда объяснить идеи, которые мы высказывали в главах. И «конфетки» тоже будут.

## Введение

**Жулики, дураки, негодяи и лицемеры  
как они уживаются сами с собой?**

- 1 “Spy Agencies Say Iraq War Worsens Terrorism Threat”, The New York Times, September 24, 2006; комментарий для консервативных журналистов, о котором сообщил один из них, Макс Бут, в статье Max Boot, в “No Room for Doubt in the Oval Office”, the Los Angeles Times op-ed, September 20, 2006. Детальный обзор публичных утверждений Джорджа Буша относительно войны в Ираке см. в Frank Rich (2006), The Greatest Story Ever Sold: The Decline and Fall of Truth from 9/11 to Katrina. New York: The Penguin Press. 25 мая 2006 г., когда рейтинг Буша снизился до уровня ниже 30 %, Буш, наконец, признал, что в чем-то был не прав, в какой-то мере. Он имел в виду не войну или какие-то относящиеся к ней решения, а выбор слов. Буш заявил, что когда он «высказывался жестко», используя такие слова как «достаньте его живым или мертвым» «Я думаю, что в некоторых странах мира мои высказывания неверно интерпретировались». В октябре 2006 г. незадолго до промежуточных выборов Белый дом объявил, что Буш больше не будет использовать свою всем хорошо

знакомую тактику «не менять курса», потому что ей недостает «гибкости» в политике относительно Ирака. Тем не менее, во время пресс-конференции 25 октября, когда уровень насилия в Ираке беспрецедентно повысился, Буш сказал, что не будет существенных перемен в его стратегии в целом и что он добьется того, чтобы «работа была сделана». Когда его спросили, выиграют ли США войну, он сказал: «Без сомнений, мы победим».

2. The American Presidency Project (Проект Американского Президентства в Интернете), [www.presidency.ucsb.edu/ws/index.php](http://www.presidency.ucsb.edu/ws/index.php), обеспечивает документальные примеры всех «допущенных ошибок» американских президентов. Это длинный список. Билл Клинтон сказал, что «ошибки произошли» при сборе пожертвований на избирательную кампанию демократов, а позже шутил по поводу популярности этой фразы и использованного в ней пассивного залога на ужине в Белом доме для аккредитованных гам корреспондентов. Из всех президентов Ричард Никсон и Рональд Рейган чаще всего использовали эту фразу: первый для того, чтобы преуменьшить незаконный характер своих действий во время Уотергейтского скандала, а второй – во время скандала Иран-Контрас. См. также красноречивое эссе Чарльза Бакстера “Dysfunctional Narratives or ‘Mistakes were made’”, in Baxter (1997), *Burning Down the House: Essays on Fiction*. Saint Paul, MN: Graywolf Press.
3. Gordon Marino (2004, February 20), “Before Teaching Ethics, Stop Kidding Yourself”, in *The Chronicle of Higher Education*, p. B5.
4. О необоснованно завышенной самооценке в воспоминаниях (в том числе, по отношению к домашним обязанностям) см. Michael Ross and Fiore Sicoly (1979), “Egocentric Biases in Availability and Attribution”, *Journal of Personality and Social Psychology*, 37, pp. 322-336. См. также Suzanne C. Thompson and Harold H. Kelley (1981), “Judgments of Responsibility for Activities in Close Relationships”, *Journal of Personality and Social Psychology*, 41, pp. 469-477.
5. John Dean, interviewed for *Playboy* by Barbara Cady, January 1975, pp. 65-80. Цитата взята со с. 78.
6. Robert A. Caro (2002), *Master of the Senate: The Years of Lyndon Johnson*. New York: Knopf, p. 886.
7. Katherine S. Mangan (2005, April 1), “A Brush With a New Life”, *The Chronicle of Higher Education*, pp. A28-A30.

- 8 См , например, Sherwin Nuland (2003), "The Doctors' Plague Germs, Childbed Fever, and the Strange Story of Ignac Semmelweiss" New York Norton/Atlas
- 9 Ferdinand Lundberg and Marynia F Farnham (1947), *Modern Woman The Lost Sex* New York Harper and Brothers, p 11 (первая цитата), p 120 (вторая цитата)
- 10 Edward Humes (1999), *Mean Justice* New York Pocket Books

## Глава 1

### Когнитивный диссонанс: механизм самооправдания

1. Пресс-релиз Нила Чейза, представляющего религиозную группу Baha'is Under the Provisions of the Covenant, в "The End Is Nearish", Harper's, February 1995, pp 22, 24
2. Leon Festinger, Henry W Riecken, and Stanley Schachter (1956), *When Prophecy Fails* Minneapolis. University of Minnesota Press.
3. Leon Festinger (1957), *A Theory of Cognitive Dissonance* Stanford Stanford University Press См Leon Festinger and Elliot Aronson (1960), "Arousal and Reduction of Dissonance in Social Contexts", в D Cartwright and Z Zander (eds ), *Group Dynamics* (3<sup>rd</sup> ed.), New York Harper & Row, 1960-1; и Eddie Harmon-Jones and Judson Mills (eds ) (1999), *Cognitive Dissonance Progress on a Pivotal Theory in Social Psychology*, Washington, DC American Psychological Association
4. Elliot Aronson and Judson Mills (1959), "The Effect of Severity of Initiation on Liking for a Group", *Journal of Abnormal and Social Psychology*, 59, pp 177-181
5. См , например, Harold Gerard and Grover Mathewson (1966), "The Effects of Severity of Initiation on Liking for a Group A Replication", *Journal of Experimental Social Psychology*, 2, pp 278-287
6. См интересный обзор, посвященный этой когнитивной «ошибке подтверждения» и многим примерам ее использования в Raymond S Nickerson (1998), "Confirmation Bias A Ubiquitous Phenomenon in Many Guises", *Review of General Psychology*, 2, pp 175-220

- 7 Lenny Bruce (1966), *How to Talk Dirty and Influence People* Chicago Playboy Press and New York Pocket Books, pp 232-233
- 8 Steven Kull, директор программы Program on International Policy Attitudes (PIPA) в университете Мэриленда, комментарий результатов исследования PIPA/Knowledge Networks poll, June 14, 2003, "Many Americans Unaware WMD Have Not Been Found".
- 9 Drew Westen, Clint Kilts, Pavel Blagov, et al (2006), "The Neural Basis of Motivated Reasoning An fMRI Study of Emotional Constraints on Political Judgment During the U S Presidential Election of 2004", *Journal of Cognitive Neuroscience*, 18, pp 1947-1958
- 10 Charles Lord, Lee Ross, and Mark Lepper (1979), "Biased Assimilation and Attitude Polarization The Effects of Prior Theories on Subsequently Considered Evidence", *Journal of Personality and Social Psychology*, 37, pp 2098-2109
- 11 Doris Kearns Goodwin (1994), *No Ordinary Time* New York Simon & Schuster/Touchstone, p 321 (Выделение в оригинале)
- 12 В одной из первых демонстраций снижения диссонанса, возникающего после покупки, Джек Брем, изображая исследователя-маркетолога, показывал группе женщин 8 различных кухонных приборов (тостер, кофеварку, гриль и др ) и просил их оценить, насколько они хотели бы получить каждый из них. Потом Брем говорил каждой женщине, что она может получить один прибор в подарок и давал ей возможность выбрать один из двух приборов, обладавших для нее равной привлекательностью. Он упаковывал выбранный прибор и дарил его женщине. Позже женщины еще раз оценивали те же кухонные приборы. На этот раз они оценивали выбранный ими прибор выше, чем тот, который не выбрали. См Jack Brehm (1956), "Postdecision Changes in the Desirability of Alternatives", *Journal of Abnormal and Social Psychology*, 52, pp 384-389
- 13 Daniel Gilbert (2006), *Stumbling on Happiness* New York Alfred A Knopf
- 14 Robert E Knox and James A Inkster (1968), "Postdecision Dissonance at Post Time", *Journal of Personality and Social Psychology*, 8, pp 319-323
- 15 Katherine S Mangan (2005, April 1), "A Brush With a New Life", *The Chronicle of Higher Education*, pp A28-A30

- 16 Например, см Brad J Bushman (2002), "Does Venting Anger Feed or Extinguish the Flame? Catharsis, Rumination, Distraction, Anger, and Aggressive Responding", *Personality and Social Psychology Bulletin*, 28, pp 724-731; Brad J Bushman, Angelica M Bonacci, William C Pedersen, et al (2005), "Chewing on It Can Chew You Up Effects of Rumination on Triggered Displaced Aggression", *Journal of Personality and Social Psychology*, 88, pp 969-983  
Обзор истории исследований, оспоривших предположение о катарсисе, см Carol Tavris (1989), *Anger The Misunderstood Emotion* New York Simon & Schuster/Touchstone
- 17 Результаты исследования Майкла Кана «Физиология катарсиса» были опубликованы в статье под тем же названием "The Physiology of Catharsis", *Journal of Personality and Social Psychology*, 3, pp 278-298, 1966 Еще одно классическое исследование на эту тему Leonard Berkowitz, James A. Green, and Jacqueline R Macaulay (1962), "Hostility Catharsis as the Reduction of Emotional Tension", *Psychiatry*, 25, pp 23-31
- 18 Jon Jecker and David Landy (1969), "Liking a Person as a Function of Doing Him a Favor", *Human Relations*, 22, pp. 371-378
- 19 Benjamin Franklin (2004), *The Autobiography of Benjamin Franklin* (introduction by Lewis Leary) New York Touchstone, pp 83-84
- 20 Ruth Thibodeau and Elliot Aronson (1992), "Taking a Closer Look Reasserting the Role of the Self-Concept in Dissonance Theory", *Personality and Social Psychology Bulletin*, 18, pp 591-602
- 21 Существует много интересных исследований «ошибки в свою пользу» (self-serving bias) – склонности преувеличивать свои позитивные черты и достижения и игнорировать свои негативные черты и неудачи Это удивительно устойчивая ошибка восприятия, хотя есть интересные кросс-культурные, возрастные и гендерные различия См Amy Mezulis, Lyn Y Abramson, Janet S Hyde, and Benjamin L Hankin (2004), "Is There a Universal Positivity Bias in Attributions? A Meta-Analytic Review of Individual, Developmental, and Cultural Differences in the Self-serving Attributional Bias", *Psychological Bulletin*, 130, pp 711-747.
- 22 Philip E Tetlock (2005), *Expert Political Judgment How Good Is It? How Can We Know?* Princeton, NJ Princeton University Press  
В медицинской психологии такая же картина есть очень много научных публикаций, показывающих, что поведенческие, стати-

- стические и другие объективные оценки поведения респондентов всегда точнее, чем клиническая интуиция экспертов, а также их прогнозы и диагнозы См Robin Dawes, David Faust, and Paul E Meehl (1989), "Clinical Versus Actuarial Judgment", *Science*, 243, pp 1668-1674; and WM Grove and Paul E Meehl (1996), "Comparative Efficiency of Formal (Mechanical, Algorithmic) and Informal (Subjective, Impressionistic) Prediction Procedures The Clinical/Statistical Controversy", *Psychology, Public Policy, and Law*, 2, pp. 293-323
- 23 Elliot Aronson and J Merrill Carlsmith (1962), "Performance Expectancy as a Determinant of Actual Performance", *Journal of Abnormal and Social Psychology*, 65, pp 178-182 См также William B Swann Jr (1990), "To Be Adored or to Be Known? The Interplay of Self-Enhancement and Self-Verification", in R M Sorrentino & E T Higgins (eds ), *Motivation and Cognition*, New York Guilford Press; and William B Swann Jr, J Gregory Hixon, and Chris de la Ronde (1992), "Embracing the Bitter 'Truth' Negative Self-Concepts and Marital Commitment", *Psychological Science*, 3, pp 118-121
24. Это не просто наши спекуляции В классическом эксперименте, проведенном полстолетия тому назад, социальный психолог Джадсон Миллс исследовал отношение школьников шестого класса к подсказкам и списыванию Потом они сдавали экзамен, в котором конкурировали друг с другом за приз Он создал такую ситуацию, что ребенок практически не мог победить, если не списывал, причем, списать было просто, и дети думали, будто этого нельзя обнаружить. (На самом деле он тайком наблюдал за ними) Примерно половина детей жульничала, а половина – нет На следующий день Миллс снова спросил детей, что они думают о списывании и других способах обмана Дети, которые жульничали, были более благодушны по отношению к списыванию, а преодолевшие искушение жульничать, оценивали списывание негативнее См Judson Mills (1958), "Changes in Moral Attitudes Following Temptation", *Journal of Personality*, 26, pp 517-531.
- 25 Jeb Stuart Magruder (1974), *An American Life One Man's Road to Watergate* New York Atheneum. Комментарии Холдемана, с. 4; история с гольфмобилем, с 7
- 26 Magruder, *An American Life* Первое предложение Лидди о «банде громил», с 194 (проститутки будут «высокого класса», уверял

- Лидди группу, только «самые лучшие» с 195); «Если бы Лидди в самом начале пришел к нам» – с 214; «решения, которые сегодня кажутся безумными», «Мы уже прошли ту черту, когда нас могли удовлетворить полумеры», с 215
27. Оценка общего количества участников основана на мнении психолога Томаса Бласса, много писавшего о первоначальном эксперименте Милгрэма и об экспериментах его последователей. Около 800 людей участвовало в собственных экспериментах Милгрэма, остальные – это участники экспериментов, воспроизводивших первоначальный и его модификации за 25-летний период
28. Первоначальное исследование описано в статье Стэнли Милгрэма (1963), “Behavioral Study of Obedience”, *Journal of Abnormal and Social Psychology*, 67, pp. 371-378. Милгрэм описал свои эксперименты подробнее, включая их модификации, и повторение многими другими исследователям в своей книге (1974) *Obedience to Authority: An Experimental View*. New York: Harper & Row
29. William Safire, “Aesop’s Fabled Fox”, *The New York Times* op-ed, December 29, 2003

## Глава 2

### Гордость и предубеждение и другие «слепые зоны»

1. James Bruggers, “Brain Damage Blamed on Solvent Use”, *The [Louisville] Courier-Journal*, May 13, 2001; Bruggers, “Researchers Ties to CSX Raise Concerns”, *Courier-Journal*, October 20, 2001; Carol Tavris (2002, July/August), “The High Cost of Skepticism”, *Skeptical Inquirer*, pp. 42-44; Stanley Berent (2002, November/December), “Response to ‘The High Cost of Skepticism’”, *Skeptical Inquirer*, pp. 61, 63; его цитата («Мое исследование дало важную информацию») на с. 63; Ответ Теврис Беренту сс. 64–65. 12 февраля 2003 г. Федеральный офис защиты людей-участников экспериментов написал вице-президенту по исследованиям Мичиганского университета, отметив, что Контрольный комитет университета, который Берент возглавлял, не «сформулировал четкие критерии информированного согласия участия»



в экспериментах» для исследований Берента и Олберса. Случай с CSX, их договоренность со Стэнли Берентом и Джеймсом Олберсом и их конфликт интересов также подробно описаны здесь Sheldon Krinsky (2003), *Science in the Private Interest* Lanham, MD Rowman & Littlefield, pp 152-153

- 2 Joyce Ehrlinger, Thomas Gilovich, and Lee Ross (2005), "Peering into the Bias Blind Spot: People's Assessments of Bias in Themselves and Others", *Personality and Social Psychology Bulletin*, 31, pp 680-692; Emily Pronin, Daniel Y. Lin, and Lee Ross (2002), "The Bias Blind Spot: Perceptions of Bias in Self versus Others", *Personality and Social Psychology Bulletin*, 28, pp 369-381. Наши «слепые зоны» позволяют нам воспринимать себя более умными и более компетентными, чем большинство других людей, вот почему, как очевидно, большинство из нас полагает, что наш уровень – выше среднего. См. David Dunning, Kerri Johnson, Joyce Ehrlinger, and Justin Kruger (2003), "Why People Fail to Recognize Their Own Incompetence", *Current Directions in Psychological Science*, 12, pp. 83-87
- 3 Цитируется в Eric Jaffe (2004, October), "Peace in the Middle East May Be Impossible: Lee D. Ross on Naive Realism and Conflict Resolution", *American Psychological Society Observer*, 17, pp 9-11
- 4 Geoffrey L. Cohen (2003), "Party over Policy: The Dominating Impact of Group Influence on Political Beliefs", *Journal of Personality and Social Psychology*, 85, pp 808-822. См. также Donald Green, Bradley Palmquist, and Eric Schickler (2002), *Partisan Hearts and Minds: Political Parties and the Social Identities of Voters*. New Haven: Yale University Press. В этой книге показывается, как после определения людьми своей политической идентичности, обычно в период ранней взрослости, эта идентичность «думает за них». То есть, большинство людей не выбирает партию, потому что она отражает их взгляды – после того как они выбрали партию, ее политика становится их взглядами.
- 5 Emily Pronin, Thomas Gilovich, and Lee Ross (2004), "Objectivity in the Eye of the Beholder: Divergent Perceptions of Bias in Self versus Others", *Psychological Review*, 111, pp 781-799
- 6 Если какую-то привилегию получают от рождения или благодаря другому счастливому повороту фортуны, а не заслуживают, многие ее обладатели будут оправдывать ее тем, будто они ее заслужили. Джон Йосг с коллегами исследовали процессы оправда-

- ния системы – психологического мотива защищать и оправдывать статус-кво, см., например, John Jost and Orsolya Hunyady (2005), “Antecedents and Consequences of System-Justifying Ideologies”, *Current Directions in Psychological Science*, 14, pp 260-265. Один из примеров такой оправдывающей систему идеологии – бедные – бедны, но они счастливее и честнее, чем богатые Aaron C Kay and John T Jost (2003), “Complementary Justice Effects of ‘Poor But Happy’ and ‘Poor But Honest’ Stereotype Exemplars on System Justification and Implicit Activation of the Justice Motive”, *Journal of Personality and Social Psychology*, 85, pp 823-837. См. также Stephanie M Wildman (ed) (1996), *Privilege Revealed: How Invisible Preference Undermines America*. New York: University Press.
- 7 D Michael Risinger and Jeffrey L. Loop (2002, November), “Three Card Monte, Monty Hall, Modus Operandi and ‘Offender Profiling’: Some Lessons of Modern Cognitive Science for the Law of Evidence”, *Cardozo Law Review*, 24, p 193.
  - 8 Dorothy Samuels, “Tripping Up on Trips: Judges Love Junkets as Much as Tom DeLay Does”, *The New York Times*, fourth editorial, January 20, 2006.
  - 9 Melody Petersen, “A Conversation with Sheldon Krinsky: Uncoupling Campus and Company”, *The New York Times*, September 23, 2003. Кримски также ссылается на замечание Джонаса Солка.
  - 10 См. Krinsky, *Science in the Private Interest*, примеч. 1; Sheila Slaughter and Larry L. Leslie (1997), *Academic Capitalism*, Baltimore: The Johns Hopkins University Press; and Derek Bok (2003), *Universities in the Marketplace: The Commercialization of Higher Education*, Princeton, NJ: Princeton University Press; Marcia Angell (2004), *The Truth about the Drug Companies*, New York: Random House; and Jerome P. Kassirer (2005), *On the Take: How Medicine's Complicity with Big Business Can Endanger Your Health*, New York: Oxford University Press.
  11. National Institutes of Health Care Management Research and Educational Foundation (2003), “Changing Patterns of Pharmaceutical Innovation”. Цитируется в Jason Dana and George Loewenstein (2003), “A Social Science Perspective on Gifts to Physicians from Industry”, *Journal of the American Medical Association*, 290, 252-255.
  12. Дэвид Уилман, журналист, занимающийся журналистскими расследованиями, выиграл Пулитцеровскую премию за серию

публикаций о конфликте интересов при выводе новых лекарств на рынок, два примера – это “Scientists Who Judged Pill Safety Received Fees”, Los Angeles Times, October 29, 1999, and “The New FDA How a New Policy Led to Seven Deadly Drugs”, Los Angeles Times, December 20, 2000

- 13 Dan Fagin and Marianne Lavelle (1996), *Toxic Deception* Secaucus, NJ Carol Publishing
- 14 Richard A Davidson (1986, May-June), “Source of Funding and Outcome of Clinical Trials”, *Journal of General Internal Medicine*, 1, pp 155-158
- 15 Lise L. Kjaergard and Bodil Als-Nielsen (2002, August 3), “Association between competing interests and authors' conclusions: Epidemiological study of randomised clinical trials published in BMJ”, *British Medical Journal*, 325, pp 249-252. См. также Krinsky, *Science in the Private Interest* (примеч 1), глава 9, “A Question of Bias”, где приводится обзор таких исследований
- 16 Alex Berenson, Gardiner Harris, Barry Meier, and Andrew Pollack, “Dangerous Data Despite Warnings, Drug Giant Took Long Path to Vioxx Recall”, *The New York Times*, November 14, 2004
- 17 Richard Horton (2004), “The lessons of MMR”, *The Lancet*, 363, pp 747-749
- 18 Andrew J Wakefield, Peter Harvey, and John Linnell (2004), “MMR- Responding to retraction”, *The Lancet*, 363, pp 1327-1328
- 19 В Википедии в статье “Thimerosal” («Тимерозал») приводится отличный, сбалансированный обзор дискуссии вокруг тимерозала (возможны также варианты названия тимеросол и тимерсерол), химического соединения, использовавшегося с 1930-х гг как консервант в вакцинах и многих продуктах домашнего обихода, включая косметику и глазные капли. В последние годы некоторые группы потребителей испытывают беспокойство по поводу возможного токсичного эффекта ртути, содержащейся в тимерозале, утверждая, что она может вызывать аутизм и другие болезни. Статья в Википедии честно представляет их аргументацию, но показывает, что она в основном основана на отдельных примерах, преувеличенных страхах, необоснованных аргументах и исследованиях против вакцинации, проведенных Марком Гайером и Дэвидом Гайером, президентом компании, специализирующейся в судебных исках в пользу тех, кто считает, что они или их

близкие пострадали от вакцинации. Что касается исследований, то исследование всех детей, рожденных в Дании в период с 1991 по 1998 гг (более 500 000 детей), выявило, что случаев аутизма у детей, прошедших вакцинацию, на самом деле было меньше, чем у детей, не прошедших ее. См. Kreesten M Madsen, Anders Hviid, Mogens Vestergaard, et al (2002), "A Population-Based Study of Measles, Mumps, and Rubella Vaccination and Autism", *New England Journal of Medicine*, 347, pp 1477-1482. Кроме того, после того как вакцины, содержащие тимерсерол, перестали использоваться в Дании, случаев аутизма больше не было выявлено. См. Kreesten M Madsen et al (2003), "Thimerosal and the Occurrence of Autism: Negative Ecological Evidence from Danish Population-Based Data", *Pediatrics*, 112, pp 604-606. См. также L. Smeeth, C. Cook, E. Fombonne, et al (2004, September 11–17), "MMR vaccination and pervasive developmental disorders: A case-control study", *The Lancet*, 364, pp 963-969. Реакция многих родителей детей, страдающих аутизмом, на эту новость – это сама по себе история когнитивного диссонанса. Убедив себя в том, что тимерсерол вызвал у их детей аутизм, они отвергают выводы исследования и рекомендации делать профилактические прививки Центра контроля и профилактики, Администрации по контролю над продуктами питания и лекарствами, Института медицины, Всемирной организации здравоохранения и Американской академии педиатрии. Интересно, что, как отмечается в статье из Википедии, сопротивление публики программам вакцинации началось в 1853 г, и с тех пор сохраняло активность, так что история с тимерсеролом – это просто один из последних эпизодов.

- 20 Dana and Loewenstein, "A Social Science Perspective on Gifts to Physicians from Industry", примеч. 11
- 21 Robert B. Cialdini (1984/1993), *Influence: The Psychology of Persuasion* (rev. ed.) New York: William Morrow
- 22 Carl Elliott (2006, April), "The Drug Pushers", *The Atlantic Monthly*, pp 82-93. Цитата его брата, с. 91
- 23 Carl Elliott (2001, September 24), "Pharma Buys a Conscience", *The American Prospect*, 12, archived as [www.prospect.org/print/V12/17/elliott-c.html](http://www.prospect.org/print/V12/17/elliott-c.html)
- 24 C. Neil Macrae, Alan B. Milne, and Galen V. Bodenhausen (1994), "Stereotypes as Energy-Saving Devices: A Peek Inside the Cognitive

- Toolbox”, *Journal of Personality and Social Psychology*, 66, pp 37-47
25. Marilynn B Brewer (1993), “Social Identity, Distinctiveness, and In-Group Homogeneity”, *Social Cognition*, 11, pp 150-164
  26. Charles W Perdue, John F Dovidio, Michael B Gurtman, and Richard B Tyler (1990), “Us and Them Social Categorization and the Process of Inter-group Bias”, *Journal of Personality and Social Psychology*, 59, pp 475-486
  27. Henri Tajfel, M G Billig, R P Bundy, and Claude Flament (1971), “Social categorization and intergroup behavior”, *European Journal of Social Psychology*, 1, pp 149-178
  28. Nick Haslam, Paul Bain, Lauren Douge, Max Lee, and Brock Bastian (2005), “More Human Than You Attributing Humanness to Self and Others”, *Journal of Personality and Social Psychology*, 89, pp. 937-950.
  29. Gordon Allport (1954/1979), *The Nature of Prejudice* Reading, MA Addison-Wesley, pp 13-14.
  30. Jeffrey W Sherman, Steven J Stroessner, Frederica R Conrey, and Omar A Azam (2005), “Prejudice and Stereotype Maintenance Processes Attention, Attribution, and Individuation”, *Journal of Personality and Social Psychology*, 89, pp 607-622
  31. Christian S Crandall and Amy Eshelman (2003), “A Justification-Suppression Model of the Expression and Experience of Prejudice”, *Psychological Bulletin*, 129, pp 414-446, цитата, с 425 См также Benoît Monin and Dale T Miller (2001), “Moral Credentials and the Expression of Prejudice”, *Journal of Personality and Social Psychology*, 81, pp 33-43 В их экспериментах, если люди считали, что их моральная репутация непродубленных людей не оспаривается (для этого им давали возможность протестовать против грубых сексистских высказываний), они чувствовали оправданным свое решение проголосовать за наем на работу мужчины (а не женщины) на работу, которая согласно распространенным стереотипам является мужской
  32. См пример межрасового эксперимента Ronald W Rogers and Steven Prentice-Dunn (1981), “Deindividuation and Anger-Mediated Interracial Aggression Unmasking Regressive Racism”, *Journal of Personality and Social Psychology*, 4, pp 63-73 Об англоговорящих и франкоговорящих канадцах см James R Meindl and Melvin J Lerner (1985), “Exacerbation of Extreme Responses to an Out-

- Group”, *Journal of Personality and Social Psychology*, 47, pp 71-84  
 Об исследованиях поведения по отношению к евреям и геям см  
 Steven Fein and Steven J Spencer (1997), “Prejudice as Self-Image  
 Maintenance Affirming the Self through Derogating Others”, *Journal  
 of Personality and Social Psychology*, 73, pp 31-44
- 33 Paul Jacobs, Saul Landau, and Eve Pell (1971), *To Serve the Devil  
 (Vol 2 Colonials and Sojourners)* New York Vintage Books Цитата  
 Charles Crocker, с 81
  34. Albert Speer (1970), *Inside the Third Reich* Memoirs New York  
 Simon & Schuster, p 291
  - 35 Doris Kearns Goodwin (2005), *Team of Rivals The Political Genius  
 of Abraham Lincoln* New York Simon & Schuster
  - 36 Jeb Stuart Magruder (1974), *An American Life One Man's Road  
 to Watergate* New York Atheneum, p 348

## Глава 3

### Память: историк, поставляющий самооправдания

- 1 Цитируется в George Plimpton (1997), *Truman Capote* New York  
 Anchor/ Doubleday, p 306 Мы принимаем версию этой истории  
 Видала, поскольку он всегда был готов обсуждать обе темы  
 и политику, и бисексуальность, поэтому у него не было мотива,  
 чтобы исказить свои воспоминания.
- 2 Anthony G Greenwald (1980), “The Totalitarian Ego Fabrication  
 and Revision of Personal History”, *American Psychologist*, 35,  
 pp 603-618
- 3 Edward Jones and Rika Kohler (1959), “The Effects of Plausibility  
 on the Learning of Controversial Statements”, *Journal of Abnormal  
 and Social Psychology*, 57, pp 315-320
- 4 См , например, Michael Ross (1989), “Relation of Implicit Theories  
 to the Construction of Personal Histories”, *Psychological Review*,  
 96, pp. 341-357; Anne E Wilson and Michael Ross (2001),  
 “From Chump to Champ People’s Appraisals of Their Earlier  
 and Present Selves”, *Journal of Personality and Social Psychology*,  
 80, pp 572-584, and Michael Ross and Anne E Wilson (2003),  
 “Autobiographical Memory and Conceptions of Self Getting Better

- All the Time”, *Current Directions in Psychological Science*, 12, pp 66-69
- 5 Marcia K Johnson, Shahin Hashtroudi, and D Stephen Lindsay (1993), “Source Monitoring”, *Psychological Bulletin*, 114, pp 3-28; Karen J Mitchell and Marcia K Johnson (2000), “Source Monitoring Attributing Mental Experiences”, in E Tulving & F I M Craik (eds), *The Oxford Handbook of Memory* New York Oxford University Press
  - 6 Mary McCarthy (1957), *Memories of a Catholic Girlhood* San Diego Harcourt Brace & Co « а в руках у него была бабочка», с 80; «Я неожиданно вспомнила», с 82; «Я боюсь, что, скорее всего », с 83
  - 7 Barbara Tversky and Elizabeth J Marsh (2000), “Biased Retellings of Events Yield Biased Memories”, *Cognitive Psychology*, 40, pp 1-38, см также Elizabeth J Marsh and Barbara Tversky (2004), “Spinning the Stories of Our Lives”, *Applied Cognitive Psychology*, 18, pp 491-503.
  - 8 Brooke C Feeney and Jude Cassidy (2003), “Reconstructive Memory Related to Adolescent-Parent Conflict Interactions The Influence of Attachment-Related Representations on Immediate Perceptions and Changes in Perceptions over Time”, *Journal of Personality and Social Psychology*, 85, pp 945-955
  - 9 Daniel Offer, Marjorie Kaiz, Kenneth I Howard, and Emily S Bennett (2000), “The Altering of Reported Experiences”, *Journal of the American Academy of Child and Adolescent Psychiatry*, 39, pp 735-742 Некоторые авторы, также опубликовавшие книгу на эту тему См Daniel Offer, Marjorie Kaiz Offer, and Eric Ostrov (2004), *Regular Guys 34 Years Beyond Adolescence* New York Kluwer Academic/Plenum
  - 10 Об ошибках воспоминаний о сексе см Maryanne Garry, Stefanie J Sharman, Julie Feldman, Gary A Marlatt, and Elizabeth F Loftus (2002), “Examining Memory for Heterosexual College Students’ Sexual Experiences Using an Electronic Mail Diary”, *Health Psychology*, 21, pp 629-634 О голосовании и выборах см R P Abelson, Elizabeth D Loftus, and Anthony G Greenwald (1992), “Attempts to Improve the Accuracy of Self-Reports of Voting”, in J M Tanur (ed ), *Questions About Questions Inquiries into the Cognitive Bases of Surveys* New York Russell Sage См также Robert F Belli, Michael W Traugott, Margaret Young, and Katherine

- A McGonagle (1999), "Reducing Vote Overreporting in Surveys Social Desirability, Memory Failure, and Source Monitoring", *Public Opinion Quarterly*, 63, pp 90-108 Об ошибках памяти относительно жертвования денег на благотворительность, см Christopher D. Burt and Jennifer S. Popple (1998), "Memorial Distortions in Donation Data", *Journal of Social Psychology*, 138, pp 724-733 Воспоминания студентов об их школьных оценках также искажаются в сторону завышения См. Harry P. Bahrick, Lynda K. Hall, and Stephanie A. Berger (1996), "Accuracy and Distortion in Memory for High School Grades", *Psychological Science*, 7, pp. 265-271
- 11 Lisa K. Libby and Richard P. Eibach (2002), "Looking Back in Time Self-Concept Change Affects Visual Perspective in Autobiographical Memory", *Journal of Personality and Social Psychology*, 82, pp 167-179 См также Lisa K. Libby, Richard P. Eibach, and Thomas Gilovich (2005), "Here's Looking at Me The Effect of Memory Perspective on Assessments of Personal Change", *Journal of Personality and Social Psychology*, 88, pp 50-62 Чем более согласованы наши воспоминания о себе в настоящее время, тем они доступнее См Michael Ross (1989), "Relation of Implicit Theories to the Construction of Personal Histories", *Psychological Review*, 96, pp 341-357
- 12 Michael Conway and Michael Ross (1984), "Getting What You Want by Revising What You Had", *Journal of Personality and Social Psychology*, 47, pp 738-748 Воспоминания искажаются различными способами, но чаще всего они искажаются для того, чтобы сохранить наши я-концепцию и представление о себе как о хороших и компетентных людях
- 13 Эн Уилсон и Майкл Росс показали, как ошибки самооправданий в воспоминаниях помогают нам создавать психологическое ощущение собственного прогресса Мы психологически отдаляемся от наших более ранних «инкарнаций», если это позволяет нам почувствовать, как мы растем, учимся, становимся более зрелыми Но, подобно Хейберу, мы не забываем о том, что считали своими достижениями в прошлом В любом случае мы не проигрываем См Wilson and Ross, "From Chump to Champ", примеч. 4
- 14 Полный текст книги "Fragments" и реальная история жизни Вилкомирски приводится Stefan Maechler (2001) в "The Wilkomirski Affair A Study in Biographical Truth (translated by John E. Woods)"



New York Schocken Мехлер обсуждает, каким образом Вилкомирски использовал роман Косински Еще одно исследование жизни Вилкомирски и проблем реальных и придуманных воспоминаний см Blake Eskin (2002), "A Life in Pieces The Making and Unmaking of Benjamin Wilkomirski" New York W W Norton

- 15 Историю Уилла Эндрюса можно найти в книге Susan Clancy (2005), "Abducted How People Come to Believe They Were Kidnapped by Aliens" Cambridge, MA Harvard University Press О психологии веры в похищение инопланетянами см. Donald P Spence (1996), "Abduction Tales as Metaphors", *Psychological Inquiry*, 7, pp 177-179 Спенс интерпретирует воспоминания о похищении как метафоры, выполняющие две важные психологические функции они блокируют страхи и опасения, широко распространенные в сегодняшнем политическом и культурном климатах, страхи, которые они не готовы преодолеть, и создают общую идентичность для «уверовавших», таким образом помогая «уверовавшим» справиться с чувствами своего отчуждения и бессилия
- 16 Maechler, "The Wilkomirski Affair", p 273 См примеч. 14
- 17 Maechler, "The Wilkomirski Affair", p 27
- 18 Maechler, "The Wilkomirski Affair", p 71 Вилкомирски объясняет свой «синдром беспокойных ног», рассказывая ужасную историю когда он был в Майданеке, он, будто бы, научился двигать ногами во сне «иначе их бы грызли крысы» Но, по словам Томаса Кранца, руководителя исследовательского отдела музея Майданска, в концлагере были вши и блохи, но не было крыс (как в других лагерях, таких как Биркенау) Maechler, p 169
- 19 О физиологической и психологической пользе ведения дневников, о секретах и травмах, которые ранее скрывались, см James W Pennebaker (1990), "Opening Up". New York William Morrow
- 20 Об «инфляции воображения» см Elizabeth F Loftus (2004), "Memories of Things Unseen", *Current Directions in Psychological Science*, 13, pp 145-147; and Loftus (2001), "Imagining the Past", in *Psychologist*, 14 (British Psychological Society), pp 584-587; Maryanne Garry, Charles Manning, Elizabeth Loftus, and Steven J Sherman (1996), "Imagination Inflation Imagining a Childhood Event Inflates Confidence That It Occurred", *Psychonomic Bulletin and Review*, 3, pp 208-214; Giuliana Mazzoni and Amina Memon (2003), "Imagination Can Create False Autobiographical Memories", *Psychological Science*, 14, pp 186-188 О сновидениях см Giuliana

- Mazzoni, Elizabeth F Loftus, Aaron Seitz, and Steven J Lynn (1999), "Changing Beliefs and Memories through Dream Interpretation", *Applied Cognitive Psychology*, 2, pp 125-144
- 21 Brian Gonsalves, Paul J Reber, Darren R Gitelman, et al (2004), "Neural Evidence that Vivid Imagining Can Lead to False Remembering", *Psychological Science*, 15, pp 655-660 Они обнаружили, что в процессе визуального представления какого-то привычного объекта возбуждаются области коры головного мозга, что может привести к ложным воспоминаниям об этих объектах, присутствовавших только в воображении
- 22 Mazzoni and Memon, "Imagination Can Create False Autobiographical Memories", примеч. 20
- 23 Эффект называется «инфляцией объяснения», см Stefanie J Sharman, Charles G Manning, and Maryanne Garry (2005), "Explain This Explaining Childhood Events Inflates Confidence for Those Events", *Applied Cognitive Psychology*, 19, pp 67-74 Еще плохо разговаривающие маленькие дети могут произвести визуальный эквивалент того, что делают взрослые — они рисуют картинку абсолютно невозможного варианта событий, например, того, как они пьют чай в корзине воздушного шара или плавают в глубинах океана вместе с русалкой Нарисовав такую картинку, они часто «импортируют» ее в память Через неделю они в этом случае чаще отвечают «да» на вопрос о том, действительно ли происходило это нереальное событие См Strange, Maryanne Garry, and Rachel Sutherland (2003), "Drawing Out Children's False Memories", *Applied Cognitive Psychology*, 17, pp 607-619
- 24 Maechler, "The Wilkomirski Affair", p 104 См примеч 14
25. Bernstein's letter Maechler, "The Wilkomirski Affair", p 100, Matta's defense of Wilkomirski, p 97; выделение наше
- 26 Richard J McNally (2003), "Remembering Trauma" Cambridge, MA Harvard University Press, p 233
- 27 Michael Shermer (2005, February), "Abducted!", *Scientific American*, pp 33-34 Цитата на с 33
- 28 Clancy, "Abducted", p 51 См примеч 15
- 29 «Однажды я ночью проснулся» Clancy, "Abducted", с 34; «Я был в депрессии», с 34; «загадочные симптомы, такие как сброшенная на пол пижама или неожиданные носовые кровотечения», с 33

30. Например, Джулиана Мазони с коллегами показала в своей лаборатории, как люди могут посчитать невозможное событие (будто бы они были одержимы демонами в детстве) вполне возможным воспоминанием. Одним из шагов в этом процессе было чтение литературы об одержимости демонами, и особенно тех мест, в которых утверждалось, будто это гораздо более распространенное явление, чем думает большинство людей, и также приводились свидетельства очевидцев. См. Giuliana Mazzoni, Elizabeth F Loftus, and Irving Kirsch (2001), "Changing Beliefs About Implausible Autobiographical Events: A Little Plausibility Goes a Long Way", *Journal of Experimental Psychology Applied*, 7, pp. 51-59.
31. «Ко мне нельзя было никому прилагиваться» Clancy, "Abducted", p. 143. Уилл Эндрюс, «Я был готов просто сдаться», и вопрос его жены, с. 2. См. примеч. 15.
32. Clancy, "Abducted", p. 50.
33. Richard McNally, личное общение.
34. Richard J. McNally, Natasha B. Lasko, Susan A. Clancy, et al. (2004), "Psychophysiological Responding During Script-Driven Imagery in People Reporting Abduction by Space Aliens", *Psychological Science*, 5, pp. 493-497. См. также "Abducted" (примеч. 15), and McNally, "Remembering Trauma" (примеч. 26), где приводится обзор этого и других исследований.
35. Интересно, тем не менее, что автобиографии, когда-то служившие вдохновляющими примерами борьбы людей против расизма, насилия, болезней, изгнания из родной страны или бедности, похоже, сегодня вышли из моды. Современные мемуары соревнуются в описаниях ужасных и жестоких подробностей жизни автора. См. красноречивое эссе на эту тему Francine Prose, "Outrageous Misfortune", her review of Jeannette Walls's *The Glass Castle: A Memoir* for *The New York Times Book Review*, March 13, 2005. Эссе начинается так: «Мемуары – это современные волшебные сказки, душераздирающие сказки братьев Гримм, пересказанные с точки зрения смелого ребенка, который, несмотря на все опасности, избежал судьбы быть наструганным на мелкие кусочки, сваренным в горшке и поданным как одно из блюд на семейном обеде».
36. Ellen Bass and Laura Davis (1988), *The Courage to Heal: A Guide for Women Survivors of Child Sexual Abuse*. New York: Harper &

Row, p. 173. Это утверждение сохранилось и в гретьем, переработанном и расширенном издании, 1994, p. 183

- 37 Лучший полный рассказ об этой истории см Moira Johnston (1997), *Spectral Evidence The Ramona Case Incest, Memory, and Truth on Trial in Napa Valley* Boston Houghton Mifflin Цитата, описывающая изменения, с 160
- 38 Mary Karr, "His So-Called Life", *The New York Times* op-ed, January 15, 2006

## Глава 4

### Хорошие намерения, плохая наука: замкнутый круг клинических оценок

- 1 Историю Грейс рассказал нам психолог Джозеф де Ривера, интервьюировавший ее и других респондентов для своего исследования психологии людей, отказавшихся от возникших под влиянием психотерапевтов ложных воспоминаний См , например, Joseph de Rivera (1997), "The Construction of False Memory Syndrome The Experience of Retractors", *Psychological Inquiry*, 8, pp 271-292; и de Rivera (2000), "Understanding Persons Who Repudiate Memories Recovered in Therapy", *Professional Psychology Research and Practice*, 31, pp 378-386
- 2 Наиболее полной историей эпидемии «возвращенных воспоминаний» остается книга Mark Pendergrast's 1996 "Victims of Memory" (2<sup>nd</sup> ed ) Hinesburg, VT Upper Access Press; revised and expanded for a HarperCollins British edition, 1996 См также Richard J. Ofshe and Ethan Watters (1994), "Making Monsters False Memory, Psychotherapy, and Sexual Hysteria", New York Scribners; Elizabeth Loftus and Katherine Ketcham (1994), "The Myth of Repressed Memory", New York St Martin's Press; and Frederick Crews (ed ) (1998), "Unauthorized Freud Doubters Confront a Legend", New York Viking Отличный социологический анализ эпидемий истерии и моральной паники можно найти в книге Philip Jenkins (1992), "Intimate Enemies Moral Panics in Contemporary Great Britain" Hawthorne, NY Aldine de Gruyter Конкретный пример женщины, утверждавшей, будто отец подвергал ее с 5 до 23 лет

сексуальным домогательствам, это случай Лоры Б., подавшей в суд на своего отца, Джозела Хангерфорда, в штате Нью-Гемпшир в 1995 г. Она проиграла в суде

- 3 Две самые первые и все еще лучшие книги о скандалах в детских садах и заявлениях о якобы широком распространении ритуалов сатанистских культов с использованием сексуальных домогательств Debbie Nathan and Michael Snedeker (1995), "Satan's Silence Ritual Abuse and the Making of a Modern American Witch Hunt", New York Basic Books; and Stephen J Ceci and Maggie Bruck (1995), "Jeopardy in the Courtroom A Scientific Analysis of Children's Testimony", Washington, DC American Psychological Association Дороти Рабиновиц (Dorothy Rabinowitz), редактор и автор газеты Wall Street Journal, была первой, кто поставил под сомнение обвинительный приговор Келли Майклс и добился пересмотра ее дела; см также Rabinowitz (2003), "No Crueler Tyrannies Accusation, False Witness, and Other Terrors of Our Times" New York Wall Street Press Books/Free Press

Похожей эпидемией был рост числа случаев синдрома «множественной личности» или «расщепленной личности» До 1980 г было только несколько подобных случаев, но к середине 1990-х гг их, по оценкам, уже насчитывалось около 40 000 Когда клиники, специализировавшиеся на лечении этого синдрома, были закрыты в результате успешных судебных исков против психиатров, которые провоцировали это расстройство у психически-неустойчивых пациентов, их количество начало снижаться, хотя синдром продолжает встречаться См Joan Acocella (1999), "Creating Hysteria Women and Multiple Personality Disorder" San Francisco Jossey-Bass О гипнозе и других способах стимулирования ложных воспоминаний о похищении, а также синдроме расщепления личности и «воспоминаний» о сексуальных домогательствах в детстве, см Nicholas P Spanos (1996), "Multiple Identities and False Memories A Sociocognitive Perspective" Washington, DC American Psychological Association

- 4 Например, в феврале 2005 г в Бостоне жюри присяжных обвинило 74-летнего бывшего священника Пола Шенли в сексуальных домогательствах в отношении 27-него Пола Буса, когда Полу Буса было 6 лет Это обвинение последовало после серии скандалов, связанных с доказанными обвинениями в адрес католических священников-педофилов, поэтому понятно, почему публика

реагировала эмоционально и была настроена против священников и католических властей, которые старались скрыть эти обвинения. Однако единственным доказательством в деле Шенли были воспоминания Буса, которые, как он утверждал, возвратились к нему как яркие «кадры из прошлого», когда он прочитал статью о Шенли в *Boston Globe*. На суде не было представлено никаких других доказательств вины Шенли, но также и никаких доказательств, опровергающих утверждения Буса. См. Jonathan Rauch, "Is Paul Shanley Guilty? If Paul Shanley Is a Monster, the State Didn't Prove It", *National Journal*, March 12, 2005, pp. 746-747; and JoAnn Wypijewski, "The Passion of Father Paul Shanley", *Legal Affairs*, September-October 2004. Другими скептически настроенными репортерами были, например, Дэниел Лайонс из *Forbes*, Робин Вашингтон из *The Boston Herald* и Майкл Майнер из *Chicago Reader*.

5. Некоторые исследования обнаружили, что наиболее эффективен комбинированный подход: медикаментозное лечение, дополненное когнитивно-поведенческой терапией (CBT) – другие обнаружили, что CBT хорошо работает и без медикаментозного лечения. Материалы по этой проблеме и библиографию можно найти в отчете "American Psychological Association Presidential Task Force on Evidence-Based Practice" (2006), "Evidence-Based Practice in Psychology", *American Psychologist*, 61, pp. 271-283. См. также Dianne Chambless et al. (1998), "Update on Empirically Validated Therapies", *The Clinical Psychologist*, 51, pp. 3-16, и Steven D. Hollon, Michael E. Thase, and John C. Markowitz (2002), "Treatment and Prevention of Depression", *Psychological Science in the Public Interest*, 3, pp. 39-77. В этих статьях можно найти отличные ссылки на публикации об эмпирически подтвержденной эффективности различных методов терапии для решения различных проблем.
6. Tanya M. Luhrmann (2000), "Of Two Minds: The Growing Disorder in American Psychiatry". New York: Knopf. Ее заключения сходны с тем, как Джонас Робитчер описывал свою профессию в 1980 г. в книге "The Powers of Psychiatry". Boston: Houghton Mifflin.
7. Отличный обзор проблем и распространения псевдонаучных методов в психотерапии, включая необоснованные тесты для диагностики, методы лечения аутизма и синдрома повышенной активности и дефицита внимания, а также ряд популярных

методов психотерапии, см Scott O Lilienfeld, Steven Jay Lynn, and Jeffrey M Lohr (eds) (2003), "Science and Pseudoscience in Contemporary Clinical Psychology" New York Guilford. Другая сторона проблемы – наиболее важные результаты в клинической науке представлена в статьях Scott O Lilienfeld и William T O'Donohue (eds) (2007), "The Great Ideas of Clinical Science" New York Routledge

- 8 Доказательства эффективности гипноза для лечения многих случаев острых и хронических болей см David R Patterson and Mark P Jensen (2003), "Hypnosis and Clinical Pain", *Psychological Bulletin*, 29, pp 495-521 Гипноз может также повысить эффективность методов когнитивно-поведенческой терапии для похудения, отказа от курения и других проблемных видов поведения. См Irving Kirsch, Guy Montgomery, and Guy Sapirstein (1995), "Hypnosis as an Adjunct to Cognitive-Behavioral Psychotherapy A Meta-Analysis", *Journal of Consulting and Clinical Psychology*, 2, pp 214-220 Но есть масса убедительных доказательств того, что гипноз – это ненадежный метод для возвращения памяти и воспоминаний, вот почему Американская психологическая ассоциация и Американская медицинская ассоциация возражают против использования «освеженных с помощью гипноза» свидетельских показаний в судах. См Steven Jay Lynn, Timothy Lock, Elizabeth Loftus, Elisa Krackow, and Scott O Lilienfeld (2003), "The Remembrance of Things Past Problematic Memory Recovery Techniques in Psychotherapy", in Lilienfeld, Lohr, and Lynn, *Science and Pseudoscience in Contemporary Clinical Psychology* (примеч 7); и John F Kihlstrom (1994), "Hypnosis, Delayed Recall, and the Principles of Memory", *International Journal of Experimental Hypnosis*, 42, pp 337-345
- 9 Paul Meehl (1986, Summer), "Psychology Does Our Heterogenous Subject Matter Have Any Unity?", *Minnesota Psychologist*, p 4
- 10 Показания Бессела Ван Дер Колка были взяты у него юристом и психологом Р Кристофером Барденом в офисе Ван Дер Колка в Бостоне, штат Массачусетс 26 и 28 декабря 1996 г. С этими показаниями можно познакомиться на вебсайте адвоката Тимоти Конлона, представлявшего интересы истцов. На вебсайте Конлона в разделе "Deposition of Bessell [sic] van der Kolk" этот психиатр все еще представляется как «ведущий авторитетный специалист по травмам и их влиянию на память», и указаны даты, когда он

давал показания, но сам текст показаний удален [http //www.tjcesq.com/CM/OnlineDocuments/OnlineDocuments19.asp](http://www.tjcesq.com/CM/OnlineDocuments/OnlineDocuments19.asp)

- 11 John F Kihlstrom (2004), "An Unbalanced Balancing Act Blocked, Recovered, and False Memories in the Laboratory and Clinic", *Clinical Psychology Science and Practice*, 11 Он добавил «если бы уверенность была адекватным критерием обоснованности, то Биньямину Вилкомирски можно было бы присудить Пулитцеровскую премию по истории»
- 12 Sigmund Freud (1924), "The Dissolution of the Oedipus Complex", in J Strachey (ed ), *The Standard Edition of the Complete Psychological Works of Sigmund Freud (Vol 19)* London Hogarth
- 13 Розенцвейг писал «В двух разных случаях (1934 и 1937) готическим шрифтом сначала на немецком, а потом на английском языке Фрейд негативно отреагировал на любые попытки исследовать психоаналитическую теорию лабораторными методами Это ясно подчеркнуло недоверие или даже отрицательное отношение Фрейда к использованию экспериментальных методов для подтверждения идей, основанных на клинической практике Фрейд был убежден, что клиническая обоснованность его теорий, которые как изначально, так и впоследствии основывались на его самоанализе, не нуждалась в других источниках подтверждения» См Saul Rosenzweig (1997), "Letters by Freud on Experimental Psychodynamics", *American Psychologist*, 52, p 571 См также Saul Rosenzweig (1985), "Freud and Experimental Psychology The Emergence of Idio-Dynamics", in S Koch and D E Leary (eds ), *A Century of Psychology as Science* New York McGraw-Hill Эта книга была переиздана Американской психологической ассоциацией в 1992 г
- 14 См , например, Lynn et al , "The Remembrance of Things Past", примеч 8
- 15 Майкл Нэн предлагает пример в своей статье, опубликованной в 1994 г, "Memory Distortion and Sexual Trauma The Problem of False Negatives and False Positives", *International Journal of Clinical and Experimental Hypnosis*, 42, pp 346-362
- 16 McNally, "Remembering Trauma", p 275
- 17 Адвокаты метода «возвращенных воспоминаний», о которых здесь идет речь, это Дэниел Браун, Алан Шефлин и Д Коридон Хэммонд, авторы книги (1998) "Memory", "Trauma Treatment, and the Law", New York WW Norton; Их версия исследования в Кемп



Эрика приведена на странице 156 Обзор этой книги, в котором демонстрируется многолетняя связь ее авторов с движением за «возвращенные воспоминания», их вера, сатанинские культы и поддержка идеи использования гипноза для «возвращения воспоминаний» о сексуальных домогательствах и «множественных личностях» см в статье Фредерика Крюса Frederick Crews's "The Trauma Trap", *New York Review of Books*, 51, March 11, 2004 Это эссе было перепечатано вместе с другими статьями, демонстрирующими ошибки движения за «возвращенные воспоминания» в сборнике Frederick Crews (2006), "Follies of the Wise" Emeryville, CA Shoemaker & Hoard

- 18 Rosemary Basson, Rosemary McInnes, Mike D Smith, Gemma Hodgson, and Nandan Koppiker (2002, May), "Efficacy and Safety of Sildenafil Citrate in Women with Sexual Dysfunction Associated with Female Sexual Arousal Disorder", *Journal of Women's Health & Gender-Based Medicine*, 11, pp 367-377
- 19 Joan Kaufman and Edward Zigler (1987), "Do Abused Children Become Abusive Parents?", *American Journal of Orthopsychiatry*, 57, pp 186-192 Со времен Фрейда, конечно, существовало широко распространенное предположение, что детские психические травмы неминуемо приводят к психопатологии во взрослом возрасте Исследования опровергли и это предположение Психолог Энн Мастен заметила, что многие люди предполагают, что в детях, которые пережили в детстве какие-то тяжелые события, есть что-то особое и редкое Но «большим сюрпризом» исследования, заключила она, был вывод о том, насколько широко распространенной является способность детей быстро восстанавливать психическое и физическое здоровье Большинство детей удивительно хорошо переживает и преодолевает негативные последствия войн, детских болезней, жестокость и алкоголизм родителей, лишения и сексуальные домогательства См Ann Masten (2001), "Ordinary Magic Resilience Processes in Development", *American Psychologist*, 56, pp 227-238
- 20 Например, см William Friedrich, Jennifer Fisher, Daniel Broughton, et al (1988), "Normative Sexual Behavior in Children A Contemporary Sample", *Pediatrics*, 101, pp 1-8 См также [www.pediatrics.org/cgi/content/full/101/4/e9](http://www.pediatrics.org/cgi/content/full/101/4/e9) Отличный обзор исследований по генетике поведения, демонстрирующий стабильность черт темперамента, несмотря на жизненный опыт ребенка, приведен

- в Judith Rich Harris (1998), "The Nurture Assumption" New York The Free Press. О том, что у детей, не подвергавшихся насилию и домогательствам, также часто бывают ночные кошмары и другие симптомы тревожности, см. в McNally, "Remembering Trauma", примеч. 16
- 21 Kathleen A. Kendall-Tackett, Linda M. Williams, and David Finkelhor (1993), "Impact of Sexual Abuse on Children: A Review and Synthesis of Recent Empirical Studies", *Psychological Bulletin*, 113, pp. 164-180; цитата из резюме статьи с. 164. Исследователи также обнаружили зависимость симптомов у детей от жестокости, продолжительности и частоты насилия и домогательств и степени материнской поддержки. В противоположность прогнозам психотерапевтов-сторонников метода «возвращенных воспоминаний» две трети детей-жесток в пришли в нормальное состояние за 1-1,5 года.
- 22 Сделав обзор исследований, Гленн Уолфнер, Дэвид Фауст и Робин Доус пришли к выводу, что «нет просто никаких научных доказательств, которые бы оправдывали клинический или судебный диагноз того, что дети подвергались насилию или домогательствам, на основе того, как они играют с куклами». Wolfner, Faust, and Dawes (1993), "The Use of Anatomically Detailed Dolls in Sexual Abuse Evaluations: The State of the Science", *Applied and Preventive Psychology*, 2, 1-11
- 23 Когда маленькую девочку спросили, действительно ли это произошло, она ответила «Да, это было». Когда ее отец и экспериментатор пытались переубедить ее и говорили «Твой доктор не делал ничего такого с маленькими девочками. Ты просто дурачилась. Мы знаем, что он не делал таких вещей», – ребенок упорно не хотел отказываться от своих утверждений. «Таким образом, повторяющаяся возможность играть с (анатомической) куклой в сочетании с минимальным внушением, – предостерегают исследователи, – привела к играм ребенка с выраженным сексуальным контекстом». Maggie Bruck, Stephen J. Ceci, Emmett Francoeur, and Ashley Renick (1995), "Anatomically Detailed Dolls Do Not Facilitate Preschoolers' Reports of a Pediatric Examination Involving Genital Touching", *Journal of Experimental Psychology: Applied*, 1, pp. 95-109
- 24 Thomas M. Horner, Melvin J. Guyer, and Neil M. Kalter (1993), "Clinical Expertise and the Assessment of Child Sexual Abuse",

- Journal of the American Academy of Child and Adolescent Psychiatry, 32, pp 925-931; и Thomas M Horner, Melvin J Guyer, and Neil M Kalter (1993), "The Biases of Child Sexual Abuse Experts Believing Is Seeing", Bulletin of the American Academy of Psychiatry and the Law, 21, pp 281-292
- 25 Более 50 лет назад Пол Мил показал, что относительно простые математические модели лучше предсказали развитие состояния пациентов, чем интуитивные прогнозы клиницистов Paul E Meehl (1954), "Clinical versus Statistical Prediction A Theoretical Analysis and a Review of the Evidence", Minneapolis University of Minnesota Press; and Robyn Dawes, David Faust, и Paul E Meehl (1989), "Clinical versus Actuarial Judgment", Science, 243, pp 1668-1674 Выводы Мила неоднократно подтверждались См. Howard Grob (1998), "Studying the Clinician Judgment Research and Psychological Assessment". Washington, DC American Psychological Association
- 26 Наш рассказ о деле Келли Майклс основывается на таких источниках Ceci and Bruck, "Jeopardy in the Courtroom" (примеч 3); и Pendergrast, "Victims of Memory" (примеч 2). См также Maggie Bruck and Stephen Ceci (1995), "Amicus Brief for the Case of State of New Jersey v Margaret Kelly Michaels, Presented by Committee of Concerned Social Scientists", Psychology, Public Policy, & Law, 1(2) [entire issue]
- 27 Цитируется в Pendergrast, "Victims of Memory", p 423; примеч 2
- 28 Jason J Dickinson, Debra A. Poole, and R L Laimon (2005), "Children's Recall and Testimony", in N. Brewer & K Williams (eds ), "Psychology and Law An Empirical Perspective" New York Guilford See also Debra A. Poole и D. Stephen Lindsay (1995), "Interviewing Preschoolers Effects of Nonsuggestive Techniques, Parental Coaching, and Leading Questions on Reports of Nonexperienced Events", Journal of Experimental Child Psychology, 60, pp 129-154
- 29 Sena Garven, James M Wood, Roy S Malpass, and John S Shaw, III (1998), "More Than Suggestion The Effect of Interviewing Techniques from the McMartin Preschool Case", Journal of Applied Psychology, 83, pp 347-359; and Sena Garven, James M. Wood, and Roy S Malpass (2000), "Allegations of Wrongdoing The Effects of Reinforcement on Children's Mundane and Fantastic Claims", Journal of Applied Psychology, 85, pp 38-49.

- 30 Gabrielle F Principe, Tomoe Kanaya, Stephen J Ceci, and Mona Singh (2006), "Believing Is Seeing How Rumors Can Engender False Memories in Preschoolers", *Psychological Science*, 17, pp 243-248
- 31 Debra A Poole and Michael E Lamb (1998), "Investigative Interviews of Children" Washington, DC American Psychological Association Их работа стала основой для создания новых форм и протоколов, разработанных специальной рабочей группой при губернаторе штата Мичиган, занимавшейся проблемами ювенальной юстиции (1998, 2004) См [http://www.michigan.gov/documents/FIA-Pub779\\_13054\\_7.pdf](http://www.michigan.gov/documents/FIA-Pub779_13054_7.pdf) Национальный институт детского здоровья и развития (NICHD) также разработал протокол для исследовательских интервью, который широко используется для исследований и оценок Хороший обзор см. в Debra A Poole and Jason J Dickinson (2005), "The Future of the Protocol Movement" (invited commentary), *Child Abuse & Neglect*, 29, pp 1197-1202
- 32 Ellen Bass and Laura Davis (1998), "The Courage to Heal A Guide for Women Survivors of Child Sexual Abuse" New York Harper & Row, p 18
- 33 В одном исследовании ученые изучали вероятностную выборку медицинских психологов, имеющих ученую степень, из Национального реестра практикующих медицинских психологов Их спросили, как часто они используют те или иные методы психотерапии, особенно «для помощи клиентам в восстановлении воспоминания о сексуальных домогательствах», а именно гипноз, возрастную регрессию, интерпретацию сновидений, направленное воображение, относящееся к ситуациям домогательств, и интерпретацию физических симптомов как доказательство домогательств Чуть более 40 % психологов сообщили, что используют интерпретацию сновидений; около 30 % использовали гипноз, около 20 % возрастную регрессию Примерно такой же процент опрошенных не одобрял использование этих методик, у остальных – не было определенного мнения Debra A Poole, D Stephen Lindsay, Amina Memon, and Ray Bull (1995), "Psychotherapy and the Recovery of Memories of Childhood Sexual Abuse U.S and British Practitioners' Opinions, Practices, and Experiences", *Journal of Consulting and Clinical Psychology*, 63, pp 426-437 Более недавние сходные исследования показали, что соотношение мнений не изменилось

- 34 Представление о том, будто пережитые в детстве сексуальные домогательства являются ведущей причиной расстройств пищевого поведения, не подтверждено никакими эмпирическими данными, согласно мета-анализу основных исследований по этой проблеме См Eric Stice (2002), "Risk and Maintenance Factors for Eating Pathology A Meta-Analytic Review", *Psychological Bulletin*, 128, pp 825-848
- 35 Richard J McNally (2005), "Troubles in Traumatology", *The Canadian Journal of Psychiatry*, 50, pp 815-816 Это цитата на с 815
- 36 Джон Бриэр сделал это заявление на 12-м международном конгрессе против насилия над детьми и невыполнения родительских обязанностей в 1998 г в Окленде, Новая Зеландия Его высказывания перепечатала газета *New Zealand Herald*, September 9, 1998 В статье, цитировавшей Бриэра, было сказано, что «отсутствие воспоминаний о домогательствах достаточно широко распространено, но нет данных, предполагающих, что ложные воспоминания о домогательствах широко распространены» См <http://www.menz.org.nz/Casualties/1998%20newsletters/Oct%2098.htm>
- 37 Цитируется в Pendergrast, "Victims of Memory", p 567; примеч 2
- 38 Хэммонд отметил это в своей презентации «Исследование ложных воспоминаний о том, что не запомнилось критика экспериментального гипноза и исследований памяти» на 14-м международном конгрессе по гипнозу и психосоматической медицине» в Сан-Диего, июнь 1997 г Аудиозапись выступления Хэммонда была получена у компании The Sound of Knowledge, Inc
39. Например, группа психиатров и других клинических экспертов обратилась в Министерство юстиции США с предложением принять закон, делающий противозаконными публикации выдержек из показаний детей в реальных судебных делах по поводу сексуальных домогательств в детских садах Министерство отказалось Издательству Basic Books угрожали судебными исками, если оно выпустит книгу Дебби Нейтан и Майкла Снедекера – Debbie Nathan and Michael Snedeker, "Satan's Silence" («Молчание сатаны»), рассказывающую об истерии в детских садах – издательство не поддавалось шантажу. Американской психологической ассоциации (АРА) также угрожали судебным иском, если она опубликует книгу Стивена Сиси и Мэгги Брак – Stephen Ceci

and Maggie Bruck's "Jeopardy in the Courtroom" («Опасность в зале суда»); АРА отложила публикацию на несколько месяцев. Информация получена в личной беседе с исследователями.

- 40 В предисловии к третьему изданию своей книги "The Courage to Heal" (р. 14), Басс и Дейвис ответили на научную критику своей книги и упреки в том, что они не проходили профессиональное обучение «Нас как авторов критиковали за то, что у нас нет академических дипломов. Но вам не нужна научная степень для того, чтобы внимательно и сочувственно выслушивать другого человека». Это верно, но мы надеемся, что, как мы показали в этой главе, обучение научным методам может уберечь всех преисполненных благих намерений и сочувственных слушателей от необоснованных и невероятных выводов, особенно, если эти выводы могут привести к трагическим последствиям. Авторы не попытались исправить ошибки, допущенные ими в первом издании, не говоря уже о том, чтобы предостеречь пациентов, если ваш психотерапевт оказывает на вас давление, чтобы вы вспомнили о сексуальных домогательствах – найдите другого психотерапевта. И, о да, для третьего издания книги они побеседовали с «небольшим количеством» женщин, которые сначала думали, что они подвергались сексуальным домогательствам, но вместо этого обнаружили, что причина их боли – «эмоциональные унижения» или другие детские травмы. Насколько нам известно, ни Басс, ни Дейвис никогда не признавались, что были неправы в своих первоначальных утверждениях о памяти и травмах. По данным сайта, Лора Дейвис подхватила новую модную тенденцию и теперь выступает за примирение семей, распавшихся из-за обвинений в сексуальных домогательствах.
- 41 National Public Radio's "This American Life", episode 215, aired June 16, 2002

## Глава 5

### Закон и беспорядок

- 1 Timothy Sullivan (1992), "Unequal Verdicts: The Central Park Jogger Trials" New York: American Lawyer Books/Simon & Schuster.

2. Рейес признался в убийстве и изнасиловании, потому что случайно встретил в тюрьме одного из осужденных по этому делу Хэри Вайса и, очевидно, почувствовал себя виновным в том, что тот незаслуженно попал в тюрьму. Позже он сообщил тюремным властям, что совершил преступление, за которое ошибочно осудили других, и было назначено повторное расследование. Steven A. Drizin and Richard A. Leo (2004), "The Problem of False Confessions in the Post-DNA World", *North Carolina Law Review*, 82, pp. 891-1008, p. 899.
3. См. [www.innocenceproject.org](http://www.innocenceproject.org) and Barry Scheck, Peter Neufeld, and Jim Dwyer (2000), "Actual Innocence" New York: Doubleday.
4. Выделено в оригинале Samuel R. Gross et al. (2004), "Exonerations in the United States, 1989 through 2003", <http://www.mindfully.org/Reform/2004Prison-Exonerations-Gross19apr04.htm>. Это исследование было потом опубликовано в юридическом журнале Samuel R. Gross, Kristen Jacoby, Daniel J. Matheson, Nicholas Montgomery, and Sujata Patil (2005), "Exonerations in the United States, 1989 through 2003", *Journal of Criminal Law and Criminology*, 95, pp. 523ff.
5. Цитировано в Richard Jerome, "Suspect Confessions", *The New York Times Magazine*, August 13, 1995, pp. 28-31; цитата с 31.
6. Daniel S. Medwed (2004), "The Zeal Deal: Prosecutorial Resistance to Post-Conviction Claims of Innocence", *Boston University Law Review*, 84, p. 125. Медвед анализирует институциональную культуру многих офисов прокуроров, затрудняющую для прокуроров признание и исправление своих ошибок.
7. Joshua Marquis, "The Innocent and the Shammed", *The New York Times* op-ed, January 26, 2006.
8. "Harmful Error: Investigating America's Local Prosecutors", публикация Центра общественной честности, лето 2003 г., сообщает о проведенном ими анализе 11 452 случаев апелляций, поданных судьями против нарушений, допущенных прокурорами, по всей стране. Центр дал Маркису возможность отреагировать на «эти несколько случаев», «правда в том, что...», с 110. <http://www.publicintegrity.org>
9. Цитируется в Mike Miner, "Why Can't They Admit They Were Wrong?", *Chicago Reader*, August 1, 2003.
10. Основная проблема с анализом стресса по тембру заключается в том, что вмешивается «ошибка подтверждения». Если вы ду-

маете, что подозреваемый виновен, вы интерпретируете микро-треморы как признак того, что он лжет, а, если вы думаете, что он невиновен – то не обращаете на них внимания. Библиографию и обзор некоторых исследований можно найти в Интернете по адресу <http://www.polygraph.org/voicestress.htm>

11. Цитировано в Paul E. Tracy (with the collaboration of Ralph Claytor and Chris McDonough) (2003), "Who Killed Stephanie Crowe?", Dallas, TX: Brown Books, p. 334
12. Рассказ об участии в деле Вика Калоки, включая цитаты из его высказываний, можно найти в истории, написанной репортерами-расследователями Вилкенсом и Соером John Wilkens and Mark Sauer, "A Badge of Courage: In the Crowe Case, This Cop Ignored the Politics while Pursuing Justice", The San Diego Union-Tribune, July 11, 2004. Друлинер цитируется Вилкенсом и Соером в "Tuite Found Guilty of Manslaughter", The San Diego Union-Tribune, May 27, 2004
13. Deanna Kuhn, Michael Weinstock, and Robin Flaton (1994), "How Well Do Jurors Reason? Competence Dimensions of Individual Variation in a Juror Reasoning Task", *Psychological Science*, 5, pp. 289-296
14. Don DeNevi and John H. Campbell (2004), "Into the Minds of Madmen: How the FBI's Behavioral Science Unit Revolutionized Crime Investigation" Amherst, NY: Prometheus Books, p. 33. Эта книга неумышленно – исследование ненаучного обучения отделения бихевиоризма ФБР.
15. Цитировано в Tracy, "Who Killed Stephanie Crowe?", p. 184; примеч. 11
16. Цитируется CBS's "Eye to Eye" with Connie Chung (1994)
17. Вводный комментарий Стивена Драйзина Steven Drizin, "Prosecutors Won't Oppose Tankleff's Hearing", The New York Times on the Web, May 13, 2004.
18. Edward Humes (1999), "Mean Justice" New York: Pocket Books, p. 181
19. Andrew J. McClurg (1999), "Good Cop, Bad Cop: Using Cognitive Dissonance Theory to Reduce Police Lying", *U.C. Davis Law Review*, 32, pp. 389-453. Первая цитата, с. 394; вторая – с. 429
20. Это оправдание настолько обычно, что оно породило новый термин "dropsy" testimony (буквально «поднятые с пола доказательства») Дэвид Хейлбронер, в прошлом помощник окружного



прокурора в Нью-Йорке, писал «В делах с „поднятыми с пола доказагельствами“ офицеры полиции оправдывают обыск с помощью старейшего из приемов они лгут относительно фактов Когда я выходил из-за угла, я увидел, как подсудимый уронил наркотики на тротуар, поэтому я арестовал его Это старая уловка, известная всем в системе правосудия Один почтенный федеральный судья еще много лет назад жаловался, что он чигал подобные показания в таком большом количестве дел, что теперь верит они не имеют никакого отношения к закону» David Heilbroner (1990), "Rough Justice Days and Nights of a Young D.A." New York Pantheon, p. 29.

- 21 McClurg, "Good Cop, Bad Cop", примеч. 19, p. 391, цитируется по отчету City of New York Commission to Investigate Allegations of Police Corruption and the Anti-Corruption Procedures of the Police Department. Commission Report 36 (1994), обычно на него ссылаются как на «Отчет комиссии Моллена»
- 22 Norm Stamper (2005), "Breaking Rank A Top Cop's Exposé of the Dark Side of American Policing" New York Nation Books. См также "Let Those Dopers Be", Stamper's op-ed essay for the Los Angeles Times, October 16, 2005
- 23 Цитируется в McClurg, "Good Cop, Bad Cop", примеч. 19, pp. 413, 415
- 24 В округе Саффолк, Нью-Йорк в сентябре 1988 г. детектив из отдела убийств К. Джеймс Маккриди был вызван в дом, где он нашел тело Арлин Танклеф, которой были нанесены ножевые раны и вызвавшие смерть побои. Ее муж, Сеймур также подвергся жестокому нападению (Он умер через несколько недель) Через несколько часов Маккриди заявил, что он нашел убийцу сына этих супругов, Мартина, которому было 17 лет. Во время допроса Маккриди постоянно повторял Мартину, что он знает, будто тот убил родителей, поскольку его отец ненадолго вышел из комы и сообщил полиции, что Мартин напал на него Это была ложь «Я использовал уловку и обман, – говорил Маккриди – Я не думал, что он сделал это Я знал, что он это сделал» Подросток в итоге сознался, что он мог убить своих родителей, временно потеряв память Когда прибыл семейный адвокат, Мартин Танклеф немедленно отказался от своего признания и так и не подписал свои показания, но этого оказалось достаточно, чтобы его обвинить Мартина приговорили к 50 годам судебного за-

- ключения См Bruce Lambert, "Convicted of Killing His Parents, but Calling a Detective the Real Bad Guy", The New York Times, April 4, 2004.
- 25 Цитируется в Tracy, "Who Killed Stephanie Crowe?", p. 175; примеч 11
26. Fred E. Inbau, John E. Reid, Joseph P. Buckley, and Brian C. Jayne (2001), "Criminal Interrogation and Confessions" (4<sup>th</sup> ed ) Gaithersburg, MD Aspen Publishers, p 212
27. Inbau et al , p 429.
28. Один из наиболее тщательных анализов метода Рейда и руководства к нему Инбай с соавторами – это Deborah Davis and William T O'Donohue (2004), "The Road to Perdition 'Extreme Influence' Tactics in the Interrogation Room", in WT O'Donohue и E Levensky (eds.), "Handbook of Forensic Psychology", pp. 897-996 New York Elsevier Academic Press
- 29 Louis C Senese (2005), "Anatomy of Interrogation Themes The Reid Technique of Interviewing" Chicago John E Reid & Associates, p 32
- 30 Цитируется также в Saul Kassin (2005), "On the Psychology of Confessions Does Innocence Put Innocents at Risk?", American Psychologist, 60, pp 215-228
- 31 Saul M Kassin and Christina T. Fong (1999), "I'm Innocent! Effects of Training on Judgments of Truth and Deception in the Interrogation Room", Law and Human Behavior, 23, pp 499-516 В другом исследовании Кассин с коллегами использовали заключенных, которым давалась инструкция или полностью признаться в совершенном ими в реальности преступлении, или сделать фальшивое признание в преступлении, совершенном на самом деле другим заключенным Студенты и полицейские офицеры оценивали видеозаписи этих признаний В целом правильность оценок не превышала случайную вероятность, но полицейские были более уверены в своих выводах. См Saul M Kassin, Christian A Meissner, and Rebecca J Norwick (2005), "'I'd know a false confession if I saw one' A Comparative Study of College Students and Police Investigators", Law and Human Behavior, 29, pp 211-227
- 32 Вот почему невиновные люди более склонны, чем виновные, отказываться от своего права сохранять молчание, пока не прибудет их адвокат В одном из экспериментов Сола Кассина

72 участника, которые были виновны или невиновны в краже 100 \$, допрашивались мужчиной-детективом. Его стиль поведения мог быть нейтральным, сочувственным или враждебным, и он пытался уговорить участников отказаться от их права не давать показания. Те, кто был невиновен, соглашались гораздо чаще, чем виновные – 81 % против 36 %. Две трети невиновных подозреваемых подписали документ о готовности давать показания, даже если детектив вел себя враждебно и кричал на них «Я знаю, что вы это сделали, я не хочу слушать никакую вашу ложь!». Потом они объяснили, что причина их согласия заключалась в том, что только виновным людям нужен адвокат, а они ничего плохого не сделали и им нечего скрывать. «Похоже, – с сожалением заключили экспериментаторы, – что люди наивно верят, будто их невиновность неминуемо приведет к их освобождению» Saul M. Kassin and Rebecca J. Norwick (2004), “Why People Waive Their Miranda Rights: The Power of Innocence”, *Law and Human Behavior*, 28, pp. 211-221.

- 33 Drizin and Leo, “The Problem of False Confessions in the Post-DNA World”, p. 948; примеч. 2.
- 34 Например, одному из подростков, Хэри Вайсу, сказали, что женщину-джоггера ударили по голове «очень тяжелым предметом», а потом спросили «Ее ударили камнем или кирпичом?» Вайс сначала сказал, что камнем, а через несколько минут – что это был кирпич. Он сказал, что один из подростков достал нож и разрезал футболку женщины – это была ложь, так как на футболке не было ножевых разрезов. “False Confessions and the Jogger Case”, *The New York Times* op-ed, November 1, 2002.
- 35 *New York v. Kharey Wise, Kevin Richardson, Antron McCray, Yusef Salaam, and Raymond Santana*. Affirmation in response to motion to vacate judgment of conviction, Indictment № 4762/89, by Assistant District Attorney Nancy Ryan, December 5, 2002. Цитата на с. 46.
- 36 Adam Liptak, “Prosecutors Fight DNA Use for Exoneration”, *The New York Times*, August 29, 2003. См. также Daniel Medwed, “The Zeal Deal”, for a review of the evidence of prosecutorial resistance to reopening DNA cases; примеч. 6.
- 37 Цитируется в Sara Rimer, “Convict’s DNA Sways Labs, Not a Determined Prosecutor”, *The New York Times*, February 6, 2002.

38. "The Case for Innocence", a Frontline special for PBS by Ofra Bikel, first aired October 31, 2000. Стенограмма и информация доступны на вебсайте PBS Frontline Web site at <http://www.pbs.org/wgbh/pages/frontline/shows/case/etc/tapes.html>
39. Drizin and Leo, "The Problem of False Confessions in the Post-DNA World", p. 928, примеч. 200 на этой странице; примеч. 2
40. В знаменитом деле в Северной Каролине, в котором жертва неправильно опознала невиновного мужчину как насильника, анализ ДНК в итоге позволил найти истинного виновного, см. James M. Doyle (2005), "True Witness: Cops, Courts, Science, and the Battle Against Misidentification" New York: Palgrave Macmillan. Иногда «безнадежное дело» разрешается с помощью анализа ДНК. В Лос-Анджелесе в 2004 г. детективы, работавшие в недавно созданной группе расследования «безнадежных дел», получили образец спермы с губ женщины, убитой и изнасилованной год назад, и сравнили его с образцами из базы данных ДНК осужденных за тяжкие насильственные преступления. Он совпал с ДНК Честера Тернера, уже отбывавшего тюремный срок за изнасилование. Детективы продолжили отсылать другие образцы ДНК, относящиеся к неразрешенным делам, в лабораторию, и каждый месяц один из образцов указывал на Тернера. Вскоре они связали его с 12 случаями убийства бедных темнокожих проституток. На фоне всеобщего ликования по поводу поимки серийного убийцы окружной прокурор Стив Кули тихо освободил Дэвида Джонса, умственно отсталого уборщика, который провел 9 лет в тюрьме за три убийства из совершенных Тернером. Если бы Тернер убил только этих трех женщин, он бы продолжал разгуливать на свободе, а Джонс все еще сидел бы в тюрьме. Но, поскольку Тернер убил 9 других женщин, и эти дела оставались нерешенными, Джонс посчастливилось, что за них взялась новая группа расследования «безнадежных дел». Правосудие по отношению к нему было «побочным продуктом» другого расследования. Ни у кого, даже у детективов, которые не смогли раскрыть эти убийства, пока Джонс сидел в тюрьме долгие девять лет, не оказалось стимула сравнить ДНК Джонса с образцами ДНК, обнаруженными на других жертвах. Но у специальной группы такая мотивация была (поскольку группа была специально создана для расследования «безнадежных дел»), и это было

единственной причиной того, что правосудие восторжествовало, а Джонс был освобожден

41. Deborah Davis and Richard Leo (2006), "Strategies for Preventing False Confessions and their Consequences", in M. R. Kebbell and G M Davies (eds ), "Practical Psychology for Forensic Investigations and Prosecutions" Chichester, England Wiley, pp 121-149 См также статьи Sandra D Westervelt and John A Humphrey (eds ) (2001), "Wrongly Convicted Perspectives on Failed Justice" New Brunswick, NJ Rutgers University Press
42. Цитировалось в PBS show Frontline, "The Case for Innocence", October 31, 2000
43. D Michael Risinger and Jeffrey L Loop (2002, November), "Three Card Monte, Monty Hall, Modus Operandi and 'Offender Profiling' Some Lessons of Modern Cognitive Science for the Law of Evidence", Cardozo Law Review, 24, p 193
44. Davis and Leo, "Strategies for Preventing False Confessions .", p 145; примеч 41
45. McClurg, "Good Cop, Bad Cop"; примеч 19 В этой статье Макклург предлагает использовать когнитивный диссонанс для сокращения случаев лжи в полиции
46. Saul M Kassin and Gisli H. Gudjonsson (2004), "The Psychology of Confession Evidence A Review of the Literature and Issues", особенно раздел "Videotaping Interrogations A Policy Whose Time Has Come", Psychological Science in the Public Interest, 5, pp 33-67 См также Drizin and Leo, "The Problem of False Confessions ", примеч 2, Davis and O'Donohue, "The Road to Perdition", примеч 28
47. Цитируется в Jerome, "Suspect Confessions", p. 31; примеч 5
48. Thomas P Sullivan (2004), "Police Experiences with Recording Custodial Interrogations" Это исследование с обильными ссылками можно найти в Интернете на сайте <http://www.law.northwestern.edu/wrongfulconvictions/Causes/custodialInterrogations.htm>. Однако последующие исследования показали, что угол, под которым установлена камера, может влиять на выводы наблюдателей, особенно, если камера сфокусирована исключительно на подозреваемом и не показывает интервьюера(ов) G Daniel Lassiter, Andrew L Geers, Ian M Handley, Paul E Weiland, and Patrick J Munhall (2002), "Videotaped Interrogations and Confessions A Simple Change in Camera Perspective Alters Verdicts in Simulated Trials", Journal of Applied Psychology, 87, pp 867-874

- 49 Davis and Leo, "Strategies for Preventing False Confessions .", p 145; примеч 41 В Канаде руководители федеральных/провинциальных/территориальных прокурорских комитетов the Federal/Provincial/Territorial Heads of Prosecutions Committee создали рабочую группу по предотвращению судебных ошибок
- 50 Thomas Vanes, "Let DNA Close Door on Doubt in Murder Cases", the Los Angeles Times op-ed, July 28, 2003

## Глава 6

### «Убийца» любви: самооправдания в браке

- 1 Джон Баулер Йетс своему сыну Уильяму, November 5, 1917 In Richard J Finneran, George M Harper, and William M Murphy (eds ), Letters to W B Yeats, Vol 2 New York Columbia University Press, p 338
- 2 Andrew Christensen and Neil S Jacobson (2000), "Reconcilable Differences" New York Guilford Мы взяли отрывки истории Дебры и Фрэнка из первой главы, сс 1-7
- 3 См Neil S Jacobson and Andrew Christensen (1998), "Acceptance and Change in Couple Therapy: A Therapist's Guide to Transforming Relationships" New York WW Norton.
- 4 Christensen and Jacobson, "Reconcilable Differences", p 9; примеч 2
- 5 Есть много исследований, посвященных тому, как заключения, которые семейные пары делают относительно поступков друг друга, влияют на их чувства и брак См , например, Adam Davey, Frank D Fincham, Steven R H Beach, and Gene H Brody (2001), "Attributions in Marriage Examining the Entailment Model in Dyadic Context", Journal of Family Psychology, 15, pp 721-734; Thomas N Bradbury and Frank D Fincham (1992), "Attributions and Behavior in Marital Interaction", Journal of Personality and Social Psychology, 63, pp 613-628, and Benjamin R. Karney and Thomas N Bradbury (2000), "Attributions in Marriage State or Trait? A Growth Curve Analysis", Journal of Personality and Social Psychology, 78, 295-309
- 6 June P. Tangney, Patricia E Wagner, Deborah Hill-Barlow, et al (1996), "Relation of Shame and Guilt to Constructive versus

- Destructive Responses to Anger Across the Lifespan”, *Journal of Personality and Social Psychology*, 70, 797-809
- 7 John Gottman (1994), *Why Marriages Succeed or Fail* New York Simon & Schuster О Фреде и Ингрид читайте на с 69
  - 8 См , например, Benjamin R Karney and Thomas N Bradbury (1995), “The Longitudinal Course of Marital Quality and Stability A Review of Theory, Method, and Research”, *Psychological Bulletin*, 118, pp 3-34; и Frank D Fincham, Gordon T Harold, and Susan Gano-Phillips (2000), “The Longitudinal Relation between Attributions and Marital Satisfaction Direction of Effects and Role of Efficacy Expectations”, *Journal of Family Psychology*, 14, pp 267-285
  - 9 Gottman, “Why Marriages Succeed or Fail”, p 57, примеч 7
  - 10 Цитируется в Ayala M Pines (1986), “Marriage”, in C Tavis (ed ), “Every-Woman’s Emotional Well-Being” New York Doubleday История Эллен на с 191; Донна и ее «книга ненависти» на сс 190–191
  - 11 Julie Schwartz Gottman (ed ) (2004), “The Marriage Clinic Casebook” New York W W Norton История этой семейной пары приведена в главе 4, “Extramarital Affairs The Pearl in the Oyster”, by Julie Gottman, p 50.
  - 12 John Gottman, “Why Marriages Succeed or Fail”, p 127; его описание 46 семейных пар, см с 128; примеч 7
  - 13 Donald T Sarponek and Chip Rose (1990), “The Psychology of Divorce”, in D L Crumbley and N G Apostolou (eds ), *Handbook of Financial Planning for Divorce and Separation* New York John Wiley Их статья доступна в Интернете по адресу [http //www mediate com/articles/saropoc cfm](http://www.mediate.com/articles/saropoc.cfm) Классическое исследование того, как семейные пары реконструируют воспоминания о своей семейной жизни и друг о друге см Janet R Johnston and Linda E Campbell (1988J, *Impasses of Divorce The Dynamics and Resolution of Family Conflict* New York Free Press
  - 14 Jacobson and Christensen, “Acceptance and Change in Couple Therapy”, примеч 3, обсуждаются новые подходы, помогающие партнерам принять друг друга, вместо того, чтобы каждый из них вынуждал другого измениться
  - 15 Vivian Gornick (2002), “What Independence Has Come to Mean to Me The Pain of Solitude, the Pleasure of Self-Knowledge”, in

## Глава 7

### Раны, разрывы и войны

1. Наш портрет этой пары основан на истории Джо и Мэри Луис в книге Andrew Christensen and Neil S. Jacobson (2000), "Reconcilable Differences", New York Guilford, p 290
2. История «битвы» вокруг семьи Шнаво взята из новостей и подробного репортажа Эбби Гуднаф Abby Goodnough for The New York Times, "Behind Life-and-Death Fight, a Rift that Began Years Ago", March 26, 2005
3. Sukhwinder S Shergill, Paul M Bays, Chris D Frith, and Daniel M Wolpert (2003, July 11), "Two Eyes for an Eye The Neuroscience of Force Escalation", Science, 301, p 187
4. Roy F Baumeister, Arlene Stillwell, and Sara R Wotman (1990), "Victim and Perpetrator Accounts of Interpersonal Conflict Autobiographical Narratives about Anger", Journal of Personality and Social Psychology, 59, pp 994-1005 Примеры типичных ремарок – наши
5. Luc Sante, "Tourists and Torturers", The New York Times op-ed, May 11, 2004
6. Amos Oz, "The Devil in the Details", the Los Angeles Times op-ed, October 10, 2005
7. Keith Davis and Edward E Jones (1960), "Changes in Interpersonal Perception as a Means of Reducing Cognitive Dissonance", Journal of Abnormal and Social Psychology, 61, pp 402-410, см также Frederick X Gibbons and Sue B. McCoy (1991), "Self-Esteem, Similarity, and Reactions to Active versus Passive Downward Comparison", Journal of Personality and Social Psychology, 60, pp 414-424
8. David Glass (1964), "Changes in Liking as a Means of Reducing Cognitive Discrepancies between Self-Esteem and Aggression", Journal of Personality, 32, pp 531-549 См также Richard M



- Sorrentino and Robert G Boutilier (1974), "Evaluation of a Victim as a Function of Fate Similarity/Dissimilarity", *Journal of Experimental Social Psychology*, 10, pp 84-93; и Richard M Sorrentino and Jack E Hardy (1974), "Religiousness and Derogation of an Innocent Victim", *Journal of Personality*, 42, pp 372-382
- 9 Да, он действительно это сказал См Derrick Z Jackson, "The Westmoreland Mind-Set", *Boston Globe*, July 20, 2005 Уэстморленд произнес эту фразу в документальном фильме 1974 г. «Сердца и умы» ("Hearts and Minds") По словам Джексона «Это высказывание так поразило режиссера Питера Дейвиса, что он предложил Уэстморленду вырезать ее» Тот не согласился
  - 10 Ellen Berscheid, David Boye, and Elaine Walster (Hatfield) (1968), "Retaliation as a Means of Restoring Equity", *Journal of Personality and Social Psychology*, 10, pp. 370-376.
  11. Stanley Milgram (1974), "Obedience to Authority" New York Harper & Row, p 10
  - 12 О демонизации обидчика как о способе восстановления консонанса и «веры в справедливый мир» см John H Ellard, Christina D Miller, Terri-Lynne Baumle, and James Olson (2002), "Just World Processes in Demonizing", in M Ross and D T Miller (eds ), "The Justice Motive in Everyday Life" New York: Cambridge University Press
  - 13 John Conroy (2000), "Unspeakable Acts, Ordinary People" New York Knopf, p 112
  - 14 Буш сделал это замечание 7 ноября 2005 г после появления сообщений, что заключенных держали в секретных «тюрьмах устрашения», и когда жестокости, происходившее в тюрьме Абу-Грейб, были выявлены и доказаны Инхоф сделал свои комментарии 11 мая 2004 г во время слушаний Сенатской комиссии по делам вооруженных сил, посвященных издевательствам над иракскими заключенными в тюрьме Абу-Грейб. В феврале 2004 г Международная комиссия Красного Креста выпустила свой отчет "Report of the International Committee of the Red Cross (ICRC) on the Treatment by the Coalition Forces of Prisoners of War and Other Protected Persons by the Geneva Conventions in Iraq during Arrest, Internment and Interrogation" См пункт 7 «Некоторые офицеры разведки коалиционных сил сообщили Международной комиссии Красного Креста, что по их оценкам от 70 до 90 % заключенных в Ираке были арестованы ошибочно»

- 15 Чарльз Краутхаммер обосновывал необходимость ограниченного использования пыток в статье “The Truth about Torture It's time to be honest about doing terrible things”, в The Weekly Standard, December 5, 2005
- 16 Замечание Кондолизы Райс на Военно-воздушной базе Эндрюс 5 декабря 2005 г. перед отлетом с государственным визитом в Европу
- 17 Письмо Уильяма Шульца в газету The New York Times William Schulz, “An Israeli Interrogator, and a Tale of Torture”, letter to The New York Times, December 27, 2004 Годом раньше Times сообщила о случае с Ибн-аль-Шейхом аль-Либи – в прошлом лидера Аль-Каида, который был захвачен американскими военными в Пакистане и перевезен «для беседы» в Египет Египтяне отослали его назад американским властям, когда он, наконец, признался, что члены Аль-Каиды обучались обращению с химическим оружием в Ираке – это было то, что американцы хотели услышать Позже аль-Либи заявил, что он выдумал эту историю, чтобы успокоить египтян, пыгавших его (с одобрения американцев) В редакционной статье Times уже после этой истории (10 декабря 2005 г) отмечалось, что «пытки – это ужасный путь делать то, чем администрация старается их оправдать – получать верную информацию Столетия опыта показывают, что люди скажут палачам то, что те хотят услышать, как признались в колдовстве «ведьмы» в Салеме, признавались «контрреволюционеры» в Советской России или признались сочинители истории о связи Ирака и Аль-Каиды
- 18 Анонимный сержант, описавший обращение к заключенным в Ираке в отчете Human Rights Watch report, September 2005; перепечатан с комментариями в “Under Control”, Harper's, December 2005, pp 23-24
- 19 Riccardo Orizio (2003), “Talk of the Devil Encounters with Seven Dictators” New York Walker & Company
- 20 Louis Menand, “The Devil's Disciples Can You Force People to Love Freedom?”, New Yorker, July 28, 2003
- 21 Timothy Garton Ash, “Europe's Bloody Hands”, the Los Angeles Times, July 27, 2006
- 22 Christensen and Jacobson, “Reconcilable Differences”, p. 291; примеч 1.

- 23 Содержательный анализ социальных и личных издержек в случае некритического и преждевременного прощения, когда обидчики не чувствуют ответственности за причиненный вред, вы найдете в книге Sharon Lamb (1996), "The Trouble with Blame Victims, Perpetrators, and Responsibility" Cambridge, MA Harvard University Press
- 24 Solomon Schimmel (2002), "Wounds Not Healed by Time The Power of Repentance and Forgiveness" Oxford, England Oxford University Press, p 226. Психолог Эрвин Штауб, сам переживший холокост, изучал много лет происхождение и динамику геноцида и в последнее время занимался примирением Тутси и Хуту в Руанде. См. Ervin Staub and Laurie A Pearlman (2006), "Advancing Healing and Reconciliation in Rwanda and Other Post-conflict Settings", in L. Barbanel and R. Sternberg (eds ), Psychological Interventions in Times of Crisis, New York Springer-Verlag; and Daniel Goleman (2006), Social Intelligence, New York Bantam Books.
- 25 Бройлс рассказал свою историю в документальном фильме, вышедшем в 1987 г на телеканале PBS «Лица врага» ("Faces of the Enemy"), основанного на одноименной книге Сэма Кина (Sam Keen) Фильм все еще можно заказать у PBS

## Глава 8

### Освобождение и откровенное признание

- 1 Все цитаты взяты из стенограммы шоу Опры 26 января 2006 г
- 2 "Wayne Hale's Insider's Guide to NASA", by Nell Boyce NPR Morning Edition, June 30, 2006 Полный текст электронного письма Хейла коллегам можно найти в Интернете
- 3 Защита Рейгана начиналась хорошо «Во-первых, позвольте мне принять на себя полную ответственность за мои собственные действия и действия моей администрации, – но потом он добавил несколько раз «это они сделали это», – как бы я ни был зол на них за действия, о которых я не знал, я все равно несу ответственность за эти действия Как бы я ни был разочарован в некоторых из тех, кто служил мне, все равно я – тот, кто должен отвечать перед американским народом за их поведение И какое бы

я лично ни испытывал отвращение к секретным банковским счетам и утаенным фондам – что же, как говорят на военном флоте, это случилось во время моей вахты» И вот как он принял «полную ответственность» за нарушения закона «Несколько месяцев назад я сказал американскому народу, что не буду обменивать оружие на заложников. Мое сердце и мои лучшие намерения все еще говорят мне, что это правда, но факты и доказательства говорят мне, что это не так»

- 4 Daniel Yankelovich and Isabella Furth (2005, September 16), "The Role of Colleges in an Era of Mistrust", *The Chronicle of Higher Education*, pp B8-B11 Цитата на с B11
- 5 Помещено на вебсайте общественного движения под названием *The Sorry Works!* – сообщества врачей, медицинских руководителей, страховщиков, пациентов и других людей, озабоченных кризисом профессиональных ошибок в медицине. В медицинской школе Маунт Синай в Нью-Йорке и на ряде других медицинских факультетов их студенты учатся, как признавать ошибки и извиняться за них, а также как отличать неудачные исходы, в которых нет их вины от их ошибок. См. Katherine Mangan, "Acting Sick", *The Chronicle of Higher Education*, September 15, 2006
- 6 Richard A. Friedman, "Learning Words They Rarely Teach in Medical School 'I'm Sorry'", *The New York Times*, Science section, July 26, 2005
- 7 "Harmful Error: Investigating America's Local Prosecutors", published by the Center for Public Integrity, Summer 2003 <http://www.publicintegrity.org>
- 8 Столкнувшись с целой войной доказанных ошибочных обвинений, Великобритания провела ряд реформ. Например, правительство создало комиссию по надзору за расследованием уголовных дел, независимый орган по расследованию обвинений в должностных преступлениях и сокрытию и фальсификации доказательств. В 1984 г. в ответ на несколько получивших большую известность ложных обвинений, которые, как было доказано, основывались на вынужденных признаниях, Англия и Уэльс приняли «Акт о полиции и доказательствах по уголовным делам», сделавший незаконной ложь полицейских следователей с целью получения признаний, и требовал, чтобы велась видеозапись всех допросов. Как сообщает Ричард Лию, хотя сегодня допросы в Великобри-

- тании – это скорее беседы, и они строятся так, чтобы получать информацию, а не признания, доля признаний снизилась после принятия упомянутого выше Акта См Richard Leo (2007), “Police Interrogation and American Justice” Cambridge, MA Harvard University Press
- 9 Warren G Bennis and Burt Nanus (1995), “Leaders Strategies for Taking Charge” (rev. ed ) New York HarperCollins, p 70
  - 10 Цитата из высказывания Шимона Переса Shimon Peres in Dennis Prager’s “Ultimate Issues”, Summer 1985, p 11.
  - 11 Сообщение появилось на сервере the listserv Teaching in the Psychological Sciences, May 1, 2003
  12. Цитируется в Charles Baxter (1997), “Dysfunctional Narratives or ‘Mistakes Were Made’”, in *Burning Down the House Essays on Fiction* Saint Paul, MN Graywolf Press, p 5. Есть некоторые споры по поводу второго предложения в цитате из высказывания генерала Ли, но нет сомнений в том, что он принял на себя ответственность за свои катастрофические действия
  - 13 Anthony Pratkanis and Doug Shadel (2005), “Weapons of Fraud A Source Book for Fraud Fighters”. Эту книгу можно получить от AARP; для дополнительной информации посетите сайт [www.aarp.org/wa](http://www.aarp.org/wa)
  - 14 Стилер вспоминает эту историю в некрологе по случаю кончины Гарольда Стивенсона, the Los Angeles Times, July 22, 2005. Чтобы познакомиться с их исследованиями, см Harold W Stevenson and James W Stigler (1992), “The Learning Gap”, New York Summit, and Harold W Stevenson, Chuansheng Chen, and Shin-ying Lee (1993, January 1), “Mathematics Achievement of Chinese, Japanese, and American Schoolchildren Ten Years Later”, *Science*, 259, pp 53-58
  - 15 Carol S Dweck (1992), “The Study of Goals in Psychology”, *Psychological Science*, 3, pp. 165-167; Carol S Dweck and Lisa Sorich (1999), “Mastery-Oriented Thinking”, in C R Snyder (ed.), “Coping The Psychology of What Works” New York Oxford University Press; Claudia M Mueller and Carol S Dweck (1998), “Praise for Intelligence Can Undermine Children’s Motivation and Performance”, *Journal of Personality and Social Psychology*, 75, pp 33-52. Двек также написала книгу для широкой аудитории Carol S Dweck (2006), “Mindset The New Psychology of Success” New York: Random House

- 16 Буш сказал, что это произошло во время вторых дебатов кандидатов в президенты с Джоном Керри 8 октября 2004 г
- 17 Рукопись этого документа Эйзенхауэра можно прочитать в Интернете [http //www.archives.gov/education/lessons/d-day-message/](http://www.archives.gov/education/lessons/d-day-message/) См также Michael Korda (2007), Ike An American Hero New York HarperCollins В шоу Чарли Роуза (Charlie Rose) 16 ноября 2007 г Корда сказал об Эйзенхауэре «Когда дела шли хорошо, он хвалил своих подчиненных и заботился о том, чтобы они узнали об этих похвалах; а когда дела шли плохо, он принимал вину на себя Немногие президенты и очень немногие генералы делали это»

## Предметный указатель

- А**  
Абельсон, Боб – 256  
Абрамофф, Джек – 59  
Абу-Грейб (тюрьма в Ираке) – 235, 312  
Автобиографическая память – 98  
Авторитет, подчинение авторитету в экспериментах Милгрэма – 47, 233  
Агрессия – 25, 37, 38-39, 149, 171-172, 224, 238, 261,  
Акики, Дейл – 121  
Аль-Каида – 11, 313  
Американская медицинская ассоциация – 66, 294  
– Комиссия по восстановлению правды и примирению – 244  
Амин, Иди (угандийский диктатор) – 234, 238  
Амитаг («сыворотка правды») – 112, 134,  
Анализ ДНК – 156-157, 159, 177-179, 184-185, 307  
Анализатор стресса по тембру голоса – 164  
Антидепрессант – 68  
Африканский Национальный Конгресс (ANC) – 243  
Афроамериканцы – См. Темнокожие  
Аутизм – 65-66, 282-283, 293
- Б**  
Бакли, Джозеф П. – 169, 171  
Бакстер, Чарльз – 274  
Басс, Эллен – 112, 145, 301  
Баумейстер, Рой – 226  
Бейсбол – 70-71, 73-74, 89, 94, 270  
Бейтс, Эдвард – 81  
Бек, Марта – 121  
Бен Ладен, Осамы – 57  
Беннис, Уоррен – 260  
Бергман, Ингрид (в фильме «Касабланка») – 32  
Берент, Стэнли – 55, 65, 279-280  
Беристайн, Элитцур – 105  
Бершайд, Эллен – 233  
Бессонница – 125, 180, 231  
Библия – 23, 29, 169  
Бико, Стивен – 244  
Биоэтики – 68-69  
Бихевиоризм – 25-26, 303  
Бласс, Томас – 279  
Богарт, Хамфри, в фильме «Касабланка» – 32  
Бокассу, Жан-Бедель – 238  
Борчард, Эдвин – 157  
Брак  
– бытовой работы, исследование – 15  
– ее версия/его версия объяснений – 192-193

- имплицитные теории – 199-201
- когнитивный диссонанс – 203
- пересмотр событий прошлого – 205
- покупка дома – 189-190
- попытки пристыдить и обвинения – 191
- развод и раздельное проживание супругов – 206-209
- разрешение конфликта – 210, 214
- самооправдания – 197-198
- соотношение восприятия негативного и позитивного поведения – 204
- Брак, Мэгги – 138, 300
- Брем, Джек – 276
- Бриэр, Джон – 147, 300
- Бройлс, Уильям – 245, 314
- Брокау, Том – 87, 101
- Бруэр, Мэрилин – 72
- Брюс, Ленни – 29
- Буса, Пол – 292-293
- Буш, Джордж
  - крестовый поход против терроризма – 12, 235, 239
  - Ирак – 235
- В**
- Вайс, Хэри – 302, 306
- Вакцина от полиомиелита – 61
- Вакцинация детей
  - аутизм – 283
  - ртуть – 282
- Ван Дер Колк, Бессел – 128, 130, 294
- Вейнс, Томас – 184, 251-252
- Великобритания, правовые реформы – 315
- Версальский мирный договор – 238
- Верховный суд – 55, 62
- Вестен, Дрю – 30-31
- Взрыв космического челнока Columbia – 251
- Видал, Гор – 87-88, 285
- Видеозаписи интервью – 169, 173, 175, 178, 183, 259
- Вилкомирски, Биньямин – 100, 102-105, 288, 295
- Виокс (лекарство) – 65
- Возвращенные воспоминания, терапия – См также Ложные воспоминания
  - гипноз – 92, 120, 122, 128-130, 134, 292, 294, 296, 299-300
- Война во Вьетнаме – 10, 16, 233-235, 245
- Воображения, инфляция – 104-105, 288
- Врачи
  - конфликты интересов – 62, 65
  - психотерапевты – 34, 93, 104, 112-113, 119, 121-123, 125-128, 130, 132-134, 136-139, 141, 144-149, 251-252, 262, 291
  - система здравоохранения, проблемы – 50, 254
- Вторая мировая война, концентрационные лагеря для американцев японского происхождения – 32
- Выбор – См Пирамида выбора
- Вымещение злости – 37-38, 212, 214, 251



Высшая бейсбольная лига – 70  
Вытесненные воспоминания  
– сексуальных домогательств  
в детстве – 111, 133-136, 143-  
146  
– совершенных преступлений –  
149, 175  
– расщепления личности, рас-  
стройство – 147

## Г

Гарвен, Сена – 141  
Гарсиа, Уго – 235  
Гершман, Беннет – 180  
Гибсон, Мел – 77  
Гилберт, Дэн – 32  
Гингрич, Ньют – 13  
Гиннес, Алек – 176  
Гитлер, Адольф – 80, 238  
Гласс, Дэвид – 232  
Гнев – 13, 37-38, 63, 123, 125,  
127, 148, 162, 169-170, 203,  
208, 212-213, 219, 222,  
228-229, 242-244, 258, 262  
Голдвассер, Эхуд – 240  
Голдстейн Томас Ли – 155-156  
Гражданская война в США –  
79, 81, 230, 265  
Горник, Вивиан – 214  
Готтман, Джон – 202, 204, 206  
Грейнер, Чарльз А – 230-231  
Гринберг, Хэнк – 94  
Гросс, Сэмюэль Р – 157-158  
Гросьен, Бруно – 100, 102  
Гудвин, Дорис Киарнс – 80-81  
Гэрри, Марианна – 105

## Д

Данн, Патрик – 17, 165

Двек, Кэрол – 268-269, 316  
Дебаты с Джоном Керри –  
317  
Девитт, Джон – 32  
Дедж, Уилтон – 177  
Дейвис, Дебра – 184  
Дейвис, Джефферсон – 230  
Дейвис, Кит – 232  
Дейвис, Лора – 112, 144, 301  
Де Клерк, Фредерик – 243  
Делей, Том – 59  
Дело женщины-джоггера из  
Центрального парка – 156-157,  
175  
Демократы – 30, 47, 57, 72,  
274  
Депрессия – 68, 101, 108, 112,  
119, 125, 133, 203, 289  
Деренцо, Эван – 69  
Де Ривера, Джозеф – 291  
Джейн, Брайан С – 169  
Джекобсон, Нил – 242-243  
Джонс, Эдвард – 89, 232  
Джонсон, Линдон – 16  
Диккенс, Чарльз – 229  
Дин, Джон, Уотергейтский  
скандал – 15  
Дискриминация – 74  
Диссонанса теория – См Ког-  
нитивный диссонанс  
Добродетельность  
– доброго дельфина, про-  
блема – 131-132, 136  
– добродетельный цикл – 39  
Дональдсон, Томас – 69  
Достоевский, Федор Михайло-  
вич – 39  
Драйзин, Стивен – 175, 303  
Дрейфус, Альфред – 241

Друлинер, Дэвид – 162-163, 303

Дювалье, Жан-Клод «Бэби Док» – 238

## Е

Евреи – См также Холокост; Израиль, конфликт с палестинцами – 56, 75-76, 78, 94, 100, 103, 222, 238-239, 241, 285,

## Ж

Женевская конвенция – 234-235

Жульничество – 43-44, 223, 278

## З

Зависть к penisу – 133, 146

Защитные механизмы – 132, 261,

Земмельвейс, Игнац – 17, 123-124

## И

Иган, Эдвард – 10

Израиль, конфликт с палестинцами – 57, 240-241

Инбау, Фред И – 169, 305,

Ингланд, Линди Р – 230-231

Интервью

– наводящие вопросы – 141-142, 175

– видеозапись – 169, 173, 175, 178, 183, 259

Инфляция объяснений – 289

Инхоф, Джеймс – 235, 312

Инцест – 111, 143-145, 148

Ирак

– Абу-Грейб – 235, 312

– Джордж Буш – 235

– Залив Гуантанамо – 235

– издевательства над заключенными – 312

Иран

– Иран-Контрас, скандал – 254, 274

– кризис с заложниками в Иране (1979) – 229

Исламский радикализм – 12

## Й

Йетс, Уильям Батлер – 189, 309

Институт Американского предпринимательства – 12

Йост, Джон – 280

## К

Калока, Вик – 162,

Кампанис, Эл – 69, 70-71, 75, 78,

Камю, Альбер – 25

Кан, Майкл – 38, 277

Каннингем, Рэнди, «Дюк» – 61

Кардон, Боб – 255-256

Карлайл, Томас – 59

Карр, Мэри – 113

Картер, Джимми – 87

Кассин, Сол – 171-173, 305

Кастор, Брюс Л -младший – 178

Кастро, Фидель – 253

Катарсис – 37-38, 277

Католическая церковь

– крестовые походы – 123, 222, 239-240,

– скандалы

– обвинения детских садов – 18, 292-293

- Кейро, Роберт – 16  
 Келлер, Шерон – 179  
 Келли, Сьюзен – 140, 143  
 Кеннеди, Джон Ф  
 – президентские дебаты с Никсоном – 29-30  
 Керри, Джон – 317  
 Килстром, Джон – 130  
 Кинг, Ларри – 249-250  
 Кирш, Джек – 164  
 Киссинджер, Генри – 12  
 Китай  
 – китайские эмигранты в США – 79  
 – отставание детей из США по математике – 267-268  
 Кич, Мариан – 23-24, 33, 41-42  
 Клейтор, Ральф – 161-162  
 Клинические испытания – 64  
 Клинтон, Билл – 14, 50, 274  
 Клинтон, Хиллари – 50  
 Клонирование – 61, 124  
 Клэнси, Сьюзен – 107-110,  
 Когнитивный диссонанс  
 – в браке – 203  
 – необратимость – 33  
 – отрицание проблем в правоохранительной системе – 157-159  
 – отрицание проблем в профессии психиатра – 120, 123  
 – ошибка подтверждения – 31, 140, 165, 199, 302  
 – память – 90-100  
 – переработка мозгом информации – 91  
 – подчинение авторитету – 235, 312  
 – популярное использование термина – 24-25  
 – при принятии решений – 270  
 – признание ошибок – 260, 264-273  
 – предсказания Судного дня – 23  
 – эксперименты по инициации – 27, 35  
 – я-концепция – 41-42, 89, 96-98, 110, 182, 232, 287  
 Конвей, Майкл – 99  
 Конноли, Патрик – 156  
 Конрой, Джон – 234  
 Контрольные группы – 38, 104, 136, 145  
 Конфликты интересов в политике – 60-62  
 наука против коммерции – 61-62  
 подарки – 68  
 Концентрационные лагеря  
 – Биркенау – 100, 288  
 – Кемп Эрика – 135, 295-296  
 – Майданек – 100  
 Коппел, Тед – 70-71, 222  
 Коррупция в полиции – 167, 184, 259  
 Косински, Ежи – 288  
 Кохлер, Рика – 89  
 Кочва, Омри – 235  
 Крайнер, Рой – 178  
 Крац, Томас – 288  
 Краутхаммер, Чарльз – 236, 312  
 Кримски, Шелдон – 62, 281  
 Крокер, Чарльз – 79  
 Кроу, Майкл – 161-162, 164, 175

- Кроу, Стефани – 161, 163  
 Крутман, Пол – 12  
 Козн, Джеффри – 57  
 Козн, Ричард – 250-251  
 Кристенсен, Эндрю – 192, 242-243  
 Крэндалл, Крис – 77-78  
 Куба  
 – залив Гуантанамо – 235  
 – залив Свиней, фиаско – 253  
 – кубинский ракетный кризис – 253  
 Куклы, воспроизводящие анатомические подробности – 138-140  
 Культы  
 – подарки Хари Кришна – 67  
 – сатанистские – 31, 120-121, 292, 296  
 Кэмпбелл, Лоран – 155  
 Кэссиди, Джуд – 96
- Л**  
 Леви, Примо – 100  
 Лейсер, Ральф М – 164-165, 174, 183  
 Ли, Биби – 165  
 Ли, Роберт – 265  
 Лидди, Д Гордон – 46-47, 278-279  
 Линкольн, Абрахам – 80-81  
 Лио, Ричард – 315  
 Лип, Люциан – 254  
 Литвин, Майк – 70  
 Лицемерие – 13-14, 71, 166  
 Ложные воспоминания – См также Возвращенные воспоминания, терапия  
 – о невнимании родителей – 300  
 – о похищении инопланетянами – 101, 106-112, 130, 288  
 – о сексуальных домогательствах в детстве – 18, 111-113, 119-121, 137-144, 146, 148, 170, 292, 296-297, 300-301  
 – о холокосте – 135  
 Ложной уверенности, феномен – 173  
 Лоббисты – 59-60, 66  
 Лотронекс (лекарство) – 62  
 Лофгус, Элизабет – 104  
 Лундберг, Фердинанд – 17  
 Луп, Джеффри Л – 181  
 Лурманн, Тания – 125
- М**  
 Магрудер, Джеб Стюарт – 45-47, 49, 81,  
 Мазони, Джулиана – 104, 290  
 Майклс, Келли – 121, 139-140, 292, 298  
 Маккарти, Мэри – 92-93  
 Маккдугал, Майкл – 170  
 Макклург, Эндрю – 158, 174, 294  
 Маккриди, К Джеймс – 290  
 Макдона, Крис – 153-154, 156  
 Макнелли, Ричард Дж – 102, 106, 128-129, 141  
 Мандела, Нельсон – 232  
 Марино, Гордон – 16  
 Маркович, Мира – 226  
 Маркис, Джошуа – 159, 168-169  
 Марш, Элизабет – 95

- Матта, Моника – 104-105  
 Медиация разводов – 208-210, 242  
 Медицинские психологи – 38, 107, 120, 125, 138, 146-148, 205  
 Международная амнистия, организация – 236  
 Международная комиссия Красного Креста – 235, 312  
 Мейес, Ларри – 184  
 Менанд Луи – 238  
 Метафоры памяти – 91  
 Мехлер, Стефан – 102-103, 288  
 Мил, Пол – 128, 298  
 Милгрэм, Стэнли, эксперименты по подчинению авторитету – 47, 49, 233, 279  
 Миллс, Джадсон – 27, 278  
 Милошевич, Слободан – 238  
 Митчелл, Джон – 46-47  
 Митчелл, Маргарет – 230  
 Мозг – См также «Слепые зоны»  
 – инфляция воображения (Лофтус) – 104-105, 288  
 – магнитно-резонансная томография (МРТ) – 30, 104  
 – ошибка подтверждения – 31, 140, 165, 199, 302  
 – роль в сексуальном возбуждении – 136  
 – химикаты и ущерб – 55  
 Молсон, Лорд – 29  
 Моргентау, Роберт М – 157, 175, 259  
 Моссадик, Мохаммед – 224  
 Мошенники – 13, 42, 46, 163, 260, 265  
 Мошенничество (приемы) – 42, 265-267  
 Музей толерантности (Лос-Анджелес) – 56, 71  
 Мур-Кинг, Брюс – 235  
 Мусульмане  
 – исламский радикализм – 12  
 – крестовые походы – 239  
 – палестино-израильский конфликт – 57, 240-241  
 Мэк, Джон – 110
- Н**  
 Наводящие вопросы – 141-142, 175  
 Наивный реализм – 56  
 Нарратив  
 – в браке – 199  
 – понятие – 95  
 – разрыв между обидчиком – 226-227  
 – эксперименты Милгрэма на послушание – 47, 49, 233, 279  
 Национальный институт детского здоровья и развития (NICHD) – 143, 299  
 Национальное общественное радио (National Public Radio) – 149  
 Национальная премия за еврейские книги – 100  
 Национальный совет некоммерческих ассоциаций – 255  
 Национальное управление по аэронавтике и исследованию космического пространства (НАСА) – 251-252  
 Невербальные сигналы – 170, 172  
 Невербальные техники – 104

- Неврология
- око-за-око эксперимент – 225
  - переработка информации мозгом – 30
- Независимые комиссии – 61, 183, 235, 259-260, 315
- Нейнус, Берт – 260
- Нейтан, Дебби – 300
- Никсон, Ричард
- президентские дебаты с Кеннеди – 29-30
- Ницше, Фридрих – 90
- Нобелевская премия мира – 12, 244
- Нойфелд, Питер Дж – 157, 178-179
- Нострадамус – 23
- Ночные кошмары
- в терапии «возвращенных воспоминаний» – 122
  - ложные воспоминания – 103-104
  - сексуальные домогательства в детстве – 122, 137, 297
- Нью-Йорк
- Моллена, комиссия – 167, 304,
- О**
- Обвинения
- в браке – 191, 197, 200-202
  - в должностных преступлениях или преступной халатности – 157-158, 181-182, 259
  - жертвы – 38, 147, 233, 266
  - ложные – 142, 315
  - против детских садов – 292
  - родителей – 94
  - трудности обвинений – 183, 263
- О’Брайен, Ларри – 47
- Оз, Амос – 231
- Олберс, Джеймс – 55, 280
- Оллпорт, Гордон – 75
- О’Мэлли, Джек – 160
- Опросы агентства Knowledge Networks – 30, 276
- Оризио, Рикардо – 238
- Огрицание вины – 170, 172, 244
- Оффер, Дэниел – 96-97
- Офши, Ричард – 158
- П**
- Пайнс, Айяла – 204-205
- Палестинцы, конфликт с Израилем – 57, 240-241
- Память – См. также Ложные воспоминания
- искажения – 15, 97, 99, 111
  - конфабуляции – 91
  - метафоры – 91
  - ошибки – 90, 99, 127
  - пересмотр событий семейной жизни – 206
  - самооправдания – 99
  - я-концепция – 98
- Паника – 103-104, 119-120, 125, 133, 139, 146, 291
- Патенты – 61-62
- Первая мировая война – 238
- Пейдж, Брэдли – 165, 174, 183
- Перес, Шимон – 261, 267, 316
- Петерсен, Бетси – 94
- Пирамида выбора – 43-49
- Плацебо эффект – 136

- Пого – 234  
 «Поднятые с пола доказательства» – 303  
 Показания  
 – дегей – 140-141, 300  
 – свидетельские показания – 130, 146, 148, 155, 167, 177, 180-181, 294  
 – очевидцев – 165  
 Показатели кровяного давления – 37-38, 110  
 Подарки  
 – врачам – 69  
 – корпоративные – 66-67  
 – «слепые зоны» – 276  
 – супругам – 201, 204-205  
 Подсознательные процессы – 132  
 Посттравматическое стрессовое расстройство – 110  
 Пратканис, Энтони – 266-267  
 Предвзятость  
 – детектива – 165  
 – властей – 259  
 Предубежденность – 56, 59, 71, 74-81, 257, 284  
 Презрение, в браке – 202-203  
 Привилегия, как «слепая зона» – 58  
 Профессиональные информаторы – 59  
 Псевдонаука – 169, 180-181  
 Психоанализ – 37, 125, 132-133  
  
**Р**  
 Работа  
 – карьеры для женщин – 17, 45, 210  
 – этноцентризм – 74, 79  
 Рабство – 81, 222, 230  
 Развод и раздельное проживание супругов – 206-209  
 Райс, Кондолиза – 236, 313  
 Райсингер, Д. Майкл – 181  
 Рамона, Холли – 112-113, 119, 133  
 Расстройства пищевого поведения – 101, 112, 119, 125, 133, 144-145, 300  
 Регев, Элдад – 240  
 Резулин (лекарство) – 62  
 Рейган, Рональд  
 – визит на кладбище в Битбурге, Германия – 262  
 Рейда, метод (ведение допроса) – 169-174, 183-184  
 Рейес, Матиас – 156-157, 302  
 Республиканцы – 30, 47, 57  
 Риди, Джордж – 16  
 Робинсон, Джеки – 70-71  
 Розенцвейг, Сол – 132  
 Росс, Колин – 147  
 Росс, Ли – 56-57  
 Росс, Линда – 149, 251-252  
 Росс, Майкл – 99, 287  
 Роуз, Чарли – 317  
 Роуз, Чип – 208  
  
**С**  
 Саладин – 240  
 Санте, Люк – 231  
 Сапоснек, Дональд – 208-209  
 Сафайр, Уильям – 50  
 Сент-Эндрюс, поле для игры в гольф (в Шотландии) – 59-60, 62, 81  
 Сексизм – 214

Сенесе, Луи – 170  
Скалия, Антонин – 55  
«Слепые зоны» – 56, 59-61, 66,  
71, 74, 80, 181-182, 258-260,  
279-280,  
Симрин, Стэн – 165  
Сирика, Джон – 49  
Сиси, Стивен – 300  
Сионизм – 241  
Смертная казнь – 31, 156-158,  
184  
Снедекер, Майкл – 300  
Сны – 110, 288  
Сократ – 133  
Солк, Джонас – 281  
Составление профитей (подо-  
зреваемых) – 182  
Социальные работники – 123,  
128, 136, 141, 143, 170  
Сочувствие – 39, 127, 137, 191  
Спенсер, Роберт – 239  
Стемпер, Норм – 167  
Стереотипы  
– относительно гомосексуали-  
стов – 77-78  
– относительно евреев – 56,  
75-76, 78  
– относительно темнокожих –  
70-71, 74-75, 78  
Стивенсон, Гарольд – 267, 316  
Стиглер, Джеймс – 267-268,  
316  
Столбняк – 16-17, 35  
Страх – 23, 104, 131-132, 137,  
197, 212, 268, 282, 288  
Стюарт, Джон – 25  
Суженное (туннельное) зре-  
ние – 160, 260  
Сьюард, Уильям Х – 80

Сэмюелс, Дороти – 59-60

## Т

Тайфел, Генри – 73  
Тангни, Джун – 202  
Тачман, Барбара – 241  
Тверски, Барбара – 95  
Темнокожие  
– гражданская война – 230  
– десегрегация – 89  
– конец апартеида в Южной  
Африке – 243-244  
– предубежденность – 70-71,  
74-75, 78  
– удаление зубов в Судане – 16,  
35  
Тербер, Джеймс – 90  
Тернер, Честер – 307  
Терроризм – 12, 235-237, 239  
Тесты на почтаграфе (детекторе  
лжи) – 38, 155, 174  
Тетлок, Филипп – 42  
Тифер, Леонора – 210-211  
Тоталитарное «я» (Гринвальд) –  
88  
Травма – 110, 120, 122, 130,  
288, 294, 301  
Трампа, Дональд – 156  
Требек, Алекс – 25  
Тредвей, Джошуа – 162  
Третий рейх – 80  
Туту, Десмонд – 244  
Тьют, Ричард – 161-164, 259

## У

Уилл, Джордж – 12  
Уинфри, Опра – 249, 251, 261  
Уклонение от уплаты налогов –  
61



Уорден, Роб – 160  
Уотергейт, скандал – 15, 45-47, 81  
Уотсон, Том – 260  
Урбан II, Папа – 240  
Услуги – 34, 39-40, 68, 123, 210  
Уэйкфилд, Эндрю – 65  
Уэстморленд, Уильям – 233, 312

## Ф

Фальсификация доказательств полицейскими – 166-167, 315  
Фармацевтическая отрасль – 62, 66-69  
Фарнем, Мариния – 17, 58  
Федеральное бюро расследований (ФБР)  
– отдел анализа поведения – 161, 164, 303  
– составление профиля подозреваемого – 181-182  
Фестингер, Леон – 23-25, 36  
Фингст, Пол – 162  
Фини, Брук – 96  
Финк, Эдвард – 155  
Фонг, Кристина – 173  
Франк, Анна – 100  
Франклин, Бенджамин – 32, 40, 189  
Фрей, Джеймс – 249-251  
Фрейд, Зигмунд – 38, 122, 125, 131-133, 295-296  
Фридман, Ричард А – 255

## Х

Хаксли, Олдос – 13  
Хаузер, Аарон – 162

Хейбер, Ральф – 97-98, 287  
Хейл, Н Уэйн-мл – 251-252, 314  
Хейлбронер, Дэвид – 303  
Хеллер, Джозеф – 141  
Хеллман, Лиллиан – 264  
Херман, Джудит – 144  
Холдеман, Боб – 45-46  
Холмс, Оливер Уэнделл-мл – 76  
Холокост  
– визит Рейгана на кладбище в Битбурге, Германия – 262  
– вытеснение воспоминаний – 135  
– концентрационные лагеря – 135  
– ложные воспоминания – 102-103, 111  
Хомейни, Рухолла, аятолла – 221, 224  
Хорнер, Томас – 138  
Хортон, Ричард – 65  
Хуссейн, Саддам – 11, 30, 234  
Хэммонд, Д Коридон – 148, 295

## Ц

Центр общественной честности – 159  
Центр ошибочных обвинений – 183  
Цикл насилия – 241

## Ч

Чалдини, Роберт – 45, 67  
Чарльтон, Майкл – 180  
Чейз, Салмон П – 81

Чейни, Дик – 50, 55

## Ш

Шек, Барри – 157

Шенли, Пол – 292-293

Шерман, Джеффри – 76

Шермер, Майкл – 106-107,  
109-110

Шиаво, Майкл – 220-221, 223

Шиаво, Терри – 220

Шиммел, Соломон – 244

Шиндлер, Мэри – 220

Шиндлер, Роберт – 220

Шпеер, Альберт – 80,

Шпигель, Аликс – 149

Штауб, Эрвин – 314

Шульц, Уильям – 236, 313

## Э

Эго – 88-89, 124, 208

Эдисон, Томас – 268

Эллиот, Карл – 68-69

Эллиот, Хэл – 68

Эндрюс, Уилл – 12, 101, 107,  
109-110, 288,

Эскалация жестокости – 222,  
225, 233

Эш, Тимоти Гартон – 240-241

Эшелман, Эйми – 77-78,

## Я

Янкелович, Дэниел – 254

Научное издание

**Карол Теврис, Эллиот Аронсон**

**Ошибки, которые были допущены (но не мной)  
Почему мы оправдываем глупые убеждения, плохие решения  
и пагубные действия**

Руководитель проекта М.В. Капитанова  
Перевод с английского А.В. Лисовского  
Дизайнер-верстальщик Г.Е. Лысякова

Ваши отзывы об издании присылайте, пожалуйста,  
по e-mail: maria.kapitanova@infotropic.ru  
Издательский номер 97  
Год издания 2012  
ISBN 978-5-9998-0097-8

Подписано в печать 02.03.2012. Формат 60 × 90/16  
бумага офсетная. Печать офсетная. Тираж 2000 экз.  
Усл. печ. л. 21,0  
Авт. л. 16,0

Гарнитура SabonCyr.  
Использованы лицензионные шрифты фирмы



101000, г. Москва, ул. Мясницкая, д. 42, строк 1ис 3  
Тел. (495) 621 25 27, (495) 621 37 12, Факс (495) 621 76 80  
Заказ книги (495) 621 25 27, 8 903 106 73 38 (моб.); info@infotropic.ru  
www.infotropic.ru

Am Sandwerder 37, D 14109 Berlin, Germany  
Tel. +49 (30) 889 28 88 0; Fax +49 (30) 889 28 88 10

Все права защищены. Любое копирование, воспроизведение, хранение в информационных системах  
или передача в любой форме и любыми средствами – электронными, механическими, посредством  
фотокопирования, записями или иными – любой частью этой книги запрещено без письменного раз-  
решения ООО «Инфотропик Медиа».

Заказ № 1727

Отпечатано в ОАО «Первая Образцовая типография»  
филиал «Ульяновский Дом Печати» 432980 г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

